

Annotation

Когда биением твоего сердца (буквально!) управляет девочка из службы поддержки клиентов — это хреново. Особенно, если это служба поддержки банка Крашелл, которому ты должен больше, чем способен запомнить. Одна просрочка и ты — труп! Что ж, некогда ныть, жди звонка от Сэта и рви колеса к следующей пачке норов, пока наманикюренный пальчик не нажал кнопочку "выкл"!

Глава 1. Плохая примета

Посвящается моей бабуле.

Ты не должна была ничего, но отдала все, что у тебя было.

Каждое утро мне приходит одно и то же сообщение.

Это случается ровно в пять-тридцать по Новой Победе. Минута в минуту. Никаких исключений, отсрочек или профилактических работ. Я помню текст наизусть, ведь он достаточно простой, чтобы запомнила даже собака. Или контуженный головорез, вроде меня. Отрезвляющие строчки, которые не дадут замечтаться. Конечно, иногда можно запутаться в цифрах, тогда без паники. Просто перечитываем милое письмецо из чистилища еще раз.

Главное не забыть подзарядить бипер.

«Бип-пи, бип-пи, бип-пи».

Донеслось со столика.

Пять-тридцать утра.

Я улыбнулся, как улыбается чучело шакала из своего пыльного угла. Жизнь полна сюрпризов. Пока не взгляну на экран, я всегда могу представить, что пришла счастливая халтурка от Сэта. «Скорее выезжай туда-то, туда-то», — сказано будет там. «Дело тянет на амнистию!» — обещано будет там. А дальше — море нулей и лес восклицательных знаков.

«Уважаемый Самара Д. Хин, номер клиента «Л-3945»! На 14.05.99, ваша задолженность по программе «Вернись, живи, работай», составляет 1145780 номиналов. Вы обязаны внести на личный счет банка Крашелл сумму не менее 3...»

Приятель, не залеживайся в кровати.

Бережно, как куриное яйцо, я положил бипер обратно на столик. Не дай бог швырнуть его об стену. Это все равно что сжечь отчий дом и всю оставшуюся жизнь ночевать в коробке. Аквитаники очень принципиальны в политике Технического Превосходства, и держат цены на электронику радостно-грабительскими. Кроме того, мой рассудок давно построил электронный писк в свое ненадежное основание. Если его убрать, накренится весь фундамент и крыша с грохотом съедет в пропасть.

Скажу так. За пять лет в войсках и пять лет в долгах у меня должна была устояться привычка просыпаться самостоятельно — но я знаю точно: ни за что. Никогда. Я не встану без писка в мои любимые пять и три десятка. А если не поднимусь вовремя, не поднимусь никогда. Это как в байке про полярных фей. Всю жизнь они развлекаются на морозе крепостью в шестьдесят градусов, и чувствуют себя прекрасно. Но стоит их на время занести в тепло, а потом выпустить... Как зверюшки мгновенно превращаются в полуфабрикат. И в моем случае речь тоже идет о жизни и смерти.

Можно сколько угодно оскорблять бипер, словно псих, кричащий на смирительную рубашку, но в душе мне известно, что мелкий надзиратель мне просто необходим. И, что гораздо важнее, он ни в чем не виновен. Мною управляют силы куда более могущественные.

Я потянулся, насколько позволяла жилплощадь, и, под звуки радио за стенкой, пропел: — Иначе. Иначе-е-е! Иначе мы отключим сти-му-ля-тор ваш!

Вышло недурно. В стиле раннего Гаруятти. Я помедлил, прислушиваясь к музыке, так легко ломающей стены моей крепости. Моего роскошного жилища, в котором от тесноты могла бы чокнуться и мышь.

— Ди-стан-ци-он-но-о-о! — проревел я на припеве.

Сразу же раздался стук, и даже глухой звон: кто-то жажнул по радиатору. Это значит, что все живы, здоровы, и готовы сорваться с резьбы вместе со мной. В любой, сука, момент. Разве может быть плохим пробуждение в обществе единомышленников? Никогда. «Картонным стенам нас не разделить!» — как поется в гимне Немоса.

Я поднялся, чувствуя легкую боль в колене. Позавчера врезала одна неблагодарная дочь абсолютно безутешного отца. Было неприятно. Каблук. В остальном я оставался абсолютно готов к употреблению, если не считать скопившейся усталости. К сожалению, душ не мог ее смыть. Да что там, даже апельсин и пучок зеленого лука на завтрак, оказались бы бессильны. Тяжело быть должником. Глядеть в яму, дно которой имеет характер мифический. Кидать в нее камушки, пытаясь заполнить до краев, и не слышать того самого, окрывающего звука.

Щелк.

Я включил «общий» свет.

Мне нравилась эта лампа на проводе. В каком-то смысле, у нас развилась рабочая солидарность. Каждый день я сбрасывал кости с кровати и уходил на работу, а товарищ Лампа не позволяла себе перегореть два года подряд. Потускнела немного, как и я. Говорят, существуют лампы, которые поставляют аквитаники. Могут, якобы, светить десятилетиями. И что в этом героического? Что в этом жизнеутверждающего?

А их ценник наверняка гораздо выше, чем у меня самого.

О, Леди.

Раньше я вообще не задумывался о таких вещах. Я просто покупал что-то. Теперь эта способность, забрать нужное, кажется мне волшебной, как тот же штормовой потенциал у волков, или внутреннее устройство моего бипера... Я не просто нищий, у меня отрицательный уровень благосостояния. Ведь принято думать, что последнее, что у тебя могут отнять — жизнь. Так вот: моя мне не принадлежит.

Знаете корпорацию Крашелл? Гениальные ребята там у руля. Нет, серьезно. Их финансовая схема совершенна. Они набирают и тренируют наемников для участия в войнах Развития и колонизаторских конфликтах. Платят отлично, можно скопить солидную кубышку. Но когда тебя подстрелят, они же на правах работодателя, окажут медицинскую помощь.

По высшему разряду.

С таким ценником, что все твои накопления скажут «ох, сука». Больше ты их не увидишь. Надо ли говорить, что в эпоху дронов, высокоточных ракет и волков, тебя не только подстрелят, но и зажарят вместе с танком, как одного такого Самару Де Хина? Это обязательно произойдет. Если у человека хватает глупости три раза продлевать контракт, его сам черт толкнет под пулю, потому что у каждого везения должны быть границы.

Я втиснулся в свой удручающе просторный душ и нащупал единственный вентиль в районе пупка. Лейка астматически кашлянула. Нужно было подождать. Давление в домах-тысячниках, особенно утром и вечером, ниже, чем у старого гипотоника. В такие моменты я просто засыпаю еще минут на пять-десять. Стоя, разумеется. Этому я научился, будучи головорезом, и никогда не думал, что такой навык пригодится мне для ожидания воды в

душевой.

Ах, армейские душевые.

Столько воспоминаний.

Все были богаты и так позитивно настроены. Этот смех от предвкушения увольнительной, звучащий в клубах густого пара. Шум тугих струй, шлепки полотенец, уморительные шутки про задние проходы. Ну вы понимаете, по-хорошему злобная солдатня. Я каждый день проверял состояние своего счета и умилялся растущим цифрам. В конце концов, говорил я себе, чтобы там не писали про Крашелл, заработать тут можно. Главное хорошо стрелять и не подставляться. Кроме того, место водителя в AP-200 второе по безопасности после командирского.

А потом эта сраная зажигалка прилетела нам под башню.

Наводчик сгорел сразу, командир — корчился. У меня горела голова. Ощущение, доложу вам, неприятное... Хорошо хоть я всегда носил шлемофон. Это стало поводом для шуток, но я был суеверным, даже по меркам солдат. Считалось, что машинист без шлемофона — мертвый машинист.

Я не помню, как лез по расплавленному металлу наверх, к бледно-желтому небу Фугии. Да и нужны ли нам, спрашивается, такие воспоминания? Очевидцы из наших говорили, что я вышел из пламени как бог этой вероломной стихии. С той лишь разницей, что боги после выхода из огня, произносят речи, которые потом разбирают на цитаты для нужных книжек. А я просто упал на почерневшую корму и сгорел.

М-да.

В общем, сгорел я не до конца, как можно догадаться. Мой счет показался Крашеллу очень многообещающей кормушкой. Санитарные дроны, словно ангелы смерти, сняли меня с боезапаса. Тот как раз готовился необыкновенно цветасто разнести остатки сухопутного корабля. Как мне потом объяснил Сэт, Крашелл следит за всеми, чьи накопления переваливают за точку интереса в шестьдесят тысяч номиналов. Смешно, но мы, его brave воины, этого не знали. Точнее, даже не задумывались о том, что можем умереть.

Вода все не шла. Решетка неприятно резала ступни. Какая решетка? Ну, вы же не думаете, что в апартаментах размером с тюремную одиночку будет отдельный санузел? Подо мной находился не просто слив, а накрытая до поры чаша генуя. Можно гадить и мыться одновременно, если хотите. Довольно удобно, если не принимать во внимание эстетическую сторону происходящего. И не вспоминать те волшебные моменты, когда где-то ниже засоряется труба.

Сюда бы еще сигаретный диспенсер. Но, к сожалению, он быстро промокнет. Если эта вода вообще хоть когда-нибудь польется. Почему, если все так усиленно мылят ягодицы, каждый второй на улице смердит как мои перспективы...

Конечно же, я заснул под лейкой. Мне привиделись пустоши Фугии. Я знал, что это сон, но не мог открыть глаза в реальности, потому что хотел спать. В то же время, травматические видения стали такими пресными и утомляющими, что я давно перестал кричать. Я шел по настрадавшейся земле, среди скелетов лонгатов, оливов, фугов, гарзонцев, и, конечно, несчастных, ни в чем не повинных машин. В горле ерзало железное мочало. Хотелось наглотаться льда. Зарыться в лед, чтобы даже пятки не торчали...

Потом бледно-желтое небо закрыли свинцовые плиты, и в песок злобно вгрызлась первая капля. Алые комки железа падали вниз.

Я вздрогнул и проснулся: из лейки наконец полилось. Тяжеловато мыться в гробу, но, со

временем, твоя подвижность становится просто феноменальной. Жизнь в тысячнике такова, что даже солдат способен заматереть настолько, что его родное поле боя не узнает.

Вода была терпимо-холодной. В условиях нынешнего лета я бы сказал: теплой. Жара стояла огненная, и вся Новая Победа воняла нагретым бетоном. Единственное, что я мог сказать хорошего про наш тысячник, так это то, что вентиляция исправно нагоняла в конурки прохладный воздух. Утонувшие в поту мертвецы не способны оплачивать аренду.

— Мой номер Л-3945, - сказал я, обтираясь казарменным полотенцем с гербом бывшего работодателя. «Меч пронзающий чашу». Ну да. Скорее уж он разит изображения идолов на моих банкнотах. — Л — значит, летальный. Я должен был умереть, но я живу, благодаря Крашелл. Да будет кабинет директоров его процветать во веки веков. Аминь.

Обсохнув и натянув трусы, я взял бипер и прочитал сообщение еще раз. Три с небольшим. На взнос не хватало всего двух тысяч и шестидесяти трех номиналов. Клянусь Леди... Сэту лучше бы найти нам дело выгоднее сбежавших дочек. И, желательно, в течении недели, не то миленькая операционист кликнет один раз по нужной строчке, и я предстану перед богами даже не успев выбрить задницу.

Как-то раз, будучи в ударе, я ответил на одно из этих сообщений. Самара Де Хин выразил мнение, что отдел по работе с должниками должен внушать клиентам позитив, а не подталкивать к суициду. Не знаю, стал ли я после этого их любимчиком, но теперь после суммы очередного взноса мне полагались пожелание удачного дня и этакая рожица. Скобочка и двоеточие. Я понял, что боги улыбаются мне.

Честно, не понимаю, почему я так цепляюсь за жизнь. Я знал парней из наших, которые едва очухавшись, сразу говорили, что не будут платить. Их стимуляторы отключали, и — «пока-пока, удачи в следующей раз, стрелок». А ведь у них были семьи. Родители. Титястые женушки. Вся эта мотивирующая среда обитания. У меня нет никого. Ну, кроме Сэта и команды, конечно. Эти ребята стали мне как родные, но, если начистоту, их компании недостаточно, чтобы такая жизнь могла обрести смысл.

Может это нездоровый азарт? Или инстинкт выживания? Скорее всего — дело принципа. Да и поздно вато мне сдаваться. Я уже выплатил пятнадцать процентов долга. Обидно, понимаете?

Футболка пахивала. Я посмотрел на выцветшее изображение продуктовой тележки, в которой сидел озорник лет десяти. «Гони!» — велела надпись у ворота. Кажется, это из какого-то комикса.

Спортивные штаны. Колени растянуты. На кроссовках выдержанная трехлетняя пыль, собранная со всего города. Не начали бы рваться. Сэт обязательно скажет, что босой водитель лучше чувствует педали.

Холодильник встретил меня враждебным скрипом. Внутри наслаждался одиночеством бутерброд от Пищеграда. «Кладем лучшее» — на пленке. Интересно, куда они его кладут? Что б я мог хоть раз туда наведаться.

Я опустил столешницу и, пока жевал, опирался на нее локтем. Ну что ж. Во всяком случае между ломтями хлеба оказалось полно майонеза. Он был жгучим от большого количества уксуса и прекрасно маскировал вкус некой «птицы», что была указана в составе. Можно ли заставить крысу чирикнуть, чтобы сохранить терминологию? Цыплята говорят «пи-пи-пи» и крысы говорят «пи-пи-пи». В точку, — говорят директора Пищеграда.

С каким бы удовольствием я сейчас навернул вареной картошки, если б моя электрическая плитка не приказала долго жить. Где взять новую, и, тем более как выкроить

на нее деньги, я пока не знал.

Кружка воды из душа залила бутерброд сверху. Освежающе и вкусно. Оставалось взять железку, кобуру и спрятать это все за пончо. Хо Хо подарила на один из своих языческих праздников. Пончо, я имею ввиду. Давным-давно оливы плели эту национальную одежду из гривы ездовых животных, которых укрощали, пользуясь только собственной силой воли и пронзающим взглядом. В то время Немос, ничейный континент, еще был «чейным». Их, оливским, собственно говоря.

Приснопамятных скакунов Пищеград давно пустил на колбасу и обойный клей, так что пончо пришлось сделать нетрадиционным: из светлоокрашенного хлопка. Я люблю это ощущение пойманного ветерка на спине и груди. Идеальная одежда в жару.

Железка дремала в вентиляции. Не слишком изобретательно, я знаю, но у меня не было повода прятать ее всерьез. Крашелл не отняли у меня лицензию, и даже продлили ее на десять лет. Ублюдки хорошо понимают, что их ручным убийцам нужно как-то выкручиваться. Будут грабить, вымогать, палить по ногам, или по головам, так что с того? Главное, чтобы номиналы текли. Признаюсь честно, несколько раз я приставлял холодную трубку к своему виску. Больше ничего не происходило. Видимо, Самара де Хин совершенно безжалостен к самому себе.

У дверей я снял с гвоздя белую панаму: без нее озверевшее солнышко так напечет лысину, что от кожи можно будет прикуривать. Потом схватил канистру с лямками и надел ее на спину, как рюкзак. Пончо сморщилось, горючка задумчиво плеснулась на стенки.

Я захлопнул дверь. Провернул ключ. Посмотрел налево. Посмотрел направо. Несколько дверей были скромно приоткрыты. Из них аккуратно, бочком, выходили сутулые фигурки. Целыми коммунами по десять-пятнадцать голов. Они негромко кашляли, плотно закрывая рты, и все время смотрели под ноги.

Фуги. Низенькие жутковатые ребята с материка Фугия. В моем секторе таких много. Шторм особенно сильно потрепал их родину, так что беднякам в свое время пришлось переехать под землю. От этого они стали бледными, глазастыми и крайне флегматичными. Их глубокие, нечитаемые взгляды, вызывают странное чувство, как будто на тебя смотрит равнодушное ко всему насекомое. Работают за гроши на самых опасных должностях. От испытателей бытовой химии, до ликвидаторов жирбергеров в канализациях. Жирбергеры их регулярно жрут, а новое средство для мытья полов — до костей разъедает пальцы. Но фугам плевать. Им везде лучше, чем на опустошенной родине.

Это, конечно, ни хрена не удивительно.

Шторм превратил Фугию в огромный бильярдный стол, и столетиями катал по нему вырванные из океана рифы. Я видел эти невероятные каменные шары, успевшие погрузиться в землю на треть. Не могу представить, что за сила может разметать горный хребет, а потом играть с ним как кошка с черешней. Даже мощь Судных ракет не лежит рядом с этим безумием.

В наше «счастливое» время фуги сдают свой бесполезный материк в аренду палочникам. Теперь это закрытая территория для проведения войн Развития. Тех самых, в которых я потерял свою финансовую самостоятельность и стал кредитным калекой. Даже сейчас, во время относительного затишья, когда океаны не лупят землю гигантскими волнами, у Фугии нет никаких шансов на восстановление. Что? — спрашивают несчастные аборигены. — Хотите использовать наш дом как полигон для испытания бах-палок? Будете на наших глазах строить города только для того, чтобы их разрушить? Закидаете все

ядовитыми бомбами, от которых маленькие фуги рождаются похожими на медуз? Конечно, разумеется, не стесняйтесь в своей любознательности. Главное скидывайте нам еду и одежду строго в означенные контрактом промежутки времени.

Надо отдать палочникам должное, не смотря на жадность, ставшую вымпелом всего их народа, договоренности с фугами они соблюдают. Как будто бы хотят доказать аквитаникам, что цивилизованность — это не монополия.

Сказали, что бахнут ракетой такого-то числа, в двенадцать ноль-ноль по общему времени: обязательно бахнут, секунда в секунду. Сказали, что после этого будет две тысячи тонн гуманитарных грузов для фугов, и — ву-а-ла. Небо затмевает воздушный флот, маячащий синими звездами, а бледно-желтое небо сыпется тяжелыми ящиками. Бух. Бух-бух. Обмякшие парашюты накрывают контейнеры. Фуги, привыкшие к постоянным разрывам, грохоту и сотрясениям, после этого негромкого «бух» сразу же выползают из укрытий, и ковыляют за получкой

Я шел по бетонному полу, украшенному рвотными пятнами, свежими помоями и загадочным тряпьем. Когда-нибудь замечали такое в нищих кварталах или заброшенных домах? Тут валяется пара обуви, здесь чья-то сумка или рюкзак. Как будто их владельцы растворяются в воздухе. Понятно, что многих похищают для нужд палочников или собственного увеселения, но зачем срывать с жертвы кроссовки? Возможно, чтобы не испачкала мешок изнутри?

Я принял успокоительное.

Света на лестнице, конечно же, не было. Из всех удобств, доступных нищете, я больше всего ценю электрический свет. Удивительное изобретение. В устройстве железок, например, способны разобраться даже троглодиты, из которых состоит мой народ. А электричество... Электричество — это тайна за семью печатями. Технологическое чудо, конкурент сильнейшего волшебства. Наверное, я могу показаться противоречивым. Дескать, как это так, Самара? Говоришь, что водил какой-то там железный корабль, и тут же удивляешься биперу и обычному искусственному освещению? Все просто. Для необразованного человека, вроде меня, электричество, текущее по проводам, ничем не отличается от молнии, которой волки поджаривают врагов. И то и другое, это буквально стрельба из пальца, в моем понимании. Да, я управлял сложным техническим средством, но понятия не имел, почему металлический дракон подчинился.

Скажу прямо, мои сородичи на Лонге живут в каменных замках, ездят на лошадях и коронуют специально разводимые породы людей. В то же самое время аквитаники, в их непонятном никому мире, силой науки отбирают у богов такие игрушки, что волки, по словам Сэта, становятся анахронизмом и посмешищем. А все потому, что где-то небо было чистым, а где-то не очень. Или очень не очень.

«Так шутит Шторм». Поговорка фугов.

Я недолюбливал лестницу не только за плохую освещенность и риск нарваться на опасных ребят. Гораздо хуже, что в пролете было двенадцать ступеней. Самое несчастливое число в жизни Самары де Хина. Все мои крупнейшие косяки так или иначе были связаны с этой парочкой стоящих по порядку цифр. Например, именно в двенадцать лет, я решил, что стану наемником. Но перед тем, как свалить дурака, подросток и ограбил одиннадцать стариков, попавшись на последнем. Дедуля гарзонец это все еще гарзонец. Так он меня отделал, что я даже не сразу попал в рабочий лагерь. Месяц меня держали в каталажке, время от времени обливая водой, что б не присох к полу как использованный презерватив.

Кстати, военный корпус Крашелл, в который я записался, то же использовал эти мерзкие циферки.

Двенадцатая по счету девушка, к телу которой я получил полный доступ, поделилась со мной тем, что принято называть «значком испытателя». Очень глупого испытателя. Да, в бытность мою сопляком я занимался такими подсчетами. Ну, знаете, положительно влияет на самооценку. Теперь-то мне хватает пьяной в стельку Хо Хо раз или два в неделю.

Кстати об алкасах.

Я понял, что уже слишком долго смотрю на лестницу. А какой-то забулдыга из наших, смотрит на меня из своего волшебного озера. Где уселся, там и разлил все, что осталось в нем от дешевого пива. В сумраке темную лужу можно было принять за кровь, но только если проигнорировать бутылки, лежащие «на берегу».

— Честь и отвага, — гаркнул лонгат, подняв руку, в которой сжимал воображаемый меч.

К сожалению, он не поднялся, чтобы соблюсти ритуал приветствия до конца. Я понимал почему. Лестничная площадка была удобным местом для того, чтобы усталый воин мог присесть и восстановить силы.

— Во славу Девяти, — кивнул я.

Просто поразительно как быстро лонгаты расплодились на Немосе. А ведь наши предки приплыли самыми последними. Зрелище это было достойно печального названия, которым была надписана видеокассета. «Идиоты в юбках». Крупным планом заснят берег, на котором выстроился полк ГО Немоса. Или же, в простонародье, «каска». Копы хохочут, бьют себя по ляжкам. Кто-то, присев на песок, обескураженно смотрит в даль. Офицеры в своих гнездах не могут оторваться от биноклей. Пулеметы сонно уставились в небо. А там, вдали, покидают горизонт блеклого моря алые, черные и синие паруса. Они приближаются. Корабли, мать его. Деревянные, как табуретка, корабли.

Потом они спустили шлюпки, и на берег Немоса ступила нога первого идиота в юбке. Сказать, что у лонгатов тогда случился культурный шок, не сказать ничего. Целые фамилии уплывали обратно. Теперь, на родине, они воинствующие луддиты, которые признают только железки. И только в собственных руках. Впрочем, все эти традиционалисты со временем вернулись и понастроили замков на побережье. Для того, разумеется, чтобы не дать скверне демонических наук змеей проплыть до жопы мира, где находится Лонга. Там эта змея непременно укусит лодыжку монархии и единоначалия.

На самом деле лонгатам, — куда деваться, — нужны ресурсы и понимание происходящего в мире. В Лонге много плодородной земли и Шторм в ее направлении глубоко задремал в последнее время. Есть хорошие шансы получить экспедицию с Гарзоны. Такое уже бывало. Гарзонцы и лонгаты — давние друзья.

— Род Трюфаль, — провозгласил мой подмокший соотечественник.

— Род Хин, — отозвался я по-свойски.

Мы с ним — потомки тех «колонистов», которые не сбежали при первом контакте, а стали дешевой рабочей силой, на уровне фугов. Может быть, чуть солиднее. Все-таки нас можно было натаскать, — пусть даже механически, — для выполнения сложных работ.

С того момента прошло, сколько... Сто лет с небольшим? И вот уже население Немоса на добрую четверть состоит из лонгатов. Мы плодимся не хуже фугов, но выживаемость куда выше. Кроме того, у нас сохранилась «История» и «Честь». Нам есть за что сражаться с другими отсталыми. Кто-то еще хранит фамильные доспехи и палаши. О, Леди. Впрочем, это

редкость. Смысла многих ритуалов и слов, которые бормочут старики, даже значение фамильного герба мы давно не понимаем. Наша культурно-расовая идентичность, как говорит Хо Хо, сильно просела.

— Нам нужно выпить вместе, друг! Срочно! Прямо сейчас.

Сказал рыцарь Трюфаль и захрапел в луже собственной мочи

Честно говоря, я бы поступил точно так же, если б не хотел сохранить жалкое подобие жизни.

Нездоровая суеверность шевельнулась в груди. Встретить пьяницу с утра — плохая примета. Еще хуже, если он с тобой заговорит. А ведь так и вышло. Я решил не множить зло, и пошел к шахте лифта. Ее двери всегда были приветливо открыты на всех этажах. Конечно, вниз иногда падали дети, но никто не собирался закрывать такой быстрый, а главное безопасный, — по меркам тысячника, — путь вниз. А иногда и наверх.

Судите сами, на лестнице тебя в любой момент могут гопнуть потомки благородных донов, вооруженные стеклянными розами. Они же горлышки от бутылок. Это — во-первых. Во-вторых, каски постоянно устраивают облавы на парники и ядоварки, блокируя целые этажи. Их совершенно не интересует, что тебе нужно куда-то там пройти. Проще шмальнуть дураку в колено, раз уж он не понимает элементарной идеи о праве сильного. Ну и что тут поделывать? Конечно, ты идешь в шахту, цепляешься за длинную проржавевшую лестницу, и, стараясь не думать о гравитации, ползешь вниз. Многие носят перчатки, чтобы ускорить спуск. Слегка расслабляешь хватку и мчишься вниз как маленький поезд по вертикальным рельсам.

Я чуть согнул ноги, спрыгнув на загаженный пол. Он повидал столько струй на своем веку, что воздуха как такого здесь не было. Был только *запах*. Не знаю, как объяснить. Представьте, что вы пытаетесь дышать в вакууме, который, почему-то, смердит дерьмом. Вы знаете, что это так, но не в силах вдохнуть, чтобы убедиться.

Отвратительно, но со временем привыкаешь.

Потом «вестибюль». Перрон, по-здешнему. Это полутемное пространство, где на разбитых стульях, старых бочках и грязном полу, кучкуются местные. Не просто так, разумеется: они набираются решительности выйти наружу, заранее утомленные предстоящим днем. Кто-то доливает горяченького в остывающую кровь: на работе руки не должны трястись. Кто-то рисует на капитальных колоннах унылые пенисы и графити-сигнатуры. Кружками сидят зевающие дети. Старушки всех разновидностей отсталых продают жаренные семена, домашнюю бражку, газетки и подозрительные леденцы. Детям эти леденцы очень нравятся. Вызывают легкую, детскую зависимость, но, в то же время, делают мелкого говнюка послушным. Родители часто подкидывают четвертинку номинала, чтобы дьяволята увереннее шли в рабочий лагерь, а не пытались сколотить банду или забеременеть просто от скуки.

Сласти потяжелее продают всем известные личности, занимающие разные участки Перрона. В их одежде много карманов, которые невозможно заметить просто так. Каски стреляют в этих ребят без предупреждения, потому что именно распространители делают работу ядоварок осмысленной. Работа опасная, но что поделывать? Для работяг фарцовщики — ангелы забвения, которые обязаны рисковать всем ради остальных.

Употребление сладостей в тысячниках это не «порок», как говорится в гуманитарных брошюрах аквитаников. Это образ жизни. Отсталым расам, сласти нужны вовсе не для того, чтобы картинно впасть в пучину саморазрушения. Работяге страшно даже подумать о мире,

где реальность стоит за спиной, положив руку на его плечо. И рука эта, до самого локтя, воняет его же задницей. Громко, как сержант, реальность орет работяге в ухо, что слово «отдых» придумано не для него, резь он трипперная.

Ох, да, атмосферка тут стоит специфическая. Во всех смыслах. Дым дешевых сигарет с начинкой из старых носков, смешивается со смогом испаряющихся душ. Если присмотреться, можно увидеть, как человечность выходит из глаз нищеты тонкими струйками. Она скапливается под потолком, потому что эти души никогда не знали свободы, и понятия не имеют, что могу пролететь сквозь бетон. Так они и клубятся там, создавая странные рисунки. Словно морозные узоры на стекле.

А потом испаряются навсегда.

Множество отсталых, не успевших умереть от сладостей, превращаются в высохших. Бездушных кукол, которые хотят только одного — есть. Даже не так. *Поглощать*. С прозрачным безразличием, они могут убить кого-то за кулек жаренных семян. На поздних стадиях их интересует сам хозяин кулька. Часто высохшего невозможно отличить от обычного уставшего работяги. Это можно сделать, опять же, по глазам: те становятся абсолютно неподвижными, оловянными. Однако, немногие заглядывают прохожим в глаза. А в случае с фугами это вообще ни о чем не говорит.

Бывает, что вся родственная стая из комнатухи № 123 высыхает одновременно. Какое-то время они жрут самых слабых братьев и сестер, а потом выходят в коридоры. Только тогда фугов удастся отследить по четкому следу между неудачливым ужином и дверью в конурку. Стоит ли говорить, что высохших забивают насмерть сами жильцы, не дожидаясь помощи касок. Впрочем, каски один хрен игнорируют такие вызовы. Разве что речь пойдет о высыхании целого тысячника.

Не хочу говорить о том, как решаются такие проблемы.

Я прошел по правой стороне Перрона и оказался у неприметной, вечно-закрытой двери. Возле нее дежурил гарзонец по кличке Стояло. Он действительно любит постоять. Может сутками ошиваться на одном месте, лишь бы было что покурить и погрызть. Навалится широченной спиной и лузгает, лузгает, лузгает скорлупу, мечтательно глядя в потолок. Думаю, это какая-то медитативная практика.

Стояло охранял дверь. Точнее, не саму дверь, а кодовый замок. Панель с кнопками, надежно прикрученную к стене.

Замок вскладчину поставили те обыватели, у которых, по какому-то невероятному стечению обстоятельств, оказались во владении самодвижущиеся повозки. Или «автомобили», как их называют аквитаники. Если оставить панель без присмотра, ее мгновенно расковыряют скучающие детишки. Сначала они будут нажимать на кнопки, в надежде подобрать нужный код. Потом, когда кнопки западут и перестанут отзываться, они начнут выковыривать их складными ножиками. А затем примутся усердно жечь останки панели зажигалками, пока пластина не сплавится в одно уродливое пятно.

Люблю этих проказников.

Особенно когда они падают в шахту лифта.

— Даров, — сказал Стояло, когда я подошел вплотную. — Есть че, отсталый?

Я посмотрел на его черную грудь, сильно забитую белыми татуировками. Гарзонцы любят ходить с голым торсом, особенно летом, когда температура почти так же высока, как на их родине. Им достаточно комфортно при тридцатиградусной жаре, хотя в тени уроженцы Гарзоны все еще покрываются цыпками от проклятой холодрыги.

Поймите правильно, я смотрел на его грудь не потому, что она мне нравилась в известном смысле. Хотя, не буду отрицать, корпус был выше всяких похвал, учитывая, как тяжело поддерживать форму без нормального питания. Дело в том, что Стояло, как и многие косил под палочника и носил боты на платформе. Это была распространенная мода. Чтобы увидеть его подбородок, мне приходило задирать голову.

— Привет, отсталый, — ответил я, осматривая панель. Вроде бы все в порядке. И когда Стояло успевает ходить в туалет? — Тебе, что, еще не платили?

— Платили, — честно признался гарзонец, скрежетнув зубищами. — Но я почти все спустил.

Что еще загадочнее, когда он успевает тратить деньги? А, главное, куда? Он ни разу не сладкоежка.

— Есть сигарета, — я предложил ему мятую пачку.

Стояло аккуратно, двумя когтями, подцепил фильтр и тут же сунул палочку между желтыми бивнями.

— Шпашибо отшгалый.

Он прикурил от собственной зажигалки.

— А-ха.

Больше нам говорить, в общем-то, было не нужно. Не потому, что мы были лонгатом и гарзонцем, которых разделяла историческая вражда. Этот конфликт описывали только придания стариков, которые и сами-то ни в чем подобном не участвовали. Новое нападение на Лонгу было возможно, но пока сражения разыгрывалось только в умах. Короче, у меня просто не было времени завязать со Стоялом беседу. Сэт был непредсказуем.

Я пощелкал кнопками, набирая шестизначный пароль, и потянул за ручку. Дверь была тяжелой. Вела она в подвальные помещения, которые были нужны, чтобы все трубы и провода «были на виду». Помимо этого, здесь было достаточно места, чтобы оставить машину.

Изначально тысячники, по понятным причинам, не были предназначены для оборудования стоянок. Палочникам, под указкой которых строили почти все города Немоса, просто в голову не приходило, что у самых жалких рабов могут быть свои средства передвижения. Кроме ног и велосипедов, разумеется. Это не их стиль мышления. Однако в муравейниках попадались те, кто мог заработать достаточно денег, чтобы купить завалюющую машинюшку с двадцатилетней историей за бампером. В свое время аквитаники почти за бесценок выкинули сотни тысяч повозок на рынок Немоса. Конечно, это не помешало местным перекупам сделать из рухляди — технического идола. Особенно, когда машины на горючке стали ломаться, а ремонтировать их брались только десятки доморощенных гениев.

Потом с этим стало попроще. Кто-то из палочников разобрался в двигателе внутреннего сгорания, и даже смог ограниченно повторить его устройство и создать собственную модель повозки. Но это, разумеется, были жалкие подобию оригинальных «автомобилей». Ездилки палочников называли репликами, и питались эти чудовища неочищенной горючкой. Именно из-за реплик над Новой Победой, да и над всеми крупными городами висел удушливый смог, усугубляющий жару...

Пол в подвале снова подтопило. Это было привычным делом, так что к месту стоянки вели давно проложенные деревянные мостки. В свете широких, тусклых ламп вилась мошка и комары. Квакали лягушки, выползшие из дырок в канализационных трубах. Шторм, змеи в последнее время совсем обленились.

Подвалы тысячников — это вообще место исхода для всяческой живности. Тут обживаются серые стайки крыс, дрожат от холода брошенные кошки и собаки, медленно ползают выросшие декоративные ящеры.

Фуги тоже встречаются, но их быстро вылавливают. Говорят, в последнее время их начали резать на котлеты. Многим не до конца ясно, можно ли считать это каннибализмом или нет.

Тьфу, мерзость какая.

Наши парковочные боксы сварены из ржавых листов самого разного происхождения. В том числе из останков других машинок. Выглядят они как цитадели каких-то диких гарзонских варлордов, но это только видимость. Распилить навесной замок сможет даже ребенок. Другое дело, что в машинах никогда нет горючки, так что вору придется толкать старуху по зловонной жиже до самого выхода. Оскальзываясь под смех лягушек. Конечно, горючку можно принести с собой, но надолго ли тебя хватит? Прорезать вход в технических воротах с улицы. Пройти до боксов по дерьму. Срезать замки на боксе. Срезать замок на баке. Залить горючку. Разбить стекло. Пролезть в салон. Вставить руль, — потому что баранки хозяева забирают вместе с горючкой. Взломать систему зажигания...

И все это ради пятиста номиналов, которые тебе кинут в лицо перекупы на разборках? Профи за такое не берутся, для маргиналов это — слишком сложно. Тем не менее, я следовал всем неписанным инструкциям автомобилиста: горючка булькала и плескалась за моей спиной, связка ключей нагревалась в кармане, глаза зорко следили за окрестностями боксов.

Никого?

Никого!

Будь моя воля, я бы махнул на все рукой. Но Сэт... О-о-о, этой скотине жизненно важно держать меня в напряжении. Палочники все такие. Они любят дисциплину. Если Сэт перестанет меня задрочивать, я моментально утрачу все свои профессиональные качества и полезные навыки. Он так и думает. Без шуток. Не спорю, в этом есть смысл, в армии все устроено точно так же. Но я-то, сучья Леди, уже давно не в армии, и никогда туда не вернусь.

Пережив этот безголосый бунт, я взял себя в руки. Всею виной — изжога от сэндвича «птицесодержащего». Леди, мне нужно сырое яйцо.

Бип-пи, бип-пи, бип-пи.

Сэт. Так рано?

«Магистральная 36».

Да, это майор. В его манере отправлять мне только название улицы и номер дома откуда я должен его забрать. Хм, Магистральная... Не там ли живет та милая палочница, которая чуть не ухайдохала Сэта на прошлой неделе? У палочников особые ритуалы уходаживания. Если их женщин не заинтересовать как следует, могут и шилом ткнуть. Впрочем, попробуй попади по настолько тощей заднице.

Замок пошаливал. С минуту я боролся с ним, а потом с чудовищным скрипом распахнул дверь.

В темноте бокса стояла она.

Бесценная и никому не нужная. Моя ласточка. Оригинал модели «Городская»: я, в меру своей фантазии, дал ей прозвище «Зараза». Зараза очень своенравная машина и часто портит мне настроение. Я с трудом разбираюсь в устройстве ее железных кишок, но некоторые

старые болячки мне хорошо известны, так что с поверхностным ремонтом и техосмотром я справляюсь. Как бы то ни было, иногда моя Городская Зараза хватается за сердце и начинает изображать из себя «старушку Камильфо». Тогда приходится объединять усилия с Хохотушкой.

Это такая древняя лонгатская поговорка. «Плоха как старушка Камильфо». Имеется ввиду стенающая бабка, которая никак не может протянуть ноги. При этом, разумеется, доводит всех до белого каления. А на следующий день уже скачет по деревне...

В общем, вы поняли.

— Эх-эх?

Я поморгал.

Зараза, ты заговорила со мной?

— Э-э-х.

Что за херня. Секунд тридцать я стоял как дурак и пялился перед собой, не понимая откуда идет звук. И только потом заметил темную массу, лежащую на капоте Заразы. Я осветил фонариком. Выглядело это так, словно какой-то великан навалил кучу. Потревоженная светом, эта «куча» начала разворачиваться. Более необычной твари я в жизни не видел. Даже отступил на шаг, как бы не харкнула ядом от неожиданности.

Нет, плевать оно не собиралось.

Грустные, почти человеческие глаза смотрели прямо на свет. Зрачки сузились. Почти человеческое лицо тоскливо морщилось, почти человеческие руки чесали почти человеческие бока. Леди, моя Леди. Я как будто смотрел на старика размером с собаку.

— И как ты сюда пробрался, дедуль? — спросил я.

Я знал, что в подвал могут выкинуть старого кота или хромую ящерицу. Но собственного деда? Я снял его с капота и осмотрел. Какая-то пахучая измазанная пижама, странный значок на груди, след от ошейника. Пятна... Крови? А тут похоже кусочек мозга присох. Либо он кого-то грохнул, либо кого-то грохнули рядом с ним. Скорее второе.

— Ты кто такой? Лонгат, фуг? Оба?

— Эх.

— Ты человек вообще или старая обезьяна? Ты понимаешь меня?

— Эх-эх.

Я мог представить, что господин Эх умудрился пролезть сквозь отдушины в подвале. Я мог бы даже представить, как этот компактный старик пролезает в бокс через отставший лист металла, — все никак не доходили руки подварить. Но как он вообще добрался сюда в таком виде? Очевидно, его спасло, что он приплелся сюда нынешней ночью.

— Весь капот мне дерьмом измазал и даже представиться не хочешь?

— Э-э-эх.

Дело было ясное.

Нужно с ним разделаться и поскорее. Сэт не склонен к терпению. Это если сказать так, чтобы лампы под потолком не закачались. Спокойно терпеть его мандеж способны только глухие или мертвецы. Впрочем, я бы не удивился, если окоченевший труп при звуках его мелодичного брюзжания, раскоченел бы и попытался перекатиться в сторону.

Я вынес дедушку из бокса и усадил у стены.

Замки, горючка, замки. Я включил свет в небогатом салоне. Аквитаники, судя по всему, довольно практичный народ и на роскошь им наплевать. Лишь бы все работало. Так что единственным пятном ярких понтов в Заразе — было лежбище Сэта. Тахта врезанная вместо

переднего левого и половины заднего сиденья. Только так майор и перемещается в машине. Палочки обожают лежать. Да не просто лежать, а так, чтобы кто-то в это время выполнял за них всю работу. Кроме того, при их росте — это буквально единственный способ влезть в салон и не сломаться в трех местах.

На тахте лежало роскошное, траченное молью алое покрывало с вышивкой. От него исходил слабый запах табака и одеколona. В изголовье, рядом с местом Хо Хо, покоилась пухлая подушка, тоже алая, и тоже с какими-то гипнотизирующими узорами.

Когда я навешивал замок, господин Эх все еще сидел у стенки, задумчиво ощупывая шею. У него была аккуратно стриженная бородка, и довольно здоровый внешний вид. Остатки румянца. Значит он не из Радуги. Странная история. Вот бы он мог сказать что-то кроме «эх».

Старик негромко пукнул.

И тут же:

— Помогите.

Ну уж нет, ветеран, я не из синего креста.

— Пожалуйста...

Нет.

— Я... Нужно. Улица.

Ему нужно на улицу? Странное желание, да еще и днем.

— Скорее.

И-и-и вот в игру вступает великодушный рыцарь де Хин. Смотрите не навернитеесь с трибуны, вытягивая шею.

— Эх, — сказал я.

С сидячего места этот дряхлый дьявол проворно перебрался на лежанку, да так что я не успел его остановить. Он растянулся там, и замер, словно завещал мне долго жить. Не хватало только возиться с трупом!

— Эх.

Слава Леди.

Новая мысль завладела моим сознанием. Если майор учует посторонний запах на своей кровати, мне несдобровать. Места для лежания у палочников — священные. Я не шучу. Занять чужую кровать у них считается мерзким и постыдным действием. Все равно что пожевать ношенные трусики своей миленькой кузины, да еще и спалится при этом. Даже сексом они занимаются в основном стоя или на специальных ковриках.

«Кто лежал на МОЕМ эспертуа?»

Видите, да? У них и слово специальное для этого есть. Это вам не какой-нибудь лонгат, который способен удрыхнуть в луже собственной мочи. Эспертуа — это атмосфера. Смесь привычных запахов и ощущения от поверхности. Самые интимные места, где палочник спит, а не просто валяется, всегда надежно укрыты от посторонних глаз.

Короче говоря, мистера Эх-а нужно было срочно удалить из эспертуа. Но, черт возьми, я не собирался бороться с этой рухлядью. Я включил радио, и через минуту мы уже стояли возле технических ворот.

Снаружи тысячник выглядит ничуть не лучше, чем изнутри. Эти здания — суть отношение палочников к другим отсталым высказанное в бетоне. Огромная серая коробка, в которую можно сложить своих рабов, чтобы они могли немного поспать и подкрепиться помоями. Коридоры в виде спиралей, хреновая проводка, окна есть только у окраинных

конурок, что делает их как бы «элитными». Если тут вообще уместно какое-нибудь позитивное слово. Лично я не вижу ничего элитного в возможности посмотреть на бедный квартал Новой Победы из крохотного оконца. В него даже не пролезешь, чтобы свести счеты с жизнью.

Впрочем...

Я затаился...

Людам нужно найти в этом болоте хоть какую-то кочку, если вы понимаете, о чем я.

Клянусь Леди, ну и сигареты. От таких даже рак легких скукожится и вылетит из ноздри. Эх, вонять так вонять. Сэт, конечно, будет в ярости, но запах табака перебьет запах деда. То, что я снова курил в салоне — гораздо меньшая провинность, чем осквернение алого покрывала.

Как мы и договаривались, — я и дед, — он был оставлен рядом с моим перроном. Таких было еще восемь с разных сторон здания, но мой Перрон всегда казался более безопасным. Обычный случай синдрома утенка.

На самом деле, Эх, конечно, ни о чем со мной не договаривался, но у нас обоих не было выбора. Я вышел из машины, подозрительно взглянул по сторонам, и вытащил старика на асфальт. Тот осмысленно огляделся и пошел в никуда, постоянно потирая шею. Незнакомый мне гарзонец удивленно проводил его взглядом.

Что ж, удачи тебе, ветеран. Я бросил Заразу в бой.

Только отъехав на порядочное расстояние от тысячника я вспомнил, что бросить старика в беде — это очень... *Очень* плохая примета.

Глава 2. Чистое везение

Улицы Новой Победы в ее рабочих кварталах напоминают одну сплошную стену, изгаженную ободранной рекламой и депрессивными граффити. Если увидишь хоть одно чистое пятно, значит у тебя что-то со зрением. Сходи проверься, пока не воткнулся головой в столб с бесконечными предложениями «приятного досуга».

Голод и страх безработицы волокут по асфальту отсталых всех калибров, размеров и видов безумия. Десятки тысяч ног расходуют свой недолгий ресурс.

Рикши возят палочников. Самых бедных. Не смотря на статус «хозяев», уровень благосостояния сильно скачет даже у этих кровопийц. Нередко услугами колясок пользуются каски. Всем патрульным выдают бесплатные самокаты, но у этих парней какой-то статусный комплекс неполноценности. Любому господину из Городской Обороны всегда кажется, что его недостаточно уважают, платят, ценят, выделяют... Недостаточно громко хрустят под ударами дубинки и так далее. Я бы сказал, это все это потому, что палочники хоть и возвысили ГО над толпой, но все равно относятся к ним как к дерьму. Это вызывает некоторое противоречие в касочных мозгах.

Самое смешное, что ни одна каска не упустит возможности прицепится к рикше. Содрать с него что-то, просто дать загрешину. А ведь мальчишки и девчонки дают им возможность продемонстрировать состоятельность.

Долговязые побогаче катаются на репликах с шоферами и «лежачих» автобусах. Это создает серьезный трафик. А ведь есть еще грузовики. Большие грузовики. Средние грузовики. Маленькие грузовики. Маршрутки для специалистов. Ремонтные установки. Оледи. Вонь от этих железных кляч такая, что вся растительность давно сдалась. Даже самые стойкие сорняки предпочли забиться под асфальт и спокойно там завянуть.

Я выбросил окуроч в окно. Пора заканчивать с маскировкой.

Кроме вышеописанного, попадаетея много велосипедистов. Довольно странно видеть, как пропитой оборванец крутит педали, торопясь на кружечку самогона, но только если не знать поднаготной мира тысячников. Многие в «рабочке» учатся ездить на рогатом скакуне раньше, чем ходить. Трудно поверить, но доходяга на велосипеде, хоть и пьян как пиво, — не валится на бетон. Главное — крутить педали. Лозунг всей этой прекрасной житухи. *Крути педали, пока не дали.*

Остальные живут на своих двоих.

Ноги — главный ресурс Новопобедцев. Они несут их навстречу любимой работе. Скорей, скорей, ведь за железными заборами приветственно дымят заводские трубы. Там дружелюбно гремит машинерия. Пищеград клепают миллиарды бутербродов с «птицей». Между прочим, не видел ни одной вороны или голубя над их заводским массивом. Но, с другой стороны, Пищеград — единственный производитель гастрономии, который использует для этого не пекарни и мясные цеха, а химические лаборатории.

Впрочем, хрен с ними. Если бы не эта проклятая изжога, я бы, может, и перестал брюзжать.

Как говорится, не Пищеградом единым. Новая Победа — приморский город-металлург. Палочники толкают железо всем доступным материкам. Плавучие крепости, способные пережить капризы Шторма, увозят многотонные стальные болванки по большой воде. Гарзонцам, дляковки оружия и доспехов, постоянно ржавеющих в войне против морского

народа. Фугам, для строительства наземных бункеров. Везут и к себе на родину, чтобы возводить циклопические цитадели и стены вокруг Тенебриса.

Говорят, долговязые очень хотят походить на аквитаников, а те известны своей гигантоманией. Взять хотя бы морские платформы для высасывания горючки прямо из-под воды. Если б сам не видел во время плавания на Фугию, ни за что не поверил бы что *такое* можно возвести прямо посреди океана.

Иногда мне кажется, что головастые в своем техническом развитии дошли до *безумия*. Переступили черту подвластного. Бездна разума, это все равно — бездна. А дальше, как в известной поговорке.

Бип-пи, бип-пи, бип-пи.

«ГТН»

Это значит, «где тебя носит?». Долговязый жлоб таким образом экономит на количестве отправляемых символов. Кажется с дамочкой что-то пошло не так, иначе он дрых бы на коврике для секса до обеда. А я бы сидел в офисе и гонял чай с Хо. Предположу, что голубки как-то не так станцевали танец похотливых змей и Холейгулу выставили на улицу. Возможно даже в одних портках. Образ голого Сэта, злобно высматривающего Заразу на дороге, одновременно позабавил меня и привел в ужас. Я насмотрелся на кишки и кости, но вот обнаженный палочник, с проклятьями вползающий в Заразу — это могло выбить меня из равновесия.

Я прибавил скорости. Слишком торопится среди обычного мельтешения пешеходов, веломанов и рикш тоже было опасно. Такую вещь как ПДД чаще всего исповедуют в местах, где люди живут достаточно хорошо, чтобы опасаться смерти. Здесь дорогу перебегают, переезжают, иногда даже переползают все от мала до велика. И плевать им на клаксоны: зебры и подземки слишком далеки, чтобы всерьез заморачиваться с тратой лишних калорий.

Ну вот, пожалуйста. Кто-то смачно влетел в левый бок Заразы. Я даже не стал оборачиваться. Люди встают рано, а тошнилочки... Тошнилочки не закрываются никогда. Даже двухколёсным асам иногда изменяет чутье. Пожалел бы хоть велосипед, скотина.

Послышался свисток каски, но я не обратил на это внимания. Будьте уверены, к пострадавшему он даже не подойдет. Просто у них такой условный рефлекс. Увидел что-то опасное — свисти. Что б предупредить сородичей. Да и вообще, это ж весело. Свистеть. Мне кажется, если одна каска дунет другой каске в задницу, то пластмассовый шарик, который заменяет им мозги, поможет добиться куда более сильного звучания.

Главное не закрывать рот.

Но, буду откровенен, я встревожился. Не так уж часто в меня влетают алкогонщики. Это все дед, — сказал я себе. Ты выбросил деда. Но что мне было с ним делать? В офис привезти? Сэт не любит посторонних. Он нас-то с трудом терпит.

Это было еще не все.

В следующие же десять минут я наткнулся на стихийную барахолку. Десятки людей столпились возле грузовика со всяким хламом. Старыми радио, патефонами, крохотными черно-белыми телевизорами, лампами и прочим мусором, обещающим сдохнуть ни сегодня так завтра. Прибытие такого грузовика — большая редкость, и удача для всей улицы. Где ты еще за гроши сможешь купить новое радио? На дороге оно, мягко говоря, не валяется. Оно там, в этой божественной куче электроники, которая не нужна больше никому, а потому — оказалась здесь. Среди жадной нищеты. Но именно здесь она ценится больше горячей пищи! Так что готовься к штурму, если снова хочешь послушать Солтис с их неумирающим хитом

«Я вошел, но не вышел».

В такие моменты толпа обычно наглухо перекрывает дорогу.

Мне нужно было возвращаться обратно на Ударную, но там, отчего-то терлись каски. Похоже опять сообщение о бомбе. Сейчас они постоят там, пересвистываясь, а потом рассосутся, поглядывая друг на друга с видом победителей. Ведь ничего так и не рвануло. Господи, да скорее мой кишечник все-таки рванет от сэндвича с...

Ладно, ладно, я завязал с этим.

Я отер лицо краем пончо. Как же хочется пить. Всего половина седьмого, но там, в небе, за мутной линзой всевозможных выхлопов, уже пылает солнце. Оно медленно и невообразимо нагревается, словно заводская домна. Просто жопа, короче говоря.

В бардачке ничего не было. Где-то должна валяться «родниковая» вода Сэта, но он напускал туда столько слюней, выговаривая Ретро, за безуспешное преследование того парня с утюгами, что сейчас все это дело уже наверняка скверно пахнет кислятиной.

Грузовик стремительно пустел. Люди выхватывали у продавцов, — а потом и друг у друга, — жалкие пыльные ништяки. Кто-то не удержался и рухнул из кузова на асфальт, да так, что мне показалось — насмерть. Ага. Хрен там. Мужчина лонгат, лежащий в позе ежа, медленно развернулся и встал. Оказывается, он предпочел упасть на спину, чтобы спасти и защитить какую-то коробочку с пультами. Игровая приставка что ли? О, Леди, и к чему же ты ее подключишь? Телевизоры-то уже расхватали.

Ладно, еще пара минут и...

Мне показалось, что сразу сотня пьяных велосипедистов влетела в Заразу. Люди вокруг замерли на мгновенье, а потом начали играть в паникующую толпу. У них здорово получалось. По крыше заколотил каменный дождик, и я инстинктивно пригнулся, а потом вдавил педаль в пол. Кусок кирпича жажнул по лобовому стеклу, оставив огромную трещину.

Мне захотелось закричать от обиды.

— Ну не мог я взять его с собой! — рявкнул я, теряя самообладание.

На Ударной все-таки рвануло. Какая досада. Эти идиоты *действительно* что-то заминировали. Опять кто-то нашел под кроватью книгу «Как бороться за права отсталых, уничтожая их жилища». Ненавижу всяческого рода повстанцев, особенно сорт этого дерьма, который любят портить чужое имущество...

Бам!

Надо мной появилась острая вмятина. Прямо как в старые добрые.

Злость на это проклятое утро совершенно лишила меня сострадания. Так что я буквально растолкал людей силой Заразы и погнал по дороге в сторону Магистральной. Навстречу мне с воем неслись броневики касок. Неслись развернутым строем, занимая всю проезжую часть, словно клин каких-то сраных кавалеристов. Я едва успел уйти от столкновения и проехал по тротуару, снеся газетный диспенсер. Серые печатные птицы порхнули в воздух. На стекле распластался разворот: «Шторм на Юге. Возможны непредсказуемые осадки и атмосферные явления. Будьте бди...»

Я ударил по тормозам, умоляя Леди не бросить под Заразу какого-нибудь идиота. К сожалению, мольбы мои были напрасны.

Сэт Холейгула снял газету с лобового стекла и внимательно прочитал заголовок. Потом поглядел на трещину в лобовом, и снова уставился в разворот. Очевидно, он прекрасно видел и тот увесистый осколок, который чуть не пробил крышу. Я смотрел на него, как мышшь из мышеловки. Не очень вежливо оставаться в машине, когда видишь работодателя, но именно

сейчас что-то мешало мне выйти наружу.

Фонарный столб безмолвно проплыл перед машиной. Потом открылась широкая боковая дверь. Мой зловещий начальник помедлил, прежде чем возлечь на тахту. Я облился холодным потом, вспоминая дедушку, но вроде бы все обошлось. Бесконечное тело в деловом костюме (на который ушло не меньше километра темно-синего шелка), все же придавило тахту.

Сэт повозился, снимая обувь.

Клянусь, эти черные лакированные туфли можно вооружить линейными орудиями, и оправить в бой с командой в пятьдесят человек каждая.

Обувь Сэт положил в специальный ящик в багажном отделении. Руки у него двигались как у паука, внимательно изучающего пространство. В любой точке могла таиться опасность. Осторожность у палочников в крови, как и любовь к горизонтальному положению.

Вторая привычка выработалась позже, во времена изобилия. Поначалу у палочников на родном континенте возникли территориальные разногласия с некими «хищниками». То ли зверьми, то ли крошечными дикарями, приспособившимися к охоте в лесистой местности. Долговязые называли их просто «Эти». Проблема «Этих» в истории палочников такова, что высшие хищники не боялись ничего из предложенного обороняющимися тенебрийцами. Копьями они чесали копчики, а факелы — тушили о грудь. Не всегда свою.

Но отступить палочникам было некуда.

Как-то раз, по настоянию Сэта, я по слогам прочитал одну *теорию* в большой книжке. Там говорилось, что раньше в мире существовал всего один вид людей, который зародился, как ни странно, именно на Немосе. Во времена, когда Шторм только зарождался, беспокойные первооткрыватели успели расселиться по материкам, смастерив на коленках первые плоты. А потом мощь океана поделила мир на крохотные участки спокойствия, не оставив возможности сбежать.

Нужно было приспособливаться любой ценой.

Колонисты Тенебрии уже готовы были отступить «на дно», как выразился Сэт, но тут им улыбнулась удача. Изобретя тактику засад на деревьях, они выяснили следующее: единственное, что пугало «Этих» — враг, превосходящий их по размерам. Совершенно идиотский винтик в безупречном, казалось бы, охотничьем механизме.

Когда будущее палочники смекнули, что их смертельного врага можно напугать, просто встав на ходули, они порядком взбесились. Все это время бесконечного террора и смертей, они падали к ногам трусливейших из существ. Хитрых и бесконечно глупых одновременно.

Так в Тенебрии возник культ высоких людей и обычай избавляться от коротышек. Собственно, к чему это привело, можно увидеть на примере Сэта.

Пятки в белых носках уперлись в торпеду. Запах был приятным. Нет, я не фетишист, просто палочники известны своей чистоплотностью. Сэт негромко выдохнул и замер, прикрыв глаза. Тонкие черты на узком черепе казались почти детскими. По меркам тенебрийцев этот тридцатилетний дядя и правда все еще оставался сопляком. Ну не странно ли. Они живут по сто с лишним лет и почти не меняются внешне. Контраст инфантильной внешности и властного поведения сильно сбивал меня с толку первое время. Потом я привык к мысли, что мной помыкает юноша размером с промышленную стремянку.

Лично я не верил, что когда-то мы все были плоть от плоти, кровь от крови. Если бы все мы просто заново открыли общую родину-мать, то не стали бы так грубо ее насиловать. Возможно, это было бы местом общего паломничества, заповедником с дикими оливами,

единственным не загаженным местом... А-ха, ладно, это все юмор. Такой расклад невозможен просто потому, что все ждут возвращения настоящего Шторма и стремятся выкачать и увезти к себе на родину как можно больше ресурсов.

Молчание в салоне, тем временем, становилось невыносимым. Поблизости все еще раздавались звуки сирен, крики, и создавалось впечатление, что Хoleyгула просто ждет, когда все, наконец, устаканится и затихнет. Чтобы потом без помех вылить на меня ушат ледяной мочи.

— На крыше, — сонно произнес Сэт, — что-то лежит. Кажется.

Желание укунить его за ногу было острым и мгновенным. Сейчас из меня будут медленно сцеживать кровь.

— Правда, майор? — удивился я. — А я и не заметил.

Майор Арс — это такая присказка у солдат. На гарзонском. Главное не произносить вслух последнее слово. А то оно и вправду может стать последним.

Я резко дал вперед. И камень загрохотал по крыше Заразы.

— Да, там точно что-то есть, — палочник прикрыл глаза шляпой. — Вот, слышишь?

Я скрипел зубами. Думаю, я мог перемолоть этот чертов булыжник в пыль.

— Неужели это и есть обещанные непредсказуемые осадки, — бесстрастно продолжал Сэт. — Кирпичи? Опять Шторм разобрал какую-нибудь школу для слепых фугов, построенную нашими благодетелями.

Аквитаники у долговязых большая тема. Очень уж вторые завидуют первым, и ненавидят за равнодушие. Палочники ушли по дороге прогресса дальше, чем другие отсталые, и все, что стоит между ними и мировым всевластием, это проклятые головастики. И какую злость, какое отчаяние испытывают все эти Сэты Хoleyгулы, понимая, что никогда им не приблизиться к уровню конкурентов. Хотя, надо отдать тенебрийцам должное, они не сдаются. Но, как по мне, паршивые реплики технических идолов, это не то направление, в котором нужно двигаться. Хо Хо, говорит, что необходимо наращивать критическую массу образованности, чтобы количество перешло в качество. Это больше похоже на правду. Вот только школы, которые строят аквитаники быстро превращаются в притоны. Палочники ни за что не позволят рабочим поумнеть.

— Нет, это не школа, — ответил я, снова наполняясь раздражением. — Не помню школ на Ударном. Скорее всего свободовцы опять взорвали склад со старыми пианино. Для устрашения пьяниц.

Сэт приподнял шляпу и посмотрел мне в затылок. У меня побежали мурашки.

— Я не слышал музыки.

— Могу сделать радио громче, если хотите.

Майор усмехнулся.

— Нет выключи его совсем. Нам нужно хорошо друг друга слышать... Да, кстати, едем к Ретро. Потом в офис.

Я принял его замечание по поводу маршрута к сведению. Потом нехотя, будто лишил себя последней защиты, повернул колесико музыкальной шкатулки до упора.

— Ужасно болит голова, — сообщил Сэт. — Скверная ночь. Больше потерял, чем выиграл. Никогда не связывайся с девушками, которые выше тебя на голову, мой принц.

Я выпучил глаза.

— Во всех смыслах, выше, — продолжал Хoleyгула. — Все обязательно закончится алкоголем и попытками сохранить лицо. Потом еще и сестричка ее завалится со своим

парнем. Ал-Лахат... — он взялся за виски. — Что с нашей аптечкой?

Если коробку с начатой бутылкой дешевого пойла можно назвать аптечкой, то все было в порядке. Я сказал, где лежит наша *аптечка*. Сэт аж скуксился, когда вчитался в этикетку. «Лучшая Доступная». Настойка на черных одуванчиках. Сорок пять градусов крепости. Если немного разбавить водой из душа, самое то, чтобы заполучить недельную отрыжку.

Оказывается, в коробке был еще кусок древнего как пустыни, бинта.

— Нет, это мы оставим нашей Хохотушке.

Палочник откинулся на подушку.

— Хотя, она вроде бы притормозила.

— Хо Хо притормозила? — я не поверил своим ушам. — Но ведь тогда она...

— Сам поговоришь с ней на эту тему. Кое-какую информацию нужно передавать лично. Ладно. Перейдем к насущным вопросам. У тебя что, был секс со старушкой, мой принц?

Я сглотнул горькую слюну.

— Не понимаю, майор.

Ненавижу его змеиную манеру притуплять бдительность личными разговорами, а потом задавать вопросы наподобие этого.

— Я чую запах старости в своем эспертуа, — сказал Сэт пристально глядя мне в затылок. — А еще вонь жженой бороды, срезанной с мертвого бродяги. Это то, чем начинают сигареты, которые ты куришь. Объединив два этих наблюдения, я могу сделать вывод, что ты трахался с бабкой на моей лежанке, а потом закурил. Как вы, лонгатские обезьяны, любите это делать.

Я постарался сохранить хладнокровие.

— Майор, я...

— Ты за одно утро разбил мою машину так, что на ремонт уйдет не меньше трех сотен номиналов, — прошипел палочник. — Ты совсем допился чумной батрак из мира коров и геронтофилов?

Я молчал. Сэт прекрасно знал, что я уже месяц не притрагиваюсь к алкоголю. Он мог учуять перегар от выпитого наперстка.

Холейгула положил голову обратно на подушку.

— Что с тобой? Что-то тебя гнетет?

— Вы хотите сказать...

— Да, я хочу сказать что-то, кроме малозначительного факта, что тебя могут убить нажатием кнопки. Давай без твоих печальных попыток огрызнуться.

Я задумался.

— Нет. Только изжога.

— То есть, состояние моей машины и вонь на весь салон — это просто неудачное стечение обстоятельств?

Собрав все свое самообладание, я выложил всю последовательность событий, начиная с самого утра. Ничего не пропустив и не приукрасив. Сэт внимательно выслушал меня, а потом тихо проговорил, будто бы общаясь с невидимой девушкой, лежащей рядом:

— Мой принц... Он так мало управляет своей жизнью, что по вороньим следам пытается понять, что ему готовит будущее.

Это меня не задело. Я и сам понимал, как глупо себя веду, ориентируясь по дыму в ветренную погоду.

— Да, было бы неплохо, что б кто-то кроме ворон мог прокаркать мне пару слов и

внести в это будущее ясность, — проговорил я с невинностью утопленного щенка.

— Кар-кар, — откликнулся Сэт. — Я знаю. Тебе нужны деньги, мой принц. Они будут. Считай, что новый взнос у тебя в кармане.

У меня немного отлегло от ж... Сердца.

— *Могло быть и больше, если бы не ремонт моей машины.*

Терпение лопнуло.

— Да если б не я, ваш драгоценный катафалк раскатали бы броневики. А потом пропахший стариками эспертуа мог прилететь вам по башке вместе с большей частью салона и моими костями. Конечно, разумеется, бля буду, я должен был задавить пару лонгатских чесоточных свинопасов, а не стоять на месте. Я совершил ошибку. Но не надо говорить со мной так, словно я специально полез под взрыв. И вообще, я вам тысячу раз предлагал парковать Заразу возле офиса. Это безопаснее. Хоть и «рабочка» но кварталы все равно поспокойнее. Ближе к «деловому» району. А я бы мог приезжать на велосипеде.

Я взглянул в зеркало заднего вида, чтобы проверить, какой эффект возымела моя отповедь. Готов поклясться титьками Леди, но этот гад одновременно притворился спящим и высчитывал что-то на своих нечеловеческих пальцах, унизированных серебряными кольцами. Это была тенебрийская фишка. Особая система сложных расчетов при помощи конечностей. Каждый палочник был ходячим заклинателем цифр.

— Ладно, — сказал он наконец. — Оплатишь половину. В конце концов, я не могу позволить своей элегантной вредности превратиться в смертельно-ядовитую злобность, которой так славятся старшие родственники. Пока не время.

И я возблагодарил за это всех богов и демонов.

— Теперь, — строго продолжал Сэт, — больше никаких посторонних в салоне. Никаких, ты понял меня? Ни попутчиков, ни шлях, ни умирающих стариков.

Он подумал.

— Ни кошек, ни собак, ни краснозобых макак.

— Сэндвичи с птицей можно? — спросил я.

Палочник снова впился мне в затылок своими прекрасными, но жестокими глазами ангела возмездия.

— Ничего скоропортящегося.

— Хорошо.

— И еще раз закуришь в салоне, никотин убьет тебя моими руками. Это тоже ясно?

— Кристально.

— Поверить не могу, что мне приходится проводить с тобой этот дурацкий ликбез. Унизительный для нас обоих. Мне кажется, у тебя кризис среднего возраста де Хин. Становишься подростком во второй раз. Может просто пойдешь и конвертируешь свою бунтарскую энергию в сексуальную?

— Нет знакомых старушек.

Холейгула цокнул языком.

— Я же говорю. Подросток считающий сарказм высшей формой юмора. Дай сигарету.

— Что-о-о?

— Сигарету говорю дай, свинопас. Что непонятного?

Совершенно уже не понимая, что происходит, я протянул ему пачку. Хвать! — сказали пальцы. Хотя, чего уж тут понимать. Ромео, понятное дело, спустил все деньги на дамочку, которая не желала садиться на лицо. Или сохранять его? Я думаю, что — первое, учитывая

монаршее настроение.

Сэт открыл специальный люк на помятой крыше заразы и тут же грязно, грязнее пола в мясницкой, выругался.

— Что такое?

— Камень, — Хoleyгула потирал лоб. — Обломок. Крохотная руина.

— Что, опять? — не поверил я.

— Да нет же землепашец, это остатки склада со старыми пианино. Хм. Странно все это выглядит. Потом обдумую.

Я благоразумно воздержался от дурацких вопросов. Сэт курил, выдыхая дым в люк, так что Зараза превратилась на время в маленький паровоз. Чух-чух-чух-чух. Поддерживая шаткое перемирие, мы доехали до котельной, обслуживающей прачечный комплекс на Безустанной улице. Здесь обитал Ретро. Он подрабатывал «лопатой»: черпал уголь для печей. Работа была монотонной, тяжелой, зато стабильной. К тому же Ретро устраивал доступ к горячей воде: роскошь, о которой я и мечтать не мог.

Я посигналил возле зловеще приоткрытых врат, таких черных и заросших сажей, словно они вечность горели в каком-то адском пламени. На звук из сумрака выскочили пара фугов, пунцовых от жары и волнения. Они знали, кто нам нужен, поэтому тут же исчезли. Минут через десять к машине вышел смуглый, улыбчивый мужчина в цветастой твидовой жилетке на голую грудь, таких же брюках, и ботинках, блестящих ярче Сэтовских. Все-таки, возможность стирать одежду и мыть голову преображает даже маргиналов.

За спиной у Ретро подрагивал самокат.

Насколько я знал, старый самокат и одежда — единственные ценности этого чокнутого лонгата с примесью гарзонта в крови. Как и все сотрудники нашей конторы, он — должник... Правда, исключительно по своей воле. У кого-то (меня, например) этот факт вызывает живейшее неприятие. И даже негодование. Разве это правильно? Его слабоумные детишки, разнополые близнецы Анис и Вальтер — избалованные бездари, которые только и делают, что веселятся в долг, влазят в финансовые пирамиды и занимаются кровосмешением. Употребляют сласти, само собой. И за все это платит Ретро, он же Якоб Фитцвиль — потомок лонгатской проститутки и неизвестного чернокожего.

Каждую неделю пожелтевшие от синтетической бодяги «зайчики» прыгают до котельной и забирают все, что заработал их старик. А тот лишь плачет от умиления. А ведь мог один раз дать этим паразитам от ворот-поворот и жить *нормально*.

Но Ретро не способен на это.

Раньше Якоб промышлял в качестве независимого детектива. Уровнем выше среднего. Только у него в конторе имеется настоящий опыт частных расследований. Я выполняю обязанности, прости господи, стрелка и водилы. Хо Хо — обеспечивает мускулы, бумажную работу и ремонт. Сэт — роет делишки. И только Якоб Фитцвиль может раскрыть дело так, что мне не приходится стрелять, а Хо Хо бить кого-то по голове. Впрочем, Ретро сам способен стрелять и бить. В свои сорок два он прекрасно сложен, активен, и хорош собой (мне б такую гриву цвета полуночи).

Но как же он зациклен на чертовых близнецах...

Всей правды я не знаю, но есть мнение, что Ретро заклинило, когда тот нарвался на волка-«музыканта». Маньяк трансмутировал детей в драгоценные смычковые инструменты и музыкальные шкатулки, а потом наслаждался стонами и воем живых скрипок и контрабасов. Видимо стук сердец из резонансной ели доводил его до иступления. Как и не готового к

таким вещам Ретро, искавшего похищенных малюток Фитцвиль, а нашедшего целый склад хнычущих коробок. Для храброго сыщика это оказалась схватка, из которой невозможно выйти победителем. Он забрал своих близнецов, но прочих детей пришлось бросить. Волк не был противником, которому бросит перчатку какой-то частный детектив.

Даже уровнем выше среднего.

Надеюсь, это прозвучало не слишком драматично. Откровенно говоря, такие истории вызывают у меня зевоту. Полностью укомплектованные смены шестилеток вкальвают на заводах, разбирая лом и стружку. У них нет ни страховки, ни перерыва на обед. Этот волк в своем садизме не смог переплюнуть одного-единственного директора сталелитейного.

Есть еще множество баек про то, как фугов превращают в свиней. И лонгатов превращают в свиней. И даже гарзонцев. Я-то видел, что происходит с волком, чье тело не выдерживает компенсацию. Свиньи, знаете ли, и так хорошо размножаются. Вполне самостоятельно.

— Я вас давно не видел, — привычно поздоровался Ретро влезая в багажное отделение. Он у нас любит быстро десантироваться. — Вы сильно постарели. Сам-сам ты делаешь хотя бы десять отжиманий в день? Выглядишь как облезлая макака с трясучкой. Привяжи руки к рулю, пока не соскочили, и не пытайся свернуть в тошниловку на полном ходу.

Когда Якоб рядом, наша с Сэтом вялая грызня, разбавляется зарядом хорошего, бодрого негатива.

— Если б мою мамашу в свое время заправил гарзонец, я бы тоже выглядел как Жак Слейд.

— Ты моментально взялся за мамаш, — неодобрительно заметил Сэт. — Это неспортивно.

— Неспортивно как туша палочника, — согласился Ретро не моргнув глазом. — Держу пари Самара уже не выгружает вас из машины, вождь. Хорошо хоть вы еще не воняете, а то пришлось бы накрывать вас свежими газетами.

— Ты сегодня в хорошем настроении, — дружелюбно откликнулся Холейгула. — Нужно будет отдать твое место в конторе кому-то более склонному к меланхолии.

— Я всегда в хорошем настроении, в отличие от вас двоих. Только я да Хо-Хо еще не разучились улыбаться в этом кислом городишке. Кстати, вы никак поправились, вождь?

Мне тоже показалось, что мышечная масса Сэта странным образом увеличилась. Костюм стал ему в обтяжку.

— Это холодильный комбинезон, — слабым голосом объяснил палочник. — Клянусь Вратами Тенебриса, еще одна неделя этой жары и от меня точно ничего не останется.

— Мы похороним вас в свинцовой трубе. Думаю, диаметра три с половиной будет достаточно?

Холодильный комбинезон? Я мысленно присвистнул. Так вот в чем все-таки дело. Сэт пытался подкатить к представительнице своего народа без единого номинала в кармане? Кажется, от жары его поразило слабоумие.

— А что с Заразой? — спросил наблюдательный детектив. — Самара, ты что просрал ключи и не мог догадаться как попасть внутрь?

Я выдохнул сквозь зубы.

— Не начинай, или клянусь Леди...

— Да бог с ним, у меня есть отличная новость, — сказал Ретро, и мы с долговязым уже знали, что произойдет дальше.

— Включи кондиционер на полную, — быстро сказал Сэт. — Я не вынесу этой *духоты*.

— Он и так на максимуме, майор.

— Тогда радио!

— Мои близнецы задумали снимать видео для продажи, — радостно гаркнул Ретро. —

Это принесет им тысячи номов. Как только они проснутся, конечно.

Внутри Заразы установилось тягостное молчание. Якоб с улыбкой «Папаши № 1» глядел то на меня, то на Сэта. Глаза его остекленели, как у высохшего.

Иногда меня одолевала искренняя досада за этого хорошего, но так глупо сломавшегося человека. Детишки медленно, но, верно, тащили рассудок Фитцвиля к выгребной яме. Он этого не замечал, потому что слепое потакание близнецам было вызвано нездоровыми угрызениями совести. Тем временем их образ жизни постоянно испытывал терпение Якоба — это его подтачивало, и грозило раздавить совершенно.

— Ты имеешь ввиду *такое* видео? — спросил я бесцветным голосом.

— Ну, взрослое, свободное кино, — вдохновенно говорил Якоб, вращая кистью. — Конечно, я его смотреть не буду, оно слишком откровенное на мой старомодный взгляд...

— Белые ели, — прошептал Сэт с ухмылкой. — Почему я набрал в контору только безумцев? Один боится огня, как первобытная крыса, другой радуется, что его дети лезут друг...

— Но вот вы, — продолжал «Папаша № 1», никого не слушая, — вполне могли бы ознакомиться и высказать свое мнение. Детишкам очень важны отзывы опытных зрителей.

Если б я мог, то закрыл бы глаза, но мне нужно было смотреть на дорогу. *Это...* Это было чересчур даже для Ретро с его помешательством на двух декадентах. Декадентах, которых, *к сожалению*, не превратили в золотые скрипки, пока это еще имело смысл. Теперь близнецов не переплавить даже в ночные горшки. Они будут получать удовольствие от работы, и ввергнут садистов в ужас.

— Нет, — ответил я как можно сдержаннее. — Без обид старик, но я привык расслабляется, разглядывая пятно от затопления на стене. Оно в моей конурке. Выглядит в точности как обнаженная Лара де Линдесс в свои лучшие годы. А у Сэта не стоит на лонгатов.

— Именно.

— Понимаю, — в голосе Ретро звучала легкая досада.

Наступила неловкая пауза, мы с майором пытались обменяться мысленными «ну и ну». К счастью, детектив уже переключался. Приходил в себя.

— У всех свои пристрастия... Ладно. Что там по работе, вождь? Мне бы не помешала наличка.

Во взгляд Ретро вернулась жесткость и острота разума. Пропала дурацкая ухмылка. Это снова был Якоб Фитцвиль в своей лучшей ипостаси. Лучшее, на что мы могли рассчитывать.

— Еще один, — буркнул Сэт. — Мои маленькие требовательные дети...

Я сверкнул глазами через плечо, и тут уж майор задница вздрогнул и поспешил сравнить нас с более уместными созданиями.

— Мои назойливые мясные мухи, — поправился палочник. — Мои подкожные паразиты. Неужели вы думаете, что я решил осквернить вами салон безо всякого повода? Да будет вам известно, что весь остаток душной, бесперспективной ночи я вел переговоры с несколькими людьми. У меня есть предчувствие, что скоро мы окажемся в двух шагах от амнистии.

Он всегда так говорит. Обычно это значит, что у нас появился шанс заработать на сигареты, скрученные из бороды мертвого бродяги.

— Сразу с несколькими? — ухмыльнулся Ретро. — И сколько же мертвых проституток нам придётся спрятать на этот раз? Вот бы они были фугами. В обычный мешок для мусора влезет как минимум три синих бревнышка.

— Из них можно будет сложить поленницу и сжечь за городом, — поддержал я.

— Господин Фитцвиль, господин де Хин, — тон у Сэта был такой, что мы с Якобом моментально перестали страдать от жары. — Хочу вас предупредить, что, если вы еще раз вспомните при мне об этих... подработках, я вышвырну вас прочь. Из конторы и моей жизни. Мне до сих пор трудно поверить, что у нашего Общества осталась хоть какая-то репутация после этих делишек.

Он помолчал, скривив красивое личико.

— Я сделал это для вас, кретины, и вот как вы отвечаете. Шутите над этой мерзостью. Никогда, — слышите? — мы больше не станем утилизировать трупы. Даже если мне для этого придется пожертвовать тобой де Хин.

Если вы сейчас подумали, что господин Холейгула существовал в этом мире как воплощение нравственности, и был крайне принципиален в подборе дел, то... Нет. Тут все дело в обычной брезгливости. У палочников есть понятие — близкий слуга. Тот, кто прислуживает ему чаще других, и почти всегда находится рядом. Такие слуги в уродливом палочном восприятии становятся как бы продолжением и без того длинных конечностей. И это не просто треп про сибаритские замашки. Тут имеет место сильная... забыл слово... в общем, эмоция, когда люди переживают друг за друга. Только в случае палочника, переживает он именно за руку в виде человека.

И эта рука касалась мертвецов. В том числе шлюх. Из отсталых.

Сэт неделю душил пальцы одеколоном.

— Простите шеф, — Ретро кашлянул в кулак. — Я думал мы можем об этом шутить, именно потому, что контора уже завязала с такими делами. Только между собой, разумеется.

— Сначала между собой, — сварливо тянул палочник. — Потом с каким-нибудь доходягой в смердящих алкогольных ямах. А потом ко мне явятся ребята Морслиба. Хотите сделать меня таким же нищим как вы?

— Нет, — честно ответил я. — Вам бы это не понравилось. Быть таким же нищим как мы. Спасибо, что жертвовали душевным равновесием ради нашей зарплаты.

Я засунул язык максимально глубоко, на сколько мне хватало собственной брезгливости. Но не потому, что хотел угодить. Как я уже говорил, ворчание Сэта было мелкой теркой для натирания моего мозга в макароны.

— Я все время это делаю, — не клюнул палочник. — Каждый раз как отсчитываю вам номиналы, во мне увядают белые ели.

Не спрашивайте. Это что-то из их фольклора.

Чтобы отвлечь его, Ретро начал рассказывать об одном деле, в котором фигурировал лонгат-фермер выращивавший картофель в пригороде Новой Победы. Он убивал сезонных рабочих, чтобы не платить им деньги, а трупы скармливал собакам. Тех песиков он спустил на Якоба, когда тот начал разнюхивать в окрестностях фермы и осмелился зайти во двор. Якоб клялся, что людоедов не брали пули, и он спасся только потому, что успел запрыгнуть в грузовик с удобрениями.

Сэт посетовал, что собаки у него, к сожалению, нет, и заводить это мерзкое животное

он не намерен. Он так же выразил надежду, что мы сами сожрем друг друга, когда придет время.

— Ну так и чем все закончилось? — спросил я. — Как ты вывел его на чистую воду?

— Я? — удивился Ретро. — Этот идиот сам себя сдал. Я успел близко познакомиться с его сворой друзей человека, и трудно было не заметить, что у одной псины в сопелке торчало кольцо. Гарзон фамильное кольцо. Описание совпадало с тем, что дал мне брат пропавшего. Видимо фермер решил, что это до хрена забавная шутка. Вы же считаете гарзонцев собаками, да, Сам-Сам?

— Шелудивыми псами, — невозмутимо поправил я.

— Ну вот, — столь же невозмутимо продолжал Якоб. — Я заметил эту деталь, когда охаживал псов дубинкой. Мне оставалось только унести задницу, потом вернуться и выкрасть нужного.

— Ты предложил ему часть себя, если тот выйдет прогуляться?

Ретро нехорошо ухмыльнулся.

— Я давно искал повод опробовать одну забавную штуку, с помощью которой каски дрессируют служебных псин. Свисток, который слышат только собаки. У них пена изо рта идет, если переусердствовать. Клянусь, целую неделю я просидел в засаде, недалеко от псарни. Свора бесилась так, словно их грызли за жопу демоны, и фермер несколько раз делал обход периметра, чтобы проверить нет ли вора в округе. Мне удавалось ускользнуть вовремя. В конце концов у мужика от постоянного воя поехала крыша, и он выгнал всех псов за ворота, чтобы те немного пришли в себя. Ну а дальше...

— Ты прибил ее?

— Нет, только оглушил и вытащил кольцо. Но вот братья и друзья того, кто это кольцо потерял, они — да. Перерезали всю ферму. Собак, охрану, фермера, его семью. Даже свиной забили. Возможно, хрюшкам отдавали то, что недогрызли собаки.

Я помолчал.

— Ты знал, что так будет?

— Догадывался. Те гарзонцы были из антиштатников, еще хранящих племенное разделение. Такие очень мстительны. К тому же речь шла о лонгате.

Ретро хмыкнул.

— Ну и ну, — протянул я.

— Принц скорбит по невинным поросычьим душам, — предположил Сэт.

— Нет, дело не в свиньях, — возразил я. — И даже не в солидарности. Мне нисколько не жаль этого говнюка. Я бы и сам забил его насмерть, попытайся он со мной такое повернуть. Другое дело — вытоптанная картошка... Нет, этого я не смогу перенести. На гербе де Хинов изображен картофельный клубень, вокруг которого обвивается дракон, если хотите знать.

Это не шутка. Мои предки испокон веков выращивали картофель. Генетическая память заставляет меня любить его больше мяса.

— Судьба плантации мне не известна, — признался Ретро. — Но я держу пари, что ее не тронули, как и дом. Все это собственность палочников. Гарзонцы знают: убьешь фермера — ему быстро найдут замену. А за посадки их самих окучат и закопают в землю. Именно в этом порядке, подходящем для человеческого мусора.

И то верно. Священный клубень того стоит.

— Люблю хорошие концовки. А где тот свисток?

— С тех пор я всегда ношу его с собой. Полезнейшая штука. На него даже фути реагируют.

— Сможешь достать мне такой?

— Гони номы.

— А... Номы. Это такие бумажки с идолами? Давно их не видел.

Зараза встала, и я заглушил мотор.

— Что ж, господа, вытряхивайтесь. Ближе мне не подъехать.

Глава 3. Еще один день в офисе

Мы не могли подъехать вплотную, потому что офисное здание «Далекие Перспективы» находилось в осаде. Не слишком доброжелательная толпа во всю мочь ревела под занавешенными окнами. Ребята явно не собираясь экономить силы. В руках дергались транспаранты, содержание которых я пока не видел, однако мог предсказать в точности — их хозяева чего-то требовали.

Какой я догадливый, не хуже Ретро.

Зараза осталась в пятидесяти метрах от заварушки, так что я пока не мог расслышать в реве ничего конкретного. Мы с Сэтом медленно продвигались вперед, оставив Якоба караулить машину.

— Ага, — сказал палочник, чуть сгибаясь вперед. — Они кричат — «Лодью, верни наше». «Лодью — сукин сын»... И, кажется: «Лодью, мы приготовили бутылки».

М-да. Если они и хотели его угостить, то не с того конца.

— Когда-нибудь Телепейло доиграется, — мрачно продолжал Сэт. — Я предупреждал его насчет этого мелкого фараона. И что? Он впустил Лодью во второй раз. Если ему заплатить, он сюда и Шторм впустит, жадная скотина. Иногда меня самого удручает алчность моего народа, веришь ли ты мне, принц?

Сэт — палочник двух настроений. Злобы и меланхолии. Не скажу, что остальные тенебрийцы чем-то от него отличаются, однако во время грусти Холейгула становится почти... нормальным. Человечным, я хочу сказать. Называет меня принцем вместо свинопаса, и вообще ведет себя адекватно. Держу пари, что его сородичи в таком состоянии режут своих слуг бритвами, чтобы немного развеяться.

— Верю, — ответил я, машинально поглаживая пончо в районе железки. — Я тоже, бывает, стыжусь за своих.

— Это значит, что мы сознательные представители своих народов, — Сэт выпрямился. — И должны ставить других на путь истинный.

Он достал из внутреннего кармана мобильный телефон. Немыслимый для меня технический идол с широким цветным экраном и незаметными кнопками. Идол был тонок как разница между мной и подкожным паразитом. На моей исторической родине эту штуку в ужасе разбили бы граблями, или, по крайней мере, возвели культ. А уж если бы она заговорила...

Хорошо слышимые гудки.

Злобное: — Да, кто это? Грюбош, ты? Где Городс...

Меланхоличное: — Это я, Холейгула. Как у тебя дела, Телепейло?

З: — Я...

М: — Перед зданием, за которое ты отвечаешь кто-то есть. Кажется.

З: — Да неужели? А я и не заметил! Спасибо, что сказал, сейчас дойду до окна, погляжу что там! Хватит ерничать, Сэт. Я понимаю, что ситуация меня не красит, но уже вызвал ГО. Через десять минут они будут здесь.

Сэт моментально перестал быть «М».

— Кого ты вызвал короткорожденный кретин? — зашипел он. — Хочешь, чтобы тут началась свалка? Может быть пальба? Кровищу будут выметать в стоки до вечера, а мне нужно работать прямо сейчас. И не только мне. Я вижу тут неподалеку других арендаторов,

которые ждут, когда же это господин «Дадим Ему Второй Шанс», справится с ситуацией. Клянусь отцом, я сообщу в Компанию Тенебрии, и тебя вышвырнут с должности как пьяного кочегара, из-за которого мерзнет весь дом.

Хорошо слышимый голос издавал теперь какие-то хрюкающие звуки, полные, очевидно, злобы и бессилия.

— Ну и что мне делать? — спросил он почти умоляюще.

— Лодью там?

— Да! Он прибежал сюда, как только понял, что его конуру окружают. Сэт... Он говорит, что отдаст все оставшиеся деньги, если мы спрячем его.

В заговорщицком тоне Азибо сквозила жадность и надежда.

— И сколько там у него осталось, после гулянок и шлюх?

— Пятьсот номиналов.

Сэт злобно захохотал.

— Поверить не могу, что ты такой крохобор, Аз. Ты действительно чокнулся, пересчитывая сбережения. Брал бы пример с меня: нет денег — нет проблем. Значит так, ты прекрасно знаешь, что мое слово еще имеет вес. Если хочешь остаться управляющим Перспектив, бери Лодью и выбрасывай его в окно.

Молчание.

— Что?

Сэт разразился тирадой, обличающей тенебрийцев Немоса, которые деградировали до состояния фарфоровых копилки, — «Клянусь белыми елями!». Он был так искренен, что в нашу сторону начали оглядываться окраины толпы.

— ...прямо сейчас!

Холейгула, темный от злости, спрятал телефон в пиджак.

— Жалкое подобие тенебрийца, — клокотал он. — Не может выкинуть отсталого из окна.

— Отвратительно, — поддакнул я. — Вы бы не замешкались, майор.

— Помолчи, — шикнули в ответ. — Сдается мне, сегодня тебя действительно преследуют беды, свинопас. И ты приволок их с собой.

Мне оставалось только тяжело вздохнуть, словно я заранее предупреждал весь мир о конце света, но никто не удосужился принять мои слова во внимание.

Оставалось только ждать.

Мы с Сэтом раскурили две последние сигареты. Через пару минут на третьем этаже здания распахнулось окно. В нем показался скрюченный от ужаса человек. Это был никто иной как подонок Лодью собственной обгадившейся персоной. Фараон. Ушлепок.

Знаете, оценивая людей, я никогда не сравниваю их с собой. Мало на свете вещей более аморальных, чем убивать людей за деньги, словно в какой-то игре. Вот палочники пронаблюдали за ходом боя, записали все данные, количество отстрелянных снарядов, трупов, оценили эффективность новой техники, а потом прокричали в рупор: всем спасибо, на сегодня хватит. И тут же погибшие ожили, собрали кишки, отряхнулись и пошли по казармам. Не-а. Кровь уже впиталась в песок. Я был пехотинцем, артиллеристом, а потом машинистом, и все время убивал кого-то исключительно на холодную голову. В лонгатской религиозной традиции это считается смертельным грехом. Я имею в виду, лишать жизни нужно исключительно в гневе.

В общем, я отдаю себе отчет в том, что я человек, мягко говоря, опустившийся. Крепко

укоренившийся в почве из дерьма, как коричневая береза.

Но есть и те, кого я, в порядке исключения, могу считать хуже себя. Те, кто в это дерьмо зарылся с головой. Это спекулянты и фараоны. Первые присваивают себе гуманитарную помощь аквитаников, а потом продают за шершавый ном. Нищета, которая могла получить ништяки бесплатно, умирает от голода, а спекулянт богатеет и чешет пузо. Вторые — фараоны, организуют финансовые пирамиды, обещая людям сказочные проценты под их вклады. А потом, как не трудно догадаться, кидают. Можно сказать, что лохи виноваты сами. Никто не заставляет их нести денежки таким как Лодью. Но нет для работяг мечты более сладостной, чем месячный отпуск, подкрепленный денежной подушкой. Подушкой, которой не существует. И быть не может по определению. В системе, созданной палочниками, она не более реальна, чем моя Леди.

Давить на желание, хоть немного побыть человеком, а не шестерней... Таким как Лодью, по моему мнению, нужно стрелять в пах. Или в печень.

Поэтому я внимательно смотрел как группа моральной поддержки, в лице двух гарзонцев, водружает рыдающего фараона на подоконник. Обманутые вкладчики радостно приветствовали его. К Лодью потянулись заботливые руки. В некоторых посверкивали ножи.

— «Нет, умоляю, не надо», — передавал Сэт. — «Я все отдам, друзья, родные мои. Клянусь».

Памс. Фараон с головой погрузился в свое наказание. Прошло не больше тридцати секунд, и эта самая голова прыгала по рукам, словно волейбольный мяч. Тело уже разорвали в лоскуты. Люди омывались кровью.

— Все-таки, ты психопат, — сказал Холейгула. — Ну и ухмылочка, клянусь Вратами. Ты бы и сам не прочь поучаствовать, да?

— Вы знаете, как я отношусь к этим сукам, майор.

Сэт хмыкнул.

— Знаю, и не перестаю удивляться. Эта ваша рыцарская «честь», защита простого люда, преследование «негодяев»... Ты чувствуешь в себе что-то такое?

Я снял панаму и отер лицо.

— Ну, не нужно стереотипов, майор. У меня нет меча под кроватью. Однако, «Что-то такое» могли бы чувствовать и все остальные, вам так не кажется? По-моему, сохранять в себе крупинку порядочности не так уж и сложно. Даже у вас получается.

Холейгула засмеялся.

— У тенебрийцев? Спятил?

— Нет, я имел ввиду лично вас, майор.

Сэт посмотрел на меня со странным выражением. То ли задетый, то ли удивленный до глубины души.

— Ну спасибо тебе, мой принц, — произнес он задумчиво.

В окно выглянул Телепейло. Его мрачное лицо, обрамленное густой черной растительностью, источало презрение и гнев.

— Теперь вы довольны?! — рявкнул он. — Злобные дикари. Убили человека, который просто хотел немного заработать. Убирайтесь немедленно, пока вами не занялась ГО!

Толпа еще погудела для вида, но, болезненно-удовлетворенная, начала редеть. Первыми сбежали фуги. За ними потянулись лонгаты. Гарзонцы какое-то время хвастались трофеями в виде ушей и зубов. Они тоже, в конце концов разошлись. Связываться с ГО было опасно.

От Лодью осталось, буквально, мокрое место. Несколько темных пятен на бетоне.

— Мальчишка, — бушевал Азибо. — Ты забыл главный принцип власти? Никакого потворства капризам черни. Сегодня они потребовали Лодью и получили его. А завтра? Они заберут тебя или меня? Всех нас? И это еще на фоне различных... Обострений. Сегодня был хлопок на Ударной.

Он атаковал нас прямо в парадной. Сэт переобувался в рабочие мягкие тапки, нарочно повернувшись к Телепейло спиной.

— Ой-ой, — сказал Ретро. — Кажется мы лучше пойдем, вождь. У меня зубы болят когда палочники грызутся.

— Да, ступайте в офис, — согласился Сэт. — Поставьте чайник. Не забудьте.

Уж это мы не забыли бы, даже вдарь нам по голове дубиной. Чай — отлично помогает от жажды. Особенно халявный.

— Ты дурак, Аз, — слышали мы, загружаясь в лифт.

Потолок с лампой был так высоко, что нам внизу — казалось почти сумрачно. Добро пожаловать в мир палочников.

— Что ты сказал?

— Дурак и сволочь. То, что ты называешь «потворством черни», это бросание им кости в чистом виде. Собакам нужно хоть иногда демонстрировать, что хозяин справедлив, иначе они загрызут тебя во сне. Обострения, он говорит. Из-за таких как ты эти обострения и...

Двери лифта мягко бумкнули, отрезая нас от мудрости Холейгулы.

Мы вышли на шестом. Наша контора находилась справа. Я мельком взглянул на компанию тревожно переговаривающихся типографистов. Похоже они опять всю ночь перепечатывали новую пушку Алана Мэтьюза под названием «Большой черный ствол в моем доме». Порнография с элементами детектива. Расходиться как пирожки даже в «рабочке», где половина не умеет читать, а вторая — ослепла от «Лучшей Доступной». Я тоже пробовал влезть в ряды книголюбов, но главный герой книги, Стоун Колд, слишком крут для меня. Seriously, от его выходок у меня падает уровень тестостерона. Что сказать, Гарзонцы любят стучать членом по лбу. Во всех смыслах.

Прямо напротив нашей конторы, спала Ки Ху. Давняя подруга Хо Хо. Она по-хозяйски развалилась на ковровой дорожке и храпела перегаром так, что с меня почти сдувало панаму. Будто прочитав мои мысли, Ретро придержал козырек своего хулиганского кепи.

— Этот день становится все хуже и хуже, — проговорил я. — Может удастся вынести ее так, чтобы не проснулась?

— Отличный план, — кисло усмехнулся Якоб. — Что-то мне не хочется проверять насколько крепко она спит. Может поступить с ней как с Лодью?

— Телепейло и так рвет и мечет. Если мы повредим бетон прямо напротив Перспектив, он зашьёт нам задницы и заставит пердеть ушами.

— Бьюсь об заклад.

— Ладно, — я позвенел ключами, — давай сначала бахнем чая, а потом спокойно проследим, как Сэт заворачивает Ки в ковер и спускает с лестницы.

Ретро был только «за».

Я встал под табличкой, на которой серебряным по черному было вытеснено «Общество Должников». Вот он, мой второй дом. Или, лучше сказать, первый? Как бы то ни было, я звякнул ключами и твердо вознамерился ворваться в мир бесплатного травяного напитка. Как вдруг лакированная дверь щелкнула. Скрипнула. И я увидел Хо Хо.

— Опачки, — она пригладила ядовито-красные волосы, и плотнее запахнула халат. — Вот так. Я не успела от нее избавиться, да?

Мы с Ретро одновременно оглянулись.

— Нет.

Хо Хо состроила самую милую гримасу, на которую была способна. Оливы с точки зрения всех остальных рас — не слишком привлекательны. Все дело в том, что у них отсутствует привычная форма носа — так, бугорок и две щелочки. А еще — глаза с крестообразными зрачками, которые смотрят прямо в душу. И кожа цвета... Оливок, собственно говоря. Волосы они покрывают самой невообразимой палитрой химической краски, от чего быстро лысеют и становятся еще краше.

При всем этом у них крепкая мускулатура и широкие плечи. Олива может на равных драться с гарзонцем в темном подъезде, и после этого раскусить репу оставшимися зубами. И тут дело не столько во врожденной выносливости. Главный капитал бывших хозяев Немоса, это сила воли. Железная, как ее называют.

Так-так, нужно ведь кое-что уточнить. Я упомянул, что говорю именно о женщинах? Мужчины оливы — это нечто иное. Совершенно.

— А-а-а!

Мне захотелось побыстрее юркнуть в контору. Ки Ху все-таки пробудилась.

— Вот он. Явился. Как будто в коридор насрали. Лонгатская крыса, убирайся обратно в дыру, из которой тебя выгнали голод и чума. Хо Хо — моя!

О, Леди, только не снова.

Ки приподнялась на руке. Рот ее раскис, но она сурово отерла его ладонью и поглядела на меня совершенно трезвыми глазами. В них не было ничего кроме желания избавиться от меня навсегда.

— Я тебе говорила: не сметь!

Хо Хо прыгнула мимо меня и Ретро, и так звезданула подружке в челюсть, что Якоб выдохнул что-то вроде «уоу бля».

— Не сметь помечать меня как собственность, — чеканила Хо, сверкая глазами. — Ты уподобляешься тем, кого ненавидишь. Только палочки присваивают себе чужие жизни.

Ки, прикрыла глаза. Она вынула изо рта обломок голубоватого зуба и вздохнула.

— Прости, любимая. Но ты должна знать, что я никогда не смирюсь, что ты делишь... Что ты пугаешься...

— С лонгатским свинопасом, — подсказал я. — Это уже было Ки.

— Для тебя, Ки Ху Чи, бледный уродец.

— Господи, какая драма, — не выдержал Ретро. — Вы уж извините, но я собираюсь разбавить ваши брачные игры кружечкой крепкого чая. Позвольте пройти.

Он скрылся в конторе.

В этот момент Ки Ху достала из своей грязной штанины железку и наставила на меня. «Ну, наконец-то» — успела подумать малодушная часть Самары Де Хина. Его мотивированная часть попыталась уклониться, но Хо Хо была настороже. Она подопнула железку снизу-вверх, и пуля продырявила мою панаму.

Мы вдвоем навалились на неудавшуюся убийцу свинопасов, и связали руки поясом от халата Хо.

— Ребят, просто выпейте уже чаю и успокойтесь, черт бы вас подрал, — Ретро появился в дверях с гигантской кружкой наготове. — Когда мои близнецы шалят, я не покупаю им

дозу, чтобы вразумить. Они кожу на руках режут, чтобы меня разжалобить и клянутся прыгнуть из окна. Обкладывают меня такими словами, о существовании которых я и не подозревал. Мои милые ангело...

— Ретро, Ретро, — затараторил я, — чай, переключись на чай.

— Да, господин Якоб, — внезапно поддержала меня Ки. — Я уже ухожу.

— Нет, ты не уходишь, — прошипела Хо, глядя как в нашу сторону бегут гарзонцы из охранки. — Тебя побьют и вышвырнут отсюда как ты того и заслуживаешь, безумная алкоголичка. Я многое от тебя вытерпела, но это — была последняя капля. Я не хочу больше тебя видеть, Ки Ху Чи. Еще раз явишься, и я убью тебя голыми руками, без всякой стрельбы. Клянусь Матриархом.

Хищные глаза Ки Ху расширились и наполнились слезами. Насколько я знаю, клятва Матриархом дается один раз и не имеет обратного хода. На моих глазах распалась давняя любовь.

Судебный процесс над Хо был гораздо короче, чем надо мной. Сэт слегка отчитал ее, за то, что она сразу не скооперировалась с охранкой, и позволила даме сердца спать в коридоре. Это было не удивительно: олива и Холегйула были близки настолько, насколько этикет позволял палочнику сблизиться с представителем другой расы.

Все-таки выросли вместе.

Началось все с того, что мать Сэта выкупила жизнь нежеланного оливского ребенка, чтобы развлечь себя чем-то на один вечер. Эта странная блажь быстро вылетела у нее из головы, и Хо стала первой близкой слугой Холейгулы младшего.

Он сразу нашел ей применение.

Будучи ленивым даже по меркам избалованных тенебрийцев, Сэт наотрез отказывался читать книги, которые ему подсовывал отец. Вместо этого он обучил своему языку Хо, и заставлял оливу читать вслух. Она же делала за него домашнюю работу, и, помимо прочего, навязалась в подмастерье к механику, возится с катафалками. Годам к семнадцати Хо полностью отработала свою цену и попросила Сэта освободить ее. Но палочник привязался к ней слишком сильно и пошел на хитрость: намутил грант на посещение мастерских тенебрийцев. Два раза в неделю. Работа там помогала ей систематизировать накопленные знания. За это олива согласилась еще десять лет быть на побегушках у тощего негодяя.

Сейчас ей было двадцать два — возраст, когда цветок только раскрывается. Когда беспробудный оливский алкоголизм еще не подкосил здоровье, и в жизни, можно сказать, все отлично. До окончания каторги остается пять лет: смешной срок для того, кто верит в себя и живет мечтой.

Хо желала получить постоянное место техника на заводе и оказаться в роскоши. Как эту роскошь понимала нищета, конечно. То есть в собственной квартире, в районе среднего класса для отсталых, а не в конторе Сэта. Хотя, она давно уже привыкла мыться в общественном туалете на этаже.

Сейчас Хо, полностью вовлеченная в работу, сидела за «белым столом надежды» нашего дорогого палочника и зачитывала список сегодняшних клиентов. На ней был черный комбинезон, красный платок на шее и гигантские очки с резинкой. Острые ушки пробили медные серьги. Загляденье.

— Джинна Валлей — одиннадцать-тридцать. Тысяча триста номиналов. Артур Артурикс записан на двенадцать. У него восемьсот пятьдесят и быстро растет. Занял у

братьев Штольц.

Холейгула младший консультировал людей, попавших в сложную финансовую ситуацию. Чаще всего разговорами все и ограничивалось. Можно было подумать, что Сэт не юрист, а психоаналитик. Но, бывало и такое, что хитрый палочник, имеющий связи в мировых судах и теневых кассах, выбивал для клиента частичное списание долгов. Иногда даже полное банкротство за счет «правильного» трактования законов, уничтожения закладных и расписок, подделки паспорта или... в счет «личного времени».

«Личное время».

Ужасная и болезненная процедура, смысл которой заключается в том, что специальный волк берет жизненную силу должника и перекачивает ее клиенту. Такое хорошо оплачивается. Только вот нужно иметь ввиду, что вытянутая из тебя жизнь — это годы и годы, иногда целые десятилетия, которые назад не вернуть. Перекачать жизнь, это не то же самое, что слить канистру горючки из чужого бака. Волк ограничен интуитивным пониманием того, сколько «литров» души, нужно взять, чтобы не убить донора. А часть ведь еще ускользает при переносе, сволочь такая. Взял пять лет, влил — пару месяцев.

Много отчаявшихся должников погибло при переливании. А сколько еще погибнет. Но не я. Это я твердо для себя решил. Никакого волкачества ближе, чем в сотне метров от меня. Моя недожаренная голова скажет вам за это спасибо, господи волки. Что б у вас у всех яйца повзрывались.

— Эрнст Фолис — на три часа. У этого полный набор «быстроденег». Он и сам не знает, сколько уже должен.

Сэт медленно потягивал чай, лежа на диване, а мы с Ретро, хоть и делали вид, что расслабленно зависли в креслах, ждали и нервничали. Нами владело охотничье беспокойство и вовсе не интересовал этот белый стол и списки грошовых должников. Мы были мамонтами среди них, мифическими чудовищами, которые зарывали свою яму без помощи Сэтовских консультаций. Нам нужны были не новые паспорта, а проценты от темной, истинной части его бизнеса. Нам нужно было *дело*.

— И, наконец, в пять часов заглянет Каждому-Должен.

Палочник застонал. Мне тоже сделалось не по себе. Каждому-Должен Ретц — это в своем роде феномен. Он занял буквально у всего города и до сих пор остается жив-здоров. Даже мне он торчит пять норов. И Ретро. Да всей конторе. Сэту — двадцать пять номиналов, да можно ли в такое поверить? Палочник всерьез считает, что Каждому-Должен — мелкий волк, с талантом заговаривать зубы и клянчить. То есть, влиять на разум. И правда, когда этот желтозубый и глазастый сын фуги и лонгата, начинает выманывать мелочь, ты как будто на время отключаешься. Не понимаю, почему его все еще не прибили кирпичом, ведь он и у пьяницы, идущего за опохмелом, способен вытянуть последнее.

Очевидно, Каждому-Должен заходил в контору вовсе не для того, чтобы решить свои финансовые проблемы. Точнее решить не тем способом, который был бы приятен Сэту. Обычно мы запирались и не пускали его, но такое не всегда прокатывало. Ретц был удручающе пронырлив. Охрана с ним не связывалась — он тащил деньги и у них. Короче говоря, парень так и напрашивался, что б его переехали катафалком.

— Все? — спросил Сэт.

— Все, — кивнула Хо, и стянула очки с головы.

После этого проклятый палочник как будто вовсе задремал. Я ковырял дырку от пули, которую получила моя несчастная панама. Удивительно, но этот выстрел абсолютно меня не

задел. Во всех смыслах, я имею ввиду. Хи могла бы с тем же успехом харкнуть мне на кроссовки. Видно, я уже основательно выгорел, и это, конечно, было не очень хорошо. Такое «бесстрашие» выходит боком. Так же как свинец со смещенным центром тяжести.

Когда я был пехотинцем, я мог буквально чувствовать пролетающие мимо снаряды. Моей любимой командой было: ЛОЖИСЬ, ДРАТЬ ВАШИХ МАТЕРЕЙ! Лейтенант Рун очень не любил наших мамаш. И то сказать, выдавить из своего чрева таких идиотов... Это было настоящее преступление против генофонда.

— Ну, так, — сказал Холейгула и мы все сразу подобрались.

Сэтовское «Ну, так» — это сигнал к обеду, после которого у дрессированных псов типа нас, сразу же начинается слюноотделение.

— Есть дело, мои воины. Некто господин Либуля, потерпевший фуг, жаждет нашей помощи. Взамен, он разрешает конторе забрать все ценности из его дома.

Это еще не самый странный брифинг, на который способен Сэт. Обычно после того, как он скажет первые несколько слов, у нас всех появляется масса вопросов.

— Фуг? — мгновенно заговорил Ретро. — То есть мы обогатимся ворохом тряпок и костями съеденной бабушки?

Холейгула нетерпеливо вздохнул.

— Господин Либуля, — заговорил он свирепо, — живет в пригороде Новой Победы, недалеко от богатого коттеджного поселка, где обитают только тенебрийцы. Я навел справки, и, да, быт у него протекает лучше вашего, мои дорогие костоглоды и хрящегрызы.

— У фуга? — переспросила хрящегрыз Хо.

— Да у фуга, — начал закипать Сэт.

— Фуга? — не удержался я.

— Да, Фуга! Знаете таких? Мелкие, воняют вокзальным туалетом, жрут кровавые обмотки и дышат задницей. Фуги. Еще раз вы начнете скулить до того, как я закончил, отхлестаю мокрым носком.

Костоглоды притихли.

— Так вот, — продолжал Сэт, выждав секунд тридцать, — не гавкнет ли кто? — Вышеупомянутый господин Либуля в свое время занимался привычной работой, гонял жирбергеров по канализации. Был солью земли, так сказать. Однако, в какой-то момент ему улыбнулась удача. Он устроился в Медика Шентия подопытным кроликом и работал не покладая рук. Несколько раз его тестовые группы погибали полностью. Все, кроме него. В конце концов, он заработал достаточно денег, чтобы уйти на покой. Купил домик, перевез туда семью, и ведет жизнь состоятельного бюргера. Вот так-то. Учитесь, ленивые бомжи.

Ленивые бомжи переглянулись. Ну да. Можно, конечно, сыграть и в такую лотерею. Я же говорил, что палочники мучительно завидуют аквитаникам? Медика Шентия одна из тенебрийских корпораций, которая занимается вопросами быстрого... Как это там говорится? Э-во-лю-ци-о-ни-ро-ва-ни-я. Пока выговоришь, успеешь ученую степень получить. В общем, они разрабатывают препараты, которые улучшают ум, память, сообразительность, делают здоровее и выносливее. Но так как скорость — важнее безопасности, несчастные подопытные фуги, а с ними и лонгаты, мрут пачками от побочек.

Как бы то ни было, если продержаться достаточно долго, действительно можно поднять какое-то количество номов. Не так много, как в корпусах Крашелл, но — хэй, в Медика Шентия тебя хотя бы не станут насильно вгонять в долги. Подопытные просто счастливо помирают и на этом — все.

— Хорошо, мы вас поняли вождь, — осторожно произнес Якоб. — Но что за работа в общих чертах, можно обрисовать?

— На этот раз грузчиками, — Холейгула младший довольно улыбнулся. — Вынесите все под чистую, поняли меня? Сделайте несколько заходов, если нужно. Я дам Хину ключи от гаража, все оставите там. Особенно хватайтесь за технические идола.

Этого Сэт мог и не говорить. Кроме того, сомневаюсь, что фуг достаточно богат для идолов. Сладкие мечты жадного палочника.

— Но что он хочет взамен? — не унимался Ретро. — Что-то же ему нужно. Господину Либуле.

— Подбросить до первого канализационного люка, как он сам сказал. Не так уж и трудно, да, оглоеды?

Мы снова переглянулись.

— Требуется конфиденциальность и скорость. Я так и не смог развязать ему язык, но случилось что-то крайне для Либуля неприятное. И он не хочет, чтобы его беспокоили ГО. Так что ноги в руки и бегом в «Благоприятный». Там найдете Зеленую улицу и проедите по ней до самого конца, пока не увидите деревья.

— Кто ему нас порекомендовал? — подозрительно спросил Якоб.

— Он сказал, что уже как-то пользовался нашими услугами через посредника. Я так понимаю принц возил для него реплику плоского телевизора.

— Да, — кивнул я. — Помню такое. У меня была куча всякого ширпотреба в багажнике. Весь день мотался.

И в Благоприятный заезжал, где разыгралась сцена из какого-то шпионского утренника. Несколько фугов ждали меня в черешневом саду, среди густой зелени и кустов. Все в балахонах как сектанты, и напряженные до предела.

Вообще-то покупать технику не запрещено, особенно когда речь идет о говеных репликах. Но если отсталый ниже палочника зайдет в магазин электроники, где можно найти плоский телевизор, то привлечет *очень* много ненужного внимания. Могут и закрыть в каталажке до выяснения обстоятельств: откуда это у жалкого фуга столько номов? Потом отпустят, конечно, но кому это надо сидеть у параша под присмотром настоящих уголовников. Можно не продержаться и часа.

— В атаку идут де Хин, и некто Якоб, он же Ретро, он же Детектив.

Сэт явно был в хорошем настроении. Ничто не радовало его сердце больше, чем халява. Впрочем, все мы рассуждаем подобным образом, разве нет?

— Хо, любовь моя, ты останешься со мной, чтобы оборонятся от Ретца.

— Как скажешь, Холи.

Холи. Гос-сподь гарзонский. Никогда к этому не привыкну. Мы с Ретро уже привстали, но тут на белом столе зазвонил белый же телефон. Хо мгновенно сняла трубку.

— Общество Должников слушает. Решаем финансовые затруднения, оказываем особые услуги. Все, кроме выбивания долгов и физического устранения. Чем мы можем вам помочь? Несколько секунд она молчала.

— А, это ты Ребро. Привет. Да. Что? Кого найти? Ну, наверное, да, я передам Сэту. А что с ним? Сколько? Гонишь.

И дальше в духе непонятных тебе телефонных разговоров. Мне надоело стоять в позе человека, ждущего удара под зад, и я решил закончить превращение в стоячего Самару Де Хина.

— Пошли, — негромко сказал я Ретро. В конце концов у нас уже было дело. Странное, но сулящее прибыль.

Якоб кивнул.

Хо положила трубку.

— Стоять, — сказала она, строго посмотрев на меня. — Началась охота. Приз — полтинник.

У всех в конторе отвисла челюсть.

— Мать моя отец, — гаркнул Якоб азартно. — Ты только скажи кого найти, малышка, я под каждую кучу загляну.

Хoleyгула аж приподнялся на локте.

— Ну! — потребовал он. — Опиши цель.

— Ребро сейчас отправит ксерокоп, — Хо протянула оливковые пальцы к факсу.

Тот затрепал и заморгал лампочками. Показался бумажный язык. Дело это было не скорое, и я уселся обратно в кресло. Якоб же подошел к столу и с любопытством уставился на то, как магия электроники предсказывала его будущую цель. Мне же гораздо любопытнее было смотреть за выражением его лица. Однако, все время, пока механизм кряхтел и попукивал, оно сохраняло непроницаемость. Лишь в конце на губах промелькнуло что-то вроде довольной ухмылки.

Хо подула на готовый ксерокоп.

— Вот он, ознакомьтесь ребята. Такой милаха.

Якоб взял листок в руки.

— Достойное дело для детектива Фитцвиля, — сказал он, наконец.

— Покажи, — сказал Хoleyгула.

Детектив Фитцвиль перевернул листок.

— Кто-то слишком сильно любит своего дедушку, — предположил палочник и улегся на подушку.

Я уже успел заметить очертания, но не верил своим глазам. Это было невозможно. Просто невероятно. Нет, сука. Сплюнув чайнку, оставшуюся на языке, я бросился к столу. Хо подвинула мне ориентировку, и я чуть не закричал от обиды.

Точнее, я закричал. Тянул на одной ноте слово, относящееся к половым сношениям.

— Да что с тобой такое, свинопас? — не выдержал Сэт. — Как это там? Отставить лейтенант Хин! Тут дама.

Господин Эх смотрел на меня печальными глазами. Его серая репродукция выглядела еще унылей, чем в жизни.

— Кто его ищет? — спросил я сквозь зубы.

— Хозяин, гений ты мой, — ответила Хо и улыбнулась. — Разжевываю. То, что вы видите, парни, — нелюдь выведенный с помощью волкачества. Волшебная лягушка. Бродяга очень стар, так что надо торопиться, пока его не переехал грузовик или не сожрали фуги. Хозяин — палоч... Тенебриец по имени Тутмоз Гисбуди, гарантирует награду по кодексу.

— Гисбуди, — повторил Сэт. — Богатая семья. Занимаются горючкой. Живут в Масляном Бастионе. Зачем прибыл в Победу — неизвестно.

— Он что, везде его с собой таскает? — удивился Якоб.

— Очевидно, сильно привязан, — сказала Хо. — Поэтому готов выложить полсотни.

— Привязан и поэтому дал сбежать.

— Ребро сказал, что катафалк Тутмоза попал в аварию или что-то такое. Этот нелюдь

просто спасался.

— Истинно так, любовь моя, — подтвердил Сэт. — Тутмоза немного поломало, но состояние стабильное.

Иногда я размышляю, сколько у Холейгулы «внештатных сотрудников», которые добывают ему информацию, и сколько он сливает на это номов. Обычно после такого моя изжога обостряется даже без сэндвичей.

— Самара, — позвала Хо. — Сам-Сам! Да что у тебя с лицом? Сердечный приступ? Угля активированного дать?

— перевозбудился, — хмыкнул Сэт. — Знаете, что он вытворил сегодня? Помимо того, что разбил мою тачку...

— Этот дед! — заорал я.

Глаза Хо расширились.

— Этот хренов дед! Я же говорил, я знал... Майор, я сегодня утром держал этого нелюдя в руках. Это он провонял ваше эспертуа. Нельзя было его выбрасывать. Плохая примета, плохая примета.

— Где это было? — быстро спросил Якоб.

Я выложил все. Сэт превратился в мумию. Олива по-доброму потешалась надо мной.

— Свинопас ты...

Палочник видел мое состояние, поэтому продолжать не стал. В каком-то смысле он оставался справедлив, поэтому вспомнил и собственное брюзжание о пассажирах в Заразе.

— Меняем планы. Якоб — тебя я назначаю на поимку этой твари. Хо — едешь с Хином к Либуле. И ни на что не отвлекайтесь, понятно? Ни на что.

— Кстати, кличка у лягушки есть? — спросил Ретро.

— Эхсин, — ответила Хо.

Мы домчались до угла Токарной и Решительной. Это было лучшее место, чтобы высадить Ретро как можно ближе к моему тысячнику, а самим рвануть за город, не теряя лишнего времени. Всю дорогу Ретро расслабленно посасывал электронную сигару, пуская вишневые пары. Он никогда не стремался. Во всяком случае после того случая со скрипками. Возможно, считал, что хуже с ним все равно уже ничего не случится.

Вместо нервозности в нем кипел азарт и желание скупить своим ангелочкам все наркотики мира. До того, как мы услышали его привычное — «десантируюсь!» — он успел выпрыгнуть из меня всю информацию до крупички. Но много ли я мог сказать? Повезло, что кто-то сорвал с нелюдя ошейник, при этом не умертвив его. Вещица наверняка была дорогая.

— Ни пуха! — крикнула Хо вслед удаляющемуся детективу. Тот мастерски объезжал прохожих и совершал нарушения ПДД прямо-таки с виртуозным наплевательством.

Что и говорить, электро-самокат — крутая штука. Странно, что при аппетитах близнецов, он все еще не в ломбарде. С другой стороны, как вспахать поле, если продашь лошадь?

— К черту, — ответил я за Ретро.

И чуть не сплюнул через плечо.

— Как же хорошо, наконец, выбраться из конторы, — Хо потянулась. — Эти два дня в неделю, когда я сваливаю на завод — пролетают как пара стопок... Эй, следи за дорогой. Ты и так уже дел наворотил. Эта лобовуха выглядит паршиво. Мне теперь все это менять и выправлять

Я отвел глаза от зеркала заднего вида, настроенного на ее грудь. Место оливы всегда было позади, у головы нашего сумуса.

— Ну хоть ты то не начинай.

Олива хихикнула.

— Не пыхти, Сам-Сам. Ты сегодня что-то неважно выглядишь. Тебя словно били по яйцам с самого утра.

— Так и есть. Просрал полтинник на ровном месте. После процента я бы мог жить спокойно два месяца. Ты, только вдумайся! Два!

— Успокойся, Ретро справится. Этот нелюдь как белая ворона. Главное, чтобы конкуренты не успели раньше.

Я притормозил, пропуская вереницу фугов волочивших куда-то огромную железную цепь. Они обливались потом и выглядели как колбаски на пару.

— Я верю в Ретро, но, слушай, в доме Либуля мы даже обои сорвем, понятно?

— Это ты кому говоришь? — Хо подалась вперед и положила руку мне на плечо. — Смотри не надорви спину, когда будешь тащить ванную.

Она помолчала, уткнувшись лбом в спинку моего кресла.

— Не пьешь? — глухо спросила она.

— Нет. А ты?

Глупый вопрос. Обычно Хо начинала поддавать с самого утра. К зависти многих алкоголиков, оливы способны подавлять признаки опьянения. Но только не моя Хо. Пока они с шефом принимают должников, она волевыми усилиями не позволяет себе упасть лицом в столешницу. Но как только палочник уходит, секретарь надирается до состояния портового грузчика, помноженного на два. Ей нравится состояние полной расслабленности.

— Нет необходимости.

В Заразе стало сумрачно как на черно-белой пленке. Я буквально чувствовал, что за моей спиной плачет олива.

— Си умер.

Я уже догадался об этом. Женщина оливов может оставаться трезвой дольше суток только в двух случаях: либо она хочет стать матерью, либо ее муж — умер. Впрочем, есть и третья возможность: закончилось все бухло в мире.

— Мне жаль. Правда. Мы ведь с ним почти подружились.

Хо зарыдала в голос. Кажется, она долго сдерживалась и теперь, рядом со мной, человеком, который был для нее так же прост, как и близок, раскрыла все шлюзы.

Я дал ей выплакаться. Моим вниманием завладел угольный тяжеловоз, который не желал пропускать Заразу вперед, а сам — еле, гад, плелся. Я резко вывернул руль и прибавил скорости. Мимо пронеслась пара тормознувших гарзонцев. Они показали мне вслед, что думают о лонгатах. К сожалению, не до конца: их спугнул тягач, везущий болванки.

«Тр-у-у-у», — заревело чудовище.

— Вчера утром, — Хо вытирала глаза рукавом комбинезона. — Я ничего никому не сказала. И сама решила не паниковать. Думала, что просто ушибла его. Может упала неудачно. Он был просто бледным. А сегодня почернел. Он теперь как большая противная родинка.

Наверное, мне все-таки нужно внести некоторую ясность в происходящее.

Мужчины олив — это крохотные паразиты размером с яблоко. Во время заключения «брака» они присасываются к телу невесты и принимаются сосать кровь. Со временем

глотка жениха полностью срастается с плотью, которая его кормит, и он становится молчаливым придатком. Внешним органом для осеменения. Каждый день он впрыскивает в кровь носителя гадость, от которой у мамы-оливы в животике завязывается еще один паразит. Куда более вредный.

И вот тут мы подходим к проблеме беспроектного пьянства городских оливок.

Крепкий алкоголь глушит папочек, так что они не в состоянии исполнять свой супружеский долг. И, вероятно, убивает то, что они успевают впрыснуть. Если б не «Лучшая Доступная» Хо постоянно ходила бы с пузом, как и все ее товарки. Существуют, конечно, специальные препараты, но их цена значительно превосходит покупательскую способность большинства девчат. Понятно, для чего это сделано. Алкогольные пошпины сами себя не отчислят. Реклама бухла занимает почти всю поверхность «рабочки».

Вот так.

Точно неизвестно, почему сильный пол оливок превратился в похотливых клещей. В мифологии этого народа есть легенды о целой эпохе некой *Болезни*. Оливы, предположительно, подхватили ее, сожрав какое-то зараженное животное. Или совокупившись с ним. В любом случае, они совершили ошибку. Болезнь уродовала женщин и серьезно влияла на развитие мужчин. Со временем последние стали вырождаться, пока не превратились в комки несамостоятельно плоти. Все, что они теперь могут, это вести жизнь насекомого, ползая по земле и стенам, пока не найдется свободный носитель.

Бытует шуточная версия, дескать бабы оливок были настолько злое...ми тварями, что самостоятельно загнобили мужчин до такого состояния. Матриархат и все дела. Не знаю, не знаю. Кхм, учитывая, сколько их живет в борделях, к мужчинам оливки относятся вполне терпимо. Во всяком случае городские.

— Извини, что-то я раскисла, — Хо деликатно высморкалась в платок у себя на шее. — Это мой первый муж, так что...

— Понимаю, — мягко сказал я.

До сих пор не могу точно выразить насколько это странно, заниматься сексом с женщиной на глазах ее мужа. Пускай глаз как таковых у него и нет, ведь они исчезают за ненадобностью... Ну, хорошо, заниматься сексом *в присутствии* мужа. Люди по-разному относятся к человечности оливок мужского пола, некоторые и вовсе считают их животными. Для меня это было неважно. Когда мы *втроем* только начинали, я всячески избегал смотреть под левую грудь Хо: чаще всего папочки присасываются именно туда.

— Слушай, насчет Ки... — я постучал пальцами по рулю.

— Остановись, — грубо прервала меня Хо. — Нам было хорошо вместе, но эта дура не понимает, что алкоголь — средство, а не цель. Тема закрыта.

— А-ке, — буркнул я, ощущая постыдную радость.

— Теперь мне ходить с трупом под сиськами, — хмуро проговорила олива. — Пока не отвалится. А потом все по новой. Йа найба ку мама та, дор ка ну дин ну!

Хо выучила родной язык специально, чтобы поддерживать связь с корнями. Когда она переходит на него, лучше к ней не приставать.

Я и не собирался.

Мы ехали в молчании. Несмотря на то, что Сэт приказал нам не отвлекаться, я притормозил у ларька, торгующего печеной картошкой. Палочник, разумеется, имел ввиду, что б мы с Хо не начали заниматься любовью, укрывшись в каком-нибудь переулке за мусорными баками: он хорошо знал этих похотливых отсталых, ведомых одними лишь

инстинктами. Как будто у нас обоих сейчас было настроение попынтеть. Другое дело — среднее ведро Клуб-Клубня.

Я вел одной рукой, пользуясь тем, что Хо была подавлена и не способна меня критиковать. О, Леди, это было божественно. Картошка — вкусовая бомба матери-природы. Моя изжога сразу испарилась словно кто-то потушил огненное озеро нежнейшей сливочной пеной.

На выезде из города подозрительный ГО-шник проверил мои документы и спросил, куда я направляюсь. Я, по привычке, соврал, что еду забирать хозяина. ГО-шник, по привычке, сделал вид, что поверил. Ехать по автостраде было — одно удовольствие. В небе парило несколько зловещих дирижаблей черного цвета — дешевое, но эффективное средство наблюдения, освобождающее реплики вертолетов для серьезной работы. Значит, свободовцы нам здесь не угрожали. Мое настроение значительно улучшилось. Кажется, неудачи все-таки дали мне передохнуть. Я даже замычал мотивчик утренней песни.

На въезде в «Благоприятный» маячил спешно собранный блокпост. Это было ожидаемо после утренних «неприятностей». Я выругался. О том, чтобы проехать внутрь поселка на битой Заразе не могло быть и речи. Наверняка этим ребятам выдали список номеров, которые встречались в «Благоприятном». И приглашения ни от кого из жителей у меня не было. Что ж. Оставалось только гнать в объезд. Насколько я понял, господин Либуля, буквально жил в лесу, или на полях за ним. То есть, далеко за границей поселка.

Я подметил проселочную дорогу, ведущую примерно в нужном направлении, и свернул на нее.

— Какого... — Хо пристегнула ремень. — Сейчас не время, Сам-сам!

— Успокойся, — призвал я. — Либо так, либо мы застрянем с касками часа на четыре, пока Сэта не привезут сюда на вертолете и он лично не скажет, что мы — его игрушки.

Оливка заметила блокпост и тоже не постеснялась в выражениях.

Некоторое время мы блуждали в лесу, изредка останавливаясь и ругаясь над старой потрепанной картой окрестностей, пока, наконец, не нашли единственное верное направление. Больше дому господина Либули находится было просто негде.

Горючка таяла. Я нервничал. В конце концов, впереди наметился участок, расчищенный от деревьев. Похоже, раньше тут пытались организовать вырубку, но дело, почему-то, не задалось.

Тогда я увидел дом господина Либули. И причину, по которой фуг хотел, чтобы мы увезли его подальше и дали спрятаться в канализации.

Признаться, у меня возникла ровно такая же мысль.

Глава 4. Трудности Якоба

Якоб знал все с самого начала. С позавчерашнего дня он замечал *знаки*. Мужские футболки и женские маечки — все они говорили ему о том, что придется разыскивать кого-то необычного. Он надеялся, что это окажется сам черт во плоти, но, пока, ему обломился только несчастный пожилой нелюдь.

Детектив мчался по Уверенной, пронзая взглядом каждого встречного. Скрытый талант бегущего по принтам, помогал ему отсеять зерна от плевел.

«Время искать» — принт с веселой рожицей, вынюхивающей тропинку к холму белого порошка.

Это он уже понял. Что еще?

«Моя горючка» — изображение бутылки, из которой извергается темный водопад.

И это тоже устарело. Еще.

«Ломаю стены» — кулак, который, — вот сюрприз! — торчит из кирпичной кладки.

Так-так, это что-то новое. Якоб задумался. Шторм намекает ему как себя вести, или это предостережение о конкурентах? Нет, все не то. Зацепка, но не имеющая отношения к его цели. Так, а это что?

«Семья — превыше всего». Просто надпись, без картинки.

Это уже интереснее.

Якоб проехал мимо бледного полукровки, в роду которого смешались все известные расы, и, возможно, парочка еще неоткрытых. Во всяком случае, видок у него был такой, словно кто-то взболтал в одной мамке слишком много желтков. Да еще и опилок туда добавил. Было иронично, и очень подозрительно, что надпись про семью нес именно этот человек-солянка.

Подшить к делу.

Как бы Ретро не вглядывался в трафик, больше он не увидел ни одного знака. Не удивительно. В «рабочке» мало кто носил одежду с принтами или надписями. Номера цехов и пиктограммы отрасли в счет не шли, — это был всего лишь белый шум, который любой нормальный предсказатель умел отсеять и затоптать.

И Ретро считал себя удовлетворительно-нормальным. В конце концов, для города стали и грязи, он легко пролетал в окошко «адекватности». Здесь каждый нес в себе косточку безумия. Кому-то достаточно было просто поливать внутреннего психа алкоголем, чтобы дойти до ручки. Кого-то сжирала работа.

Некоторые ломаются на чем-то неожиданном. Это особенно опасно, если всю жизнь считаешь себя неуязвимым.

— Привет бандит, дам в кредит, сегодня берешь, завтра долг отдаешь.

В голове Якоба тихонько пиликнула скрипка, и он с улыбкой взглянул на девушку фугу лет шестнадцати. Она подбиралась к нему с самого начала и теперь с милой распутностью приспускала пальцем декольте.

— Какая прелесть, — произнес Ретро.

— Низкие проценты, довольные клиенты. Сверху пробная доза, марка — «черная роза». Кто не рискует, тот не пьет, а кто не из робких — все от жизни берет.

Девушка лучезарно улыбнулась желтоватыми зубами и хихикнула. Якоб впервые видел такого позитивного фуга.

— А без попытки вставить розу мне в задницу твои хозяева сколько хотят?

Девушка не растерялась.

— Не хочешь опцию, получишь санкцию. Возьмешь трех гномов за десять номов.

Якоб присвистнул.

— Твои сестрички, наверное, просто загляденье, раз вы столько дерете с простого детектива.

— Ой, ну дядя, — протянула девушка, — что ты такой несговорчивый? Пойдем, не пожалеешь. Лижем, сосем, скачем, плачем, даем, берем, колем, сыпем, режем, хлещем...

Она сбилась и надула щеки.

— На лицо можем пописать все трое сразу.

— Недурно.

— Поём красиво. Блюз. Кантри. Попса.

Поём...

Скрипка в мозгу Якоба истерически взвизгнула.

— У вас тут дети не пропадают?

— Имеешь в виду, не пропадает ли их больше чем обычно? — усмехнулась fuga.

Жутким вопросом на жуткий вопрос. Якоб потер глаза, стараясь взять себя в руки. Ты здесь не за этим. Ты никогда его не найдешь. А если найдешь, то снова обделаешься и сбежишь. Давай, Якоб, взбодрись.

— Ладно, проехали. Скажи мне, малышка...

— Ключ.

— Скажи мне малышка Ключ, ты же с Таф-2?

— Да. Лестница безопасна, погнали дядя.

— Как-нибудь в другой раз. Лучше скажи мне, ты вот такого бродягу во дворах не видела? Не ползал где-нибудь поблизости? Может его куда-то вели?

Fuga долго глядела на ксерокоп огромными подведенными глазами. Якобу начало казаться, что девка просто не понимает, на что смотрит. Возможно, она думает, что ее спрашивают, не видел ли она листочка бумаги, похожего на этот.

— Жалко его, — неожиданно произнесла Ключ, когда у Ретро уже иссякло терпение. — Такая грустняха. Нет, такого я не видела.

Ладно, подумал Якоб. Пойдём дальше.

— У тебя он больше. В прошлый раз был меньше.

— Что значит в прошлый раз? Тебе уже показывали его? Кто?

Конкуренция дышит в затылок. Чертов Ребро получает мзду слишком от многих. Конечно, Сэт доплачивает ему, что бы тот звонил в контору раньше, чем остальным, но, — вот беда, — в берлоге Инфоманьяка слишком много телефонов. Холейгула может опережать остальных всего на пару секунд.

Но ведь у них нет форы. Нет сведений, которые передал Якобу де Хин. Неужели прочесывают весь город? Это должен быть либо слишком удачливый одиночка, либо целая банда. За пятьдесят кусков в игру может вступить кто угодно.

— Странная какая-то кляча, — fuga поправила топ подмышкой.

— Лонгат, гарзонец, палочник? Может олива?

— Так я не поняла. Потому и странная.

Якоб резко обернулся. Парня с «семьей», конечно же, след простыл. Есть, как минимум, похожая на него «кляча» предки которой перетрахались в какой-то грандиозной куче-мале.

Занятно.

Немос богат полукровками. Даже смесь палочника и фуга здесь никого не удивит: среди долговязых встречаются свои извращенцы. Ортодоксальная часть тенебрийцев считает это чуть ли не скотоложством, но, — хэй, — не пойман не вор. Если, конечно, какой-нибудь вор стерпит подобное оскорбление.

Как бы то ни было, полукровка... Или уже четверть-кровка? В общем гибрид, которого буквально невозможно опознать по двум родителям, это — что-то новенькое.

— Размером с меня? — спросил Якоб.

— Да, чуть поменьше.

Якоб улыбнулся. Все всегда замешано на лонгатах. В любом пироге начинка, как говорят. Эти ребята не чертят в уме ненужные границы и не плодят сущностей сверх меры. Они среднего размера, достаточно выносливы и общительны. У мужчин — крепкое либидо, у женщин — любвеобильное сердце. Короче, обычный лонгат в своей половой охоте не остановится ни перед кем.

— А еще у нее был горб, — добавила Клю, подумав.

— Да ты что?

— Да, такой большой и круглый. Мож с Радуги.

Горбуны встречались в районе химической промышленности. И не только они. Каких только уродов не плодили тамошние общежития и ароматные выбросы фабрик. Местные называли свой район Радугой из-за постоянного смещения цветов, ползущих над крышами тысячников. Остальная рабочка суеверно боялась этих мест и называла местных крипами. От гарзонского — сгеер, чудила. Слишком много там мелких волков на душу населения, ведь злоба, безумие и уродство — то, что Шторм обожает в людях. Впрочем, еще больше крипов волками просто притворялось.

— Спасибо, Клю, — Якоб подбросил в воздух монету в пол-нома. — Купи себе сигареток.

— Хоть на том спасибо, — обиженно сказала Клю, поймав монету. — Но ты многое теряешь.

— Не сомневаюсь.

Ну, так. Первым делом нужно проверить подвал. То место, где эта лонгатская бестолочь впервые обнаружила нелюдь. И чем быстрее, тем лучше. Жирбергеры, не смотря на их философскую неторопливость, могут оказаться расторопнее любых охотников.

Якоб сложил самокат и повесил его за спину. Лямка впилась в грудь. Некоторое время он все же потратил, чтобы обойти Тысячник вокруг. Несколько раз он приставал к прохожим с ксерокопом, но толку от этих интервью было немного. Чтобы попасть в подвал, пришлось потратить время еще и на Стояло. Гарзонский черт работал на совесть. Очевидно, подобная должность была страсть как дорога его сердцу, и он не хотел потерять ее.

— Убирайся отсталый.

— Большой брат, ты кажется, не понимаешь...

— Не брат я тебе, беленькая гнида. Думаешь, если у тебя смуглая кожа, так ты сразу — один из нас. Вали, пока я тебя на самокат не посадил. Только способ тебе не понравится, слово даю.

Якоб потер переносицу.

— Держу пари, работодатели обойдутся с тобой не в пример хуже после этого.

— Чего?

— Слушай, толстолобик. Сегодня мне позвонил некий Самара Де Хин, может знаешь такого? Он сказал, что у вас в подвале завелся такой берг, что скоро от машин останутся только горькие воспоминания.

— А ты еще скажи, что жироловом подрабатываешь.

— Ты прав на все сто.

— В такой-то одежде? Больше похож на циркача как по мне. И где твои инструменты? Ты его голыми руками собрался ловить?

— Я смотрю, ты специалист по бергам. Много поймал за свою жизнь?

— Ну...

— Я так и думал. Слушай, отсталый, не мешай мне работать. Я могу уйти, но вечером ты огребешь так, что весь тысячник сбежится посмотреть на твою кровавую задницу.

Стояло не был дураком, но страх за сохранность автомобилей лишил его здравомыслия. В нем боролись чувство долга и его злобный антипод — ужас перед ответственностью за возможный косяк.

— Рабочий день ведь уже начался, — давил на него Ретро. — Машин внизу нет.

— Одна есть. Отсталый Че...

— Да подумай ты! Я что ее — хером заправлю?

Гарий вздохнул.

— Твоя правда. Ладно, я пушу тебя, но учти: если зависнешь там слишком надолго, я спущусь и проверю, что ты за жиролов.

— Надеюсь у тебя есть крем от кислотных ожогов, — лучезарно улыбнулся Ретро. — Если я «зависну» действительно надолго, это значит, что меня уже переваривают.

Стояло отер вспотевший лоб.

— Иди.

Ретро быстро спускался по темной лестнице. Преодолев примерно половину своего мрачного пути, он притормозил. Скрипка, тихонько дребезжа, заиграла в его голове. Что-то не так. Внизу опасность.

Никто не знал, что Якоб слегка настроен на волну Шторма. Что его мозги как приемник улавливают крохотную часть стихии. Это и не имело особого значения. По сравнению с настоящими волками, сила которых была их же чудовищным наказанием, он был просто мелким фокусником с колодой замусоленных карт. Эта ваша? Может быть эта? Что ж, попробуем все.

Бегущий по принтам.

Он сам это придумал. В современном мире прорицание были чем-то, во что не верили даже сами волки. Невозможно предсказать будущее. Человеческий мозг, хоть трижды усиленный Штормом, не способен обработать необходимое количество информации, чтобы создать образ грядущего. Он просто вскипит в своем костяном котелке. Реальна только интуиция, острота восприятия и вера в силу кармических совпадений. Хин, к примеру, верит в приметы. Тоже, в своем роде, стремление к провидению. Правда, совсем беспомощное.

Якоб видел магистраль судьбы. Но видел издалека, откуда-то из пустыни, усаженной кактусами. Движение событий, мчащихся по ней, было почти неопишимо. Все то полезное, что он мог выжать из этой недоспособности, это перенести ее в мир человеческого восприятия, выбрав довольно необычный объект для толкования. Надписи на одежде.

Впрочем, как уже говорилось, современный мир, требует современного отношения к задачам. Вряд ли потрошение животных и гадание на кишках, было бы предпочтительнее.

Как и наркотический транс. Первое — противно и разорительно, второе — вредно для здоровья и разорительно.

«Волки — сосут у зла», — надпись на стене справа. А под ней нарисован череп с перекрещенными молниями.

Очевидный знак.

Якоб не мог предсказать, что творится внизу, но чувствовал волкачество. Там творилось зло. Не то философски-неопределённое зло с мешком оттенков. Просто Зло. Нет ничего доброго в волках. Их сила — уродство, мучение, бесконечная боль и ужас, которой они пятнают все вокруг себя. В царстве кричащих скрипок, Якоб Фитциль изменился навсегда. Подцепил заразу, и услышал далекий гром. Молнии, бьющие от неба до воды. Молнии, пронзающие океаны до самого дна, словно копья богов. Вода кипит, взрывается паром, а ветер, скорость которого невозможно рассчитать, выхватывает из пучин озера воды. Он поднимает их ввысь и бросает, веселясь...

А может детектив просто свихнулся больше, чем обычный житель Новой Победы. Одно другому не мешало.

Никакого оружия кроме кулаков у Якоба не было. Впрочем, даже этот джентельменский арсенал в схватке с волком — избыточен. Все, что тебе на самом деле нужно в такой момент, это урна, или, хотя бы, мусорный пакет в который можно будет ссыпать твои останки.

Медленно скользя по стене, словно усталый жирбергер, Ретро заглянул в технические помещения.

— Он был здесь, — густо пробубнил некто. — Стоп.

Злобные глазки зыркнули в сторону Якоба. Тот мгновенно спрятался.

— Там дышат, — невнятно предупредило существо.

Возможно, это был человек. Когда-то. Однако, после трехсотого килограмма он отделился от своей расы и стал чем-то иным. Чем-то большим. Во всех смыслах. Разумной сферой из чистой, идеально белой плоти. Его конечности втянулись, оставив только рудиментарные культяпки, а голова растаяла в грудной клетке. Жесткие глаза, круглые, черные и пронзительные, царапали стену рядом с Ретро. Тот буквально мог слышать, как скрипит и осыпается бетон.

— Неважно, — отреагировала спутница сферического титана. — Пусть смотрит. Тараканов никто не слушает.

— Ой-ли, — фыркнул волк. — А ты стала небрежной. Впрочем, согласен, не будем отвлекаться на торчков. Наверно этому скелету не терпится принять дозу в тишине. Как я уже сказал, Уника был тут, но давно. След почти погас. Уходим.

Девушка носила свободную сутану, под которой угадывалась стройная фигура. Короткие черные волосы, странно покрашенные в белый горошек, жестко топорщились словно щетина. Со спины она напоминала жительницу лонги. Толстяк же, абсолютно нагой, покрытый радиальными татуировками, словно планета — меридианами, был слишком странным. Что он такое, при беглом осмотре сказать было трудно. Сейчас Ретро не рискнул бы высунуться, даже если б сзади к нему пристроились.

Этот шар с неизвестными возможностями вызывал у него ужас.

— Ты уже восстановился? — участливо спросила девушка.

— Не совсем, — пробубльнул волк. — Но лучше рвануть по шву, чем тут задерживаться. Болота. Тысячи разновидностей говен, и я должен этим дышать. Сейчас как прыгну прямо в

этот прогорклый кал, отмываться будешь до конца жизни. Так и помрешь в бадье. Вот тебе мое пророчество.

Девушка, к удивлению, Якоба, не разозлилась. Даже не смутилась. Она хрипло рассмеялась и сказала:

— Ладно, ладно, выдохни.

Прозвучало это не как дружеское предложение расслабиться. Что-то должно было произойти. Ретро быстро выдвинул половину черепа, чтобы не остаться маленькой подслушивающей мышкой. Хорошая мышка должна еще и подглядывать.

Планетоид действительно выдохнул. Сипло взревел. Расплывшаяся пасть пошла волнами, а плоть заколыхалась в точности как вода.

— Ха-а-ау-ар!

Лягушки панически заверещали. Даже в трубах что-то завывало от страха.

Ключья Шторма вылетели наружу, сверкая тоненькими молниями и являя собой чудовищную бурю в миниатюре. Это были пурпурные ошметки катаклизма, который мог бы уничтожить жизнь на планете: потопить сушу, или, наоборот, вышвырнуть мировой океан в открытый космос. Возможно, это было в его планах. Просто пока ему нужно было немного вздремнуть перед решающим приступом.

Волк скукожился до размера пляжного мяча. Выглядело это почти забавно, если не считать уродливых прожилок и трещин, которые появились на его сморщенной шкуре.

Девушка оттянула широкий воротник хламиды и через мгновение у нее появился горб. Якоб подшил это зрелище к делу. Так вот, значит, кто еще выспрашивал у Клю про Эхсина, которого они почему-то называли Уникой. Эта особа, плюс целый волк.

Ни один уважающий себя волшебник такого... размера, даже пальцем не шевельнет за жалкий полтинник. Для него это все равно что пойти работать на завод. Якоб знал это так же определенно, как и пристрастия своих детишек. Все дело в том, что удержать в себе силу Шторма способен только физически крепкий человек. Чем больше фокусов ты желаешь в себя упрятать, тем массивнее должно быть тело. Все могучие волки были гигантами за два метра, горами напряженных мускулов или... Что ж. Выходит, быть сферическим тоже не запрещалось правилами. Этот тип, должно быть, очень силен.

Вывод: его время недешево.

Старый нелюдь стоил гораздо дороже полтинника, если знать, как его правильно использовать. И эти двое — знали.

Пока Якоб размышлял «горбунья» успела скрыться. Все было тихо.

Ретро вышел из убежища. Он медленно приблизился к месту, где беседовала таинственная пара и осмотрелся. Частицы шторма почти растаяли, но какой-то злобный миазм успел цапнуть детектива в руку; необъяснимое ощущение холода и раскаленной иглы одновременно. Знакомое. Ретро рассматривал грязные раскисшие доски, поглаживая место «укуса». Разумеется, конкуренты ничего после себя не оставили. Было бы слишком просто найти тут их личные дневники с подробными записями о знаках зодиака и списками любимых фильмов.

Как они сюда попали?

Фитцвиль прошел дальше, в сторону ворот. Он прекрасно, черт возьми, знал, что снаружи ворота можно открыть только при помощи двухкилограммового технического ключа. Вряд ли эти ребята таскали его с собой.

Ах, вот оно что.

Металл трансмутировали в тряпку, но только в одном месте: размягчили краешек, чтобы прошла девушка. Якоб провел пальцами по холодной ржавой поверхности. В какой-то момент он превратился в легкую ветошь, занавес. По цвету и не поймешь.

Воздух был настолько пропитан злобой, что царапал кожу, словно мелкий наждак. Волкачество поражает только психопатов. Чтобы приказывать эху Шторма, нужно держать себя в постоянном тонусе. Испытывать сильное чувство. Чаще всего это — злость.

— Эй!

Все-таки долг взял свое.

— Эй, отсталый! Ты какого это хрена там делаешь? А ну отошел от ворот, мудила! Я так и знал, что ты разнюхать приперся!

Якоб обернулся. Стояло заблаговременно вооружился кастетом и вполне мог исполнить обязанности старухи с косой. Правда оружие его было куда практичнее.

— Ты раскрыл меня, — детектив задумчиво почесал подбородок. — Я вовсе не ловец жирбергеров. Я опасный волк. Надеюсь, ты сделал в этой жизни, все что планировал. Удачи стать самым красивым узором на потолке.

— Ты че несешь отсталый? Ты же дрищ. И клоун.

Ретро поморгал.

— Ну покажи мне, как тут у вас справляются с дрищами. И клоунами.

Гарий пожал плечами и кивнул в том смысле, что, да, давно пора. А то кнопочки без присмотра. Он бежал недолго, но скорость развил порядочную. В момент перед смертельным столкновением, Ретро плавно выскользнул наружу, а бедняга Стояло так влетел плечом в твердое, что его развернуло. Он повалился на стену и, шокированный, сполз на землю. Гарий не то, чтобы сильно пострадал, но инстинктивно занял положение проигравшего. Полотнище теперь скрывало его до плеч, а вытаращенные глаза в ужасе уставились на Якоба.

— Ты слишком рано, — недовольно сказал тот. — Занавес еще не поднят.

И врезал каблуком в переносицу.

— Ай, блять, — промычал Стояло в ладони. — Я же не знал!

— Точно. Теперь знаешь. Плохо твое дело, более черный брат. Теперь тебе везде будут мерещиться волки. Так и до невроза недалеко. Вот этого бродягу здесь не видел?

— Да шел бы ты на хрен, — пожелал Стояло и скрылся.

— Хорошо, — Якоб развернулся.

Это он мог стерпеть. В конце концов, послать могут куда угодно, это просто сигнал, что с тобой не хотят вести диалог. Но вот не пнуть по роже за «клоуна», было просто невозможно. Да, в моде Новой Победы было в основном два цвета, но неужели это должно быть правилом для всех?

«Но ты же сыщик», — высказался Самара однажды. — «Ты типа не должен сливаться с толпой? Не понимаю как тебя до сих пор к стене гвоздями не прибили в таких шмотках».

В этом был свой резон. Для новичков. Якоб давно прошел стадию серой незаметной куколки. Теперь он был взрослым насекомым и знал, что чем раньше ты бросишься в глаза, тем быстрее тебя... нет, не пристрелят. Тем скорее вокруг начнут развиваться события. Пристрелить, конечно, тоже могут. И пытались, неоднократно. Однако, у детектива Фитцвиля не было времени ждать и подолгу ходить вокруг да около. Ему нужны были деньги.

Иногда он спрашивал себя, «как черт побери, я дошел до такой жизни». И не стоит ли

ему сдать своих детей в наркологический пансионат. Стоило бы, конечно. Даже наверняка. Но достаточной суммы все еще не набралось. Вопреки мнению того же Хина, он не сливал все свои номы на подарки близнецам. Якоб упорно копил деньги на два билета в «Перерождение». Место, где из опустившихся людей могли откачать дерьмо, словно из сепсиса. Оставалось только надеется, что Вальтер сможет удержать Янис от коллективного суицида.

Якоб потер переносицу.

Де Хин, сказал, что бродяга отправился в сторону Волевой. Нужно двигать туда. Вряд ли он движется в какое-то конкретное место. Скорее всего, напуганный, забился в угол. Следует поспрашивать у местных бомжей, осмотреть все мусорные баки и темные углы. В конце концов, судя по описанию, Эхсин смог бы затеряться только среди них.

Самокат встал на землю. Его заряда хватит часа на три-четыре. Так же быстро нужно отыскать цель. Эхсина не только могут перехватить эти двое, он сам может помереть в такой среде от сердечного приступа.

Якоб старался двигаться быстро. Он напоминал хорошо одетого охотника на мусор. Шнырял между тоннелями и кучами хлама так, словно собирался собрать все жестяные банки Новой победы за один день. Бездомные только пожимали плечами. Прохожие равнодушно отмахивались. Нелюдь был ростом чуть больше метра, как сказал Хин. Одет в пижаму или что-то вроде комбинезона. Неужели никто не обратил на него внимания?

Наконец, одна гарзонская дама, закрашивающая протестные лозунги на стенах, внимательно всмотрелась в ксерокоп, и сказала:

— Да, он мне чуть ведро не опрокинул, бедняга. Странный тип. Шел и бормотал что-то вроде: вль, вль, вль. И по сторонам смотрел, как будто пытался вспомнить куда идет. А, так это была пижама? Я думала какой-то рабочий костюм. Еще подумала, ничего себе, пахать в таком-то возрасте. Живучий.

— Наконец-то хоть кто-то его заметил, — сказал Ретро облегченно. — Не подскажешь куда он пошел?

— А чего странного, стариков вообще редко замечают, — дама помакала валик в ведро с черной краской. — Извини, но следить я за ним не стала. Мне не до того.

Якоб досадливо огляделся по сторонам. На Волевой была мелкая, — для Новой Победы, конечно, — застройка с частными цехами. Тут были сотни поворотов и тоннелей. Он глядел на ведро с краской, раздумывая как бы это ему разорваться на тысячу маленьких Ретро и броситься врассыпную.

— А где, говоришь, он прошел мимо?

Свежезакрашенное богохульство в адрес палочников находилось метрах в ста позади, на стене цеха по производству дорогой мебели для Жилого района. Палочники даже ювелирные салоны и закрытые рестораны втискивали в рабочку. Большую часть товаров и услуг им доставляли прямо на дом по каталогу. Тенебрийцам не нравилась сама мысль о каком-то монотонном каждодневном труде, который будет шуметь рядом и омрачать эпикурейскую энергетику Жилого.

Вот она. Черная клякса. Эхсин задел ведро, вступил в краску левой ногой, и она пропитала ткань пижамы. Он постоял не понимая, что происходит, а потом его спугнул крик гарзонки.

Ретро быстро пошел по следу. Отпечатки становились бледнее, пока не исчезли совсем. Что ж, теперь хотя бы стало известно направление. По сокращающемуся расстоянию между

отпечатками, можно было предположить, что нелюдь либо начал выбиваться из сил, либо замедлился, увидев впереди что-то опасное. Мимо Якоба уже несколько раз проезжали уродливые реплики ГО. Еще одни конкуренты.

В любом случае, Эхсин должен был скрыться как можно быстрее.

Якоб уверенно свернул в заброшенный промышленный тоннель при закрывшейся трикотажной фабрике. Тот плохо просматривался из-за свезенных сюда отработанных масел. Все было загорожено бочками. Свободные места часто использовались подобным образом, потому что старая свалка Новой Победы недавно переполнилась, и сейчас в десяти километрах от нее панически строился новый полигон в три раза больше прежнего. Новопобедцы и сами не знали, сколько грязи производили.

Здесь детектива поджидала неприятная встреча.

Один из торчков был мертв. Второй забился между бочек и что-то лопатал, время от времени лягая пустоту пяткой в окаменевшем носке. Похоже кто-то схватил его, но удовлетворился только левой кроссовкой. Правая оставалась на хозяине. У мертвеца стащили всю пару, вместе с верхней одеждой. Но забрали только правый ботинок.

Тут же лежала пара шприцов, пустая банка консерв, несколько ложек, жгуты. И бесцветная пижама, покрытая застаревшей кровью. Ретро быстро осмотрел ее. Все как описал Хин. А значок — это, очевидно, метка хозяина. Пижама немного треснула по швам, и была распорота от ворота до паха чем-то не особенно острым. Из лохмотьев вывалился тупой как палка нож.

Детектив взглянул на тело.

Больше всего мертвец походил на жертву передоза. У него не было свежих ран или признаков удушения. Ретро поднял и опустил грязное предплечье. Свежий.

— Эй! — крикнул он лежащемуся. — Мне нужно взять у тебя интервью, отсталый.

Тот продолжал гимнастические занятия. Очевидно, старался следить за фигурой. Якоб подошел к нему и схватил за щиколотку. Раздался душераздирающий крик, но никакие формы сопротивления не помогли бы этому парню в данный момент. Ретро серьезно подходил к добыче информации. Иногда ее буквально приходилось *извлекать*.

— Не надо! — однокроссовочный растянулся на бетоне. — Не убивай меня, злой дух!

— Да ты что, — засмеялся Ретро. — Я очень добрый дух. У меня даже ствола нет.

Наркоша смотрел на него безумными глазами.

— Что тебе нужно? Где этот черт?

— Тише-тише, успокойся. Пока я здесь, ты бессмертен. Давай отмотаем время назад. Что здесь случилось, до того, как я пришел и спас тебя?

Парень задыхался. Эта физкультура серьезно его вымотала. Выглядел доходяга на тридцать, значит родился лет восемнадцать тому назад. Волосы уже повылазили. Ногти — тоже. Эта хрень, которую они долбили, совершенно легально производилась в Радуге под видом средства от тараканов. Ирония во все поля. Если ты не мог позволить себе нормальный товар из ядоварок, то шел в хозяйственный магазин и покупал там мелок «ДАШ-12». Его оставалось только растолочь и вскипятить. «Дашку» избегали до последнего. Она была Хароном, помогающим несчастным душам, слишком трусливым для петли.

— Да не понимаю я, — парень уронил голову, и принял позу эмбриона. — Мы тут бинжили с Крытым. Все было тихо. Только растолкли и расстегнулись, как слышу, кто-то идет. Ну копец, думаю, хочет третьим подсесть. А мы с Крытым этого не любим. Бинжить

нужно со знакомыми. Что б знать, как себя человек ведет с дашкой. С другой стороны, ну идет и хрен с ним. Не бросать же все готовое.

Наркоман страдальчески поморщился, глядя на растоптанный шприц.

— И к вам прише-е-ел, — Ретро вернул его внимание. — Оставайся со мной, дружище. Расскажешь все как было, дам четвертак. Потравишь тараканов.

Это подействовало.

— Да не знаю я, блять, кто это был, — устало проговорил лонгат. — Крытый успел проткнуться и обмяк. Я как раз затягивал. Только по венам постучал, как явился этот бледный провод. Сразу было понятно, что псих. Стоит и смотрит на Крытого. Грустно так, но нехорошо. Словно сожалеет, что сейчас сожрать человека придется. А Крытый-то в отключке. Я на коленях стою со шприцом. Чувствую, начинаю срать от страха. А делать что-то надо. Ну я взял камень перетянутой рукой и кинул в эту моль.

Парень задрожал от начинающейся ломки. И ужаса.

— Я не попал. Но что тут началось... Я таких корч в жизни не видал, а ведь вырос в притоне. Эта пыльная гнида чуть ли не до потолка прыгала, и орала. Только бесшумно. Или это я от страха оглох. Короче, тут я уже не выдержал... Заполз в бочки и сидел там, хрипел в кулак. Потом вроде успокоился — снова шаги. Но это уже ты был.

— И эта «моль» ничего не сказала?

— А?

— Этот тип ничего не пытался тебе сказать? Задать вопрос?

Недотравленный таракан тупо смотрел перед собой.

— По-моему он сказал «воля». Это все. Просто «воля».

Ретро снова посмотрел на мертвеца. Крытый ушел своим ходом. Эхсин только забрал его одежду. И как, интересно, нелюдь размером с фуга, будет смотреться в одежде лонгата. Пусть и невысокого. И в разной обуви. Вероятность, что к нему привяжется скучающая гопота растет неумолимо.

— Сожалею об утрате, — Якоб выщелкнул монетку большим пальцем.

Она упала рядом с изможденным наркоманом.

— Мой тебе совет: переходи на алкоголь. А потом спрыгивай.

За спиной детектива раздался нервный смех.

Якоб вновь двигался вдоль улицы, заглядывая в каждый переулок. След был почти горячим. И не только он. Солнце нагревало смог так сильно, что небесная крышка почти светилась, словно неоновый потолок. Ретро снял кепи и прошелся по мокрым волосам. Здания вокруг: заводы, цеха, многоэтажки, магазины, все это расплывалось от жары. Становилось мягким. Казалось, подтолкни стену и она медленно согнется в середине, словно ломтик сыра. Ни одной тени. Свет рассеян. Мир подсвечивается со всех сторон и каждая — выглядит как задняя, которую никогда никому не показывают. Там лежат пласты мусора, расколотых кирпичей, а забрызганный грязью алкаш блюет себе на ботинки.

Куда ты идешь Эхсин? Ты всю жизнь был ручной зверушкой богатого палочника. Ничего не знаешь о внешнем мире. А даже если б тебя выгуливали на родине, здесь вы — проездом. Новая Победа для тебя — просто нагромождение опасностей. Но ты движешься целеустремленно, почти по прямой. Куда?

«Воля».

Мимо проехала реплика с надписью: «Тенебрия — везде!».

Ретро задумчиво проводил ее взглядом. Он зашел в переулок и залез рукою в штаны.

Нет, у него не возникло острой необходимости почесать промежность, хотя при такой жаре это было бы неудивительно. В брюках на внутренней стороне бедра, у него был потайной карман, где хранилась реплика телефона. Бездарное голосовое устройство, которое могло позвонить куда угодно, даже если ты называл ему точные цифры. Один раз Ретро случайно дозвонился до какого-то тенебрийского брокера и надиктовал ему случайных цифр. Это были забавные пару минут. После этого с треском прогорела компания «Ароматические Краски Боула».

Номер Ребра.

— Приве-е-ет! Кто это так возбуждающе молчит в трубку?

— Это Фитц, Ребро. Нужна справка.

— Мой герой! Как там твои кубики?

— Они в порядке, хотя Самара недавно подсадил меня на картошку, могут быть осложнения. Ну так как?

— Ты понимаешь... Сэт месяц не вносил плату. Ты ведь включен в его тариф, как и остальные Должники.

Ретро вздохнул.

— Я понимаю. Но все-таки. Я был бы тебе...

Он чуть не ляпнул «должен», но вовремя спохватился.

— ...был бы тебе признателен.

Теперь вздохнул Ребро.

— Не сомневаюсь. Это в последний раз, герой. Нельзя вечно ждать от меня благодарности за прошлое. Ты понял?

— Последний, все ясно. Слушай, мне нужно знать не живут ли на Волевой палочки.

Ход мыслей Фитцвиля был прост. Эхсин сбежал с места аварии, потому что был напуган и ничего не соображал. Затем он откопал в своей памяти что-то знакомое. «Воля». Откуда ему знать, что это такое? Существу, созданному для клетки? Это тебе не побег из урановой шахты, или развод на сороковом году брака. Нет, ни хрена подобного. При нем часто произносили слово «Волевая». Гисбуди бывал тут. И, скорее, всего в обществе другого палочника, потому что Эхсин скорее запомнил бы похожую высокую фигуру. В этом был смысл. Но что служило ему ориентиром, в сторону которого нужно было двигаться? Уж не башня ли метеорологического наблюдения?

Ребро оставил Якоба повисеть на линии какое-то время. Через несколько минут он вернулся и сказал:

— Всего четырнадцать зарегистрированных и еще трое скрываются от разного рода проблем.

Итого семнадцать. Многовато.

— Расскажи про последних трех.

— Реммао Паупа, шестьдесят лет, изгнан родственниками за неудачную попытку отравить брата. Неудачи в этом деле не прощаются. Живет на их подачки. Волевая 40–10. Дальше...

Ребро тихонько пыхтел.

— Ерсби Нассча, девятнадцать лет, Волевая 12–62... Массажистка.

— Да ты что?

— Любит массажировать. Даже слишком. Поэтому ее и попросили из семьи. Зарабатывает сама.

— Массажем?

— Нет, погибает звенья для крановых цепей. Не трать мое время. Третий суб, это Танит. Просто Танит. Бывает то тут, то там. Что-то вроде твоего Сэта, но сильнее опустился. У него пара ядоварок и загончик с проститутками.

— А Ерсби на него случаем не работает?

— Ни в коем случае. Ее хоть и выгнали, но если кто-то узнает, что Танит начал ее использовать... В общем парень резко словит передоз от собственного товара. Напихает себе полную задницу таблеток и в неадекватном состоянии вывалится из окна.

— Понятно. А зарегистрированные, это разные специалисты?

— Почти все, кроме одного писателя. Пугает тенебрийцев социальными ужастиками, черпая сюжеты из гущи, так сказать. Но этот почти уже спился от вдохновения.

— Охренеть. Что ж, ладно, думаю это все, Ребро. Спасибо.

— Раздай свое «спасибо» сироткам из трущоб, — посоветовал Инфоманьяк и повесил трубку.

Итак. С кем из трех нелегалов мог продолжительное время контактировать господин Гисбуди? Достаточное время, чтобы эту персону мог запомнить Эхсин. Может ли ему помочь неудачливый братоубийца? Или мелкий наркобарон? А может увлеченная массажистка девятнадцати лет? С точки зрения палочников, она даже ходить еще сама не научилась. Но если уж в семье тенебрийца объявилась нимфоманка, выбор у него невелик. Либо сделать ей лоботомию и подмывать задницу до конца жизни, либо запереть в подвале наедине с резиновым членом. Родители Ерсби оказались очень терпимыми персонами. Без шуток.

Поразмыслив, Якоб решил навестить несовершеннолетнюю, — по законам Тенебрии, — предпринимательницу Ерсби. Она была лакомым кусочком. Женщины палочников по большей части были холодны как декабрьский рассвет. Всегда существовала опасность, что язык может примерзнуть к бледной лебединой шее, и его придется отливать горячей водой. Учитывая вышесказанное, раскрепощенные тенебрийки пользовались постоянным спросом.

По пути до Волевой 12, Якоб продолжал опрашивать прохожих. Проблема была в том, что Эхсин теперь выглядел как обыкновенный бомж, и был безразличен небу, земле и времени. Это было все равно, что интересоваться у людей, не видели ли они «позавчера».

Дом, где жила нимфетка выглядел неплохо. Его, кажется, даже когда-то ремонтировали. Во всяком случае, трещины на фундаменте были заштукатурены, а двор — прибран. Никто не рылся в мусорных баках, никто, с задорным писком не обглаживал труп вороны. На скамье возле электрощитовой, сидел благообразный гарзонец средних лет и читал газету «Хроники Победы». У него было прекрасное настроение. На каждом развороте он хрипко смеялся, бил себя по колену и беспрекословно соглашался с кем-то невидимым:

— Да! Да, слов нет, как же иначе! Конечно, за хоботок меня дерни, это и ежу понятно!

Якоб подошел к нему и без слов протянул сигарету. Мужик тоже без лишних эквивоков, взял ее и ловко закурил, не отрываясь от передовиц. У каждого гарзонца всегда была своя зажигалка, или хотя бы спички. Они очень любили огонь. С помощью него предки сражались с полями слига, вездесущего ядовитого растения, распространенного в центральной части Гарзоны.

— Госпожа Ерсби Нассча у себя? — спросил Якоб.

— Ну конечно, все так и есть, и никак иначе! — выпалил гарзонец и расхохотался, ударив по странице щепотью.

— Кто-нибудь странный не пытался проникнуть в подъезд? Бродяга? Невысокого роста. Чернокожий отирал счастливые слезы, положив газету на колени. Якоб сунул ему ном в нагрудный карман рубахи.

— Ох, ну и чтиво, клянусь Господом.

Это было сказано поощрительно. Якоб сунул монетку в полнома. Гарзонец открыл следующий разворот и весело гаркнул:

— Такого я еще не видал!

— Он был один?

— Нет! Ну ты посмотри!

Последовал новый взрыв хохота, который все никак не заканчивался. Дерьмо, — подумал Ретро. Он зашагал к подъезду. На двери был магнитный замок, но кто-то подложил снизу резиновый коврик, чтобы лишний раз не доставать ключи из кармана. Что ж, местность тут держали строгие ребята из Мертвых Котят, так что квартирантам можно было позволить себе дьявольски беспечные поступки.

Якоб поднимался по лестнице, вдыхая характерный запах открытого подвала. Стены покрывали электронные адреса, номера телефонов и биперов. Имена, заказные портреты, нанесенные вечным маркером. В основном женские, но встречались и мужские. Подробная реклама. Волевая 12, очевидно, не была замком для одной принцессы Ерсби. Этих принцесс и принцев тут было по несколько штук в каждой келье. О данном доме-притоне Якоб раньше не знал. Наверное, его организовали недавно под патронажем Котят. Интересно, как тут с расценками? Нужно будет сначала пройтись по первому этажу. Там всегда самые дешевые варианты.

Ерсби жила на предпоследнем этаже. Хорошо для нее. Якоба начали одолевать сомнения. Скорее всего, он бы уже нашел Эхсина по пути наверх. Бездыханного. Дьявол, гарзонец же ясно дал понять, что кто-то странный проходил недавно. С другой стороны, брат явно накурен, да еще и газетку свою почитывает с таким удовольствием...

Якоб хладнокровно разогнал облако сомнений. Жизнь — это череда совпадений. Большая часть из них не имеет никакого значения, и мы не обращаем на них внимания. Наслоение событий, которое называется «привычным течением вещей».

— Я здесь.

Что?

— Эй, ты. Да повернись же.

С Якобом разговаривал лонгат в длинных шортах и майке с надписью «Я почти!». Он испуганно выглядывал из-за приоткрытой двери красными выкаченными глазами.

— Ты новенький или из Котят?

Якоб размышлял всего секунду.

— Из Котят.

Парень закатил глаза и выдохнул, чуть не сложившись до самого пола.

— Ну зашибись! — шепотом воскликнул он. — Вы его нашли?

— Ищем, — серьезно кивнул детектив. — Куда он пошел?

— Вот такие вы, б-лин! — возмутился лонгат. — Крыша, б-лин. Крыша. Сначала не берете трубку, а потом приходите и задаете вопросы, время упускаете! Он наверху, я не знаю где. Но, клянусь, не спускался. Я все время смотрел в глазок. Целый час, не отрываясь!

Он перевел дух, и внимательно осмотрел Ретро с ног до головы.

— А ты вроде норм. Хочешь потом к нам, распахнутся? Отличная дурь.

— Как ты с ним столкнулся? — Якоб проигнорировал второе за день предложение встать на путь собственных отпрысков.

Юноша нервно пощипал подбородок.

— Ну как... Предложил зайти. Только и всего.

— Ему? — изумился Ретро. — У вас тут планка невысока, да, ребята? Так, стой. Как он выглядел?

Лонгат прищурился.

— Ну, мужчина... Немолодой. Больше я не могу сказать, он был... одет.

— Во что?

— Как обычно в дежурный плащ.

— Что это?

— Это такой... ну как сказать. Плащ.

— Охренеть.

— Они висят в парадном, в шкафу, — вздохнул парень. — Несколько штук, для тех, кто хочет побыть «инкогнито». Как будто сам не знаешь. Ты же из Котят. Или нет?

— Ну конечно из них, — кивнул Ретро. — Просто вы тут затейники те еще. Инкогнито значит. С капюшоном?

— Да.

— И что же он тебе ответил? Этот странный, но не страшный?

— Ничего, просто оттолкнул, — парень нахмурился. — Козлина. Сильно так. Я ударился головой. А Шред говорил, что, если хоть кто-то руку поднимет без нашего разрешения, сразу же звонить... Или говорить Страйбу. А что этот Страйб? Вечно торчит в последнее время. Выше нас.

Якоб понял, что все необходимое ему уже рассказали, и припустил наверх. Все это было крайне загадочно и противоречиво. Понятно, что парня толкнул не Эхсин. Но это мог быть кто-то идущий по его следу. На всякий случай Ретро проверил и последний этаж, но нигде не было ни души. Не удивительно, по местному времени сейчас стояла глубокая ночь.

— Что ж, извините за беспокойство, — произнес Ретро и нажал на звонок квартиры номер шестьдесят два.

Красивая дверь, обитая желтым заменителем кожи. Блестящие шляпки. Закрученная проволока золотого цвета. Никаких следов взлома или повреждений. Все чистенько. И тихо. Дрыхнет, наверное, без задних ног.

Шаги.

— Кто там? — девичий голос.

Есть!

— Добрый день. Извините что так поздно, но могу ли я увидеть королеву красоты Новой Победы, госпожу Нассча?

Щелкнул замок. Дверь с театральной медлительностью приоткрылась.

— Добрый день, — улыбнулась «горбунья» из подвала. — Госпожи Нассча уже нет. Но может я на что схожусь?

Глава 5. Непредсказуемые осадки

Если я что-нибудь в чем-нибудь понимал, то контейнер принадлежал транс-материковому грузовозу Тенебрии. Об этом говорили остатки черной краски на искорёженном металле и ощущение Палева. Палево сопровождает каждого отсталого, когда он оказывается рядом с имуществом палочников. Никто не крадет у тенебрийцев безнаказанно, потому что для них закон действует как хорошо смазанный ствол. Щелк, чик, бах-бах-бах. С вами покончено мерзавцы, — слышится голос шерифа. Бывают, конечно, исключения, но кто-то ведь и в лотерею выигрывает.

Так что да. Никто не крадет у палочников. Кроме Шторма.

Я подошел ближе. О, Леди, дела обстояли еще хуже, чем показалось сначала. На вогнутом боку контейнера были выдавлены три крупные литеры. ССТ. Секретная Служба Тенебрии. Леди милосердная и Девять Лордов Хранителей. Мы ведь ехали сюда чтобы просто вытрясти столовое серебро в мешки, и свалить. Какая еще ССТ? Это было все равно расстегнуть ширинку, чтобы отлить, а вместо хозяйства внезапно выгащить ядовитую змею.

— Ни хрена себе, — сказала Хо, протирая потемневшие от слез глаза. — Ни хрена себе, — повторила она снова.

Мы стояли в пяти метрах от дома. Красивый в общем-то домишко у господина Либуля. Был. Теперь его левую часть размозжил тяжелый бронированный короб, в котором самые серьезные ребята из палочников перевозили самые ценные ништяки на свою родину.

— Да ни хрена ж себе.

Удивительно, однако тройное «нихренажсебе» Хо подействовало как какое-то отпирающее заклинание, навроде «сезам откройся». Что-то громко лязгнуло и дверцы контейнера растворились словно от пинка. Здоровяк наклонился в нашу сторону, а потом из темноты с грохотом повалились паллеты с какими-то белыми массивами. Они тяжело бухались на землю, разрывая дерн. На последних двух лопнула пленка и бесцветные обгорелые бумажки лавиной сошли к нашим ногам.

Я медленно подошел к ним. За мной, как тень, следовала Хо.

— Что это такое? — спросила она, поднимая один прямоугольник. — Какие-то салфетки что ли?

— А-ха, — сказал я. — Порционная бумага для сворачивания косячков. Это номы. Сраная куча номов. Миллионы номов. Хватит... Хватило бы, что б жить тысячу лет не работая.

— А тебе не кажется, что на них не хватает идолов и циферок, контуженный? — Хо смяла бумажку и выкинула. — А подожди, я поняла. Это бумага для подделок?

— Нет. Это именно что номы. Только обесцвеченные. Я уже такое видел. Когда мы плыли на Фугию, по правому борту пошло волнение. Потянулся грохочущий туман, ветер поднялся, была пара молний. Ну мы, как и полагается бессмертным дебилам ринулись на все это смотреть. Одна молния ударила так близко, что пара бедолаг ослепла. Попали на бабки даже не успев заработать. А у половины личного состава обесцветились все бумаги. Паспорта, карточки страхования, военные билеты, фотографии баб. И наличные деньги. Просто «пах»! И только голая бумага, как тут.

Хо ошеломленно молчала. Затем она ринулась впереди и стала копать в шелестящем сугробе.

— Что ты задумала? — спросил я.

Не то чтобы мне не нравился вид ее попки, но нам нужно было срочно решать, что делать дальше. Остаться тут было небезопасно. К господину Либуле запросто могли нагрянуть с проверкой на предмет того, не укрывает ли он у себя свободовцев.

— А вдруг остались нетронутые, — Хо посмотрела на меня через плечо. — Я знаю, ты в последнее время едва успеваешь платить. Сдохнешь еще, что я буду делать? Давай пошукаем вместе.

Я был почти растроган ее заботой. Вместе мы попытались разворошить целые паллеты, но все было напрасно. Если уж молния смогла пробить защитный контейнер ССТ... Короче, она не оставила нам ни единого нома на чай. Мы с оливой утомленно лежали на горе мертвых денег. Миллионы и миллионы напрасных жертв.

— Надо идти, — сказал я, приподнимаясь на локте. — Сидеть рядом с этой штукой опаснее, чем в горящем танке.

— Обидно как, — Хо душераздирающе вздохнула. — А ведь могли за день стать мажорами. Вот всегда у нас так. Облом за обломом, облом за обломом. Вроде вот он — счастливый случай... А, нет, это всего лишь просроченный лотерейный билет прилип к разлитому вину.

Я усмехнулся.

— Моя мать в таких случаях говорила, что везет только дуракам. Но не настолько, блин, тупым как ты, сынок.

— Слушай... — начала Хо.

— Простите.

Мы с оливой аж подскочили на своей скорбной перине.

— Простите, вы еще не закончили со своими делами?

Господин Либуля. О целомудренная Леди, мы ж про него совсем забыли. Бедняга фуг стоял справа от нас, негромко всхлипывая и сотрясаясь как утренний пьяница. Выглядел он отвратительно. Я не пытался его унизить, просто так оно и было. И то сказать, попробуй-ка пять лет прожить под постоянными уколами, которые делают с организмом тоже самое, что блендер обычно вытворяет с бананом и стаканом теплого молока. Как бы то ни было, один из уколов оказался полезным, иначе то, что мы перед собой видели, просто не могло бы дышать.

Короче говоря, мистер Либуля выглядел как раковая опухоль больная диатезом. Не знаю, как описать ближе.

В руках он сжимал рюкзак. По-видимому, с самым необходимым для выживания в канализации. Фуги в этом шарят. Сэт непременно заставил бы меня досмотреть и этот рюкзак, но майора тут не было, а я не был сволочью достаточного калибра, что б трясти последнее у человека с такими проблемами. Теперь фуг был нищим, как и я. И это после периода процветания. Процветания, добытого тяжелейшим путем.

— Здравствуйте, господин Либуля, — подскочила Хо. — Вы один?

— Да, — убитым голосом подтвердил фуг. — Моя жена с детьми была в той части дома, куда упало... это.

Бля. Это уж совсем жестко.

— Соболезную, — выдавил я, медленно вставая. — Вы не против, мы сначала...

«Обнесем дом, бегая с вырванными розетками рядом с братской могилой ваших ближайших родственников». Жопа Леди. И Сэт еще выговаривает нам за утилизацию трупов

и рассказывает про корпоративную этику. Проститутки хотя бы были погребены как люди. А семья этого фуга... А-а-а, да хрен с ним. Чего-то у меня опять прорезался щит и копьё.

— Обнесем ваш дом, — уверенно продолжил я.

— Это больше не мой дом, — глухо отозвался фуг. — Теперь там нет ничего, что мне по-настоящему нужно. Я покупал все ценности для жены и детей. Теперь я с ними попрощался. Можете забирать все, что найдете... Но, пожалуйста, поторопитесь. Я не хочу попасть к этим людям. Я уже был под надзором палочников. Это не тот опыт, который хочется повторить.

Он сел на траву, сжимая рюкзак дрожащими руками. Меня поразило, что он до сих пор держался. Даже не попробовал наложить на себя руки. И в этом мы снова были похожи. Черт возьми, да я почти симпатизировал этому парню. Как-нибудь закину бутылку холодного пива в люк.

— Ну, — сказал я Хо. — Пошли посмотрим на наследство Либулей.

Олива смотрела на темный зев контейнера. Затем ловко запрыгнула на карниз, подобралась, ближе и вскарабкалась внутрь.

— Я не последний неудачник в Новой, — крикнул я вслед. — Смотри осторожней там, не рискуй ради свинопаса!

Хо не ответила. Слышно было как она чем-то гремит внутри, закрипели поврежденные доски. М-да, кто-то в Тенебрии не досчитается кубышки, которой хватило бы на неделю поддержания тамошнего уровня жизни. Я преисполнился сочувствия к хозяину этих денег и поспешил приступить к своим обязанностям. В течении следующего часа я старательно обчищал дом, превращая несчастную Заразу в барахолку на колесах. У мистера Либули было несколько действительно ценных вещей, но в целом жизнь он вел скромную. Только однажды я отвлекся, когда Хо попросила закинуть ей набор инструментов из багажника. Я подумал, что она собирается открутить какой-нибудь цветмет. Сам по себе этот контейнер из штормоупорной стали весил не меньше двадцати тысяч номов.

Когда Хо напомнила о себе, я из последних сил пытался забить в багажник посудомоечную машину. Внутри нее гремели полки и переносной масляный обогреватель. Зимой его можно будет выгодно толкнуть.

— Сам! — завопила Хо. — Иди скорее сюда! Быстрее лысый! У-уха-а!

Это «у-ха» меня скорее напугало, чем обрадовало. Иногда Хо могла быть слишком непосредственной. Если она окрутила там какой-нибудь очень заметный кусок металла, который побоятся брать даже самые отпетые перекупы, мне придется отнимать его у оливы как пирожок у ребенка. Вот только ребенок этот способен буквально разделить твою задницу на две половинки.

— Иду! — откликнулся я, наваливаясь на дверь.

Бесполезно. Придется что-то выкинуть из салона. О, эти муки выбора, что украсть, а что оставить. Если б майор в конце концов разорился на прицеп, я был бы сейчас самым счастливым мародёром в Новой Победе.

Хо помогла мне вскарабкаться внутрь контейнера. Внутри было сумрачно, прохладно и неудобно. Пахло гарью и дымом. Ощущение палева стало просто болезненным. Мне хотелось поднять вверх руки и сдать каскам, которых тут не было. Черт побери, как же они хорошо нас выдрессировали.

Меня потащили вперед. Теперь стало видно, где молния пробила сталь. Я задрал подбородок, разглядывая дыру размером с диск для фрисби. Края были оплавлены и

приобрели странный лиловый оттенок.

— Не трогай, — предостерегла меня олива. — Они все еще горячие как угли.

Я пробормотал пару ругательств касательно проклятого Шторма.

— Иди сюда!

Клянусь Леди, если это какие-нибудь прототипы, я напрогу все свои силы, но вышвырну Хо наружу. После этого мы уедем так быстро, что за нами потянется шлейф из барахла господина Либули. В конце концов, чтобы выживать в этом мире необязательно быть гением и просчитывать все на сто ходов вперед. Достаточно, как минимум, не рамсить с хреновым ССТ.

Я чихнул от запаха гари и посмотрел на сгоревшие сейфы, надежно закрепленные в дальней части контейнера. Всего их было шесть: разных размеров и назначения. В них зияли сквозные отверстия: молния напала и пробилла почти все, так что все содержимое наверняка выгорело дотла. Хо рассуждала точно так же, поэтому вскрыла целый шкаф, который сейчас гордо демонстрировал свое содержимое. Оно сохранилось идеально.

Я рассматривал доспех проводя зажигалкой то вверх, то вниз. Древнее церемониальное произведение искусства. Золотой орнамент на платине. Львы, драконы, орлиный клюв на шлеме с глухим забралом. Щиток с гербом из драгоценных камней. На черных шашках красовались алмазные короны, на белых — сапфировые мечи. Нагрудник, поножи, рукавицы, юбка — все как полагается. Не хватало только плюмажа на макушке.

— Да судит меня честный суд, — вымолвил я, ухмыляясь как аллигатор. — Мы можем загнать эту скорлупу ее же хозяевам за такие деньжищи, что Сэт будет подавать нам кофе в постель каждое утро. Часов в одиннадцать. А то и в двенадцать.

— А кто ее хозяева? — не поняла Хо.

— Мои земли на Побережье, — я посмотрел на нее как на дурочку. — Это лонгатский доспех для вечеринок. Возможно, в нем ходил на парады один из Девяти. Похоже ССТ сперли его.

— ССТ интересуют такие вещи?

— Наверное, раз они тут. Этот их Донебесный, говорят, коллекционирует всякое. По легенде каждый такой доспех мощный артефакт. Если его надеть — получишь силу Шторма, но железо прирастет к телу как вторая кожа. Следующему носителю придется выковыривать останки или ждать пока время сделает все самостоятельно. В конце концов вытряхнуть кости куда легче.

Хо выглядела впечатленной.

— Ничего себе. А как тогда срать?

— Понятия не имею.

— Жутко неэффективно.

— А-ха. Волшебство не про КПД или удобство.

В это самое время Сэт Сатия Холейгула задумчиво рассматривал обломок старого кирпича. Он все так же лежал на диване, пока очередной посетитель сбивчиво и жалобно рассказывал палочнику как оказался в долговой яме.

Странная история, думал Сэт. Этот кирпич из стены, принадлежащей одному из заброшенных помещений на Ударной. Раньше там были склады, но не пианино, а строительных материалов. Этот кирпич ни с чем не спутаешь, все современные здания строятся из пеноблока. Кому понадобилось взрывать пустующие руины, которыми

брезговали даже крысы? Свободовцы, конечно, дегенераты, но их теракты всегда сопровождаются жертвами. И напротив, тот, кто закладывал бомбу, рассчитывал, что не пострадают люди и материальные ценности. Складывается впечатление, что он просто хотел... отвлечь внимание?

— Простите, господин Холейгула, вы меня слушаете?

— Что? А. Да-да. Конечно. Продолжайте, господин Артурикс...

Я похлопал себя по карманам, как будто собирался упрятать находку в них. Нужна была большая сумка.

— Снимай железки с фиксаторов, а я пока сгоняю за баулами, — сказал я оливе. Похлопал по ягодице: — Ты молодец, знаешь? Просто молодчинка!

Она быстро поцеловала меня в губы и схватилась за нагрудник, который отражал наши довольные моськи. Я спрыгнул на землю и посмотрел на господина Либуля. Тот покорно ждал своей очереди быть погруженным в машину. Мне оставалось только сказать ему, что б потерпел еще несколько минут. Фуг печально вздохнул. На кухне я отыскал пару подходящих клетчатых сумок для корнеплодов. О, Леди, я был похож на счастливую пастушку, идущую на воскресный рынок за свежими луковицами.

Я так спешил, что зацепил стойку с приправами, и солонка разлетелась по полу вместе с содержимым.

— Ой-ой, — произнес я.

Потом нагнулся, чтобы собрать белый порошок и это спасло мне жизнь. Рефлексы и мышечная память очень важны для солдата. Особенно когда его пытаются зарезать. Рыцарь пошатнулся, увлекаемый инерцией собственного удара, тогда я резко выпрямился, толкая его в раковину. Консерва налетел на нее тяжестью доспеха, проломив железным горшком ящик с моющими средствами. Сода осыпала его плечи.

— Священный панцирь Лютера будет возвращен! — заорал он басом.

Я без разговоров выхватил ствол и всадил единственную пулю под забрало. Горло разнесло в клочья. Только когда меня обдало брызгами крови, появилась первая мысль.

«Проклятая соль».

В этот момент автоматная очередь прошила стену слева от меня, разнося вдребезги кафель и посуду. Ну, что я мог на это сказать? Поговорка моей матери не врал. Таким дебилам как я не место среди честных дураков... На полу было вполне удобно, учитывая, что дом медленно, но верно превращался в решето. Я полз, вспоминая былые деньки, и пытался определить количество стрелявших. Судя по плотности огня — человек пять-шесть, не меньше. У входной двери я замер и осторожно выглянул наружу.

Их было пятеро. Все в облегченных версиях рыцарских панцирей и с приборами расширенного зрения на забралах. Держались у деревьев, сохраняя безопасные позиции. Вот уроды. Ну просто невероятно, как мне могло везти и не везти одновременно.

Господин Либуля лежал на траве, похожий на мусорный мешок, разорванный бродячими псами. Быстро же он воссоединился с семьей. Эх, может оно было и к лучшему. Я заслонила руками от косяка, взорвавшегося над головой. Эти ребята шутить не собирались. Готов был поставить два своих взноса по кредиту на то, что парни явились за костюмчиком. Но как они узнали, что доспех тут?

Дирижабли, — подумал я. Один из пилотов куплен и сливает информацию Побережью. Черт, кажется, мы с Хо залезли куда-то ни туда.

— Сама-а-ара! — услышал я как только наступило короткое затишье.

— Не выходи! Сиди внутри, они меня прижали!

Ничего Сам-Сам. Сейчас тебе помогут.

Туп-туп-туп...

Консервы заметались за деревьями. Клянусь Леди, их высыпало еще человек десять. И все они начали палить куда-то вверх, совершенно позабыв про ползучего гада по имени Самара де Хин. Вертолет завис над домом и принялся поливать рощу из стационарного пулемета. Что ж, вот и орлы из ССТ. Сэт... Милый Сэт. *Если* я выберусь из этой передряги живым, вымажу твое эспертуа кошачьим дерьмом. «А если б ты просто сделал как я сказал», — произнес его тихий голос, — «то ничего бы этого не произошло. Я дал тебе четкие инструкции... Кажется». Он издевался надо мной даже в воображении.

— Самара!

Консерв косило одного за другим. Железные горшки пробивало вместе с содержимым. Отверстия в нагрудниках извергались красным как маленькие гейзеры. Потом что-то грохнуло о крышу и на лужайку свалился мертвый палочник в тактической экипировке. Его так переломало, что он напоминал прижжённого спичкой паука.

Сейчас или никогда. Я приподнялся, и на полусогнутых побежал к контейнеру. Надо мной пролетело несколько пуль, но я сейчас играл слишком маленькую роль в этом спектакле. Хо, светло-зеленая от страха, так дернула меня за руку, что чуть не вырвала плечо из сустава.

— Ты на хрена это сделала, — крикнул я. — Я хотел вытащить тебя и уходить огородами! Здесь мы в ловушке!

— Я не подумала, — олива быстро дышала. — Прости. Черт, Самара, что происходит?

По контейнеру пробежала очередь.

— Кажется у этой драки за вечерний костюм есть какая-то история, — я вытер лицо панамой. — Они сошлись тут почти одновременно, и готовы драться за него насмерть. Такое ощущение что никого не волнуют даже дипломатические последствия. Консервы нарушили договор о границах. ССТ палит по ним без предупреждения и требований сдаться. Кажется все это глубоко личное.

— Что нам делать? — олива взяла себя в руки и говорила теперь совершенно спокойно. — Неважно кто победит, в живых они нас не оставят, ведь так?

— Еще чего не хватало! Если бы не моя чертова жадность.

— А-а-а, я тоже виновата. Полезла куда не надо. Теперь нас выкурят отсюда как лис и продырявят затылки.

Я лихорадочно соображал, что можно предпринять. Леди, зная бы, что там с Заразой. На ходу она еще или уже отдала свою душу железным богам.

— Так, у меня идея, — сказала Хо, вцепившись мне в руку. — Слушай меня.

— Сейчас, в ушах только прозвенится...

— Не придуривайся хоть пять минут, Сам! Обе футбольные команды пришли сюда сыграть за доспехи, так?

— Ясно как день. Парень, которого я уколошил на кухне это подтвердил. Блин, да что ты задумала?

Олива силой воли заставляла себя говорить так, словно объясняла бармену, что и с чем ей нарезать в пивнушке «Ричард». Я тоже был скорее раздосадован тем, что так не вовремя рассыпал соль, чем напуган. Нам обоим давно бы уже не помешала шальная пуля.

— Надевай эти царские обноски.

— А?!

— Слушай, если две самые чокнутые организации Немоса грызутся насмерть ради старых железок, то *СКОРЕЕ ВСЕГО* они не будут стрелять в тело, которое эти железки носят! Дошло?

— А-а-а. Скорее всего?

Мы не были специалистами по историческим реконструкциям, так что переобувание в сабоны заняло некоторое время. Все эти ремешки, замочки и стяжки просто выводили из себя. В конце, словно коронуя меня во владыку идиотов, олива нахлобучила мне на голову шлем. Поверх него я надел панаму, пончо теперь стало чем-то вроде церемониального табарда. Клянусь леди, я почти сразу же почувствовал себя как кусок мяса в фольге. Штаны и майка под слоем железа стали чем-то вроде охлаждающих накладок Сэта. Только наоборот.

— Мне хана, — сказал я, приподняв забрало.

Оно тут же упало обратно.

— Нам всем хана, если не сможем скрыться, — сказала Хо. — У тебя достаточно грязные номера?

— Грязнее только кресло для посетителей у нас в офисе.

В целом доспех оказался мне почти по размеру. Немного жал гульфик, натирало плечи и локти. Внутри кисло пахивало стариной и, возможно, гнилым хозяйством бывшего владельца. Все это было терпимо. Господь Гарзонский, если б не чертова жара.

— Отлично, — сказала Хо. — Тогда план такой...

Мы вывалились из контейнера, словно парочка аниматоров на детском празднике. Мне не хватало только стукнуть в прыжке железными каблуками. Приве-е-ет, ребятня! Ребятня уже пыталась договариваться. Из вертолета, при помощи громкоговорителя, сообщали, что с минуту на минуту, тут будет дивизия ГО и лучше бы консервам валить обратно в лес по добру по здорову. Потом добраться до оставленного транспорта и газовать в свои смердящие цитадели, да так, чтоб асфальт собрался в складки. А они, ССТ, так уж и быть, закроют глаза на все, что здесь сегодня случилось.

Я расценил это роскошное предложение так, что Тенебрия ни в коем случае не желала устраивать полномасштабную войну с Побережьем. Получить кучу партизан у себя в городах было бы так же здорово, как сесть голой задницей на муравейник. А ведь были еще колонии, почти *полностью* состоящие из лонгатов. В то же время, ССТ категорически отказывалось что-либо передавать «террористам».

— Пошли нахер, сыны псов и ворон! Панцирь Лютера вернется домой! А если вы посмеете помешать нам и в этот раз, Лонга поднимет стяги войны!

Таков был дипломатический ответ оставшихся консерв.

— Одумайтесь, это не ваше дело! — увещевали с вертолета. — Это предмет обсуждения на другом политическом уровне. Прекратите стрельбу, не усугубляйте своего положения!

Бесполезно. Решимость рыцарей была тверда как их пустые черепашки. До самой своей гибели, лонгаты продолжали бы слать палочников нахер, а потом... Потом могло случиться все, что угодно.

Но случились мы с Хо.

Я тяжело прыгнул на землю. Олива — следом. Она спряталась за мою спину, как за бронещит спецназа и сказала:

— Теперь к Заразе. Бочком, бочком. Должникам терять нечего.

Обе стороны кажется оцепенели от неожиданности. Вертолет гулко шумел лопастями, зависнув метрах в пятидесяти над крышей. Чертовски хорошая реплика! Может даже оригинал. Консервы зашевелились на своих позициях, выползая из-под срезанных стволов и веток. Даже раненные пытались подняться, завидев свою обожаемую реликвию.

Леди, неужели эта рухлядь действительно того стоит?

Консервы начали вскидывать винтовки. Я нацелил на них железку, но олива смекалисто согнула мою рабочую руку и приставила дуло к шлему. Да. Так было гораздо лучше. Только попробуйте, дескать, шмальнуть, я продырявлю этот драгоценный горшок. Вот вы его реставрировать замучаетесь!

Рыцари подняли винтовки над головой. Они с самого начала собирались это сделать, но, — слушайте, — всегда нужно быть готовым пустить себе пулю в висок ради собственной же безопасности. Меня потряхивало. Что там не говори про выгорание, но, когда находишься между двумя сборищами убийц, одни из которых еще и болтаются в воздухе, становится как-то не по себе.

— Вы двое! Немедленно лечь за землю, руки за головы!

Ну да, конечно. Именно это мы и собирались сделать. Провести в застенках ССТ остатки наших жалких жизней было так себе идеей. Я бы ни за что не позволил лишить Хо ее светлого будущего. Шестидневная рабочая неделя и два минимальных оклада в месяц. За это стоило бороться.

— Это последнее предупреждение! Вам не скрыться!

— А мы все-таки попробуем, — олива шмыгнула в Заразу.

Хлопнула дверь. Еще раз. Я терзал стартер. В катафалке хоть и прибавилось дырок, но мы с оливой сохраняли оптимизм. И Зараза не подвела. Палочники продолжали что-то кричать в мегафон, я выкручивал руль. Хо перелезла в багажное отделение и принялась вышвыривать пожитки Либулей. Увидев, что мы решили покинуть вечеринку, консервы ломанулись в лес: с ранеными остался всего один рыцарь...

Он застрелил их.

Что ж, для кого-то проблемы закончились навсегда. У нас же они только начинались.

Подвеску я не жалел, гнал прямо по веселой грунтовке так, что Хо несколько раз серьезно ударилась головой о крышу. Это ее ничуть не расстроило. Она продолжала вышвыривать багаж: захрохотала моя посудомойка. Прости милая, нам не суждено быть вместе. Несколько раз я пытался поднять забрало, но этот дуршлаг, через который я видел только какие-то прыгающие зеленые пятна, издевательски возвращался на место. Я не выдержал и приклеил его скотчем из бардачка.

ССТ тут же село на хвост, продолжая баловать нас деловыми предложениями. Я боялся, что на шум могут притащиться другие стервятники.

Над лесом поднялся сигнальная ракета.

— Господи, Сам, мы когда-нибудь так лажали?

— Не припомню. Похоже мы растем как организация. Играем как третья сторона в сраче двух материков.

— Если выкрутимся, я наскребу половину тебе за внос, только не погибни.

— О себе подумай и хватит каркать.

Скотч отлепился и забрало лязгнуло, ставя точку в этом коротком пораженческом разговоре. Еще до того, как мы выскочили на автостраду, я увидел их. Консервы приближались к нам по полю на неприметных фургонах, в которых обычно возят скот.

Лонга очень хорошо понимает в его разведении, Тенебрийцы, в свою очередь, платят большие деньги за импорт мраморной говядины. Даже отдают под это дело свои корабли штурмолемы.

Четыре своеобразных БМП, в которых вместо слюнявых коров, сидят красные от злости лонгаты. Одуреть, сколько же их приехало изначально и как они пробрались через город?

К первому вертолету ССТ присоединилось еще двое. Кроме того, я видел обещанную дивизию ГО на автостраде. Конечно, это была не дивизия, а полтора десятка броневиков, но... по-моему баланс сил и так был не в нашу пользу.

Господь Гарзонский.

— Зараза, — сказал я машине, — если не сможешь взлететь как эти вертушки, или, хотя бы, стать невидимой, я сдам тебя на разбор. Прямо тут, на автостраде. Эй! Хохотушка!

Олива как раз выкинула за борт мешок со всяким мелким хламом вроде электрических зубных щеток, и чуть не вылетела сама на очередной кочке. Конечно же она удержалась и с грохотом захлопнула дверь.

— Ты что-то хотел, дорогой?

— Возьми мой ствол...

— Сейчас?

— Вот этот, вот этот!

— Мне начать сбивать из него вертолеты или сначала взорвать скотовозы?

— А ты становишься нервной, когда на нас охотится сотня-другая головорезов! Одно из двух, либо ведешь, либо стреляешь!

— Я поведу, — сказала она, переползая вперед по лежанке. — В последний раз я была на стрельбище два месяца назад. К тому же...

— О нет, только не говори, что ты поддала!

— Я смогу вести прямо!

Я хотел ответить, что *прямо* нас ждут только мобилизованные броневики ГО, но решил, что Хо права. Водит она не хуже меня, но может промахнуться даже по «молоку».

— Я в норме, — и олива прямо на моих глазах приложилась к фляжке.

— Принимайте управление, машинист номер два, — сказал я с философской смиренностью. — Как только выедем на трассу.

В этот момент наше отступление могло и закончиться. Мы столько пыхтели, пытаюсь поменяться местами, что я уже готов был смириться с тем, что упругая ягодица Хо останется под моим подбородком до конца жизни. В конце концов я все же вылез из-под нее и перебрался на эспертуа. Хо вцепилась в руль и воинственно запела:

Бледные звезды на тысячи лет

Стали к нам ближе родных берегов

Великого Шторма суровый запрет

Поставил несдвигаемый засо-о-ов...

Я пролез в багажное отделение и выглянул в заднее окно. Скотовозки были у нас на хвосте. Хорошо был виден ближайшей водила: здоровяк в кепке и этих потешных штанах с лямками на голые плечи. В таком прикиде он напоминал обычного крепостного, но его русая борода и татуированные руки говорили о том, что парень — уважаемый дружинник. Северные лонгаты были самыми желаемыми наемниками для Побережья. Они славились

свирепостью и презрением к смерти.

В оконца, предназначенные для жующихся голов повысовывались пушки. Между ССТ и лонгатами начался активный обмен свинцовыми сообщениями. Потом что-то пыхнуло, хакнуло дымом, словно прокашлялся дракон с моего герба. Над вертолетом пролетел снаряд древнего гранатомета и ушел в небо. Мне стало почти смешно. Эти ребята были настоящими мусорщиками, когда собирали себе арсеналы. Формально Компания Тенебрии запретила любые поставки современного оружия на Побережье, но... Да черт возьми, я был уверен, что они сами и толкали им списанную рухлядь. Или же предприимчивые шишки из ГО.

Вертолет рванулся в бок. Остальные тоже нарастили дистанцию.

*Не бойтесь братья и сестры!
Смелее в Шторм, смелее в Шторм!
Пока он спит, а в руках наших весла,
Смелее в Шторм, смелее в Шторм!*

Я оглянулся на моего водителя, который скорее всего уже прикончил фляжку.

— А можно что-нибудь посвежее? — крикнул я.

С ней нужно было разговаривать, просто на всякий случай. Мало ли как оливку может развезти после двухдневного воздержания, да еще и потери мужа. Он, между прочим, тоже участвовал во всех попойках (бедняга) и усваивал часть алкоголя. Теперь же все доставалось только несчастной вдове.

*А мы уже купили мыла!
Чтобы веревочка скользила!
Что бы не мучался с петлей!
Наш кореш падла мусорской!*

*Когда пахан его раскрыл
Тот, как сирена голосил!
Как та сирена у кидал!
Которым душу он продал!*

*Ну что, вставай на табуретку!
Под башмаки клади газетку!
Сейчас ты сделаешь шажок!
За свой грешок!
За сво-о-й грешок!*

Я снова посмотрел назад. Хо, не дай Леди, ты бросишь нас в ограждения.

Вж-з-и-и! Бабах!

Клянусь Леди, этот звук я хорошо знал. Это взвизгнул навороченный ПЗРК производства Крашелл. Над арьергардной машиной лонгатов поднимался дым. И над вертушкой поднимался дым. Но был нюанс. Вертушка камнем падала вниз: верхнюю часть машины снесло начисто, словно ее сбрили. Что ж, стоило признать мои земляки могли удивить не только количеством выжранного пива. Оставшиеся реплики настолько озверели

от произошедшего, что принялись лупить по колонне из все что у них было. Моего насуспенного северного друга одной длинной очередью превратило в фарш прямо в кабине. Я вдруг понял, что скотовозки как-то подозрительно хорошо держаться. Похоже их специально укрепили бронепластинами, покрашенными под обычную жель.

На мгновение у меня мелькнула безумная в своем оптимизме мысль, что наши попутчики перестреляют друг друга еще до въезда в город. Или хотя бы до того, как здесь появится *армия*.

— ГО! — закричала олива. — Осталось метров триста!

Ах, да, эти ребята. Я высунулся в люк для курения. Ничего не скажешь, маскировка у меня была лучше балаклавы или черного платка. Панама хлопала полями, грозясь сорваться со шлема. К счастью, ее надежно удерживали золотые крючки короны.

Я приподнял забрало.

Броневики разошлись и полностью блокировали полосу: перескочить на встречу мешало бетонное ограждение. Жопа Леди, похоже я ошибся в расчетах из-за идентичности реплик. На нас катило шгук тридцать этих дзотов на колесах. Плотных укрепленных колесах. В моем револьвере марки Халг и Люстон стоял барабан на шесть патронов. Это архаичное, медленное оружие, но ваш покорный слуга мнит себя отличным стрелком, так что возможность зарядить железку разными патронами и быстро их выбирать, проворачивая цилиндр, кажется ему очень удобной. Ведь все, что тебе нужно, это один хороший выстрел.

Я провернул барабан, в котором оставалось три обычных патрона и один бронебойный для особых случаев. Немного поколебавшись, я выбрал обычный, и прицелился в узкое лобовое стекло центрального броневика. Разумеется, пуля не пробила его. Своим прекрасным, восстановленным Крашелл зрением, я увидел только белую ямку. Прекрасно. В этом месте материал уже дал слабину. Водила наверняка посмеивался надо мной, даже не думая, что...

Я провернул барабан.

Хлоп!

Сначала я подумал, что промазал. Броневик по-прежнему двигался так, словно готов был таранить тысячи Зараз в минуту. Потом он резко вильнул вправо и началась великолепная куча мала. Смотреть на то, как сталкиваются эти железные айсберги — одно удовольствие. Как будто рушатся крохотные муниципальные здания. Впрочем, вес и приземистость давали им хорошую устойчивость. Неуправляемый броневик даже не перевернулся. Он просто собрал своим бортом пять или шесть затормозившихся братьев, и заглох. Остальные хищные черепахи мчались на нас как ни в чем не бывало. Разве что предприняли какие-то смешные маневры уклонения.

Два стандартных патрона. До этого их счетчик никогда не опускался так низко. Общество Должников — мирная организация. Я убивал, когда кто-то пытался убить нас, поэтому боезапаса у меня не было. Этих патронов в любом случае оказалось столько, сколько нужно, чтобы не мы с оливой не попали в лапы ССТ.

Я посмотрел, как там дела у наших преследователей. Не сможем ли мы повернуть назад? Остался всего один вертолет, похожий на странную головку пористого сыра. Все скотовозки были уничтожены. Друг за другом они нашли свой конец, и напоминали теперь цепь сигнальных костров, предупреждающих о беде. Во мне затеплилась надежда. Если попытаться...

*В пылающий солнечный круг
В последний момент на подножку вскочить
Всего лишь пустой звук.
Принять, успокоиться и не ныть.*

От этого вопля у меня в заднице похолодело как в морозилке. Хо все-таки сорвало с нарезки. Это ведь был ее первый муж. Олив часто колбасит после первого покойника из-за гормональных бурь. Посмертный секрет папы сообщает организму, что произошло нечто ужасное, вызывая сильную депрессию. Редко, но бывает и так, что слабые духом оливы в этот момент кончают с собой. Другие бегут к Разводчикам и берут нового мужа.

Как назло, у меня ни одного под рукой не было. Олива же шла прямо на черепах. Потом резко затормозила, вывернула руль и поставила Заразу боком. Я подумал, что моя подружка просто вырубилась, и готов был засмеяться в лицо этому сраному дню, но вдруг услышал крик:

— Прицелься в крайнего левого! Быстрее!

Я так и сделал.

Тот мгновенно снизил скорость и спрятался за идущим справа. Потом я чуть не вывалился из люка. Мы проскочили в этот уголок трусости, но только едва. Заразу успели впечатать в ограждение, однако старуха вырвалась. Клянусь Леди, сегодня она смогла расплатиться за все свои косяки. Я буквально не успевал получать от нее переводы.

— Да-а-а! — заорала Хо.

Я тоже вопил что-то нечленораздельное.

К сожалению, наше ликование было недолгим. ГО не были дуболомами настолько, чтобы не перекрыть трассу, пока свободные подразделения пытались закончить дела пораньше и завалиться в бар. Мы почти сразу увидели стену из серых бортов со звездами и номерами. Они настолько хотели поболтать с нами, что даже приволокли ежей, навроде противотанковых, только поменьше. Впрочем, они были ни к чему. Каскам впереди достаточно было просто застрелить Хо. И, без сомнения, снайперы у них имелись.

Я спустился вниз и пролез к торпедо по лежанке. Хо была почти по-лонгатски бледной, и абсолютно трезвой. Руки на руле не дрожали.

— Ну что, Сам-Сам, — она улыбнулась мне. — Мы сделали все, что могли.

— А-ха, — сказал я. — Раздумываю, не послать ли Сэту последний электронный поцелуй.

— Лучше не трогать баланс. Иначе он призовет наши души из Шторма и затолкает в эспертуа.

— Сделаем это сами? — предложил я.

— Конечно.

Олива сбросила ход. Я снял чертов шлем, и по привычке надел панаму на голову. Вертолет почти сразу завис над нами. Рычание броневиков нарастало, перебивая его металлический рев. Итак, злой дракон во главе темной армии настигли славного рыцаря де Хина, а, так же, его даму сердца, безносую и остроухую фрейлину Хо Хо. Обдумав свое положение, они решили, что благородная и быстрая смерть через сбрасывание излишка мозгов, подобает им куда больше, чем заключение в тюрьме.

И это правда. Я бы кончился там после третьего же предупреждения о просроченной задолженности, а Хо, даже выйди она потом на свободу, могла бы рассчитывать только на

работу фуга. Или, в лучшем случае, навсегда осталась рабыней Сэта. Но не этого хотела олива.

— Испортим эту штуку напоследок? — спросила Хо, кивнув на шлем.

— Нет, — сказал я. — Глупо и... В общем мы с ней успели подружиться.

— Чур я первая, — сказала Хо.

Я стиснул зубы. Клянусь Леди. Глаза защипало.

— Давай уже, они до вечера ждать не будут.

— Я...

— Ничего не говори, — попросила она. — Мы с тобой и так все знаем. Проходили уже.

Она взяла железку из моих рук. Что ж, сколько веревочке не виться... Мы оба устали.

Оба знали, что шанс стать настоящими людьми исчезающе мал и теряется где-то в мусорных кучах, оставленных теми, кто был гораздо сильнее, умнее, приспособленнее нас. Хо вставила холодную трубку в рот. Потом раздумала и прижала ее к виску.

— Говно какое, — резюмировал я.

Клик.

— Извини, попался дед спейс. Крутанул барабан от злости.

— Да черт бы тебя подрал, Хин, с твоей доисторической пукалкой.

— Просто нажми еще пару раз.

— Что еще за дед спейс?

— Так гарзонцы говорят, когда нет патронов. Дед спейс, типа. Дед спейс, все, нечем стрелять. Ты фильмы что ли не смотришь?

— Ну и произношение у тебя. Дээд спэйс!

— Может просто шмальнешь уже себе в лицо, и свалим из этого сраного мира?

— А тебе не терпится увидеть, как я растекусь по потолку, да? Хрен тебе, стреляйся первый!

— С моим удовольствием Миледи!

Я забрал у нее ствол.

Клик.

— Да еб твою мать, он вообще заряжен? Ты решил напоследок отшутить все свои тупорылые шутки, Хин?

— Заткнись, Хо, или я тебе пальцем пулю в голову вдавлю, богом клянусь! Дай мне, блять, застрелится в тишине.

Клик.

Мы оба засмеялись. Мы ржали как полоумные. Мы забрызгали слюной лобовое стекло. От этого смеха даже вертолет, казалось, неуверенно приутих. А потом его разнесло в клочья.

Обломки просыпались в сторону, словно кто-то злобно пнул огромное мусорное ведро.

Мы с Хо заткнулись как по щелчку. Никогда еще до этого я не видел такого нелепого, устрашающего и... величественного зрелища одновременно. Мне понадобилось секунд пятнадцать, чтобы понять, что вообще происходит. А происходило следующее: ГО и ССТ атаковала кавалерия. Да какая! Бронзовые, мать их, быки с несколькими седоками, вооруженными черт знает чем. Всего их было три штуки, и они тяжело бухнулись с неба, словно возмездие Леди. Когда я говорил, что лонгаты понимают в говядине, я вовсе не это имел в виду. Элитные стейки не готовят при помощи технологий тесно переплетенных с волкачеством.

Быки были механическими, с реактивными двигателями в тушах, но двигались как

живые, словно расвирепевшие бугаи с корриды.

Гремя широкими копытами, они скакали среди броневиков, высекая искры и переворачивая машины толстенными рогами, словно коробки с апельсинами. Апельсины при этом визжали от ужаса и пытались выбраться наружу, но, Леди свидетель, я бы на их месте оставался внутри, потому что седоки не дремали. Они меткими выстрелами снимали тех касок, кто пытался сделать вид, что именно сегодня, именно сейчас пришел торжественный момент выхода на пенсию. Клянусь Леди, я прямо видел в их движениях попытку нащупать в воздухе ручку и листок, чтобы написать заявление по собственному желанию.

Реплики оставшиеся позади притормозили, явно размышляя их ли это война. Учтывая, что от ССТ остались одни обломки, я бы на их месте тоже подумал бы, стоит ли вмешиваться в этот цирк с быками.

— Валим, — сказал я. — Нужно ухитрится и проскочить между ними...

Хо была в трансе.

— Да что б тебя.

Я вытащил ее с водительского кресла и положил на эспертуа. В этот момент какой-то столб с грохотом пронзил крышу Заразы, и, шелестя молниями, ахнул в пол. Похоже он пробил добрые полметра дорожного полотна. Поездка отменялась.

В этот момент, я забылся. Тоже погрузился в транс, но адреналиновый. Я видел, как этот херов столб дрожит сантиметре от головы Хо. Мы только что чуть не застрелили сами себя, будучи в нескольких секундах от вмешательства судьбы. И теперь эта судьба снова пыталась насрать мне на голову. Ну уж нет.

Я выбрался из люка для курения, словно осатаневшая росомаха, в нору которой только что помочился медведь. Надо мной кто-то был. Кто-то крутой. О, Леди, это ублюдок явно был королевской крови. Его бык, четвертый и самый крупный в отряде, завис там, где раньше был вертолет. Шевалье в голубом табарде, восседал на нем в полном одиночестве. Его окружал прозрачный щит похожий на огромный сувенирный шарик: потряси и начнется буря из петушиных перьев.

Шевалье не собирался лично участвовать в бою. Он просто пригвоздил Заразу к шоссе метким броском, чтобы мы не смылись. Копье выглядело как настоящий реактивный снаряд. От него пахло грозой.

Всадник, тем временем, обратил внимание на мое появление. Его шлем склонился, а рука, держащая мотоциклетный руль на горбу зверя, поплыла в сторону, словно приглашая сесть и расслабиться, пока с меня будут стаскивать краденные латы.

А-ха. Хрен там.

Я вцепился в ручку копья. Она была обита жестким ребристым материалом, хорошо ложилась в руки и не скользила. Вот только это не слишком мне помогало. Копье было волшебной дрянью, зависящей от хозяина, и вытащить ее мог только шевалье... Или промышленный экскаватор с группой парней в оранжевых жилетах. Бедная моя Зараза была словно маслина, вероломно пробитая зубочисткой, а внутри ее лежала беспомощная Хо. Ее либо станут пытаться, либо прикончат сразу, в зависимости от стороны, которой мы достанемся.

Как там было в легенде?

Я потянул копьё вверх и на себя. Восстановленные мускулы трещали и лопались от напряжения, выдавая паническое «трынь-трынь». Как написано в моей медкарте, Крашелл

немного «повысили жесткость мышечных волокон». Слово «немного», к сожалению, первый синоним слова — «недостаточно».

Быки тем временем разносили ГО в пух и прах. Это было настоящее побоище. Пару наездников подстрелили, но те продолжали оставаться в седлах, намертво прикрученные к ним невидимыми саморезами. Шевалье благосклонно следил за их успехами.

Клянусь Леди, да откуда же вы такие взялись?

Я никогда не слышал ни о чем подобном. Лонга могла похвастать большим количеством волков, но, как я уже говорил, в техническом плане могла рассчитывать только на скудные подачки Тенебрии. Как и все остальные. Этих быков создал кто-то очень продвинутый... Если какие-то палочники — тогда они были по меньшей мере предателями своего народа.

Бесполезно. Как сказала бы Хо, моих сил не хватало, чтобы добить эту кружку. И тут я услышал ее прекрасный звонкий голосок.

— Тащи!

Я прижался к копыю и так рванул, что даже драгоценные железки на мне зарыдали. Электричество, живущее в копье, вгрызлось в меня, я чувствовал боль и покалывания в груди. Руки и ноги свело судорогой, зубы трескались, но я продолжал тащить, а Хо продолжала толкать снизу.

Черт, только бы эта хреновина не повредила кардан!

Копье сдвинулось. Я не верил своим глазам. Еще на сантиметр. Ну же!

Я в несколько рывков выволок его наружу, и поднял над собой как бревно. Красивое бревно. Украшенное алыми молниями и воинскими триплексами. И швырнул его на дорогу. Готов поклясться, я услышал одобрительные возгласы касок, оставшихся в стороне от всей кучи-малы. Шевалье опустил на меня взгляд. Я видел, как он отпрянул назад в седле, а потом бросил своего бугая вниз. Прямо на нас.

— Огонь! — заорал кто-то из «нейтральных» ГО. — Огонь по этой хреновине! Не дайте захватить доспех!

Шевалье резко сменил курс. Мне подумалось, что теперь, когда он понял, что не нужно ему было высокомерно игнорировать пару десятков вооруженных касок за спиной, его дворянская сущность просто вскипела. Да как это они смели?! Эта чернь! Смерды! Свиные рыла! Вне всякого сомнения, он испытывал наслаждение, повернувшись к ним спиной. А также легкий мандраж, с рюмочкой адреналина. Ну, теперь когда пули грохотали по его идиотскому новогоднему пузырю адреналин парню был обеспечен.

Впрочем, касок ждал очень неприятный ответ. Зря они обратили на себя внимание, ох, зря. Я немного посочувствовал ребятам. Выбирать между гневом хозяев из ССТ и... тем, что сейчас с ними происходило, было трудновато. Кровища лилась рекой. Не был бы я солдатом, непременно заблевал бы крышу Заразы.

— Держись!

Я тяжело бахнул вниз, и успел только зацепиться за край идеально ровной дыры, оставшейся от копья.

— Держись изо всех сил!

Зараза вдруг взбукнула и стала быстро набирать скорость. Раздался громкий хлопок, из салона повалил черный дым. Потом что-то шумно заскрежетало, и мы подались в сторону пробитого быком ограждения.

Шевалье успел взглянуть в нашу сторону. Кровь, шипя, испарялась с поверхности пузыря.

Я показал ему воинское приветствие.

Глава 6. Новые друзья

— Еще раз, кто ты такой?

— Продавец на своих двоих, госпожа моя.

— У тебя ничего с собой нет, что же ты продаешь?

— Я антистресс на час.

— Это еще что? Бритти, ты про такое слышал?

— Никогда.

— Продаю возможность ударить себя в любую часть тела, госпожа. Вы уже воспользовались моими услугами на сумму в две тысячи номов. Это без учета пробного удара в пах.

— Я его сейчас под линолеум загоню, — сказал Бритти, вмешавшись в допрос. — Я ему нижнюю челюсть с верхней поменяю. Дырку в сердце проверчу. Я волк парень! Понял? А ты насрано! Просто огромная куча на табуретке. Отвечай, кто ты такой. Ты из Компании?

— Я что, на палочника похож?

Якоб лучезарно улыбнулся окровавленными зубами. Он сидел на табуретке, совершенно ничем не скованный, кроме боли. Бежать ему все равно было некуда: Бритти закрывал своей тушей раскрытое окно, девушка, — ее имени он еще не слышал, — стояла в дверном проеме, навалившись плечом на косяк. Руки Якоб держал за головой, но не потому, что ему так сказали. Просто хотелось продемонстрировать свои гладкие подмышки этой прекрасной особе. Лицо особы, жесткое, с глубокими глазными впадинами и маленьким носом, было ослепительно, неправдоподобно белым. Кожа была покрыта татуировками в виде черных кругов размером с монету. Якоб мысленно сравнил их с белыми пятнами на волосах.

Интересный стиль.

На вид красоте было лет восемнадцать, но эти утопающие в сумраке глаза, горящие белым огнем, напоминали взгляд безумной и жестокой старухи.

— Давай я просто сверну ему шею и пойдем уже, — утомленно протянула девушка. — Ну сколько можно? Он обычный шнырь-торпеда, мы таких сегодня уже штук десять завалили. Давай его еще в яму бросим и будем приходить раз в неделю, пока не расколется. Не хочу я с ним цацкаться. Уника уходит!

Цацкаться они и правда не любили. Это можно было понять по тому, что на потолке комнаты, где Насча проводила свои сеансы массажа, сидело жирное пятно темного-красного цвета. Что-то мягкое так вклеили в потолок, что с него почти не капало. Судя по запаху дерьма и бойни, это была хозяйка конуры. Но где тогда останки человека, о котором говорил парень из притона?

В окно поддувал сквознячок. Огибая Бритти, он приносил с собой тяжелый запах силы и пота. «Уника уходит», да? Открытое окно... Способен ли древний коротышка пролететь девять этажей и не разбиться?

На полу лежали оторванные крылья. От какого-то костюма? Забавное совпадение. Впрочем, в распахнутом гардеробе висела огромная подборка спецодежды для ролевых игр. От фуражки до коньков. Коньки наверняка пользовались популярностью: люди скучали по зиме.

— Да я не против, — сказал Бритти задумчиво поворачиваясь вокруг своей оси. — Просто он странный. Что-то в нем есть сволочное. Он из наших и одновременно нет. В

первый раз такое вижу. Меня это нервирует.

— Извините, — вежливо сказал Ретро. — Вечно порчу людям настроение.

— Ладно, кончай с ним, — великодушно разрешил волк. — Как мне надоели эти хэдхантеры. Дерьмо.

Ретро понял, что его дурацкая, давно сломанная жизнь, подошла к концу. «Кто же позаботится о моих детишках?» — сказал кто-то в его голове. Скрипка печально взвизгнула. Пятнистая леди в широкой белой сутане придвинулась так, словно пятки ее скользили по полу. Ретро не поменял позу, только немного приподнял голову, что б заглянуть в нечеловеческие глаза. Ну что ж... Опять волк, и опять жизнь его на волоске. Точнее, волосок уже полоснули бритвой.

— Что за дерьмо? — сказал вдруг Бритти. — Ты слышишь?

Девушка склонила голову на бок.

— Какая-то музыка, — сказала она, морща носик. — Смычковые?

— Откуда она доносится?

Волк обогнул Якоба справа, — тому показалось, что рядом проехала фура, — и остановился чуть в стороне. Вокруг него летали по орбите мелкие предметы, вроде монеток, заколок, наручников и каких-то вытянутых предметов, похожих на пробки. Волк стоически игнорировал эти спутники. Очевидно, иногда он не мог контролировать свою мощь полностью.

— Это ты? — требовательно спросил он. — Она усиливается, слышишь?

— Ужасная какофония, — подтвердила Пятно. — Как будто по тысячам струн водят километровой ножовкой.

— Я просто сижу и жду, когда мне свернут шею, — сказал Ретро.

«Кто позаботится о моих детишках».

— Вот дерьмо-о-о, — протянул вдруг Бритти. — Я понял, что это такое. Сраный ублюдок. Убей его! Скорее!

В этот момент нездоровый отцовский инстинкт взял контроль над телом Якоба Фитцвиля, и он, оттолкнувшись ногами, упал вместе с табуреткой. Потом кувыркнулся и бросился к окну. Ставни мгновенно захлопнулись перед ним, а сильная рука схватила за жилет. Ретро швырнули в стену так, что упало несколько полок с фарфоровыми гениталиями.

— Стреляй, стреляй в него!

Детектив по-разному представлял последние секунды своей жизни. Вариант, где его ставят к стенке и пускают пулю в лоб, тоже встречался в каталоге. Однако такой изощренной формы исполнения расстрела он не ожидал.

Леди Пятно шлепнула себя по бедрам. Подол задрался. На ретро уставились два «тихих» жемчужных пистолета, сидящие на гидравлической фурнитуре армейского пояса. А также безупречные пятнистые ножки и черные трусики, которые должны были отвлечь несчастную жертву от самых неприятных секунд оставшейся жизни. Что ж. В каком-то смысле это было даже гуманно.

— Оу, — только и успел сказать Ретро.

А потом произошло несколько вещей сразу. Голос в его голове снова заорал что-то про детей. Пятнистая отшатнулась. Стена над головой детектива плюнула несколькими фонтанчиками. А Бритти выдохнул, словно спасаясь от перегрузки, и с воплем заметался по комнате.

— Хватит, — кричал он. — Все уже, все, мы тебе не угрожаем, успокойся. Дерьмо-о-о!

Девушка упала на задницу, и еще раз выстрелила, судорожно сжимая рукоятки, но Ретро на прежнем месте уже не было. Он неуклюже вывалился в коридор. Запинаясь о десятки розовых тапочек, сапожков и туфель, Якоб добрался до двери, и только хотел открыть ее, как с той стороны забарабанили.

— Нассча! Нассча, ты там?! Это Котята! Открывай! Что там у тебя происходит?!

Ретро посмотрел в глазок. Человек десять, не меньше. Что за чудесный день.

— Мы ломаем дверь! Кто бы вы ни были суки, вам пришла...

Ретро очень хорошо понимал, что именно надвигается. Если ему не удастся просочиться в унитаз, то на него ополчится весь район. Непонятно, что он такого сделал со своими новыми друзьями, но рассчитывать, что у сотни головорезов из Котят тоже случится припадок, было как минимум несерьезно.

Якоб прислонился задом к стойке для верхней одежды и усмехнулся.

— Эй... — донеслось из комнаты.

Входная дверь трещала от ударов. Потом кто-то пару раз выстрелил в область замка. К счастью, он там был далеко не один.

— Я вас слушаю, моя госпожа, — весело откликнулся Ретро.

— Мир. Клянусь. Давай договоримся. Мы защитим тебя от Котят.

Якоб, не тушуясь, вернулся к дружкам. Божья коровка сидела на полу, слизывая языком кровь, натекающую из носа. Бритти забился в верхний угол, словно воздушный шар, оставшийся после дня рождения, и злобно зыркал оттуда, царапая взглядом кожу.

— И что взамен? — спросил прозорливый Ретро.

— Ты свалишь от нас подальше, — взвизгнул Бритти. — Дерьмо ты такое! Просто переползи, блин, в другой сортир.

— Не выйдет. Мы с вами, зайчики, ищем одно и то же. Столкновения будут неизбежны. Это — не последнее.

— Какая же ты заноза в жопе! — застонала Пятнистая. — Напомни, как тебя зовут.

— Якоб Фитцвиль. Или просто детектив. Для друзей — Ретро.

— Ты заноза в жопе, Фитцвиль!

— У вас много единомышленников.

Судя по звукам дверь начала поддаваться.

— Ладно, слушай, — устало вымолвила девушка, поднимаясь. — Давай обсудим это после того, как разделаемся с гостями и смоемся отсюда. Согласен?

— Более чем.

— Тогда прыгай в койку.

— Оу.

— Какая же у тебя скотская ухмылочка. Так бы и съездила по роже еще раз. Лезь под одеяло. Ногами к выходу, к выходу!

Рабочее место Нассчи было врезано в угол комнаты, и представляло собой гнездышко в виде дольки арбуза, в котором могли уютно расположиться пять или шесть человек, страдающих от боли в спине. Или шее. В общем, места для мануальной терапии было хоть отбавляй. Для серьезнейшего эффекта эротической тайны, перед траходромом были навешены алые портьеры. Пятнистая расправила их и забралась под одеяло к Ретро. Она легла так близко, что тот невольно сглотнул. От страха и возбуждения одновременно.

— Как же тут воняет жопами, — прошептала девушка. — Меня сейчас вырвет.

— Стирать это футбольное поле ваты, наверное, жутко неудобно, — усмехнулся Виль.

В душной темноте послышался смешок.

— Как только ущипну тебя, сбрасывай одеяло, понял?

— Понял.

В прихожей послышался грохот и однообразные матерные крики.

— Сюда, сюда! — тонко завопили из-под одеяла. — Скорее, все сюда! Помогите, умоляю.

Это сработало. В комнату ввалился, судя по грохоту, весь штурмовой взвод Котят.

— Нассча это ты?

Послышался треск сдираемых портьер. В этот момент Якоба чувствительно щипнули за предплечье. Одним махом он послал все сто килограмм пахучего одеяла подальше вправо и поудобнее улегся на подушку. Поручение выполнено безукоризненно, можно было и отдохнуть.

— Какого... — только и успел выговорить матерый гарзонец, смело руководивший отрядом.

Он был вооружен обрезом и даже начал его поднимать, но тут Пятнистая раздвинула согнутые колени. Ретро смотрел как несчастных Котят буквально разрывает меткими выстрелами, и ни о чем не думал. Разве что: «после этой простыни нужно будет перестирывать всю одежду и хорошенько помыться». «Черт».

«Чик-чик-чик».

— Ах ты блять!

Это был ошеломленный вопль оливы, на которую не хватило свинцовых транквилизаторов. Возможно, она хотела бы взять полную ответственность за успех миссии на себя, но тут ее челюсти с отчетливым хрустом поменялись местами, и несчастная женщина повалилась в кровавый бассейн.

— А, так это была не просто угроза, — сказал впечатленный Якоб. — Не думал, что такое возможно.

— Та-да-а, нахрен, — Бритти выплыл из своего угла. — Материал для новых сплетен готов, можно сваливать.

В этот момент блин подсохшего фарша медленно отклеился от потолка и упал вниз.

— Мне совершенно не нравятся ваши методы, должен заметить, — Ретро слез с кровати и осторожно ступая, вышел в прихожую.

За ним проследовала Пятнистая. Уже с горбом.

— Да и хрен бы с тобой, — просто ответила она. — Держись рядом, лучше позади. Так тебя не заметят благодаря силам Бри

— Секунду, прихвачу своего железного коня.

Они вышли на лестничную площадку, и принялись считать ступени.

— Но зачем было убивать Нассчу?

— Она тенебрийка. У Бритти вендетта тенебрийцам. Убивает всех без разбора. Женщин, детей, инвалидов. Бритти, убьешь инвалида?

— Все, что от него осталось, — немедленно отозвался волк. — Даже отдачи не побоюсь.

— Вот видишь? Так было нужно.

— Господь Гарзонский, хорошо, что лонгаты в этот список не входят.

— Одного я, пожалуй, запишу.

Через десять минут все трое уже переводили дыхание в самой злачной и незаметной рыгаловке поблизости. Называлась она «Два метра под землю» и базировалась, как и следовало из названия, в подвале Мимомаркета. Лампы здесь освещали только потолок, который каким-то образом был загажен еще сильнее чем пол. В зале стояли расколотые столики, скрипящие стулья, и парили угрюмые жирные мухи, жужжащие громче древнего кондиционера. Там же держался вечный дым, от которого не то что обои, кожа желтела как при циррозе.

А, впрочем, почти весь контингент «Двух метров» и без того находился в шпагате между жизнью и смертью. Печень была здесь нежеланным гостем.

И как забыть милейшего бармена, он же вышибала, по кличке Посейдон, который пас двух официанток-олив, работающих за бухло и чаевые. Оливы были матерые как акулы. Нередко они обшаривали карманы отрубившихся пьянчуг, которых вышвыривали на улицу.

Якоб часто бывал тут и мог с уверенностью сказать, что в этом месте могли искать только пропавшего неделю назад мужа, или пошло с ценником ниже, чем у дождевой воды. С другой стороны, были у этого места и свои плюсы. Где еще разрешали пить и сразу же мочиться под столик?

— Ну и дыра, — протянула Пятнистая. — И ты тут пьешь?

Они уселись в дальний угол зала, опасно закачавшись на убитых стульях. Точно также, как при землетрясении, закачался столик, но Ретро мгновенно восстановил баланс и гармонию между полумертвой древесиной и теплокровными задницами.

— Убери руки.

— Извини. Хотел поддержать.

— Без тебя обойдусь.

— Вижу. Ты не плохо держишься. Как будто заливаешь тут за воротник с рождения.

Девушка фыркнула.

— Прежде всего, — напористо заговорил Ретро, — я бы хотел узнать твое имя. Хотя бы псевдоним. Мысленно я называю тебя «Пятнистая», но согласишься, это звучит кринжово, как говорят дети.

— Пятнистая? Это все, на что на что способно твое воображение, Фитцвиль? Этс потому, что на мне пятна, угадала?

В углу было почти темно. Ретро видел только белые угольки. Тем не менее, он уловил насмешливую симпатию в этом взгляде. Якоб хорошо ладил с противоположным полом, однако у него давным-давно не было времени на практику: близнецы отнимали все его силы. Как бы то ни было, его отмытое лицо все еще хранило капельку обаяния.

— Довольно много пятен, — ухмыльнулся он. — И я бы с удовольствием сосчитал их точное количество.

Девушка тихо рассмеялась.

— Да ладно тебе, — сказала она. — Не так уж часто со мной флиртуют.

Якоб почти сразу понял, что это был ответ на неслышимую реплику Бритти, и порадовался, что не издал какое-нибудь идиотское «что?» или «а?».

— Скажи мне, Фитцвиль, — негромкий голос звучал в темноте как затравка к блюзу, — что у тебя за фамилия такая дурацкая?

— Мы из саксов.

— Тогда почему Якоб, а не Джейкоб?

— Мать фанатела по сканам. Ей нравились огромные бледнокожие мужики.

— А по тебе и не скажешь.

— Ну, предпочтения предпочтениями, а работа — работой.

Смешок.

Из темноты, словно из глубин морских, вынырнула одна из официанток. Условный свет отразился от ее острозубой улыбки. Это была Чи Пи, хорошая знакомая Якоба. Разумеется, если б он начал тут дебоширить, его мгновенно вышвырнули в мусорку, как и любого другого.

— Приветствую вас под землей, — просипела она, облокотившись на плечо Якоба. Стул скрипнул, но Якоб не дал тому завалиться на бок. — Я смотрю твоя шиза прогрессирует, красавчик. Разговариваешь сам с собой?

Якоб странно взглянул на нее, потом шевельнул извилиной, и сказал:

— Репетирую крутые реплики для дуэлей. Хин постоянно так делает. Вот и я подумал, чего мне отставать.

— Давно не видела этого смертника. Он завязал со спиртным?

— Дела в последнее время шли не очень. Даже ваши демократические цены его пугают.

— Жаль это слышать, — искренне сказала Чи, убирая локоть. — Будешь уходить, я, пожалуй, дам тебе кое-что для него. Потом рассчитаемся, так и передай.

— Твоя душа шире твоей прекрасной попки, — ответил на это Ретро.

— Скотина, — одобрительно фыркнула Чи. — Ну ладно. Что принести? Как обычно?

Тут детектив смешался, бросив взгляд в сторону невидимой подруги.

— То же что и ты, — шепнули из темноты.

— Да, давай две порции «До завтра».

«И один запивон»

— И один запивон.

«Минеральную с сахаром».

— Минеральную с сахаром.

Чи хрюкнула.

— Ты что, ждешь кого-то?

— Нет, просто хочу набраться как следует и не вернуть все обратно раньше времени.

— Ну ладно, — с подозрением протянула Чи.

В этот момент в зале раздался треск и глухой стук распростершихся костей. Олива, словно хищник, среагировала на шум и мгновенно скрылась. Ретро усмехнулся и положил локти на столешницу.

— Я так и знала.

Ретро молчал.

— Ты сумасшедший.

— Более или менее.

— Ну слава богу, — одним голосом улыбнулась девушка. — Сначала я подумала, что ты просто дурак. Не понимаешь, что происходит вокруг.

Она помолчала.

— Бритти спрашивает, знаешь ли ты, что у тебя есть сила?

— Для меня это что-то вроде личной шутки, которую понимаю только я сам, — Якоб набрал полную грудь сигаретного смога. Пробирало как от настоящей сигары. — Иногда помогает, иногда — пускает по ложному следу. Но в целом... Разве это сила? Вот Бритти — это да, настоящая пушка.

— Он выражает тебе свое «дерьмовое мерси». А кроме того говорит, что ты нихрена не понимаешь этой своей шутки.

Якоб пожал плечами.

Принесли заказ. Чи поставила оба коктейля и стакан с минералкой перед детективом. Тот улыбнулся ей, и сунул пару номов чаевых. Олива провела пальцами по смуглой щеке и скрылась.

Скрипнул стул. Рукав белой сутаны был хорошо заметен в темноте. Еще лучше различимы — белоснежные пальцы. Пятнистая самостоятельно придвинула к себе напитки и затихла. Якоб отпил свой «До завтра», выдохнул в кулак, и уже более расслабленным голосом произнес.

— Я уверен, что это к лучшему.

В темноте закашлялись. Потом тихо стукнул бокал с минералкой.

— А кто такие Анис и Вальтер?

Якоб внимательно посмотрел в белые глаза.

— Я кричал что-то? Про них?

— Мы с Бритти слышали имена в головах. Имена и невыносимый шум.

Ретро хлебнул основательнее.

— Не будем об этом. Это... Очень личное. Перейдем лучше к делу, госпожа...

— Спот. Или Спотти.

— Спот? — переспросил Ретро. — Это потому, что у вас на коже пятна?

— Угадал. Ну так что ты хочешь предложить нам?

— Для начала ответьте, у вас есть какие-нибудь зацепки? Я так понимаю цель ушла из-под носа.

Едва слышные звуки подсказали Ретро, что Спотти приняла еще одну порцию коктейля. Пожалуй, тридцать градусов крепковато для такой стройняшки, но никто ее за язык не тянул.

— Класс, — прошипела она. — У тебя хороший вкус, Фитцвиль. Да, ты прав. Ушел. Выпорхнул.

— Как ему это удалось? Девятый этаж.

Некоторое время Спот молчала, как будто не понимала смысл вопроса. А потом вновь негромко засмеялась.

— Как удалось? Ну как-как, взял наволочку и планировал на ней как на парашоте.

Ретро понимал, что девушка откровенно забавляется с ним, и обладает куда большей информацией. Однако, спрашивать у конкурента, что она имела ввиду под наволочкой, было откровенно нетактично. Просто поставишь себя в зависимое положение и больше ничего. Тогда он решил зайти с другого бока.

— Вы тоже хотите награду?

— Что?

— Ну, пятьдесят кусков на карманные расходы.

Снова неясная пауза.

— Конечно. Пятьдесят кусков всем нужны.

Врет. И даже не слишком пытается это скрыть. Они с Бритти такие же нелюди, как и Эхсин, на это Ретро мог бы поставить свой самокат. И он мог прозакладывать его дважды, утверждая, что деньги этим ребятам не нужны.

— Ну так давайте объединим силы и всего делов, — обрадовано сказал он. — Выбора у вас нет. Вы конкретно сбились.

— Сбились, — подтвердила Спотти. — То есть, Бритти может напасть на след, но к этому времени Эхсина уже не будет в городе.

Ретро отхлебнул. Этим же занялась девушка. Ретро не спрашивал почему не пьет Бритти. Выпивший волк, это почти гарантированный взрыв Шторма посреди города. Пожалуйста, где угодно, только не здесь. Бутылку паленого вискаря отдают за полтора нома... Священная земля!

— Да ладно тебе, — голос Спотти повысился. — Иногда можно. Я же не надираюсь.

— Вас всего двое? — рискнул Ретро.

— Кого? — невнятно переспросила девушка. — А. Да. Всего двое.

Спотти хорошо следила за языком. Ну или Бритти постоянно подсказывал что говорить. Закрыться бы с ней наедине.

— Надо было взять закуски, — девушка все-таки поперхнулась.

— От запаха еды половина зала окажется заблевана по щиколотку, — сказал на это Якоб. — Никто и никогда не закусывает в «Двух метрах под землю». Максимум, что можно здесь заказать, это прошлогодние соленые гренки или маринованные яйца похожие на головы утопленников.

— О боже.

Якоб сочувственно покивал и решил снова вернуться к делу:

— В общем, так сложилось, что у меня есть еще как минимум две зацепки. И я готов предоставить вам одну из них, при условии, что мы поделим гонорар семьдесят на тридцать. Независимо от того, кто именно преуспеет.

— Семьдесят тебе что ли?

— Ну, если у вас есть варианты получше...

— Нет, — поспешно сказала девушка. — Мы согласны. Говори, что знаешь.

А могли бы и поторговаться для виду. Ретро понял, что никаких договоренностей с ним эта парочка соблюдать не будет. Они по какой-то причине не могут пока с ним разделаться, но и только. Остается отправить их по наименее вероятному следу, чтобы они не путались под ногами.

И какой след теперь наименее вероятен? Братоубийца или мелкий наркобарон? Возможно, ни один из них никуда не ведет. А что если отправить их в Радужный, искать то, не знаю что? Таких как Эхсин там целые подвалы. Пусть выбирают любого и убираются из города. Пятьдесят тысяч. К черту Сэта. Этих денег хватит чтобы запереть Анис и Эдварда в санатории года на два. Так они точно избавятся от всех плохих привычек. Мои милые ангелочки, у них такие красивые шрамы от лезвий на запястьях...

— Фитцвиль. Прием. Ты что, уже vyrубился, девчонка?

Якоб опасно накренился влево вместе со стулом, но быстро выровнялся. Над ним стояла Ди Фи, коллега Чи. Она взяла пустые бокалы из-под коктейля и минералки, а потом тьма сразу же поглотила ее. Ретро осоловело уставился на свой едва видимый «До завтра». Он был уверен, что напротив него — пустота. Спотти и Бритти просто приснились ему как снятся иногда незнакомые люди, о которых не имеешь никакого понятия.

И правда. Ни белых глаз, ни слабо осязаемого присутствия кого-то необыкновенного, ни легкого смеха. Черт возьми, для чего же он так надр...

— Ты выспался? — сварливо спросил волк. — Может еще в мотель нас отведешь? Потрахаемся, а завтра на работу? Мы заключили договор: давай свою зацепку, пока я тебя не прихлопнул. Один раз мы уже рассусоливали с тобой дольше, чем нужно, но теперь ты у

меня под колпаком, братик.

— А где...

— На улице. Вышла подышать после твоей отравы. Знаешь, дефектив ты хренов, ты перешел столько границ в общении с нами, что я просто обязан тебя убить. Но сделаю это потом.

— Как только поделим деньги, — ухмыльнулся Ретро. — Как честные партнеры?

— Мое терпение на исходе.

Это была не шутка. Бритти просто кипел от злости. На жилете Якоба сам собой появился тонкий разрез.

— Понял, — Якоб поднял перед собой руки. — Понял. Все понял.

Он одним залпом прикончил свой «До завтра», поставил стакан перед собой и вынул из кармана монетку в полнома. Серебристый кругляш завращался в воздухе и с тихим звоном упал на стеклянное дно. Ретро посмотрел сверху. Идол. Значит ему достается братоубийца. А этим двоим он оставит задачку гоняться за Танитом, который «бывает то там, то здесь». (Ретро быстро написал в блокноте имя и общее сведения, и подвинул листок на другой конец столика.) В конце концов, разобраться с Паупа будет несравненно проще. Если Эхсина у него не было, можно будет снова посоревноваться с этими двумя. Спотти и Бритти наверняка выгонят Танита на поверхность, а пока тот будет искать новое илистое дно, некто Якоб Фитцвиль подоспеет с сачком.

— Это еще что было? — с подозрением спросил Бритти.

— Чаевые, — просто ответил Якоб. — Местным девочкам не платят за работу. Разрешают бесплатно пить из бара и оставлять себе половину чаевых.

— Сейчас расплачусь.

— Ты никогда не плакал, Бри. Только злился. Всегда злился.

Услышав этот призрачный голос, Ретро улыбнулся, сам не зная почему. В стакан упала вторая монета ценностью в пять номов. Детектив приподнял бровь. Потом он внезапно почувствовал пустоту и одновременно протрезвел до состояния новорожденного.

— Клянусь Хисшеньем! — раздалось у него над ухом. — Это нам? Seriously?

— Точно так, — Якоб продолжал улыбаться, слыша искреннюю радость в голосе Чи.

— Ретро ты такой зайка, — олива смачно поцеловала его в щеку. — А ты что, уже уходишь? Вроде ни в одном глазу. Оставайся, я принесу настоящей водки. Только вчера пришло три ящика с гарзонскими акцизами. Мы пробовали — объедение. Заходит как чл... В общем, хорошо заходит.

Не смотря на чудовищное искушение, Якоб вежливо отказался. Он забрал оставленный за барной стойкой самокат, и, не прощаясь, торопливо покинул «Два метра под землю».

Оказавшись на улице, Ретро успел увидеть уезжающую реплику на четыре места. Серый металлик. Редкая машина для Рабочки. Номера, как и у Хина, тщательно замазаны грязью. Сквозь заднее стекло хорошо виден белый горб.

— Значит, всего двое, да? — Пробормотал Якоб. — А мне казалось мы друг другу понравились, Пятнышко.

Он поставил самокат на землю.

Волевая 40 была типичной многоэтажкой для специалистов-палочников. Это означало, что все дверные проемы, потолки и прочее, были в полтора раза выше, чем в аналогичном жилье для отсталых. Ретро давно привык к таким вещам, проводя много времени в «Далеких

перспективах», однако синдром карлика иногда мучал даже его.

Войдя в гигантское парадное, Якоб миновал спящего консьержа из ГО, и поднялся по циклопическим ступеням, взбираясь на них только благодаря силе своих рук. Затем ошеломленному взору детектива предстали необозримые ворота лифта, сравнимые только с фабричными порталами.

На самом деле, конечно, все это было не так. Ретро лишь усмехнулся про себя, подумав, что дверной звонок ему придется нажимать, встав на цыпочки.

Из лифта к нему навстречу вышла парочка молодых тенебриеек, одетых, по последней моде, в темно-синее и черное. Все было лоснящееся, тонкое и настолько тугое, что девушки поскрипывали и потрескивали при каждом движении. Их узкие младенческие лица выразили испуг, когда они чуть не врезались в Якоба. Тот был всего на голову ниже, но чем беднее тенебриец, тем реже он старается опускать голову. Эти юные щеколды вообще не отрывали взгляда от потолка. Наверняка собирались идти в гости к такой же небогатой подруге, в такой же высотке неподалеку.

— Ой, — сказали они одновременно.

— Отсталый? — изумленно спросила правая.

— Отсталый, — подтвердила левая. — Ты что тут забыл, малыш? У нас приличный подъезд, наркотики никто покупать не будет.

— А какие у тебя есть? — тут же спросила правая.

— Никаких, неопикуемой красоты владычицы мои, — Ретро низко поклонился. — Я не дилер, я пришел в десятую квартиру, увидеть господина Реммао Паупа. Он нанял меня убирать в квартире.

— Паупа из десятой, — задумчиво повторила левая. — А, это тот коротыга с ногтями. Помнишь Фью, мы его видели пару раз, когда курили? Он еще подкатить к тебе пытался.

— Вроде бы. Не знаю. Коротыг не запоминаю.

Коротыгами в среде палочников уничижительно называли мужчин, не взявших отметку в два метра ростом. Не то чтобы это обстоятельство ломало кому-то жизни, скорее било по самооценке. Один в один, как те же метрические соревнования у отсталых, но связанные с длиной детородного органа.

— Да, есть тут такой, в общем, — подытожила левая. — А ты, значит, будешь у него горничной?

— Я собираюсь превратить его сортир в место, куда ангелы слетаются обедать, — заявил Ретро не моргнув глазом.

Палочницы засмеялись.

— Ну давай, малыш, удачи. Как-нибудь выходи, покурим вместе.

— Буду рад поджечь ваши сладкие папироски, — улыбнулся Ретро.

Он еще раз поклонился и прошел между девушками. Пока детектив поднимался по лестнице, он слышал их негромкую беседу и смешки. Кажется речь шла о его попке. «А ты никогда не фантазировала...». Якоб и сам, бывало, задумывался над этим. Конечно, тенебрийки были слишком худосочными на его вкус, но в порядке обогащения жизненного опыта, почему бы и нет? К сожалению, подружки, с которыми так мило побеседовал Ретро, были прямо-таки образцом терпимости и либерального отношения к «малышам».

— Кто там? — свирепо осведомились из-за двери. — Ты кто такой? Я никого не звал! Убирайся! ГО уже выехало!

Все это было сказано без пауз, словно одно единственное слово, означающее, что пора

сдать назад по лыжне.

— Господин Паупа, я...

— Вон, вон, вон! Пшел отсюда! У меня оружие! Я целюсь в тебя через дверь! Встань левее!

Да что ж ты будешь делать.

— Господин Паупа, я от вашего брата, он предлагает вам мировую и полную реабилитацию.

Эффект был потрясающим. Угрожающе-панические вопли господина Реммао сменились тишиной абсолютного потрясения. Словно у смертника, которого по ошибке посадили не на электрический стул, а в массажное кресло.

Чтобы не довести бедолагу до умопомрачения, Ретро выждал секунд тридцать, а потом спросил:

— Так вы откроете или нет?

— Почему он не позвонил мне сам?

— У меня торжественная грамота, которую я должен вручить вам по... эм-м-м... требованию древнего обычая.

Это был критический промах.

— Нет таких обычаев, сучье ты отродье! Обмануть меня захотел? Впарить краденный самокат? Сейчас ты у меня покатишься, гаденыш, до ближайшего кладбища!

Раздался оглушительный хлопок. В стальной двери появилась рваная дыра размером с кулак. Похоже, господин Паупа выстрелил из личной противотанковой пушки. Ретро метнулся в сторону и побежал так, что сшиб с ног проснувшегося ГО-шника. Он выскочил из подъезда и рванул на самокате куда глаза глядят.

Да когда же в меня перестанут стрелять, — подумал он. Вроде бы в городе нет военного положения! Хин сейчас наверняка кувыркается с Хо на добре господина Либули и довольно похрюкивает. Еще раз он заведет свою пластинку о плохих приметах и невезении, я заранее поздравлю его с днем рождения, а потом разобью об башку зеркало.

Возле автомата с газировкой, он сделал привал, усевшись прямо на горячий асфальт. Тепло. Полезно для простаты. Якоб смаковал банку виноградной «Ледышки» и делал выводы. Первый заключался в том, что Паупа без сомнения рехнулся от груза общей неудовлетворенности жизнью, и скоро начнет подкатывать к молоденьким девушкам с ружьем наперевес. Второй вывод, он же умозаключение, гласил, что Эхсина у Реммао быть не могло. Даже если нелюдь приходил к нему, то лишь напрасно потратил свое время.

Дьявол. Что же все-таки имела ввиду Спотти, когда сказала, что Эхсин упорхнул? Хо упоминала крылья... Но ведь они давно отпали, да и вообще изначально были чем-то декоративным.

На экране телефона было четыре пропущенных от Сэта. Подождет. Холейгула прекрасно знал, что Якоб ненавидел промежуточные отчеты. Все рапорты только по факту полностью выполненной работы. Вот и подождет. Одно что результатов пока не видно и все перспективы хером по воде писаны. И, вместо того что бы перезвонить начальству, Якоб снова набрал Ребру.

— Это справочная Линия Инфоманьяка Верту, — произнес немолодой женский голос. — Назовите свой тариф и номер клиента.

Ч-ч-черт.

— Можно мне поговорить с господином Верту лично. Это очень важно.

— Я же вам говорю, юноша, его нет на месте. Если хотите воспользоваться оплаченными услугами, назовите тариф и номер клиента.

— А когда будет?

— Вы задаете некорректные вопросы. Если б вы должны были это знать, то знали бы. Если хотите воспользоваться...

Ч-ч-черт!

Якоб сбросил вызов. Что ж, не время уповать на это сладкое, скользкое, хитрое, пахнущее ванилью божество. В любом случае новая попытка прокатиться нахалюву будет просто жалкой, и грозит осложнениями в виде путевки в задницу. Как это похоже на Сэта, хе-х. Просрочить плату за тариф, но требовать притащить ему зверюшку за пятьдесят тысяч, наугад тыкаясь в огромном городе.

Все, что мне нужно, подумал Якоб, это пару минут доступа в интернет. Зайти в компьютерный клуб и под звуки порнографии и пиксельных выстрелов, набрать в строке поиска пару слов. Жаль, что у меня нет пятидесяти нотов, чтобы оплатить сеанс. Тяжкая доля старомодного и нищего сыщика: поиск информации при помощи всех органов чувств и полного набора конечностей.

Якобу понадобилось двадцать минут, чтобы добраться до Рыночка. Рыночек занимал огромное пространство, рядом с железнодорожным депо и конечной станцией Новой Победы. Это был чудовищный развал, похожий на свалку, где вместо чаек и ворон пронзительно кричали отсталые. Им вторили сигнальные гудки тепловозов и звон перемещающихся развилок. Палочники специально выделили место под гражданский базар, что бы легче было следить за тем, что продается, кому именно и по какой цене. Кроме того, по уровню наркотрафика Рыночка можно было судить о том, как обстоят дела в самом городе.

Над Рыночком летали дроны-разведчики, которые постоянно делали снимки. Когда они зависали над определенным местом хорошим тоном считалось показать им обнаженные чресла или хотя бы средний палец, чтобы ГО могло порадоваться простому человеческому общению с низами.

Якоб отыскал «Кучу Букв», как здесь называли книжную барахолку. Под высоким военным тентом громоздились башни из коробок с книгами, журналами и подшивками комиксов. Что-то было отсортировано, что-то нет, килограммы макулатуры лежали в хозяйственных сумках. Почти все здесь раздавались бесплатно, так что вокруг ходили дети и старики, выискивающие что-нибудь с картинками. В целом, людей под тентом было раз два и обчелся. Читать рабочих учили прямо на производствах, но язык техники безопасности и должностных инструкций мало способствовал развитию воображения.

Заведовал «кучей» гарзонский кастолик по имени Джон Марстон. Опрятный молодой человек, изначально приехавший на ничейный континент с личной миссионерской задачей, но вовремя сообразивший, что Церковь Шторма лучше не злить. Не растерявшись, он решил вести просветительскую работу, и даже организовал начальную школу где-то в трущобах Радуги. Что сказать, его здоровью, смелости и духовной глубине можно было только позавидовать. Это был один из самых добродушных и бескорыстных людей, которых Ретро только встречал в своей жизни. Все переводы от епархии он тратил на книги, аренду и скромную еду.

Не смотря на обычаи, он не носил кастолический швинт, предпочитая выглаженную рубашку, шорты ниже колен и черную кепку. Это, однако, не вредило почти ощутимой ауре

чистоты и сдержанности, которую Марстон распространял вокруг себя. Железное распятие с Сыном Господним было начищено до ртутного блеска.

— Привет, Джонатан, — воскликнул Ретро, протягивая руку.

Марстон в это время раскладывал перед собой пасьянс из тенебрийских и гарзонских авторов. Он сидел за столом, мелодично бормоча что-то под нос, а рядом скуксился тканый мешок, придавленный Энциклопедией Крушений за авторством Астерии Пуйгало. Услышав голос детектива, кастолик обернулся и просиял.

— Господин Фитцвиль! — он поднялся и пожал протянутую руку. — Рад вас видеть. Пришли за новым романом Дэйла?

— Нет, милый Джонатан, — Ретро озирался, замечая свежие поступления. — Я смотрю, дела идут понемногу.

— Господь благоволит слова хранящим, — устало, но с удовлетворением подтвердил кастолик. — Те, кто хочет номиналов приходят сюда, чтобы продать книгу. Когда я отдаю плату, они берут другую книгу бесплатно в расчете вернуться, и снова получить вознаграждение. Однако, книга это не просто бумага, чернила, переплет. Это голос звучащий. Она говорит с человеком даже будучи закрытой, зовет его, интригует. Провоцирует. Как будто спрашивает: «ну что, отсталый, хватит ли у тебя сил, чтобы прочесть меня?». Конечно, многие благополучно избегают этого испытания. Как бы то ни было, даже они начинают искать все новые и новые тома, чтобы просто вернуться сюда и послушать тихое пение страниц.

Марстон встрепенулся, и произнес виновато:

— Прошу прощения, господин Фитцвиль. Велеречивость — это грех. И отнимать чужое время — тоже.

— Иногда приятно послушать что-то кроме мата и угроз, — ответил на это Якоб.

— У вас есть несколько минут свободного времени? — вдруг загорелся Марстон. — Я хочу показать вам одну вещь. Настоящее сокровище. Это даже не сборник лонгатских былин переписанный рукой монаха, это нечто совершенно бесценное!

Ретро подумал.

— А Господь с ним, давай, показывай.

Марстон метнулся к своему мешку, бережно снял с него энциклопедию и положил на столик. Из матерчатых недр он извлек нечто, напоминающее дикарские бусы: около пятидесяти крышек от консервированных продуктов, нанизанных на стальную проволоку. Время этим странным артефактом, кастолик торжественно приблизился к Ретро и сказал:

— Узрите то, чего никто не видел! А если видел, то не понял, что перед ним.

— Я вот тоже ни хрена не понимаю, — признался Якоб. — Это четки какие-то?

— Это КНИГА, господин Фитцвиль, — провозгласил Марстон юным, но уже достаточно глубоким голосом. — Вглядитесь!

Якоб взгляделся.

Все эти пятьдесят крышек от рыбы, хлеба и костно-мясной тушенки, были мелко перфорированы ручным сверлом. Крохотные отверстия складывались в буквы. Буквы — в слова на незнакомом Якобу языке.

— Это фугский, — шепнул Марстон. — Мертвый язык, который почти не менялся веками.

— Почему мертвый? — удивился детектив. — Фуги же не вымерли.

— Конечно, — согласился кастолик, перебирая крышки. — Но язык, который не

меняется в течении веков — мертв. Его и сами «носители» сейчас не очень-то понимают. Даже коренные жители Фугии, оставшиеся на материке, почти полностью перешли на Низкий Тенебрис. Язык Немоса. Такая жалость. Этим никто не занимается, а мои скромных ресурсов не хватает, чтобы провести полноценное исследование. Жалость! Только по этому памятнику их почти исчезнувшей культуры, можно предположить, что фуги процветали после Великого Расселения. Конечно, сами стихи здесь относятся уже к эпохе бурь, но то, как они написаны... Я смог перевести несколько образцов при помощи одного из старейшин обитающего в Радуге.

Марстон с робостью присущей всем авторам переводов и адаптаций, взглянул Якобу в глаза.

— Хотите послушать? Это недолго, автор писал четверостишьями.

— Жги.

*На темных стенах иногда мне видится — картина!
Как скалы защищают одинокую травинку — последнюю!
Они стоят, а гром, и ветер, злая молния — рубина!
Подтачивают, жгут, срывают шкуру — многолетнюю!*

О боги!

*В какое облако мне постучать, что б ответили
Какую молнию поймать что б раздался звон
Как спеть, как сказать, закричать, что б заметили
Открыть бы окно, но нет в домах наших окон*

— А вот еще:

*Шторм
отступит
обязательно!
Потомок
мой
будешь свидетель!
Отстройте
Фугию
обстоятельно!
Заявим еще
о своем
расцвете!*

Некоторое время Якоб молчал.

— Ну как? — спросил Марстон. — Не слишком режет ухо?

— Вполне, вполне, — ответил детектив. — «Нет в домах наших окон». Сам-сама бы это задело до глубины души. Последнее правда немного странное. В первый раз слышу такой ритм.

— Это я экспериментировал, — заулыбался кастолик. — На самом деле его можно

прочитать и традиционным образом. Иногда я представляю как автор этих строк сидит в своем бункере в окружении пыли, отчаянья, страха. Гудят трубы. Или это вой Шторма? Рядом — стоны обреченных. Он знает, что писать... Точнее, сверлить все это, в сущности, нет никакого смысла: никто этого не прочтет, никому нет дела до эмоций проигравшего в ужасной лотерее. Но автор сверлит отверстие за отверстием. Может быть в полной темноте, на ощупь. Как там сказано... «Когда на языке не расцветет и слова, пусть говорят руки».

— Стальной Завет, — машинально определил Ретро. — Строфа тридцать пятая. Стих второй.

— Верно! — обрадовался Марстон. — Как хорошо.

— Эта книга очень помогла мне в свое время. И до сих пор помогает.

— Самое приятное, что не смотря на характерный промилитаристский стиль этого издания, Морган оставляет множество путей для морального разночтения!

Марстон помолчал.

— Хотите еще пару четверостиший?

— Нет, Джонатан, хватит на сегодня поэзии. Меня понимаешь ли интересует один тенебрийский писака. Прозаик. Он живет прямо здесь, в Новой Победе и пишет в жанре... Ну не знаю, мрачного реализма, наверное. Знаешь такого?

Марстон нашелся почти сразу.

— Никтей Зайло! Я с ним встречался. Как писатель он, конечно... Недисциплинированный. Но у него есть своя аудитория. Человек десять, по его словам. Кто-то из них его спонсирует. Я не думаю, что вам будут интересны его рассказы: это товар на экспорт, да простит Господь мои мирские сравнения.

— Встречался? Так ты знаешь где он живет?

— Конечно.

В этот момент Якоб понял, что не зря слушал крышечные стихи неизвестного фугского гения

Глава 7. Еще один прекрасный день

Каждый знает Высокую Жанну. Если украл или сломал тачку — это к ней. Жанна притворяется тенебрийкой, она хочет быть тенебрийкой, она даже семье своей говорит, что они тенебрийцы. Вот только тенебрийка из нее, как из меня гарзонец. Она считает, что быть палочницей полезно для бизнеса. И в деле с краденными тачками это действительно помогает.

— Ну нихрена себе! Ты что наделал, Хин?

— Задел ограждение.

— Какое ограждение? У военной базы?

— Ты даже не представляешь как близка к истине.

Эти чертовы быки отстали от нас только у городской черты. Мы едва не попались. Если бы Хо не форсировала движок, я бы сейчас болтался на крепостной стене в пеньковом галстуке.

— Клянусь Штормом. Хо, а ты-то как позволила сотворить такое с машиной?

Жанна сделала еще круг. Зараза от этого лучше выглядеть не стала.

— Есть что-нибудь выпить? — прошептала олива. — Руки трясутся.

Еще круг.

— Да я бы вам за такое жопы отвинтила. Выпить она хочет. И как вы собираетесь расплачиваться?

— Мы обязательно заплатим. Деньги почти у нас в кармане. Осталось только их туда положить.

— Сэт вообще в курсе?

— Мы все еще живы, сама как думаешь? Хватит бегать, просто займись работой.

— Я обязана ему сообщить. Мы тенебрийцы ничего друг от друга не скрываем.

Ну что ты с ней будешь делать? Я вытащил из багажника сумку с доспехами. Весили они как тонна угля. Только сейчас я понял до какой степени вымотался, просто разъезжая в них на машине.

— Жанна, мы сами ему расскажем. Я тебе слово даю, деньги будут.

— Когда?

— Самое позднее — послезавтра.

— Надо же какой ты оптимист.

— Господи, да дайте же выпить.

Жанна посмотрела на Хо с высоты своего двухметрового роста.

— Бедняга. Не знаю с кем вы ребята поцапались, но если сюда кто-то забредет...

Она не закончила. Сопровождаемая вопросительными взглядами рабочих, она поднялась к себе в кабинет, и вернулась с бутылкой бурбона.

— Извините, льда не будет. Холодильник не успевает морозить.

Мы с Хо замахнули по пальцу теплого пойла и немного попустились.

— Если послезавтра не явишься сюда с деньгами, я распилю эту рухлядь на обувные ложечки.

До офиса нам пришлось добираться на автобусе. Бипер тем временем уже начал разрываться. Сэт неистовствовал. Ему было очень интересно ГМН. И ГЕБ. Где меня носит и где его бабки. Ну, бабки были в сумке, нужно было только конвертировать их. Четкого плана

у меня не было, я лишь надеялся, что успею убедить Холейгулу попытаться продать доспехи Побережью.

Пришли мы как раз вовремя чтобы увидеть, как из офиса вылетает Каждому-Должен Ретс. Очевидно Сэт нагрелся до такого градуса, что на него не действовала даже крысиная пронырливость великого зрителя. Палочник смачно зарядил под тощую задницу и замер, увидев нас в коридоре.

— Самара! — воскликнул он.

Уже знает. Посади палочника в бочку, и он все равно будет знать о жизни в городе больше, чем все ГО вместе взятое.

Мы прошли мимо распластавшегося Ретса. Желтое круглое личико, крупные фугские глаза, влажные как у брошенного щенка. И аккуратно выглаженная одежда. Надо было отдать Ретсу должное, за собой он следил. Возможно, это работало на его сверхъестественную харизму.

— Не будет пятерки? В займы. На неделе верну. Правда! Верьте мне.

Хо потянулась за кошельком, но я втянул ее в помещение и захлопнул дверь. Ретс тут же принялся скрестись с той стороны.

— Мне нужна помощь! — кричал он. — У меня тяжелая финансовая ситуация! Сэт, ты же помогаешь должникам, это все знают! Ну хоть пару номов ребят! Скиньтесь от вас же не убудет!

Холейгула был бледен как свежий альбомный лист. Он ходил по кабинету, глядя на экран мобильного телефона.

— Сядьте, — выдохнул он.

— Вам самим же будет легче знать, что у меня есть деньги на кусок хлеба! — ну унимался Каждому-Должен. — Вы люди с сердцем, я знаю! Пару номов, только и всего!

— Если ты сию же ебучую секунду!..

— «И сказал Сын Господень, «когда нищий просит, вынь ему последнее», — и сам же оповязь свою по коленям спустил, что б сирого одеть!».

Наши руки задрожали и сами по себе полезли в карманы, словно змеи в мышинные норы. Ретс возликовал, когда дверь в офис распахнулась, но радость его была недолгой. Я не знаю, спустил ли Сэт его «оповязь», но звуки были звонкие, хлесткие. Хорошие звуки. В коридоре загремело, а потом зазвучал панический топот, который довольно быстро стих вдали. У любой силы есть свои границы.

— Надо было его пристрелить, — произнес палочник, возвращаясь в помещение. Он сунул голову под кондиционер. — Возможно мне больше повезет с вами, мои вероятные покойники. Ничего не хотите мне рассказать?

— Да особенно нечего, — я пожал плечами.

— Ага, — подтвердила Хо. — Вообще тишина.

— Тишина!?! — взвизгнул Сэт. — Я сейчас устрою вам минуту молчания. Только вы участвовать не будете! Я вам что сказал, сволочи?! Забрать барахло и сваливать. Нет, это не по нам. По нам какие-то летающие быки, куча мертвых касок, даже ССТ засветилось. Вь хоть знаете, что вас снимали? Видео уже два часа как в интернете. Я не понимаю... Я не понимаю каким чудом вам удалось сбросить хвост, но если бы ССТ смогло разглядеть твои грязные номера, Самара, «Перспективы» бы уже сравнивали с землей.

Сэт упал на диван, и закрыл лицо руками.

— Машине, я так понимаю, конец?

— Не совсем, — я вздохнул. — Мы оставили ее у Жанны.

— Самара, у меня нет денег даже на взнос в Крашелл, — Холейгула поглядел мне в глаза. — Придется тебе ограбить супермаркет... Или гарзонскую старушку. Ладно. Давайте по порядку.

Мы с Хо говорили по очереди. В общем-то рассказ получился достаточно коротким, так что палочник не успел расвирепетать во второй раз. Его лицо оставалось непроницаемым, но пальцы стискивали подушки. Когда мы замолчали, он поднялся и подошел к сумке. Изучив содержимое, палочник снова сунул голову под кондиционер.

— Отношения между Побережьем и городом теперь осложнятся, — сказал он. — Не знаю, чем эти доспехи так ценны, но лучше вернуть их лонгатам. И как можно скорее. ССТ всегда может сделать рожу кирпичом и просто забыть об этой ситуации. Или выкрасть их заново.

— Ну заработать-то у нас получится? — спросил я.

— Заработать, — кисло повторил Сэт. — Заработать. Самара, ты становишься опасен. Я даже и не знаю, чего от тебя дальше ждать. Этак ты развяжешь к вечеру войну.

— Прости нас Холи, — сказала Хо. — Ну ведь даже спьяну не присниться такое.

Сэт поглядел на нее с явным желанием придушить.

— И Якоб трубку не берет. Ну и денек. Ладно, мои паразиты, в сущности, дела ещё могут наладиться. У меня есть знакомый по ту сторону Стены. Если все сделать тихо, может быть, действительно удастся что-то выторговать у этих чокнутых тамплиеров. Придется мне сегодня ночевать на работе. Да, Сам-сам? Хватайте сумку и убирайтесь с глаз моих долой. Мне нужно выпить.

— Нам бы тоже не помешало, — сказала Хо, когда я тихо-о-онечко закрыл за собой дверь.

— Угощаешь?

— Так у тебя же, как всегда, ни гроша за душой.

— Да. Я честный заемщик. Честнее меня только Каждому-Должен.

Все время пока мы стояли в очереди мимомаркета меня не отпускала мысль, что ограбить кассу не такая уж плохая идея. В конце концов рано или поздно у меня просто могло не остаться другого выбора.

Мы взяли по бутылке водки и отправились ко мне. Хо ненавидела тысячники, но ей хотелось зайти в душ. Перрон был почти пуст, люди еще не начали возвращаться с работы. Только пара стариков шушукалась на скамейке, да нес свою бессменную вахту угрюмый Стояло.

— Черт, отсталый, — сказал я ему. — С утра ведь был целый. Кто это так тебе зарядил?

— Шутки шутишь? — спросил Стояло, потрогав фингал пальцами. — Этот тип сказал, что ты его пригласил. Дескать в подвале завелся жирбергер размером с тачку.

Ретро, — подумал я. Ну ничего себе. Кто ж с утра знал, что ему придется лезть именно в этот подвал.

— Мне нужно было тебя предупредить, — я виновато развел руками. — Уверен он не хотел начинать конфликт.

— Черт, наверное, — Стояло вздохнул. — Возможно я слишком сильно старался отработаться. Ладно, дай лучше сигаретку... Привет Хо.

— Привет мужик.

Пока я распечатывал новую пачку олива уже начала прикладываться к горлышку. Я не

стал ее тормозить. Мы сегодня не просто заслужили выпивку, мы нуждались в ней.

В конуре было сумрачно и прохладно. То, что нужно, чтобы перевести дух. Хо сразу же пошла в душ, а я откинул столик, разложил нашу грошовую закуску и выставил стаканы, чтобы создать видимость домашнего уюта. Нет ничего уютнее полного граненого на столе.

Я выпил.

Да что же это за херня происходит?

Слышно было как Хо плескается и фыркает, напор пока был что надо. От этих звуков и ста грамм чистой мне стало легче, я поскидывал с себя пропотевшую одежду и подумал о том, не составить ли Хо компанию. К сожалению, это было невозможно. От двух тел одновременно кабинку просто разорвало бы в клочья.

Олива вышла, не обмотавшись как обычно полотенцем. Напротив, она держала его перед собой на вытянутых руках.

— Он отвалился, — прошептала она.

— Кто? — я успел погрузиться в собственные необозримые глубины, поэтому реагировал вяло.

— Си...

Она поднесла мужа к столу. Я вздрогнул и отстранился.

— Господь Гарзонский, да убери ты его, пока меня не стошнило. Выглядит как чернослив с ножками.

— Куда?

— Не знаю, положи пока в холодильник, потом вынесем на улицу.

— Мы должны его похоронить, — Хо уселась со своим траурным свертком на несвежую простынь, и принялась укачивать его как ребенка.

— Похоронить? Вот это?

— Это «это» — мой муж! — запальчиво воскликнула Хо. — Был.

— Никогда мне этого не понять, — сказал я, допивая второй стакан и хрумкая огурцом. — По-моему вы все валяете дурака. Я понимаю, гормоны и прочее, но всерьез называть клеща-осеменителя мужем...

— Вот так ты, да? — горько переспросила Хо. — Клещ-осеменитель? А ведь ты ему нравился. Он всегда шевелился, когда ты был рядом.

Я отложил половинку огурца. Мне сделалось дурно. И совершенно расхотелось наливать третью сотню.

— И как мы его похороним, — вздохнул я. — Как котика? Закопаем в коробке?

— Нужно его сжечь, — провозгласила Хо. — Только так. А пепел — на ветер.

Я посмотрел на свою слегка захмелевшую подружку. Под правой грудью у нее теперь было пусто, если не считать небольшой ранки. Она сочилась сукровицей. Между двух молоденьких полусфер краснели ожоги от копья. А ладони... О, Леди, ладони ее напоминали скопище пузырей. Хо только отмахнулась от моей попытки обработать раны. Она окропила их водкой и замотала ладони эластичным бинтом из моей старой армейской аптечки.

— Анастезия уже действует, доктор Хин.

И то верно.

Я занялся ритуальными хлопотами. Пришлось отыскать кастрюлю, в которой я обычно варил картошку. У меня оставалась трехлитровая банка горючки, часть которой пришлось использовать как топливо для кремации. Хо настояла, чтобы для этого мы поднялись на

крышу. Для этого мне пришлось раскопать коробку для шмоток и нарядить нас обоих для похорон. Потом я неуверенно последовал за оливой, неся в руках кастрюлю, а в кастрюле той плавал усопший Си, на которого я старался не смотреть.

Мы заколебались подниматься.

Было около пяти вечера. Жара только набрала весь свой оглушающий эффект, но на крыше хотя бы дуло как следует. Хо разложила «поминки» как она сама это назвала, и мы выпили вслед уходящему от нас навсегда мужу, несостоявшемуся отцу и, скорее всего, чьему-то брату.

Я бросил в кастрюлю спичку, и пламя вознеслось.

— Надо что-то сказать, — пробормотала Хо.

Я подумал.

— Сим приемом дешевой химической водки, мы сбрызгиваем провода Си Хо. Он всегда был скромн, молчалив и задумчив. Мне будет не хватать его спокойной мудрости.

Хо посмотрела на меня с подозрением, не насмехаюсь ли я.

Я не насмехался.

— Прощай мой милый, — тихо добавила она, и смахнула слезу.

Некоторое время мы молчали, глядя в мутное небо.

— Сколько мы еще продержимся, — произнесла Хо. — Сколько нам еще жить вот так?

— Довольно долго. Ты же сама говорила, что у тебя... А, это был риторический вопрос.

Иногда я бываю монстром глупости.

— Тебе так плохо у Сэта?

— У Холи? Нет все отлично. Его мать до сих пор иногда приглашает меня на чай. Я же все-таки приемная дочь... Ну, скорее любимая собака. Как бы то ни было, она кладет в чай сахар.

— Уоу, — сказал я.

— Но мне больно наблюдать за вами с Ретро. Знаешь, как-то раз я помогала ему с близнецами.

— Серьезно?

— Да, он просил не говорить, но, думаю, тебе он доверяет не меньше.

— И как все прошло?

— Нужно было немного посидеть с ними, следить, что б не срывали капельницы и не резали себя. У них был запой, и Ретро уже на ногах не стоял от усталости. Я видела, как он спал прямо в кресле, накрывшись халатом. Откуда в нем столько сил? Хотелось бы сказать, что их дает любовь... Но ведь что-то во всей этой истории не так.

— Не знаю. Мне бы не хотелось лишний раз говорить, что он помешался и до крайности избаловал их. В любом случае, они не только доят его, но и дают взамен какое-то топливо. У вас с Ретро хотя бы есть мечта.

— А у тебя нет?

Я смотрел на огонь.

— Возможно, повернуть время вспять и не быть таким идиотом. Я слишком заигрался в азартную игру, где вместо карт выбрасывали жизни. Воины Развития, блин. Теперь все это кажется мне абсолютным безумием. Знаешь, что я тебе скажу: тенебрийцы до усрачки боятся аквитаников. Страх толкает местную науку, но понятно ведь, что за этими богами в тумане не угнаться. Даже думать об этом смешно. Они, говорят, в космосе чем-то занимаются. Там, наверху. Строят спутники, благодаря которым у отсталых есть интернет и

мобильная связь. Ну не бред? Чертовы палочки. Одной рукой пытаются построить собственную цивилизацию, другой — хватают любой костыль, который под них подсовывают.

Я сплюнул. Меня порядком развезло на жаре, но пока это выразилось только в красноречивости.

— Боги в тумане, — задумчиво повторила Хо. — И правда. Эх, увидеть бы хоть одним глазком как они там живут. Наверное, райское место.

— Я как-то видел одного, — признался я. — Все тогда же, когда плыл на Фугию.

— Правда?! — Хо подняла на меня взгляд. — И какой он был?

— В здоровенном защитном костюме. Он стоял на краю морской платформы, которая вытягивает горючку прямо из-под воды. Стоял и смотрел вниз на корабль. Его почти никто не заметил, но у меня всегда было хорошее зрение.

— И что? Что было дальше?

— Я помахал ему рукой.

— Да иди ты! А он?

— Он развернулся и ушел. Кажется, мы со всей этой кутерьмой на Фугии и в Медика Шентия вызываем у них подозрения.

— Они ведь, наверное, могут уничтожить нас когда захотят.

— А-ха. И я вот жду, когда палочки уже доиграются.

Мы еще помолчали.

— Ну что там, наш обед уже готов? — я подполз к кастрюле и заглянул внутрь.

Бензин выгорел и от Си не осталось никакого пепла. Только густой слой сажи. Интересно, это считалось прахом или нет?

— Ты только начал вести себя серьезно! — воскликнула Хо. — Мы не будем его есть, понятно?

— Да тут уже и нечего, — я показал ей почерневшее дно. — Пирог сгорел. С преданием останков ветру будут проблемы.

— Ну может как-то его соскрести, — предложила Хо упрямо. — Надо соскрести его.

— Ну вот бери нож и соскребай.

Но соскребать она конечно же ничего не стала. Мы уселись обратно на мою старую рубашку и, прижавшись друг к другу плечами, погрузились в неглубокий алкогольный транс.

— Я не хочу, — произнесла Хо на границе моего сознания. — Не хочу, что б вы так жили. Я заработаю и помогу вам обоим... Мне только надо еще поучиться... Немного.

Нас разбудил дождь. Это было настоящее чудо. И не просто дождь, а натуральный ливень. Недолгий. И хоть капли его неприятно жгли кожу своей кислотной сущностью, мы были рады этой обильной воде, пролившейся с неба. словно два фермера застрявшие на высыхающей земле.

В кастрюле теперь плескалась какая-то черная жижа навроде чернил. Мы решили торжественно отнести ее к водостоку и вылить. Путь земля Немоса примет тебя, Си. Впитайся в нее и возродись хотя бы травинкой.

После этого единогласно решено было идти спать. Поддерживая друг друга как чудом уцелевшие жертвы авиакрушения, мы спускались по ступеням. И хоть проблем не возникло, ни о каком сексе, конечно, не могло быть и речи.

Бип-ни, бип-ни, бип-ни.

Самое странное, что у нас даже не болела голова. Во всяком случае у меня точно. Хо сидела на кровати, потягиваясь так, что задевала потолок кулачками. Я мрачно смотрел на сообщение от Крашелл, а потом сразу же позвонил Сэт. Звонил он, очевидно, в долг, так что качество связи было так себе.

— Слушай внимательно, Самара. Все твои придурковатости вылились в действительно серьезное дело. Я смог договор... с несколькими шевалье с Побережья. Они очень рады, что доспехи нашлись и готовы к ним вернуться. Другое дело, что ССТ, по их словам, после вчерашнего затаилось. Видимо, ждет не выплывет ли железо где-то в городе. Они не предприняли абсолютно никаких санкционных мер после сражения на трассе, только усилили посты ГО. Это говорит нам о том, что дельце максимально ...язное. Настолько грязное, что даже сами лонгаты не хотят о нем говорить. А ведь они пострадавшая сторона. Понимаешь?

— Ты хочешь сказать, что нам нужно побыстрее скинуть товар, а потом пусть сами разбираются?

— ...очно, мой паразит. Скажу прямо — понятия не имею, что тебя будет ждать на Побережье. Речь шла о воз...нии, если товар буде цел и невредим. Ты же там ничего не поцарапал?

— Может быть только немного обосрал от страха.

— Это терпимо, можно отмыть. Слушай... страховки никакой нет. Твое благополучие будет зависеть от настроения шевалье. Но кто не играет, тот...

Связь прервалась. Я встретился взглядом с Хо. Та была как один большой вопрос.

— Возвращайся в офис, — сказал я. — За мной сейчас заедет кто-то с Побережья. Они готовы купить доспехи.

— Чего? — Хо посмотрела на меня как на дурака. — Я хочу посмотреть как у них там внутри.

— Это тебе не лунапарк «Веселое средневековье». О картонной короне и бараньей ножке можешь даже не мечтать. В лучшем случае, закуют в колодки, и ты будешь сверкать голый задницей на площади. Там таких как ты не любят. И таких как гарзонцы. Да и меня они в общем-то скорее всего вздернут. Эх... Будь моя воля, продал бы латы в городе, но тогда нас сразу вычислят и Сэт станет одним из самых неудачливых палочников, завалившимся из-за одного свинопаса.

— Хорошо, хорошо, так когда прибудет карета?

— Малышка...

— Ой, да завали уже, де Хин. Я не зеркало, чтобы передо мной выпендриваться. Давай еще высри ртом что-нибудь типа «я работаю один», сразу нос тебе разобью. Этот бред невозможно слушать.

— Колодки, — сказал я. — Просто напоминаю. Ладно, одевайся уже, а то у меня мысли идут не том направлении.

Мы сидели на лавочке у перрона и грызли тыквенные семена, когда к нему подкатил тонированный зеленый автомобиль с номерами другого города. Кажется Углежога. За рулем сидела улыбчивая девушка в простой рабочей куртке и потрепанных джинсах. Видно у нее была моя фотография, так что нам оставалось последовать приглашающему жесту.

— Садись братец, садись, не бойся, — голос у нее был высокий и певучий как будто она постоянно упражнялось в оперном пении. — Скорее, пока мы не привлекли слишком много внимания. А это...

— Я с ним, — сказала Хо непреклонно.

Я думал, что в этот момент начнутся проблемы, но блондинка аккуратно пожала плечами, как бы говоря: ну о-кей.

Мы открыли дверцы и забрались в салон. Модель не для палочников, значит оригинал. Неплохо. И пахнет елочкой.

— Меня зовут Полина Викторович Ягузарова. Я из славов.

— Де Хин. Порочная котлета слепленная из свидов и франков.

— Правда? — Полина обернулась. — В наше время на родине свиды почти исчезли.

— А франки?

— А франки — пидорасы.

— Понимаю.

Во внутренней политике Империи я не особенно разбирался.

— А тебя как зовут прелесть зелёненькая?

— Хо Хо, если вам будет угодно, — неприветливо отозвалась олива.

— Мне так нравятся их имена. Как будто ребенок агукает.

Я заметил, что Полина нервничает. Еще бы. Зачем было брать такую светлую тачку?

— У вас что не было катафалка потемнее? — спросил я. — Вы бы еще одного из этих быков пригнали.

Славка выдохнула сквозь зубы.

— У нас есть эти так называемые «катафалки». Отвратительные уродливые телеги как раз для бледных тщедушных мертвецов. Они же тенебрийцы.

Нихрена себе запросы, подумал я.

— Но эта машина безопаснее. В городе ее хорошо знают. Кое-кто с Побережья... кое-что возит на ней для лучших представителей тенебрийской знати. Я как раз с маршрута. Вдоволь налюбовалась Жилым и его мертвыми улицами. Вы представляете? Ни души. Сидят по своим виллам как раки в ракушках и жрут людей на расстоянии.

— Может сменим тему? — предложил я. — Не терплю такие разговоры.

— Ты любишь тенебрийцев?

— Я уважаю их способность делать деньги. Кроме того, они просто умнее нас.

— Подстилка провластная, — вздохнула олива. — Ты ж буквально вчера говорил, что ждешь, когда их прихлопнут аквитаники.

Полина очаровательно хохотнула.

— Я не закончил! — разозлился я. — Уважение и провластность это немного разные вещи. Меня просто раздражает все, что ведет к бесполезному сопротивлению. Раки в ракушках, едят людей на расстоянии. Это все из серых листовок Свободоцев или Антитенебрийского фронта. А эти уроды ничего кроме проблем создать не могут.

— Согласна, — откликнулась Полина. — Однако, террористы очень мило дестабилизируют политическую обстановку Немоса, что играет нам на руку. С чем я не согласна дорогой Самара, так это с тем, что тенебрийцы умнее. В техническом плане — возможно. Но их менталитет остался на уровне нашего, как это все говорят, «средневекового» общества. Взять хотя бы готическую говядину, которую тощие так обожают. Готок разводят в Империи испокон веков, порода постоянно улучшается, мясо приобрело воистину неповторимый вкус. Тенебрийцы, разумеется, выкупили себе десять тысяч голов и увезли домой. И что бы вы думали? Оказывается, у готок выращенных в Тенебрии вкус — не такой. Он портиться. Ну не смешно ли? Я пробовала тенебрийских

бычков: совершенно то же качество. Тем не менее тощие продолжают покупать наше мясо за сумасшедшие деньги. Говядина сейчас — второе золото, нефть, электроника.

Слушая этот замечательный рассказ о тупости палочников, я краем глаза заметил за нами маленький хвостик в виде разнузданного самокатчика с сигаретой.

— Это говорит только о том, что они зажавшиеся капризные сволочи, — высказалась Хо. — В остальном они действительно умнее.

— Мы еще посмотрим, — пообещала Полина. — Это мы поглядим. Страх Империи перед миром давно испарился. Однажды Лонга станет его центром.

— Вот такие разговоры мне нравятся, — согласился я. — Чуть что, сразу подам заявку на репатриацию. Кстати, за нами хвост.

— Вижу. Его нужно игнорировать. Двигаться так, словно мы получаем истинное наслаждение от созерцания Новой Победы. Ехать нам долго, так что давайте побеседуем еще о чем-нибудь.

— Кто были эти ребята на быках? — спросил я. — И что это вообще такое? Откуда у вас танки с рогами?

В стекло заднего вида я видел, как лицо Полины скривилось. Как будто ей булавку в зуб вогнали.

— Это военная тайна, которую чуть не раскрыл один... Как это слово на гарзонском... Кантхэд. Пиздоголовый. Клянусь Девятью и самим Императором, я надеюсь этого кретина лишат всех привилегий и сгноят по горло в нечистотах, как братоубийцу. Но ты здорово его окоротил! — Полина оживилась. — Многие сейчас благоволят храброму де Хину. Это копьё... Выдернул как зубочистку!

— Вообще-то без Хо я бы максимум жидко загадил штаны, — сказал я веско. — Она толкала копьё снизу.

— Плечи ноют — караул, — подтвердила олива смущенно улыбаясь. — И сиськи горят.

— Вот ка-а-ак, — пропела славка удивленно. — Хм. Мое почтение, зелененькая... Я хотел сказать Хо-о-о Хо-о-о, — он взяла высокую ноту, и я невольно поковырялся в ухе. — В любом случае именно ты, Самара де Хин, сейчас медиа-звезда на Побережье. Все в шутку обсуждают как хорошо на тебе сидит доспех Лютера. Вы ребята без царя в голове.

Я не удержался:

— А вы своего все еще не пристрелили?

Это была ужасно глупая и заезженная шутка, ходившая среди лонгатов с того времени, как провинция Славия пережила революцию и едва не откололась от Империи. Семьдесят лет назад толпы черностопопцев озверевших от многолетнего неурожая и поборов попытались взять штурмом столицу и царский дворец. Однако, ценой невероятных усилий стрельцов, были отброшены и уничтожены. Среди провинций это стало неслыханным прецедентом. Чтобы чернь, и вдруг полезла свергать Наместника, ставленника Императора?! Позор. Скандал. Лажа. Короче славов тогда все макали головой в дерьмо и до сих пор продолжали это делать. Правда уже не так азартно.

— Как смешно, — вздохнула Полина. — Все хотят пристрелить нашего Царя. Нет, Сергей Третий делает все возможное для провинции, и мы очень его любим.

— Мы — это знать, или черностопопцы тоже? — спросила Хо, язвительно.

Женщина не поддалась.

— Они теперь белостопопцы. Мыло продается везде и стоит копейки. Погода стоит хорошая. Сейчас даже в самой мелкой деревушке есть лошади, свиньи, весь набор полезного

скота. О новой революции не может быть и речи.

— Ну конечно, теперь у стрелцов нарезные стволы, — не унималась Хо.

— Я не понимаю, — сказала Полина хладнокровна. — Оливы ведь и сами пытались сопротивляться освоению Немоса теневриями и гарзонцами. И к чему это привело? Вас почти истребили. Мир проповедует право сильного и пока это неизменно. Неужели вашему народу так сложно с этим смириться?

— Да смирились мы, смирились, — в голосе оливы зазвучала грусть. — Я сама работаю на палочника и... люблю его по-своему. Просто, если не хранить в себе хотя бы ложку сухого пороха, отсыреешь полностью и превратишься в раскисшую тряпку. На полу. И вонь стоит.

Полина долго не отвечала.

— Возможно, — она перебрала пальчиками по рулю. — Это... Кажется я поняла тебя, Хо. Спортивная злость?

— Можно и так сказать.

— Чем-то таким подбадривают себя наши кметы, это правда. Думаю, если б они стали совсем уж бессловесными, это лишило бы интереса воспитательные порки... Да шучу я! Шутка!

Я положил ладонь на кулак Хо.

— Так, а вот это уже нехорошо, — Полина посмотрела куда-то вбок и вверх. — Мне сигнализируют, что ССТ идет параллельно маршруту и постепенно берет нас в клещи.

— Только не еще одна гонка, — взмолился я. — Ты ж говорила, что эта тачка вне подозрений.

В этот момент наперерез нам выехал катафалк, и вроде бы совершенно случайно заглох прямо на дороге. Из него совершенно случайно вышло шестеро случайных гарзонских парней. Они принялись пинать колеса и озабоченно жестикулировать. Один из них повернулся к нам и помахал в том смысле, что, ребят, не дадите подкурить? Или домкрат? Или может резина есть запасная? Это было просто, мать его, уморительно. Я бы бросил в ребят букетом цветов, будь у меня хоть один в запасе.

Полина свернула направо в узкий загаженный переулочек, да так резко, что я полетел в объятья Хо.

— Титьки, — зашипела та. — А-а-а.

— Прости. Полина, что происходит?

Толчок.

— Ух-о-одим, — исполнила та, накидывая на плечи вещмешок. — Вылезайте, скорее.

И мы побежали вглубь переулочка, оставляя за собой чудесную машинку, которой суждено было стать трофеем ССТ. Вокруг шмыгали крысы и бездомные фуги. И те и другие испуганно попискивали. За нами вроде бы никто не гнался, но я поглядывал наверх, не появятся ли на краю узкой полоски света фигуры с оружием. Славка на ходу говорила с кем-то по телефону. Позади нас зазвучали крики. Мы ускорились. Я взвалил сумку на плечи, истекая потом словно кровью. Чертовы доспехи ласково позвякивали на ход ноги.

Таким образом мы пробежали еще одну улицу и вновь скрылись в тени и вони.

— Полина, клянусь Леди, мы так до самого Побережья чесать будем? — прохрипел я доброжелательно. — Я смотрю с планами эвакуации у вас постоянно бардак! Вызывай вертолет! Должен у вас быть хоть один летательный аппарат без рогов.

— Спятил? — славка улыбнулась мне на ходу. У нее были зеленые задорно сверкающие

глаза и полные губы. Зубы, правда, все равно были искусственные, неестественно белого цвета. — Еще одна открытая стычка и конфликта не избежать! А у нас и так... В общем заткнись и беги, братец! Сейчас все решиться.

Я быстро понял, что она имела ввиду. Следующая улица была запружена народом. Электронная барахолка? Так себе прикрытие. Грузовик стоял посреди толчеи, словно осажденная крепость. Второй — чуть подальше, на свободном пятачке. Его содержимое было закрыто брезентом, а вокруг дежурили квадратные ребята с дубинками. Этот грузовик мог уехать в любой момент.

Еще и через толпу с этим баулом пробиваться, подумал я отчаянно. В этот момент Хо буквально отняла его у меня и сказала:

— Давай понесу немного, а ты расчищай нам путь.

— У тебя верная женщина, Хин, — воскликнула Полина. — Давай же, проборозди нам путь своей широкой грудью. Нам нужен тот тяжеловоз.

«Тяжеловоз». Деревенщина лонгатская. Свинопаска. Ничего не могут сделать нормально. Не дай Леди, пончо порвется или кто-то свиснет револьвер в толчее.

Ох, сука, ну поехали.

Я ринулся в толпу, за мной Хо, за ней Полина. Мы как маленький состав прокладывали себе путь, расталкивая потные тела, огибая дерущихся, и покрикивая на совсем уж невменяемых. Когда мы были примерно на половине пути в толпу полетели шашки со слезоточивым газом. Человеческое месиво дико взвыло и принялось колдовать в разных направлениях, наслаиваться, смешиваться и вообще принимать вид салата из анчоусов. У меня даже не было сил злиться. Я как будто проживал вчерашний день заново.

— Надевайте! — едва слышно крикнула Полина и раздала нам противогазы, добытые из вещмешка.

— Ну хоть что-то вы, блять, предусмотрели! — рявкнул я.

Решено было взяться за локти, оставив Хо посередине. Таким образом мы превращались в одно мощное направляющее и не рисковали потерять друг друга. Нам навстречу пробивались ребята с дубинками, которые охраняли второй грузовик. Однако, рядом с ними вдруг появились абсолютно случайные типы в гражданском, которые принялись убирать бедолаг по одному. Этот путь был отрезан.

— И что теперь?! — промычал я. — А, да хрен с ним. Двенадцатый, сука, специальный! А-а-а-а!

Я поволок девочек за собой к первому, почти разграбленному грузовику. Его кабина была раскрыта нараспашку, водила лежал на дороге с разбитой головой. Крови уже собралось достаточно, чтобы не тревожить этого невезучего господина, но я спросил:

— Это ваш?

Полина отрицательно покачала резиновой мордой.

— Наши были дальше! Этого мы наняли...

Понятно. Что не говори, чувак на такое не подписывался. Я дал знак Полине грузить его в кабину. Та замешкалась, но я так гаркнул на нее, что противогаз чуть не сорвало с лица.

— Полина ты знаешь, что такое экстремальное вождение?

— Я объезжала жеребцов в имении отца!

Ага, знаем мы тех жеребцов. С кудрявыми шевелюрами и могучими трапециями. Но Хо была нужна мне за спиной.

— Тогда давай на руль! Дави любую сволочь, которая посмеет остановить нас! Мы с Хо

в кузов!

Олива с ядреным «х-ха!» забросила сумку наверх. Потом я подсадил ее и сам забрался наверх по колесу. Под ногами хрустело, звенело и перекачивалось. Видимо я наступил на какое-то приснодревнее радио времен освоения Немоса, потому что внизу хрипло заорала музыка. Что-то про «уходящих — не вспоминай». Я заколотил кулаком по крыше кабины. Слышно было как всхлипывает стартер и ругается Полина. Кто-то попытался проникнуть к ней в кабину, раздался звон разбитого стекла и воинственный клич сирены. Я спрыгнул вниз, уцепившись за край кузова и зарядил случайному парню ногой в висок. Тот щучкой ушел на дорогу, а я сдержанно осведомился у Полины:

— Ты какого хуя копаешься?!

— Эфа рухлядь не заводиться!

— Ну так жхни по приборной панели. Покажи кто главный!

Полина взяла ноту и саданула по торпедо. После этого первый же поворот ключа заставил «тяжеловоз» вспомнить свое жизненное предназначение. Из ядовитого тумана выскакивали фигуры в гражданском, но таких навороченных респираторах, что напоминали злых духов. Мы наконец тронулись, но демоны успели полностью облепить грузовик. Я уже слышал, как рычит под звуки старого радио моя Хо.

Ближайший ко мне неоперативник попытался ударить шокером, но я подался назад и перехватил его запястье и дернул в сторону. Мы еще не набрали скорость, так что парень должен был отделаться ушибами. Это были мелочи, а вот кузове давно началась куча мала. Хо боролась в клубке с пятью «случайными». Никто не доставал огнестрельного оружия, очевидно, нас всех приказано было брать живьем. Я тоже решил не искушать судьбу, и оставил револьвер в кобуре.

Одна из этих сволочей все-таки изловчилась и ударила Хо между лопаток парализатором. Олива припала на колено и ее тут же принялись пеленать. Я взревел и бросился вперед, однако меня грамотно приняли, уложив лицом в синтезатор. Пришлось сыграть носом простой перебор, и, возможно, на подходе была целая симфония, но, к счастью, Хо уже победила слабость в мышцах. Все вокруг повалились, разбивая локти и рняя задницы об острые углы и антенны.

Сражались эти ребята умело и отчаянно. В первые в жизни я на своей шкуре почувствовал, что ССТ это вам не на доску насрано. Тренировочные лагеря Крашелл — хорошая школа, но эти парни были совсем из другого теста. Тут оказалось пара гарзонцев два лонгата и одна олива. И каждый из них даже в одиночку был для нас с Хо серьезным испытанием. К счастью, в кузове все-таки было тяжело развернуться, к тому же одинокая олива почти сразу сбежала штурмовать кабину. Я наделся лишь на то, что Полина будет к этому готова.

В общем мы сражались фактически один на один, если не считать того, что противники наши постоянно менялись, и нападали отдохнувшими. Хуже всего, что снимать противогаз нам было нельзя: не дай бог нас как следует разглядят и запомнят. Все это походило на испытание для поступления в элитные войска.

От точного и свирепого удара гарзонки в белой майке стеклышко на моем правом глазу разлетелось, и я чуть не ушел вправо.

— Да шла бы ты нахер, — свирепо заорал я и швырнул в нее ржавым тостером.

Женщина ловко увернулась, но лонгат отдувающийся за ней, не сообразил, что его может атаковать бытовая техника, и получил по лбу. Потеряв равновесие на расползающихся

аудиокассетах, он попятился назад и перевалился через задний край кузова.

Напарник, который попытался помочь ему, ушел следом, потому что в этот момент грузовик сделал такой безобразный нырок влево, что мне стало ясно: внутри борьба тоже в самом разгаре. Раньше мы распугивали и таранили автомобильный траффик, а теперь ехали по тротуару снося и без того бедную инфраструктуру. Люди в ужасе запрыгивали в магазины и кредитные давки.

Мы с Хо в изнеможении привалились к переднему краю кузова. Воля милосердной Леди уравнила шансы, да не совсем. Мы были избиты до крайности, и еле дышали в своих намордниках. Противники же наши, разминали кулаки и предлагали сдаться. Особенно старался оставшийся лонгат. Веселый рыжеголовый парень с выговором глубинных саксов.

— Вы хренено машитесь, бля буду! — говорил он, стирая кровь с подбородка. — Кто вы? Тамплиеры? РСГ? ГЛОТ? Да ладно вам р'бят, ложитесь! Вашего дилу шяс се равнo вырубят.

Гарзонка, лысая и мускулистая как колено великана, мрачно кивнула, как бы предлагая то же самое.

— Ассная панама, — рыжий поднял и бросил ее мне. — Не теряй.

Я почувствовал, как ладонь Хо легла на мои разбитые костяшки и сжала их. В этот момент грузовик с ревом метнулся обратно на проезжую часть, снеся в сторону катафалк. Нас всех едва не выбросило на дорогу.

— Кажется, — прохрипел я, копируя Сэта. — С «дилой» еще не все ясно. И радио пока играет.

Мы с Хо синхронно поднялись. Рыжий улыбнулся во все тридцать оставшихся зуба. Гарзонка глубоко вздохнула. Она напрягла ноги, принимая стойку и под ее кедами затрещал расползающийся приемник. Музыка стихла.

— Закругляемся, — пророкотала она.

Хо молча бросилась на рыжего. Я поднырнул под кулак моей бой-бабы и попытался пробить пресс, но уже ни черта не держал запястье, поэтому вывихнул его и закричал от боли. Тогда эта хренова штангистка схватила меня и прижала к груди. Мне было бы даже приятно, если б не вмешивалось чудовищное давление, которое превращало ребра в неровные зубочистки. Увидев, что мне приходит конец, Хо пошла против собственного кодекса чести. Она парировала великолепную серию ударов Рыжего предплечьями и даже собственным лбом, а потом... пнула ему по яйцам.

Клянись леди. Эти ее чудовищные ботинки, сделанные по последней моде из железа и каучука... В общем пока рыжий откисал, пуская пену, она связала ему ноги шнуром от удлинителя, а другим концом, с пятью замечательными розетками, она потрясла в воздухе.

— Придется жульничать! — закричала она.

Ну куда ж деваться... Ощущая прекрасные кубики через тонкую майку гарзонки, я протащил руку до кобуры и с трудом надавил крючок.

Бах!

Большая женщина взвыла и отпустила меня. В ее левом колене дымилась огромная дыра. Она изумленно взглянула на меня, как бы не понимая, что произошло.

— Ты что, волк ебучий? — спросила она тонким, почти лонгатским голосом.

Хо бросила удлинитель и попала ей в висок, а я подхватил розетки и обвязал вокруг чернокаменной шеи. А потом мы просто вышвырнули рыжего из кузова.

Надо отдать гарзонке должное, она сопротивлялась до последнего. Вплоть до того, что

рыжий шел за ней буксиром, паря в воздухе словно воздушный змей. Но колено и наш снаряд в виде стиральной машины Фея-2 заставил ее все-таки сойти на землю.

— Закруглились, — я упал задницей на твердое, но мне было все равно. — Закруглились.

Противогаз был почти до макушки заполнен соленой влагой. Я с отвращением выбросил его и повалился на спину.

— Нужно посмотреть, что там в кабине, — услышал я изможденный, но решительный голос Хо.

Ее опередил звук раскрывшейся двери. Оливу вышвырнули со стороны пассажира и дверь снова захлопнулась. С третьего, по-моему, раза. Тогда Хо повалилась мне на грудь и мы буквально зарыдали от усталости.

Глава 8. Конкуренция

Прошлым днем

Ситуация в подвале мясокостного комбината.

Чарли и Глу, приближенные господина Танита, сидели за бухгалтерским столом и считали выручку. Мягкие нобы сладко шелестели в ловких пальцах Чарли, а пыль, слетающая с них — пахла возможностями. Чарли — одноглазый гарзонец с могучей прической в стиле «взлетка истребителя», отчитывал пачки по сто номиналов. Глу, комично мускулистый фуг, аккуратно обтягивал стопки синими резинками.

Сам господин Танит в это время подтягивался на турнике, который был привинчен под самым потолком. По его напряженному лицу катился драгоценный пот тенебрийца. Крупный и блестящий как ювелирные украшения. Для палочников фитнес был неприличным времяпрепровождением, но господин Танит обожал любоваться на свою развитую трапецию.

— ...сорок три, — свистел он, опускаясь. — Сорок четыре...

— Семьдесят два, семьдесят три... — бормотал Чарли.

— Ты неправильно считаешь, — зудел Глу.

— Что значит неправильно? Я кладу купюру на стол и говорю число. Потом следующую купюру и следующее число. Что, бля, тут может быть неправильно?

— У тебя большие пальцы, ты постоянно по две захватываешь. Дай лучше я посчитаю.

— Я тебе говорил, фугский карлан, как только досчитаешь без запинок хотя бы до десяти, я дам тебе считать мелочь. А пока заткнись и не мешай мне. На вот четки, иди тренируйся.

Оскорбленный Глу взял деревянные кастолические четки с маленьким стальным крестиком и завалился в кресло. Цифры — его давние враги, скрывались в лакированных бусинах.

— Раз, — начал он неуверенно. — Два. Хм. Три?

— Пятьдесят шесть... Пятьдесят семь...

— Тридцать три, тридцать четыре...

Эту математическую идиллию прервал звонок радио-замка. Чарли, не переставая считать, взял трубку и рявкнул:

— Кто это? Что?! Я, бля, сейчас нажму кнопку, и вам за спины сбежит десяток злобных парней с железными аргументами против розыгрышей. Ты поняла меня, идиотка? Нет, господин Танит ничего такого не заказывал! У него есть свои...

Чарли отнял трубку от пельменного уха и раздраженно жажнул ей об станцию.

— Что там? — спросил Глу, обрадованный, что есть законный повод отвлечься от самообучения.

— Да че-т я даже не знаю, — Чарли отложил деньги. — Какая девка сказала, что пришла убрать номер. А потом... Босс, вы проститутки не заказывали?

— У меня есть свои, — негромко ответил Танит, продолжая упражнения. — Расслабься, Чар, это опять дети рабочих развлекаются. Ты их лучший друг.

— Не знаю, — протянул гарзонец. — Какое-то у меня херовое предчувствие. Глу, иди проверь камеру.

Тот сорвался с места как мяч после пинка и улетел в соседнюю комнатушку. Там стоял монитор, передающий видеозапись с улицы. Перед железной дверью никого не было. Ни детей, ни проституток, ни торчков. Ни детей-проституток-торчков.

— Все чисто, — крикнул он.

— Я все равно отправлю кого-нибудь, — Чарли достал мобильный телефон. — Уборка номера, б-лин... Дети рабочих про такое в жизни не слыхивали.

— Семьдесят один, семьдесят два...

Некоторое время гарзонец слушал гудки, озабоченно поглядывая на открытый сейф. «Абонент не отвечает».

— Где этот Лашанс... Не дай Господь, они там снова раздавили кегу в шесть вечера.

— Камера сдохла! — закричал Глу.

После этого Чарли Вайту, начальнику охраны господина Танита все стало более-менее понятно. Конкуренция — штука такая.

— Босс, собирайтесь, сваливаем, — сказал Чарли, деловито сгребая деньги в спортивную сумку. — Сейчас я вытащу наличку из сейфа и валим задами. Босс слезайте, это не шутки.

Но Танит прилип подбородком к железной перекладине.

— Я не могу, — просипел он.

— Дело воняет хером, босс, прыгайте!

— Я не могу пошевелиться, кретин! — сдавленно крикнул Танит. — Меня что-то держит!

— Глу!

— Че?

— Неси гаечный ключ, быстрее! Эти суки привели волка.

До креплений было не достать. Чарли пришлось повиснуть на своем работодателе и тот замычал от гнева и напряжения.

— Сейчас все будет, босс, потерпите, — обещал гарзонец, пытаясь дотянуться до болтов, которыми был прикручен турник.

Чертово кольцо постоянно срывалось. Глу подбежал и принялся карабкаться на Танита как голодный кот. Тот закричал сквозь зубы.

— Да ты неправильно делаешь, дай покажу! Сейчас, босс, одну минуту!

— Слезьте с меня, уроды! А-а-а-а!

В этот момент внутренняя дверь аккуратно распахнулась. Странность была в том, что открылась она со стороны петель. Те разорвались как бумажные, и со стены посыпалась известка. Тогда в одно из убежищ господина Танита вошла белоснежная фигура, странно изуродованная сферическим горбом; глубокий капюшон медленно качнулся слева-направо, а потом уставился на виноградную гроздь из тенебрийца и его старпомов.

— Ты опять неправильно открыл дверь, — сказала девушка, обращаясь неизвестно к кому. — Черт. Похоже у них численный перевес.

— Что за придурки, — раздался бесплотный голос. — Сними их.

Сверкнули жемчужные стволы и стройные ножки. Чарли и Глу, приближенные господина Танита, встретили быстрый, но крайне непрезентабельный конец. Обоим продырявило черепа, и они шлепнулись на пол застыв в глупых позах. Гаечный ключ сиротливо звякнул, вылетев из омертвевших пальцев.

Сам господин Танит, успевший намочить спортивные штаны, ощутил подбородком

вибрацию железа. И вот его уже подняли над полом вместе с вырванной перекладиной. Медленно протащили коленями через коридор к потайной двери. Намеренно проволокли по вверх лестнице, чтобы тело ощутило каждую ступеньку. И оно ощутило. Впереди же был закрытый на карантин вспомогательный цех, полный крыс и заразы. Миазмы гнили здесь буквально сжигали легкие. Грызуны возбужденно пищали. Их крохотные мозги как будто озарила догадка, что скоро здесь будет чем полакомится.

Огромная костерубка ожила в этом омерзительном сумраке, словно призванный дьявол. Зубастые жернова увеличивали обороты, в них падали неосторожные жильцы. Целые семьи свившие гнезда в неудачном месте, тут же превратились в фарш механической обвалки, категория «В», полнома за килограмм. Образ шкворчащих котлет мгновенно овладел фантазией господина Танита.

— Деньги, — хрипел он. — У меня есть деньги. Я отдам все. Сведу с полезными людьми. Не убивайте.

Он висел над жерлом костерубки. Барабаны смазала крысиная требуха, но те продолжали греметь и скрежетать. Барабаны созданы были молот, дробить, превращать сущее в пасту. Каждая секунда без новой жертвы расходовала их потенциал.

«Ты знаешь тенебрийца по имени Тутмоз Гисбуди?», — спросил Танита его собственный мозг.

— Нет, — неслышно сказал он из-за грохота. — То есть я его знаю, но косвенно, я никогда с ним не встречался!

Неведомая сила отпустила его, и тенебриец с душераздирающим воплем повис на вытянутых руках. Железная перекладина прочно держалась в воздухе, но могла в любой момент снова поверить в гравитацию.

«К тебе сегодня приходил кто-то необычный?»

— Нет! Сегодня вообще никого не было, мы не работаем по четвергам!

«А если очень-очень хорошо подумать?»

— Да хоть трижды хорошо, никто кроме вас не приходил!

Это была правда.

— Слушайте, если я кому-то перешел дорогу, я этого не хотел. Я готов отдать половину бизнеса, только не убивайте!

Молчание.

— Ну... Забирайте весь! Слышите? Весь! Ну это же не прошлый век, что за гангстерские войны?! Мы с вами деловые люди! Я пригожусь!

Молчание. А потом:

«Сколько раз?»

— Что?

«Сколько раз подтягиваешься?»

Господин Танит был ошарашен этим вопросом, но немедленно выпалил:

— Девяносто шесть! Мой рекорд — девяносто шесть!

«Сделаешь сотню, я тебе отпущу. Не сделаешь — тоже отпущу. Но есть нюанс».

Тенебриец мгновенно уловил суть этого самого нюанса и принялся выполнять условие.

«А, а, а! Делай как полагается. Без рывков. Ноги перед собой. По-о-олная амплитуда».

Да к то же эта девка такая? Господин Танит был измучен страхом, но количество адреналина в крови и обострившаяся жажда перепробовать все радости земные, придали ему сил. Упорно вел он свой подбородок вверх, касался турника, и опускался вниз, полностью

распрямляя руки. Раз за разом, раз за разом. Последний десяток дался ему с таким трудом, что отчаянье почти овладело Танитом, однако... Победно взревев, преодолевая жжение и судороги в мышцах, он таки добил сотню и обессиленно повис.

— Я справился, — простонал он. — Пощади.

«Н-еа», — был ответ. — «В конце слишком быстро сдал вниз. Не считается».

И с драматичным, но коротким «А-а-а...», сутенер и наркоторговец, упал в костерубку. Его смерть не была особенно зрелищной. Жернова мгновенно размололи худое длинное тело, словно одну большую макаронину. Через тридцать секунд из выходного отверстия выползла колбаса лаково-блестящего фарша. Она свернулась кольцом на вершине кучи созданной крысиными тушками, и начала медленно сползать вниз. Даже этот кровавый паплет сам по себе выглядел крайне недовольным.

Слишком вероломно. Слишком.

Костерубка медленно остановилась.

— Вот кондом, — выругался Бритти. — Действительно сделал сотку! Теперь я выгляжу глупо.

— Ты никак не выглядишь, — Спотти смотрела на омытые кровью жернова. — Тебя вообще не видно.

— Не умничай! — огрызнулся горб. — Вы посмотрите какая остроумная! Так и порежешься. Ладно. Как я и предполагал, этот пестрый гомик дал нам тухлый след, а сам сейчас наверняка занят чем-то перспективным. Неважно. Найдем его завтра.

— Почему завтра?

— Это представление меня вымотало... Было весело, но теперь я чувствую, как Шторм смотрит на меня. Внимательно смотрит. Еще один фокус и я рвану по шву.

— Ты собрался спать?

— Да. Затаись где-нибудь... Хоть здесь же в подвале, он честно нами захвачен. Гангстерские войны, пиф-паф. Все, я спать.

Спотти осталась одна, с шариком мраморной плоти за плечами. Она вздохнула, и принялась спускаться по железной лестнице.

Почти в это же самое время писатель-беллетрист Никтей Зайло сидел на своей кухне и жарко дискутировал со своим хорошим другом Лайаром Тинто. Тема спора была: есть ли у волков будущее и можно ли считать их новой ступенью эволюции. Никтей считал, что все носители болезненного дара — обречены и естественным образом загремят в ящики во время нового пробуждения. Каковое пробуждение несомненно нагрянет, потому что в мире есть только отливы и приливы, рассветы и закаты, короче разнообразные фрикции. И смысл их в том, что ни одно состояние не длится вечно.

Тинто от злости вгрызался в стакан, и неистово парировал речами, в которых волкам отводилась решающее место. Именно они, страдающие чудотворцы, высосав силу Шторма по капле, разгонят его, как лодочник веслом разгоняет туман.

— Каким веслом? — брюзгливо спросил Никтей, доставая из-под стола новую бутылку. Пустую он элегантно выбросил в раскрытое окно. — Веслами же гребут. В крайнем случае им можно ударить по голове. И вообще, все это поэзия, а поэзия, как известно, — мусор. Тебе привести статистику самопроизвольной гибели волков? Я приведу... Ты наливай пока, а я приведу.

Он поднялся и уверенно двинулся по заставленной табуретками кухне. Временами у

Никтея случались литературные вечера, на которые приглашались редакторы, литераторы, журналисты и проститутки. Никтей заставлял последних давать устные рецензии на статьи и главы, чтобы все могли увидеть реакцию глубинного народа на свое творчество. Ведь как известно, тот кто расшевелит лежачего — тот говорит голосом бога. Самый унижительный и болезненный секс, и все его девиации, не производили на девушек такого впечатления, как эти вечера.

В углу, на сдвинутых вместе стульях, спал неизвестный. Он завернулся в подраную простынку и сладко похрапывал. В этом не было ничего странного, кто-то постоянно засыпал в квартире Никтея, не в силах перебороть гостеприимство хозяина.

На самом деле никакой статистики он, конечно, не вел. Писателю просто понадобилось в уборную. Однако Лайар старательно разлил водку, и готов был обрушить любой график, и гневно ссыпать в мусорное ведро любые числа.

— Разумеется многие из них погибают! — объявил он, когда Никтей уселся на свое место. — Волшебники пока не в силах нащупать ту границу, определить потолок, за которым сила перестает подчиняться им. Но это вопрос времени! Ближайших лет. И когда они возьмут каждый по способностям, и соберут всю эту силищу вместе, катаклизм никогда больше не пересечет берегов.

Никтей на вдох опрокинул стопку и снисходительно улыбнулся.

— Ты хоть раз говорил с кем-нибудь из них? Не с гадалками из Радуги, а с настоящим волком, который не вылезает из-за тренажеров, что бы его внутренности не выстрелили серпантинном из задницы? Они все кончают одинаково. Превращаются в полуподвижные горы мускулов, а потом все это наслоение мышечной ткани тяжело, невообразимо мучительно, с треском и хрустом начинает разрывать Шторм. Потому что власть, любая, — дешевый наркотик. Нет ничего ужаснее потери божественности, когда твои солнечные крылья начинают отсыхать, превращаться в куриные порхала. Поэтому волки никогда не сдают назад. Волки так же не ищут границ. Если у них есть возможность хорошо питаться и наращивать мускулатуру, они ровно этим и занимаются до самого конца. И все они, как и любой наркоман, истеричны, подозрительны и постоянно злы. Хрена с два тебе они объединятся: моментально перебеку друг друга из зависти.

Лайар закусил лепестком соленой капусты и покачал головой.

— Ты это сейчас сам придумал.

— Вовсе нет, — Никтей разлил по новой. — У меня есть поклонница в Отвесном. Натуральная волчица. Писала мне письма у меня же на столе, не выходя при этом из дома. Такая, понимаешь, демонстративная особа. Держит сеть тренажерных залов и точки сбыта стероидов для начинающих. То, что я тебе сейчас рассказал, это почти один в один ее слова.

— Но она-то... Она-то держится? Не пытается взять больше, чем нужно?

Неизвестный вдруг забормотал во сне, потом перевернулся на другой бок и смолк. За окном визгливо отчитывали какого-то Гайсика. Лениво каркали вороны.

— Она говорит, что это дается ей с большим трудом. Практически же, ее мышечная масса продолжает расти. Нет-нет, да и пожмет две сотни. Только моргнет, а на грифе уже двести двадцать. У нее нет друзей, нет любовников, всех она считает либо безнадежными клопами, либо конкурентами. Книжки и железо — все что осталось у этой несчастной женщины. Она призналась мне, что боится. Что ее в конце концов ждет то же самое, что и остальных взлетевших слишком высоко.

— Это все конечно неприятно, — согласился Лайар. — Но ведь фармацевтика не стоит

на месте. Уже есть седативные препараты, которые помогают волкам себя контролировать.

— Ерунда. Витаминки. Ты послушай, что приходится контролировать: Шторм! Как?!

— Это просто малоизученное атмосферное явление. Все в природе подчиняется правилам. Научились ведь контролировать дожди.

Никтей откровенно расхохотался. Лайар враждебно смотрел на его конвульсии. Будучи лонгатом он, тем не менее, не испытывал никакого пиетета перед тенебрийцами. Журналистика сделала из него космополита в том смысле, что Тинто не делал различия между задницами, в которые ему приходилось ввинчиваться угрем по долгу службы.

— Контролировать дожди? — Никтей обессиленно навалился на подоконник и высунул руку из окна. — Что общего у спички и лесного пожара? Что общего у фонарика и солнечной колесницы, что едет по небу? Шторм — это ни влага, ни ветер и ни молнии. Это разумное существо невычислимой силы, которому мы — отвратительны.

— Штормист, — Тинто с пренебрежением грохнул стаканом. — Штормист, мистик, старая одуревшая сплетница. Ты меня специально провоцируешь этим религиозным бредом?

— Между прочим Церковь Шторма — лучшая религиозная шарашка, о которой я только читал или слышал, — засвидетельствовал Никтей, облизывая губы после сочной шпротины. — Какой там кастолицизм, какие там Предтечи, какие Зеленые Великаны или говорящие призраки непонятных баб. Да, я штормист. Называй меня так, если хочешь. Я глубоко убежден, что именно лиловые капюшоны — лучшие фанатики всех времен и народов. Знаешь почему?

— Потому что у них в церквях принято бить людей электричеством? — предположил Тинто.

— Какова, по-твоему, истинная задача любой религии? — ответил Никтей вопросом на вопрос.

— Ну... Х-ак!.. Хорошо идет... Поддерживать корпорацию, которая ее разработала. Идеологические конструкторы и тезисы удобные для высшего духовенства и его партнеров и все такое. Независимая от государства форма бизнеса с бесконечными послаблениями в юридическом поле.

— Так, — писатель взболтал остатки водки и налил каждому до половины. — Сейчас. Ты пока подумай еще, подумай.

В два гигантских шага Зайло настиг холодильник, вынул из его божественно-прохладных недр последнюю бутылку и давно отчаявшееся яблоко.

Тинто, хоть и находился уже в предунитазном состоянии, одобрительно кивнул и бутылке, и легкомысленному яблочному закусону.

— Тьфу ты черт, — медленно вымолвил он. — Вечно с тобой нажрешься в слюни. А мне завтра ехать на патриотическую пресс-конференцию в КомТен. Заблюю я им там все, — предположил он без всякого, впрочем, сожаления.

— И правильно, — одобрил Никтей, выбрасывая пустую тару в окно.

Ретро подпрыгнул, уворачиваясь от брызнувших осколков, и посмотрел вверх. Раскрытое окно на девятом этаже. Кажется ему туда. Топ-топ-топ... З-зараза, лифт не работает.

— Ну так что. Подумал?

— О чем? А... Ну что ты из меня тянешь эти простодушные афоризмы? Что тебе, прс

свет рассказать в душе каждого? Про «не убий, не выпий»? Надоел. Мы вообще-то начали с волшебников, но ты присел мне на уши со своими ненавидящими штормами. Циклонами-маньяками. Бурями-террористами.

— Нет, все не то, — Никтей покачал головой. — Истинная, непроизносимая вслух цель религии — это вызвать у людей к себе отвращение! Посеять в них сомнение в божественном совершенстве. Кормить людей таким отборным бредом, пытаться их умы настолько нелепыми противоречиями, выставить местного бога до такой степени невменяемым психопатом, чтобы никто в здравом уме к церквям не подходил ближе, чем на километр! И вот когда большинство потребителей перейдет в фазу активного скептицизма, и воспитают себя хозяевами собственных жизней, тогда религия оканчивает свое благое дело и умирает. С внушением ужаса и враждебности к Шторму, лиловые капюшоны справляются просто великолепно. Хотя, имея за спиной мифологию, можно сказать, вчерашних дней, это не так уж и сложно.

Лайар только покачал головой в том смысле, что: «вот несет».

— Веками! — вскричал Никтей. — Целую эпоху Шторм держал нас в глубине земляных кучек, именуемых континентами. Что эти континенты по сравнению с Общим Океаном? Пятна гумуса, заселенные паразитами. Для него, высшей формы жизни, мы — оскорбительная карикатура на разумных существ. В своей мудрости Шторм предвидел, что люди принесут миру только горы мусора и трупов. И что же? Стоило только ему отступить, чем мы занялись? Начали гадить в воду! Срать туда всем, чем только можно. Вода все смывает.

Тинто потер глаза пальцами.

— Ну хорошо. Пусть. Высшая форма жизни. Deus omnipotens. Дающий и забирающий. Но почему он так взвился именно на фугов? Остальные пережили время бурь плюс-минус успешно, а Фугия похожа на военный полигон, которым, собственно, и является. По твоей логике, Шторм должен был трепать всех одинаково.

Зайло лукаво улыбнулся, соскальзывая с собственной ладони, которой подпирал голову.

— Пути Шторма — неисповедимы, — он откусил от яблока и передал его товарищу.

Лайар вгрызся.

— Ну-ну, — проговорил он жуясь. — Вот к этому вы все и сводите каждый раз, когда сочинять больше не в состоянии.

— Отчего же? Сочинить я могу все, что угодно. Например — вот. Фуги — семена зла, которые могли дать такие всходы, что даже аквитаникам мало бы не показалось. Не зря же есть свидетельства, что до времени бурь, карлики были самой развитой цивилизацией. Ты видел фотографии их бункеров? Они строили циклопические подземные сооружения в то же самое время, когда твои предки еще плясали с пальмовыми листьями на жопе. А мои — вступали в эпоху феодализма. Если б Шторм вовремя не загнал фугов под землю, они бы возвели сверхтехнологичное фашистское государство, а всех остальных, — пятьдесят на пятьдесят, — угнали в рабство и поставили к стенке.

— Ну понес.

— Ты сам начал, пеняй. Я лишь хочу сказать, что вы, люди рациональные, рациональны настолько, что ждете от муравья понимания замыслов мальчишки с увеличительным стеклом.

— Так может Шторм просто играет? — журналист без стеснения доел яблоко. Он не стал выкидывать огрызок в окно, но аккуратно затолкал его в банку для окурков. — Как этот мальчишка.

— Возможно. Однако даже мальчишкой не всегда движет одно лишь озорство. Иногда он хочет понять свое отношение к жизни и смерти. Разобраться в своем отношении к абсолютной власти над слабыми. Я думаю, что Шторм, хоть и суров, но справедлив. Сейчас он размышляет о чем-то, но, когда решится — настанет новая эпоха разрушений. Великий покарает следующий континент, тех, кто зарвался. Тех, кто опасен для других и самих себя... А волков? Их он уничтожит всех до одного.

— Да почему же?! — с пьяной досадой воскликнул Лайар. — Они же ничего не крадут у него. Он сам... Как это сказать на твоём языке храмового маньяка... Он сам их помечает! Сам прорастает в людях как сорняк. Нагнивает как раковая опухоль. И сам же их за это карает?

Никтей Зайло поднялся, вырастая словно вампир из тени. Он театрально расставил руки, и провозгласил:

— Опять же — ты ничего не знаешь мой друг. Ты пугаешь шизофреников и проходимцев из Радуги с людьми, которые любят Болезнь, радостно принимают ее, холят, лелеют, кормят опухоль собственной плотью. И это вместо того, чтобы благородно покончить с собой! Мир полон штормовых ангелов. Они находят самых злых и бесчестных и метят их — это правда. Но не для того, чтобы польстить им! Это предупреждение! Это — знак! Приговор! Уходи из этого мира! — гласит он.

— Зачем тогда давать больным силу? — Лайар в полном одурении отер набежавшую слюнку. — Почему болезнь убивая людей одновременно делает их сильнее?

— Как я уже говорил, — сверкнул глазами Никтей, — Шторм — справедлив. Без одного не бывает другого. Прикосновение ангелов несет смерть, но, одновременно, передает и частицу божественности. Как ей распорядиться? Решает умирающий. Но всегда это — Зло. Люди привычны к нему. Злобу легче накапливать, легче направлять, словно лазерный луч. И она горит красным, хорошо заметным огнем. Потому Великий карает зарвавшихся уже сейчас. Кроваво. По делам их...

Никтей обессиленно уселся на стул.

— Набрехался? — сочувственно спросил Лайар. — В глотке поди мешок с песком. Давай чаем что ли переложим?

Секунд тридцать писатель молча глядел в пожелтевший от курева потолок.

— А давай!

В этот момент в дверь позвонили.

— Кого еще Шторм принес, — зевнул Лайар. — Ты кого-то ждал сегодня?

— Решительно никого, — возразил тенебриец. — Опять у людей похмелье. Поправляться пришли.

— Мы все выжрали?

— Все.

— Неудобно получается.

— Ничего, ничего, чаем будем поправляться. Запусти там, если не трудно... Может у них с собой есть.

— И то верно.

Дверь в квартиру Никтея никогда не запиралась. Кроме пустых бутылок и бесконечных табуреток красть тут было нечего. Все гонорары и донаты немедленно пропивались или пускались на благотворительность для обездоленных молодых девушек. Поэтому Лайар, оттягивая пальцами пропотевшую футболку, крикнул в прихожую:

— Войдите! Не заперто!

Ручка клюнула вниз, дверь раскрылась и на пороге возник Ретро. Улыбчивый, неотразимый и немного запыхавшийся.

— Добрый вечер, — сказал он. — Здесь проживает Никтей Зайло? Писатель.

— Здесь-здесь, — подтвердил Лайар. — Только он в сейчас в говно. Вы его знакомый?

Не дожидаясь ответа, журналист прошел к раковине и принялся набирать в чайник воду. Ретро снял обувь и ступил на липкий линолеум. С него чуть не слетели носки, но детектив смог-таки добраться до кухни.

— Да как вам сказать, — ответил он, глядя на спящего Никтея, — никогда его прежде не видел. Но хотел задать пару вопросов.

Уронив голову на столешницу, писатель умиротворенно выдыхал ядовитые пары.

— А, вы поклонник, — догадался Лайар. Он какое-то время возился с конфоркой, от чего на кухне явственно завоняло газом. — Ну его совсем, — сообщил он, оставляя чайник в покое. — Минералку будете?

— Не откажусь.

Ретро сел на табуретку у двери и поглядел на человека, спящего под простыней. Раздался протяжный стон, и юноша лет восемнадцати отрывисто произнес:

— Голова. Больно.

Деликатно отведя взгляд, Якоб сосредоточился на Лайаре и успел поймать холодную бутылку. Он тут же вылакал ее и сказал:

— Благодарю. Вижу, что мастер действительно перебрал. Извините за неуместный вопрос, а вы давно с ним сидите?

Журналист плюхнулся на драное кресло, и тоже пригубил воды.

— Нет. Часа два или три. Когда я пришел тут уже топор можно было вешать. У Ника сейчас творческий кризис... Чтобы его преодолеть нужно очень много пить, сами понимаете.

— Понимаю, — с готовностью кивнул Ретро. — А никто больше не заходил? Кто-нибудь... Неожиданный.

— Вроде вас?

— Да, вот так же, с бухты барахты, на ровном месте, ни с того ни с сего.

— Нет.

— А этот юноша? — Ретро кивнул в сторону простыни. — Вы его знаете?

— Первый раз вижу. Когда я пришел, он уже был тут. Ник сказал, что это его муза... Послушайте, кто вы все-таки будете? Такой.

— Я частный детектив, — признался Якоб. — Ищу пропавшего человека. Мною была получена информация, что пропавший и господин Зайло могли быть косвенно связаны. Поэтому и пришел.

Лайар выпятил нижнюю губу.

— Ничего себе, — он повозился в кресле. — Чего-чего, а расследований у нас тут еще не было.

— Я могу взглянуть на этого молодого человека?

— Не знаю, — озадаченно сказал Тинто. — Наверное. Раз такое дело.

Якоб благодарно кивнул и подошел к спящему. Он подумал про себя, что фигура спящего, сокрытая простыней, вызывает чувство несообразности... Что-то в ней было непропорционально громоздкое. Может быть, под простыней он укрыт еще чем-то?

Странно, в такую жару...

Ретро приподнял уголок простыни. Он увидел золотую маску с блестящим желтым париком. Помедлил, но потом вспомнил, что *настоящий профи ничем не брезгует, ничего не стыдится и никогда не испытывает неловкости*. Детектив сбросил покрывало полностью.

Костюм зеленой Феи? Кто-то тащится по оливской мифологии, но, почему-то, хочет, что б феей был молодой мужчина. Зеленый атласный материал отлично тянулся и подчеркивал достоинства изумительного тела. Слишком субтильного и аккуратного для гарзонца. Какой предприимчивый лонгат. И как мастерски он соорудил крылья. Выглядят потрясающе.

— Нет, — констатировал Ретро. — Это не он.

Возможно, дело было в том, что Фитцвиль был измотан чередой неудач и мысли его были сумрачны. Кроме того, оставалось всего два часа до смены капельниц. Он уже чувствовал страх и прибывающую тоску. А потом — болезненное воодушевление.

Иначе, он, конечно провел бы очевидную ниточку между тем, что видел на полу в доме госпожи Насча и этим зрелищем. Обязательно провел бы. Несомненно.

— Симпатичный, наверное, парнишка, — сказал он как будто сам себе, протягивая пальцы к маске. — Прямо как мой... Только волосы гуще и губы не потрескались. А еще он недавно отрезал себе кончик носа. Такой шутник.

— Что простите? — нехотя пробудился Лайар. — Эй, я думаю, что снимать маску — это уже слишком! Уважайте его право на конфиденциальность.

Ретро одернул руку. Все вдруг показалось ему нереальным.

— Да, конечно, вы правы, — он поднял простыню и снова укрыл фею. — У господина Зайло отличный вкус.

— Вообще-то он по дамам! — крикнул Лайар вслед словно извиняясь. — Обычно...

И почти сразу уснул.

Хлопнула входная дверь.

Неизвестный зашевелился, мучимый новым приступом головной боли и скинул простыню во второй раз. Кокон фантазийных крыльев затрепетал.

— Эх... Эхсин.

Самокат совсем разрядился. Ретро пришлось трястись в переполненном автобусе, выслушивая при этом восторженные комментарии по поводу чудачков, занимающих полезное пространство своими игрушками. В конце концов, он с хлопком выскочил на своей остановке, измятый словно рекламный флаер. Ему оставалось только самостоятельно нырнуть в мусорное ведро и это было бы неплохим завершением бестолкового дня.

Ретро с мрачной решимостью шел между домов Студенческой. Это была хорошая улица в не самом бедном районе. В глубине ее чернел могучими стенами Технический Университет Новой Победы имени Именанда Шломна. Здесь обучались дети тенебрийцев, которым судьба оставила жалкую долю специалистов. Разумеется, способные ученики могли впоследствии сделать карьеру и возвыситься до сумусов, но социальные лифты среди палочников, были точно так же загажены и малоподъемны как и у других отсталых. Рождение в знатной семье по-прежнему было лучшим решением для любого начинающего тенебрийца. К сожалению, не все это понимали.

В час вечерний, эти самые «непонятливые» возвращались по домам группами по пять-шесть человек: объединение в маленькие группы было популярной тактикой у долговязых

студентов. Так было проще выживать в условиях непрощающей конкуренции и постоянных интриг. В этом, конечно, не было ничего уникального, если не считать, что одиночек в местной среде не существовало даже в виде исключения. Самый бесславный, нищий, невысокий изгой и тот не мог рассчитывать на изоляцию: его мгновенно поглощала одна из групп. Там он на правах члена команды мог собирать состриженные ногти альфа-самца или волосы альфа-самки, чтобы враждующая ячейка не навела на них порчу при помощи волка.

Ретро смотрел на строгих, ответственных за фамилию подростков, и улыбался. Суровость их гладких лиц напоминала обиду ребенка на высокий стол, где недостижимые печенья бесполезно сохнут в своей глубокой миске.

Когда-нибудь, думал Якоб, мои малыши тоже пойдут в этот университет. И я буду встречать их вечером, чтобы вместе зайти за мороженым, и поесть его, созерцая закат.

Болезненный разум детектива не видел никаких препятствий для поступления «малышей» в ТУ-шку.

Близнецов выселяли из разных квартир четырнадцать раз. Обычно за превращение жилплощади в чудовищные свинарники даже по меркам Рабочки. В конце концов Ретро снял квартиру в этом районе, чтобы Анис и Вальтер сразу же взялись за учебники, когда вернуться из пансионата для «трудных» детей.

Это могло показаться безумным решением даже для Якоба Фитцвиля, однако здесь было относительно сложнее добыть наркоту и алкоголь. Кроме того, детектив всерьез увлекся «коматозной терапией» и она давала результат. Большую часть времени близнецы находились в полурастительном состоянии, то есть не могли превращать свои вены в кровавые язвы. Ретро не хотел думать, что произойдет, когда его сбережения окончательно растекутся по дну. Он и не думал. Устал бояться. Пока что все было неплохо, а ведь прошел уже целый месяц. Прорва времени. Якоб чувствовал, что ему должно повезти. Одно удачное дело, — возможно — именно это, — и он купит две путевки в Перерождение.

Якоб понял, что замечтался, и вернулся с общих небес на землю палочников.

Нужный дом всегда появлялся перед ним внезапно. Выпрыгивал словно волосатый гоблин из-за поворота пещеры. Такова уж была его мрачная особенность. Новостройка, шестнадцать этажей, узкие высокие окна, похожие на суженные зрачки хищника. Характерный стиль для тенебрийцев. Все у них вытянутое, узкое, с намеком на оборону. Никак не избавятся от своего посттравматического синдрома. В этом Ретро мог им посочувствовать.

Музыка боли. Тончайшие модуляции стонов. Прекрасные стаккато воплей. Зачаровывающие переливы рыданий. Фитцвиля заманили намеренно, и отпустили живым с определенным смыслом. Это была первоклассная шутка. Великолепно исполненная.

Якоб сильно впечатал лоб в стену, и осознал, что едет в лифте. Слава богу, он был там один. На шестнадцатом этаже створки разъехались под мелодичное «динь-да», и детектив вышел на лестничную площадку. Только он вставил ключ в замок узкой, готовой к обороне двери, как его позвали.

— Эй! Ты кто... А, Фитцвиль. Никак не привыкну, что у нас тут ошивается отсталый.

Это был парень-первокурсник из квартиры слева. Заехал совсем недавно, но уже вел себя как полноценный совладелец этажа. На его темно-синей футболке было отпечатано странное послание цифрами: единица плюс единица равняется трем. Какой-то охрененно тонкий математический юмор. Якоб слишком устал, чтобы искать в этом какой-то знак.

— Да, молодой масса, это всего лишь я, ваш верный слуга — Якоб Фитцвиль, — Ретро

развернулся и глубоко поклонился парню. — О-о-о, масса, не наказывайте меня за то, что я попался вам на глаза. Мои ноги болят от бедра до пяток, масса, никуда не годны. О, горе мне, я испортил аппетит молодому массе своим дурным видом. О-о-о, горе.

Парень смутился. У него даже пачка из рук выпала.

— Не поднимать! — рявкнул Якоб, распрямляясь. — Вот дождешься ты у меня, молодой масса, я подкараулю как приедут твои уважаемые папенька с маменькой и сдам с потрохами. Хочешь всю пачку за один раз выкурить? Или две? Может быть, твоя подружка из гарзонцев поможет?

Парень вытащил изо рта едва раскуренную сигарету и выбросил ее в окно.

— Еще и мусоришь. Да. Дела-а-а!

— Ну что ты в самом деле, — примирительно заговорил парень. — Я же не хотел... Как-то ты неправильно меня понял. Да и не подружка она мне, мы просто...

— Решаете примерчики, а в перерывах сосетесь до одурения, — Якоб улыбнулся до ушей. — Ладно, ладно. Пока не сдам. Вот только ты еще раз оставь мешок рядом с мусоропроводом.

— Это не...

— Не ври! До тебя тут такого не происходило.

Парень насуплено молчал. Якоб расценил это как успех воспитательного процесса и вернулся к отпиранию замка. Юноша все-таки сказал ему что-то в спину. Что-то вроде: «у самого-то хрен знает что за подружки». Якоб не понял, и в целом настроен был проигнорировать любое махание кулаками после драки, так что просто захлопнул за собой дверь.

В ванной журчала вода. Кто-то выкрутил ее на полную, и шум стоял такой, как будто Ретро приехал поглазеть на Бесконечный водопад. Это было неправильно. Невозможно. Катастрофично. Двигаясь как машина, Якоб прямо в обуви прошел по коридору и прижал ладони к двери в гостевую комнату. Обмирая, толкнул ее и заглянул внутрь.

Они были на месте. Как земля должна была быть внизу, а небо — вверху, так и близнецы по закону мироздания лежали на своих массажных койках. Костистые изможденные куклы, вот как они выглядели. Исхлестанные шрамами, пятнистые от сигаретных и химических ожогов. Бежала с тела на тело гнусного вида колючая проволока, и ее мастерски проведенные линии связывали кровников в единое целое. На бритвенных шипах жутко и мучительно растрепались мертвые птицы: крылья их как будто еще трепетали, и даже шелест этих конвульсий мерещился в комнате. Каждый раз глядя на узор, выполненный иглой лучшего тату-мастера Новой Победы, Ретро чувствовал отвращение. Пернатые трупы были слишком реалистичными. Слишком.

Якоб на мгновенье отвел взгляд, но тут же заставил себя смотреть снова. Он забыл и про воду, и вообще обо всем на свете, став скорбным оком беспомощного родителя. В прохладном сумраке зашторенной комнаты они напоминали мертвецов. Ушедшую во сне влюбленную пару.

Но близнецы были живы.

Над ними висели капельницы с препаратом, вызывающим искусственную кому. По гибким прозрачным артериям в кровь Анис и Вальтера вливался бесконечный сон без сновидения. И даже так, они как будто вздрагивали в полутьме, пальцы искали пальцы, тела бесконечно жались друг к другу, словно раздели их, и разделишь сердце.

Кошмары мучавшие их после похищения... Они не могли их описать. Только кричали.

Дико. Во все горло. До немоты. Ретро подошел к ним, и опустился на колени. Он гладил сухие стопы и беззвучно шептал что-то, раскачиваясь взад-вперед. Потом его как будто тряхнуло. Обувь. Нужно снять обувь. Нечего тут следить.

Он уселся на задницу и принялся стаскивать туфли.

— А ты еще что-то говорил про наши методы, — сказала Спот, вытирая голову полотенцем.

— Выйди, — прошипел Якоб. — Немедленно. Прочь.

Близнецы сейчас не проснулись бы и от выстрела в ногу, но Якоб не смел повышать голос рядом с ними. Девушка исчезла. Детектив вышел следом.

— Где Бритти? — в глазах Фитцвиля полыхали огнем джунгли, в которых метался обезумевший тигр — Если вы посмеете...

— Он спит. Крепко как твои дети. Успокойся, хорошо?

Якоб скрипел зубами. Это место... Это был его храм, святая-святых. Он допускал сюда только наркологов и Хо.

— Как вы узнали?

— Я узнала. Говорю же, Бритти тут не при чем. Это не нападение. Мне просто нужно где-то переночевать.

От такой простодушности Якоб почти опешил. «Просто переночевать». Он развел руками.

— Как насчет мотеля? — предложил он сухо. — Я знаю пару неплохих. Эй! Это халат Анис!

Спот осмотрела себя.

— А. Наверное я совершила кощунство.

Девушка сняла его и повесила на крючок гардероба. Ретро сглотнул.

— Будешь пересчитывать? — оскалилась Спот, расставляя ноги. — Я могу развернуться. Так все пятна видно? Может раздвинуть?

— Я... Слушай, перестань... Я дам свой халат, он совсем неплохой. Сейчас, подожди.

Нужно вооружиться. Нужно вооружиться.

Вторая комнатуха была заставлена коробками. Ретро перевез сюда вещи из старого офиса, после того как примкнул к Должникам. Растущее безумие сильно ударило по его репутации. Он стал слишком слаб, чтобы вести самостоятельное существование.

Давно он тут не был.

Якоб включил лампу на рабочем столе. Тот стоял посреди комнаты, неровно расположенный, и с неряшливо выдвинутыми ящиками. Кресло было опрокинуто, крестовина — сломана. Детектив вздохнул и тут же провалился мыслями куда-то далеко от Спотти и реальности за спиной. Он провел по столу пальцами, бороздя слой пыли. Как все это было раньше... Как? Лучше? Светлее? Интереснее? Черт его знает. Ничего не помню. Как будто забрал у погибшего человека альбом с фотографиями. Отдельные картинки знакомы, но контекст их неясен. Где смеяться, а где всплакнуть? Пустить, так сказать, ностальгическую слезу. Да и надо ли?

Он скользнул по коробкам невидящим взглядом. Помедлил. Потом наугад раскрыл одну, и принялся рыться в пахучих недрах. Папки с делами. Пролистаем. Дело такое-то. Госпожа Эбинквот. Муж — пропавши. Улики. Статуэтка орла. Где-то я про такое читал... А! Нет. Там же был сокол. А что за орел? Точно-точно, это же... Нет, ничего не помню. Что тут еще? Нож в ножнах, одна штука. Красивый, гравировка, серебряная рукоять. Трофей, оставшийся

от Ласочки. Надо же, что-то еще в голове осталось кроме анекдотов.

Ретро отложил нож и запустил руку на самое дно. Ага! Вот это другое дело. Сувенирная бутылка в виде черепа. Вновь что-то маячило, светилось руинами. Какие-то залы, люди, шум, звон, барабаны крутятся. Казино. Поставить бы сейчас все на zero и уехать в центр Немоса. В Великий или в Подобающий. И что б зелень за окном.

Жаль, ставить уже нечего. Все мало-мальски ценное продано. Заложено. Потеряно.

Якоб открыл бутылку и принялся. Джинн.

— Дай мне тоже.

— Еб твою мать!

— Ты успел забыть, что я здесь?

— Нет, я просто не люблю, когда ко мне подкрадываются. А ты делаешь это прямо-таки виртуозно. Ходишь тише чем змея ползает.

Спот скрестила руки на обнажённой груди и сдвинула бедра влево. Ретро расценил это как намек, что язык может подвести его под монастырь. Старый дурак, зачем он сюда пришел? Забыл. Опять мигнул как перегорающая лампа и все вылетело из головы. С другой стороны, чем он собрался с ней воевать? Делом госпожи Эбинквот?

Страх побуждал Фитцвиля разобраться с девчонкой и срочно перевезти близнецов куда-то еще, но... Все. Он проебался. Серьезнейшим образом. Если уж они его выследили, то теперь не отстанут.

— У тебя снова морда стала кирпичом, — Спот присела на стол белоснежными ягодицами. — Держу пари ты хотел найти что-нибудь, чем меня можно было бы пристукнуть, но тебя накрыло, да? Не слишком ли часто это происходит? Отказываешь себе в таблетках, чтобы хватило на лекарства для них?

Ретро сжал кулаки. Он готов был рвануть как граната. Наброситься на эту дьявольскую человекообразную тварь, которая нагло вторглась в его дом, а теперь ввинчивалась в сознание.

— О, как желваки заходили. Злишься на всех и на себя, как Бритти. Ты не виноват, просто найти обычного человека для нас ничего не стоит... Да попустишь, все нормально. Я скажу толстому, что б он не трогал тебя. Если бросишь это дело, вообще больше нас не увидишь, и в любом случае никто не тронет твою семью. Обещаю, даю слово, чин-чин-ру, клянусь, что не совру. Мир?

Ретро думал. Нож Ласочки лежал рядом с ножнами. Такой острый. Такой бесполезный. Словно придуманный.

Он молча протянул вверх бутылку-черепа.

Глава 9. Корни

Выяснилось, что я чертовски давно не выбирался из города в сторону Побережья. И то сказать: местные очень не любят, когда кто-то шляется рядом со Стеной без местной прописки. Чужаков останавливают еще у Предместий и «теряют» их, потому что Предместья — это гигантский комплекс тепличных огородов и ферм, где выращивается зелень и мелкий скот. Здесь царствуют крепостные, они же черностоповцы, и стража, которая из этих крепостных набирается. Неприветливые ребята. Слово «быдло» для них не подходит: оно слишком мягкое.

Единственная задача черностоповцев — растить жратву для цитаделей. Задача эта не менялась веками, так что фермеры действуют и живут по законам Предков. Это означает, что они слегка дремучи: могут завалить, если попытаешься сфотографировать что-то или просто сорвешь яблочко. И не нужно обманываться тем, что крепостным не выдают огнестрельное оружие...

Они прекрасно обходятся прадедовскими бошколомамами.

Так вот, давненько я тут не был. Нынче огороды не жались к Стене, а выползли далеко вперед, пожирая плодородные прибрежные земли. Во время бурь здесь успело сгнить столько морепродуктов, начиная с водорослей и заканчивая чудовищами, что картошка перла вверх как секвойи, а теплицы разрывало изнутри огурцами. Да, лонгаты любили ковыряться в земле. Настолько любили, что тенебрийцы охотно спихнули на них сельское хозяйство Немоса, подвинув не слишком усердных в этом плане гарзонцев. Это привело к относительно низким ценам на вощи, и еще одном законному поводу к драке между подъездами.

Но хрен с ними с огородами.

Куда больше меня удивила Стена, которая выросла раза в три, и тянулась теперь так далеко в обе стороны, что невозможно было даже прикинуть сколько же земли успел захватить себе Император. Много. Я не думал, что тенебрийцы так разбаловали отсталых: говядина и впрямь творила чудеса! Получается мраморной вырезкой можно оплатить экспансию, и это при условии, что никто не воспринимает всерьез твою армию железноголовых шутов. Ну, блин, и ну.

Грузовик медленно ехал по бетонной дороге, ведущей к ближайшему КПП в Предместья. Мы с Хо немного оклемались, но все еще старались не шевелиться. Два облупленных яйца. Эти ССТ-шники сделали все, чтобы навсегда вписать себя в наши гостевые книги. У меня все тело было в автографах. О, Леди!

Осторожно ощупывая битые задницы, мы с оливкой рассматривали Стену. И было на что посмотреть. Широкие мрачные стяги тяжело покачивались на ветру, бросая мутные тени на железобетонные блоки. На полотнищах золотом были вышиты деревья, нативные узоры и квадратные лица, ополовиненные шлемами. Между полотнищами тяжелели латунные черепа, — каждый размером с баскетбольную площадку, — они угрожающе скалились в сторону Немоса.

Массивные башни выстрелили мощными столпами света: видимо ночная гвардия проверял прожектора. Вслед за этим несколько раз ахнули зенитные орудия и в небе расплылись дымовые кляксы.

Потом где-то затрубил горн и в просветах бойниц показалась вереница неясных фигур.

Через несколько минут в закатном сумраке послышалось пение. Оно медленно нарастало и крепло, словно кто-то не торопясь выкручивал колесо громкости у гигантской звуковой колонки.

...чистые очи Владыки не закроются...

...глядят теплом, радуйся, радуйся...

...все враги в крови умоются...

...дети их прорастут золотым колосом...

...белый хлеб будем есть на поле...

...бывшем поле брани, радуйся, радуйся...

Я машинально смял пончо на груди. Там ничего не было. Семейный золотой круг давно был сдан в ломбард.

— Ты что? — негромко спросила Хо.

— Ничего, — я сам себе удивился. — Моя бабуля пела мне эту песню в детстве.

В этот момент включились проекторы, установленные на вышках в Предместье. На белой громаде Стены забрезжили расплывчатые изображения Круга. Он сменился огнем, в котором закалялся меч. Затем появился лик Императора. Я щепотью коснулся лба, губ и пупка.

— Все враги в крови умоются.

Хо во все глаза смотрела то на стену, то на меня. Лыба у нее была до ушей. Она была уверена, что я пытаюсь ее рассмешить, но мне было не до шуток. Я как будто отошел покурить за угол, пока моим телом управлял почти незнакомый человек в черной рубашке и шароварах. До этого я почти с ним не встречался, и в этом не было нужды. Однако теперь он вышел из своей альковы и мягко отстранил меня от руля.

— Не отводи взгляда от верного скота твоего.

Суровые глаза смотрели на меня осуждающе, но в то же время покровительственно. Как на сволочь, которую еще можно образумить.

Грузовик остановился у КПП. Несколько стражников уже вышли из сторожки, и теперь облепили кабину, взобравшись на подножки. Буквально через несколько секунд они оставили нас в покое и забегали как будто им кипятка за шиворот плеснули. Двое даже столкнулись в дверях, так они хотели сообщить о нас куда следует. Но этого не потребовалось. За сетчатой оградой предместья я заметил вереницу встречающих: несколько автомобилей и десятка два всадников. Машины сигналили, а всадники разгоняли плетью зазевавшихся крепостных. Те нехотя выходили из религиозного транса и прыскали в стороны вместе с напуганными курами и одуревшими от шума котами.

Ворота армейского образца с грохотом отъехали в сторону.

— Выбира-а-айтесь!

Это была Полина. Голос ее был усталым до невозможности, но от своей дурацкой привычки растягивать гласные, она отказаться не могла.

Я кивнул Хо. Та раскопала спрятанную в хламе сумку и вопросительно взглянула на меня.

— Понятия не имею, — ответил я. — Отдадимся на волю судьбы. Нас так отмудохали, что я сейчас даже до туалета не добегу вовремя. Не то что сопротивление оказать.

— Ладно, придется мне драться за двоих в случае чего, — невозмутимо ответила олива. — Измельчал мужик.

— Это ирония такая? — я пробирался следом за ней, пытаюсь отобрать сумку. —

Потому что... Ваши мужики реально измельчали. Или ты про меня?

— Наши мужики нормального размера!

— Да?

— Они оливо-размерные, сколько раз тебе повторять? — сварливо поучала Хо, глядя куда-то вниз. — Я говорила про обычноразмерных. То есть про тебя. Ты измельчал.

— А-ха.

Несколько мужчин в черненых кольчугах и длинных расшитых юбках поставили нам лестницу.

— Вы можете передать груз нам, — сказал один из них.

— Жопу тебе не передать? — спросила Хо.

— Кхм, — неуверенно прозвучал мужчина.

— Разойдитесь! — приказала Хо. — Иначе мы никуда отсюда не выйдем.

— Да! — крикнул я из тылов. — Мы вооружены.

Лучше бы я помалкивал, клянусь Леди. Ребята в юбках как-то нехорошо зашевелились.

— О плети мои, святые плети! — запричитала Полина чуть шепелявя. — Родные мои, вон отсюда. Уйдите, уйдите. Мы немного перенервничали пока ехали, так что садитесь-ка обратно в авто. Я сама все устрою.

Спецслужбы повиновались беспрекословно. Тогда мы увидели Викторович-Ягузарову во всей красе. Схватка с агентом для нее тоже не прошла бесследно. Левый глаз заплыл до отказа, губы кровоточили, а в прекрасных волосах застыло что-то липкое и бурое.

— Барыня, я настаиваю! — крикнул кто-то нам невидимый. — Вы ране...

— Молчш-а-ать! — грянула Полина и топнула ножкой.

Я хрюкнул.

— Четвертую, затравлю псами, отравлю яведой, яйца в кипятке сварю!

Я не хрюкнул.

— Сволочь, — поставила точку барыня. — Ну слезайте, слезайте, мои герои. Ах, как вас потрепало!

Когда мы оказались на земле, Полина бросилась на нас, каждого обняла и расцеловала. Было больно, но... Приятно. Мне, во всяком случае. Даже разбитые, ее губки были что надо.

— Пойдемте, пойдемте, теперь все будет хорошо.

Мы с Хо взяли каждый по лямке и последовали за ней. Встречающих было человек тридцать, и все смотрели так, словно дорогие гости непростительно далеко удалились от помоек. Городские варвары. Суший сброд! С этими мыслями были согласны даже лошади. Чувствуя настроение своих легко бронированных всадников, кони подозрительно фыркали и принюхивались. Стоячие уши нервно трепетали.

Полина усадила нас в свободную тачку, украшенную золотом и серебром. Не знаю, что за модель это была изначально, но местные умельцы превратили ее в современную карету. С бархатом, багровым деревом, статуэтками животных и различными инкрустациями. Была бы у меня отвертка и немного времени наедине со всем этим богатством...

Водитель был ухоженным парнем лет тридцати, бритым, надушенным и опрятно одетым. Его двуцветная рубашка была расшита птицами и какими-то длинноухими животными, похожими на кошек.

— Добро пожаловать, барыня, — он говорил на славском.

— Здравствуй, Григорий, мой Заяц! Я вернулась!

— Слава Велесу. Я гляжу ССТ сделали все что могли. Новый макияж тебе совсем ни

идет, Полли.

Скулы Григория напряглись от злости, потом они с Ягузаровой легко расцеловались. Похоже это было традицией коренных славов. Городским не очень нравились чужие слюни. Полина что-то быстро и горячо рассказывала Григорию, поглядывая на меня с искорками в уцелевшем глазу. Парень в ответ поочередно приподнимал брови.

В окно я успел заметить водилу, которого мы успели затолкать в кабину, когда драпали. Он сидел рядом с воротами на раскладном стуле, и покорно подставлял голову людям в белых накидках. Вид у него был очумелый. Стало чуть получше, когда со стороны КПП к нему ровным шагом подошел стражник и сунул в мозолистые руки кувшин. Водила автоматически принял посуду и жадно присосался к ней. По широкой груди потекли красные ручейки. Слава Леди, теперь это была не кровь, а обычное вино.

— Гляжу с хозяином грузовика все в порядке, — заметил я.

— В порядке! — Полина расхохоталась. — Если бы он не оклемался и не вытащил монтировку из-под сиденья, мы бы доехали только до казематов тенебрийцев. Это был такой элемент неожиданности! Зелененькая очень удивилась, когда ей прилетело по хребту от этого «труп». Он ведь был неподвижен! И весь в крови. Я дала ему денежку и приказала полечить.

— Да уж, — подтвердил я. — Он заслужил.

— Вы были правы, когда решили взять его с собой!

— А-ха. Хорошие дела вознаграждаются.

Тем временем наш Григорий плавно развернул машину. Всадники синхронно гарцевали, красуясь перед хозяйкой и друг другом. Колонна перестраивалась для обратного пути. Хо прилипла к окну.

— Не хотят ли гости выпить? — спросил Григорий ясным голосом. Низкая тенебра давалась ему без намека на акцент. В отличии от странного оканья Полины. — Табачку? Шоколад для барышни?

Барышня так прилипла к окну, что не услышала даже слово «выпить», какой уж там шоколад. Она зачарованно смотрела на молящихся черностоповцев, столпившихся возле барачков. Фермеры окоченели в коленопреклонных позах и смотрели на Стену. Каждый: старики, дети, даже, по-моему, собаки, держали перед собой Круг. На бечевке, на цепочке, куске рыболовной лески. Круг — символ неделимости, великое целое, ведь не может быть ничего надежнее и понятнее круга. Семейный круг. Круг друзей и знакомых. Круг обязанностей. Солнце — окружность. Все самые важные отверстия в организме — тоже. Через темя, — круг, помните? — боги вдыхают жизнь в человека, через нее же высасывают обратно. А корона Императора? Круг. Круг. Круг. Туда же: лоб, рот, живот. Простая линия для самоблагословения.

На нем можно изобразить или написать все, что угодно. Главное, чтобы форма оставалась прежней.

— Я бы промочил горло, — сказал я. Потом вспомнил, что начинается самый опасный и ненадежный этап, и добавил: — Чего-нибудь безалкогольного, если есть.

— Кваз! — тут же сказала Полина.

Она рассматривала свое распухшее лицо в зеркало на потолке. Без особых, впрочем, истерик.

— Вам нужно выпить квазу. Он прекрасно утоляет жажду и бодрит.

В подлокотнике между мной и Хо открылся маленький холодильник.

— М-м, недурно, — я почавкал. — Как будто хлебная газировка.

Григорий тут же принялся рассказывать мне как этот исконно славский напиток полезен и легок в производстве. Я потягивал кваз и тоже смотрел в окно. Меж посадок и теплиц пролегали хорошо убранные «улицы», по которым ходили женщины в черных балахонах. В руках они держали большие керамические блюда, из которых люди брали вымоченный в вине хлеб. Отличный десерт на ночь, как по мне. Разумеется, эта приятная закуска имела куда более глубокое значение, но я успел забыть какое. Рассказы моей бабули... Все это было так давно. Как минимум одну клиническую смерть назад.

— А почему все носят фанерки на груди? — спросила Хо. — Как нищие.

— У лонгатов есть такая поговорка, — отозвался водитель, — «бежать пока ветер без камней». То есть, благоразумно отступить, если обстоятельства складываются не в твою пользу. В эпоху бурь ее понимали буквально. На Лонге ветра были такие сильные, а почва настолько поражена эрозией, что летящий мусор мог сильно покалечить или даже убить. Это сильно повлияло на культуру личных доспехов. Не только рыцари носили латы, простолюдинам тоже приходилось выкручиваться и продумывать защиту. В основном они пользовались переносными щитами, но часть мастеров занималась выстругиванием полноценных доспехов из древесины. Те, кто не мог позволить себе и этого, связывали вместе ветки, кости, лозу. Сейчас необходимость стала обычаем и в практическом плане деградировала до простого атрибутизма. Проще говоря, фанерки символизируют нагрудник. Кроме того, на них принято писать имя, род, занятие и прочее. Вроде небольшой социальной анкеты.

Хо слушала раскрыв рот.

— Ну, дорвался до свободных ушей, умник, — шутливо проворчала Полина, ощупывая прикус. — Сволочь, зуб выбила. Ну ничего! Теперь есть повод присмотреть новую челюсть.

Ягузарова засмеялась. Похоже она никогда не унывала.

— И они живут так всю жизнь? — услышал я голос Хо. — Всю жизнь?

Полина вздохнула.

— Да им везет, — неожиданно продолжила олива. — Труд на свежем воздухе, с растениями и животными. Настоящая мечта для работницы. Магазинов вот только нет. Где они берут алкоголь?

— Гонят сами, разумеется, — объяснила Полина. — Яблочная водка у этих дармоедов получается такая, что ее тайком пьют некоторые дворяне. Я вот, например.

— У Прялова недавно была пирушка, — доверительно зашептал Григорий. — Подавали яблочную под видом Императорского Аперитива. К главным блюдам никто не притронулся. Все только выпивали и закусывали тем, что под рукой было. Упились так, что стрельцам пришлось запереть зал, пока все не уснут.

— Какая свинья, этот Прялов, — с отвращением откликнулась Полина. — Когда уж вернется Злобин, я все ему расскажу. Взял себе наместничка! В хлеву есть более достойные кандидаты.

Они снова говорили на славском, так что я не понял ни слова. Я смотрел на женщину удивительно похожую на мою мать. Она тоже была тучной от пожирания картофеля и с застиранным платком на плечах. Крепостная угрюмо жевала винный хлеб и косилась на благородных. Поймав мой взгляд, она приподняла руку, и я, опережая ее действие, помахал в ответ. Женщина оттопырила большой палец и провела им по горлу.

Я тут же сосредоточился на квазе и красном потолке.

У Полины зазвонил телефон. Она коротко поговорила с кем-то, чертыхнулась, и приказала остановить кортеж. Насколько я понял, ей зачем-то понадобилось пересесть в головную машину. Ну что ж, это не повод начинать беспокоиться. Ну не могут же они облажаться у себя дома!

Пение прекратилось. Начали бить набаты. Гремели они так, словно предупреждали: если солнце тотчас не сядет за горизонт, они за себя не ручаются. О, да, бом-тили-бом! Если этот наглый фонарик задержится в небе еще хоть на минуту, набаты просто выйдут из себя. Господа набаты дадут ему таких пиздюлей, что наверху останется огромный фингал и больше ничего.

А люди тем временем вставали с колен и одобрительно хлопали друг друга по плечам и ягодицам. Прошел еще один рабочий день. Вполне успешно. Никто не попал под косу соседа, никого не цапнула ядовитая змея. Строппи наступил на гвоздь, но ему уже отрубили ногу, так что заражения быть не должно.

— Пожить бы тут месяц, — сказала Хо. — Подышать землей.

— А уж чем ты будешь дышать в бараках, — пробормотал я.

— Думаешь ты лучше пахнешь вечером?

— Я могу завести ведро рядом с кроватью, если ты хочешь добиться полного погружения в атмосферу.

— А еще неплохо бы запустить в постель клопов и вшей, — подсказал Григорий.

— Отличная мысль.

— Я шучу, — по ушам парня я понял, что тот улыбается. — Мы обрабатываем бараки. На самом деле там довольно чисто. Я сам однажды ночевал в таком по долгу службы. Главное — сгрести под себя побольше соломы, иначе спина заболит.

— Да пошли вы, — фыркнула Хо.

— Вы молоды, барышня, — примирительно заговорил Григорий. — Вам кажется, поиск нового — сам по себе наполняет жизнь смыслом. Но лучше сразу уяснить, что не всякий опыт полезен. Далеко не всякий. Про солому я тоже пошутил. Союз цитаделей оборудует Предместья с уважением к труду этих людей. Конечно, думать им не полагается, так что на чтение книг по-прежнему действует мораторий.

Григорий прокашлялся и произнес:

— Если любишь ты сынишку, то сожги скорее книжку. Коли бережешь ты дочь буквы все из дома — прочь.

— Вы же несерьезно? — олива оторопела.

— Абсолютно серьезно, — возразил наш водитель. — Именно поэтому, я бы не советовал вам ночевать с крепостными. Эти люди понятия не имеют, что вы — такой же человек, как и они.

— А кто же я тогда?!

— Да хотя бы... Гоблин?

— Кто, блин?

— Если верить мифологии бриттов, коих тут очень и очень много, гоблины — это такие злобные зеленокожие существа, живущие в загаженных пещерах, — любезно пояснил Григорий. — Они всеядны, вплоть до того, что пожирают помет летучих мышей. Однако в основном предпочитают красть людских младенцев. Гоблины обожают нежное мясо и мягкие косточки.

Я расхохотался.

— Нет, на детей у этого гоблина аллергия.

Хо закрыла глаза.

— Или ведьма, — продолжал Григорий. — В целом вы подходите под описание. Я вижу, как вы внимательно все разглядываете. Такой взгляд у чужака здесь считается не просто неприличным — угрожающим. Вы можете испортить скотину или сгноить урожай. А это... Ну, скажем так, лучше вам сожрать младенца на глазах у всего Предместья, чем быть заподозренной в порче урожая. Философия крепостного-фермера содержит концепцию превосходства плодов растений над плодами человеческими. Каждый работник обязан вырастить вдесятеро больше, чем он съел. И за эту идею они готовы умереть. Это глубоко личные переживания, сродни всепоглощающей любви между землей и человеком. Не могу не отметить так же прекрасное состояние вашей кожи и чудесную фигуру. Прошу понять меня правильно, господин де Хин...

— Мы не женаты, — усмехнулся я. — А комплименты она любит, хоть и делает вид, что ей на все фиолетово.

Хо свирепо глянула на меня.

— Я хотел сказать, что барышня явно еще не ходила с животом. В ее-то прекрасные годы, идеально подходящие для вынашивания. Непорядок. Более того — скандал. В общем, как бы парадоксально для вас это не звучало, но право быть здесь нужно заслужить.

— Хорошо, хорошо, — завопила Хо. — Я поняла. Мне двадцать, и я баба. Ничегошеньки не знаю, но пытаюсь везде сунуть нос. Добрые намерения сами по себе ничего не стоят, и пока у меня не будет коросты на жопе и десяти работающих детей, мне тут не рады.

— В точку, — откликнулся Григорий.

Я хмыкнул, и тут же скривился от боли.

— А про него ничего не скажите мистер славский умница? — Хо кивнула в мою сторону.

Затем она вытащила из холодильника бутылку минеральной воды и шумно ее выхлестала, не уронив не капли.

— М-м-м, — Григорий отвлекся. Впереди дорогу перебежала отара стриженных овец. Вид у них был глубоко несчастный, как и у любого налогоплательщика. За ними неторопливо прошла белая собака с черной головой. — Про господина де Хина? Отступник, сын отступника, внук отступника. Потомок графа Поля де Хина. Упомянутый граф был уникалом в своем роде. Создал хорошо известный прецедент, когда старшему крепостному за его успехи даровали дворянский титул. Впрочем, это было время правления франкского сеньора Альфонса Третьего, большого демократа и любителя овощей, в том числе картофеля. Когда Поль Хинье был простым агрономом, ему удалось вывести сорт картофеля, который сейчас называется «бычьим сердцем». Большие крепкие плоды с алой тонкой кожурой. Как он великолепно жарится! Безумно вкусно. Так вот, за этот подвиг на ниве селекции, Альфонс Третий возвысил Поля и даровал ему герб собственного... дизайна.

— Дракон обвивающий клубень, — сказал я.

— Именно так. Тогда это вызвало бурю негодования и чудовищное сопротивление франкского дворянства, но им достаточно было месяц-два полакомиться «бычьим сердцем» и знать стала привечать новоиспеченного графа. К сожалению, его род таки сгинул. Точнее полностью запятнал себя отступничеством, и потерял все привилегии.

— Да, — протянул я. — Прапрадед серьезно нас подставил. Откуда вы все это знаете?

— Ну вы же не думаете, что я простой водитель, господин де Хин.

— ИР?

Григорий только вздохнул, пораженный бестактностью вопроса. ИР — Императорская Разведка. Ребята напрямую подчиняющиеся только Его Императорскому Величеству Марку Данию Решительному.

Хо вдруг зарыдала. Без всякого вступления она завывала как мать, которой пришла похоронка на всех пятерых сыновей. Плюс записка от дочери, сбежавшей с рядовым ГО-шником.

— Ушастая, да ты что? — я приобнял ее. — Успокойся, он нас не пристрелит за глупые предположения. Ведь не пристрелишь, Григорий?

— Можно просто Гриша, — ответил тот. — Конечно нет. Барыня, ну что вы в самом деле? Хотите сладкого?

— Ей надо бухнуть.

— Не хочу я... — минутный всхлип. — Я хочу детей! Много детей!

А, вот в чем дело.

— У нее муж умер недавно, — выдохнул я. — У олив от этого портится настроение.

— Прискорбно, — посочувствовал Гриша. — Вот фермерские вдовы очень радуются, когда их муж ложиться прямо. Их содержат всей общиной, можно не работать до конца жизни.

Олива взревела и бросилась на меня с кулаками.

Мне повезло, что до этого ее минут десять непрерывно били. Хо быстро выдохлась, и в изнеможении заснула у меня на коленях, как это часто бывало на попойках. Я ласково погладил ее по ядовито-красным волосам.

— Это было странно, — сдержанно высказался Григорий. — Честно говоря, оливы всегда казались мне интереснее других человеческих существ. Гарзонцы — темнокожие люди. Фуги — люди низкорослые. Тенебрийцы — наоборот, переросли изначальную форму. Насчет аквитаников — сложно сказать, да и добро с ними. А оливы... Они как будто совсем другой вид, отличный от нас.

— А какая форма была изначальной? — спросил я, не понимая, что он имеет в виду.

— Нечто усредненное между традиционными расами. Без кошмарного полового диморфизма, как у олив.

— Это что?

— Разницы в размерах между мужчиной и женщиной. И методом зачатия.

— А-а-а.

— Эта их мифическая «болезнь», — продолжал Григорий, — столкнула огромную популяцию людей в ров с нечистотами. Довольно поганая ситуация, на мой взгляд. И ладно бы только это. Вы знаете, де Хин, что во время реколонизации, остроухие дамы вышли к тенебрийцам с миром? Однако гарзонцы, будучи военной силой колонистов, провели параллель с морским народом, который на тот момент уже изрядно проел им плечи... И открыли огонь. Они ведь не знали, что оливы — разумны. Скованны родоплеменным строем и дикарским образом мышления, однако обучаемы, в отличии от рыболодов. Ну вот и получилось, что гарзонцев до остервенения достал морской народ, а тут на встречу выкатился еще и лесной. Сработала привычка убивать всех, кто не носит штаны. Я это к чему... — Григорий закурил, выставив локоть в открытое окно. — Нам очень повезло.

— А-ха?

— Очень повезло, — повторил парень. — Людям, которым не надо постоянно

доказывать, что они таковыми являются. Людям, у которых есть родина и нос. Так что поднимите его повыше, а то у вас лицо как будто это не вы сумели отделать оперативников ССТ. Мои аплодисменты, кстати.

Я кивнул, с видом вовсе не веселым. Никогда не задумывался о том, как Хохотушке должно быть тяжело думать обо всем этом. Мы говорили о проблемах некоего Самары де Хина, о проблемах Якоба, но, когда дело касалось изнанки ее души, Хо всегда отшучивалась или меняла тему. Иногда мне казалось, что она вообще ни о чем не беспокоится, и в конце концов я привык так думать. Если выберемся отсюда с деньгами, обязательно куплю ей что-нибудь повкуснее Доступной.

— Может все-таки выпьешь? — Григорий по-свойски перешел на ты. — Холодного. Клянусь Велесом, я пропотел как скотина, *в трусах шуки плавают*. Думаю, тебе сейчас не лучше.

— Нет, — с гигантским усилием воли возразил я.

— Боишься, что мы тебя обманем? Напрасно. За тебя сказала Мерелин.

— Кто?

— Верховная волшебница франков.

— Волк?

— Так вы их называете.

— И что же она сказала?

— Вежливо предложить тебе выпить, но ты все отказываешься, — усмехнулся Григорий.

Я поразмыслил. Плевать мне было, кто такая эта Мерелин, да и сказать она могла что угодно. Она же не Император, и даже не Лорд. Меня больше успокаивало то, что нас до сих пор не выволокли из машины и не затоптали копытами. Даже доспехи отобрать не попытались. Можно было бы и пропустить стакан в такой теплой доверительной атмосфере, но я чувствовал, что именно сейчас должен проявить дисциплинированность.

Я взял еще одну бутылку кваза. По-моему, там пузырилось градуса два-три.

— Так ты по этому такой разговорчивый? — спросил я. — Потому что эта волчица большой авторитет?

В моем словаре повсеместного дилетанта это можно было бы назвать «прощупыванием почвы».

— Что? Ха-ха, нет. Мерелин, это скорее местная шутка, реликт. Просто ты мне нравишься. Понравился, как только разошлось видео. Мы, славские сорвиголовы, очень уважаем воинскую удаль.

— А, — я провел ладонью по щеке. — Я уже не воин. Теперь я шакал, падалыщик.

— Шакал вряд ли стал бы сражаться со стаей псов, — возразил Григорий. — Впрочем, согласен, я действительно оставляю слишком много комментариев, в то время как мы приближаемся к воротам Третьей Сестры. Да установится молчание благоговейное.

Я опустил стекло и высунулся из окна. Клянусь леди, издавека я не мог оценить то количество понтов и труда, которое в эту великанскую калитку было вложено.

И чем ее только не обложили. И сверкающими камнями, и золотыми вставками и эротической резьбой, изображающей полураздетых нимф с титьками наголо. Древесные корни оплетали нимф вместе с героически-мускулистыми мужчинами. Последние грудь стыдливо прятали, зато клинки их были обнажены и устремлены вверх. В смысле, настоящие клинки, стальные. Вся эта неадекватная толпа окружала титанических размеров женщину в

раздутом ветрами платье. На устах ее застыла снисходительная улыбка, по плечам струились украшенные металлом волосы, а глаза... Глаза внимательно изучали подступы блестящими объективами, похожими на гроздь лягушачьей икры.

— Нужно выйти из машины, — без удовольствия сообщил Григорий. — Барышню Хо тоже придется... Продемонстрировать.

— А-ха.

Ну что за хрень? У меня даже сопли были в синяках, а теперь еще приходилось шевелить эту спящую красавицу. Выгрузка заняла время. Хо взмыкивала и норовила влупить мне по морде. Кое-как я выволок ее из салона и взял на руки. Олива раскрыла один глаз и сказала абсолютно ясным голосом:

— Господи, Самара, какой же ты уродливый.

Глаз закрылся.

Я как раз подумывал, а не бросить ли мне эту оливскую вонючку в пыль, как «Третья Сестра» соизволила взглянуть на нас. Сетка зеленых лучей ощупала двух проходимцев из города, и всех, кто этих проходимцев сопровождал. Объективы с жужжанием сузились, как бы заподозрив нас в укрывании книжек, но по скучающему лицу Григория можно было предположить, что процедура не вышла за пределы штатного режима. Раздался короткий гудок, и ворота дрогнули. Стражники на вышках справа и слева облегченно зачесались. Я был чертовски рад, что их винтовки остались на спинах.

— Такое я видел только на секретных объектах Медика Шентия, когда полгода служил в охранке, — сказал я после успешного возвращения в прохладный салон. — У вас тут тоже над людьми опыты проводят?

— За всех говорить не буду, но надо мной постоянно ставят различные эксперименты, — сказал на это слав.

Многотонные створки открывались внутрь с плавностью стекающего со стенки плевка. Признаюсь, я затрепетал. Никогда в жизни мне не приходилось даже мечтать об экскурсии за Стену: присутствие Империи здесь на Немосе сохраняло сказочный флер, неосязаемость мифа. Отступники говорили о Побережье затаив дыхание, словно касались чего-то глубоко личного. Маленькой пыльной святыни. Во всяком случае этим точно грешили дряхложопые старики под тридцать вроде меня. Лонгатская молодежь, что естественно, просто делала бабки, и смешивала кровь Предков с запрещенными веществами и семенем остальных рас.

Прекрасная дева аккуратно разделилась пополам. Когда просвет стал достаточно широким, я увидел сложный многоуровневый блокпост, стальное ограждение, еще вышки: все это мы миновали почти без задержек. Единственная дорога вперед вела к гражданским кварталам.

Я выглядывал из окна, словно любопытный пес.

В сумраке дремали трехэтажные виллы с желтыми стенами и горбатыми черепичными крышами, над которыми реяли воздушные змеи в виде драконов и прочих крылатых тварей. Твари, в свою очередь, провожали заходящее солнце, а уже то — красило в алый цвет трубы, башенки, флюгера, и посылало последние «пока-пока» в мои усталые глаза. Все были при деле. Кроны всамделишных деревьев оттеняли широкие улицы, по которым неторопливо разгуливали коровы, украшенные венками и разноцветами блюдами...

Выглядело это все уютно, хоть и непривычно. В отличии от толпы, загородившей въезд в город. Толпа воспринималась в точности до наоборот: привычно и совершенно недружелюбно. А я почему-то решил, что мы прибудем незаметно.

— А какого хрена? — воскликнул Григорий в полный голос. — Откуда... Блять! Ну... Прощения просим!

— Так быть не должно? — моей догадливости можно было только позавидовать.

Слав не ответил. Все и так было ясно, чего уж там. Очередной форс-мажор пахнувший задницей. Толпа встречающих была пестрой как ядовитые конфеты из Мимомаркета. Платья и костюмы старались перекрыть друг друга немислимым покровом и скоморошьими надстройками. Как-то: воротники из перьев и драгоценных шкур, безразмерные наплечники в виде крепостей, пояса размером с магистраль, идиотские штаны с конскими гульфиками и куполообразные юбки с форточками. Я мог бы поклясться, что в эти окошки кто-то выглядывал, но мне и без острого зрения становилось не по себе.

В то же время, по краям этого сборища я видел группы современно одетых людей, которые выдерживали дистанцию с фриками. Я бы на их месте действовал аналогично. Григорий ругался сквозь зубы на славском. Его русая шевелюра вздыбилась сама по себе, а большие круглые уши покраснели. О, — подумал я, — интриги! Драть бы вас всех. За бабки и Хо я порву любого, кто посмеет сунуться к машине. Даже если его гульфик будет царапать землю.

Кортеж замедлился. Маневрами и не пахло. Зона между стеной и городом была застроена дотами, изрыта окопами и щетинилась противотанковыми ежами. То ли коренные лонгаты были параноиками, то ли кто-то таким образом осваивал бюджеты на мнимую оборону от мнимых врагов. Ну кто в здравом уме мог бы напасть на Побережье? Мне кажется, если председатель КТ испортит отношения с Империей, результатом станет полное исчезновение мраморки из готок в тарелках тенебрийцев. А это тянет на мгновенное смещение с поста, с последующим превращением преда в подарок для Императора.

Ядовитые конфетки неумолимо приближались. Стало хорошо видно, что большинство из них носят вычурные маски. То анатомические, то каких-то демонов или животных. Преобладали, разумеется, рогатые головы с тяжелыми бровями и кольцами, забитыми в ноздри. Вот, клянусь леди, если б не ситуация, я бы решил, что это какая-то банда наркоманов-велосипедистов из Радуги. Там было полно таких сумасшедших.

Кортеж остановился. Полина резко вышла из машины, не дожидаясь парней в вороненых кольчугах, и встретил ее дружный презрительный гул. Григорий вышел следом. Он подошел к подруге, закурил по новой и сунул руки в карманы.

— Немедленно разойдитесь! — крикнула Ягузарова. — Это противозаконно, находиться так близко к укреплениям! Пойдете под суд. Все вы!

Ответом был смех надменный до такой степени, что был, по сути, прямым оскорблением. Чуть более шадящим, чем удар туалетной тряпкой по лицу.

Григорий вернулся к машине и встал рядом с открытой дверью: это я решил подышать воздухом Империи.

— Франки, — констатировал парень, словно расписывался в собственной беспомощности и одновременно называл дерьмо — дерьмом. — Велес знает, что они задумали, но ты не волнуйся. Все решим.

Я вспомнил как Полина назвала моих предков по матери, и решил, что лучше бы мне говорить всем, что я чистокровный гот. Когда одна половина родственников — вымершие неудачники, а вторая — ребята в масках быков и с воображаемыми метровыми членами, становится неловко пить с нормальными людьми.

— Ни одного солдата, — продолжал Григорий со свирепым удивлением. — Они убрали

дежурный гарнизон с участка. У нас тут вообще-то проводятся постоянные учения и дежурства на случай... Обычный армейский долбоебизм, короче говоря. А теперь — пусто!

— И что это значит? Слушай, мне и так уже от кваза икается. Я сейчас начну стрелять по гульфикам. Сначала в середину, предупредительные.

Григорий согласно фыркнул. Затем он, как личное оружие, выхватил из кармана продвинутый телефон, помолился над ним, и приложил к уху. Полина, отключив круглую попку, наполовину залезла в машину и что-то там выискивала. Судя по нервозному движению — ручной пулемет. Лицо «не просто водителя» было мрачным как у старого вдовца. Он молча слушал неразборчивый голос собеседника. Глаза его стекленели: их сковал мороз как у человека готового убивать. Для полной картины озверения не хватало только удлиняющихся клыков.

Слав смотрел своими свежемороженными глазами куда-то вдаль, поверх толпы. Среди горбатых крыш и башенок, вокруг глыбы гигантской часовни и даже за прожекторами пожарных вышек, что-то происходило. Солдатская чуйка сразу подсказала мне — пушки. Дальнобойные пушки, которые охотятся за черепными коробками. Я научился чувствовать это сволочное оружие каждым сантиметром своих кишок. Они мгновенно сжимались в нитку, стоило только какому-нибудь лежачему говнюку посмотреть на меня сквозь стекляшку.

Нас пасли снайперы. А может и не только нас, а всех, кто решит «свалить дурака» каким-то неизвестным способом.

— Вы меня достали, — сказал я Григорию, убираясь поглубже в салон. — Имей ввиду, приятель, я прикрепил к доспехам бомбу. Мне только на кнопку нажать и мы все тут отправимся в Шторм. Уберите снайперов.

Тот дернул подбородком от неожиданности. Односторонний разговор закончился.

— Ай да Хин. Нужно запомнить, что тебе сложно устроить сюрприз. Не начинай про бомбы, ворота показали, что у тебя в запасе только единица огнестрельного оружия.

— И я с удовольствием пушу ее в ход. У меня ПТСР, Григорий, мне и без того все время кажется, что люди как-то не так на меня смотрят. То, что вы с трудом контролируете ситуацию в Победе я еще понимаю, но какого хрена меня пытаются пристрелить у вас в прихожей? Вы умеете вести дела или только со стены дристать?

— Это не наши снайперы, — невозмутимо ответил слав. — Угомонись, де Хин, прошу тебя, мы сейчас...

— Хрен знает что! — подскочила к нам Полина.

В руках у нее была винтовка старого образца с какими-то дикарскими зарубками. На прикладе болтался пушистый рыжий хвостик.

Глаза Григория округлились.

— Ты совсем сбрендила? Убери пушку.

— Помолчи, Заяц! Я этих шутов перестреляю по одному, если они сейчас же не уберутся!

— Нам дали инструкции...

— Почему у нас всегда есть какие-то инструкции, а у франков — нет?!

— Потому что у него есть Сама Знаешь Что.

— Да он блефует! Всегда блефовал! У Люпана кишка тонка пойти на такое.

Я вмешался.

— Кто это?

— Величайший враг шпанов в истории, — ответила женщина.

— Пол имеет ввиду, что Люп их постоянно пачкает, — пояснил Григорий. — Да ты знаком с ним. Еще с автострады. Сто лет прошло с начала вашей дружбы.

— Этот хер на быке? — уточнил я высунувшись из салона.

— Херочек, — уточнила Полина. — Не понимаю...

Я тоже многого не понимал, но наш ученый совет прервал звук горна. В свете уличных фонарей, стилизованных под факельные гнезда, замелькали тени. К нам шагала большая группа людей. Человек сто не меньше. Все они были одеты в сине-белые хитоны, колготки и благообразные чепчики. Ну просто воинствующие девственники, марширующие на бордель. В руках девственники волокли какие-то чаши, стойки, ограждения и развернутые флаги. Их, как и наш кортеж, сопровождали всадники, на вид — совершенно первобытные. Могучие кони едва переставляли ноги под этими сидячими башнями, навсегда заклепанными в стокилограммовую броню. Темные прорезы смотрели прямо перед собой. Латные рукавицы намертво вцепились в поводья. Возможно, парни давно скончались от обезвоживания, но никто так и не смог стащить их с несчастных лошадок.

Толпа возликовала, а потом потеснилась, давая им дорогу. Иначе их, наверное, втоптали бы в камень, так механически и неотвратимо служки перли на кортеж. Метров за двадцать от нас они остановились. Десяток самых употевших, что волокли гигантский свернутый ковер, расстелили его прямо на дорогу, дав другим возможность выставить золоченые предметы культа. Всадники построились в две прямые линии и замерли.

В центр ковра, словно гигантская улитка, выполз тип в тряпках до земли. К хребту его примотали короткий флагшток с квадратным полотном, изображающим руку, хватающую меч за лезвие. Я так и не понял, то ли это должно было символизировать безрассудную отвагу, то ли тряпка предупреждала, что ее хозяйева не в курсе за какой конец нужно держать холодное оружие.

Снова запел невидимый рожок. За ним ударили трубы.

— Да наступит тишина! — вступил сгорбленный тип. Все стихли. Звучали только тихие шлепки лошадиного навоза. — Кто шел — остановится. Кто остановился — склонится и вострепещет! Грядет явление Люпана Лефрана за прозвищем Рога Империи! Он же Щит Империи. Он же — потомок Людвиг Лефрана Чистого и властитель цитадели Франк!

Ну что сказать, вписать такого человека в книгу контактов на телефоне, задача на целый вечер.

В небе возникли... знамения. Знамения? Скорее аттракцион. Зеленоватые фигуры рыцарей шагали по воздуху, удерживая перед собой гигантские палаши. Их сопровождала странная громовая мелодия, такая, словно призраки вот-вот должны были разразиться молниями. Они образовали в небе правильный круг и вскинули мечи в приветственном салюте. Затем вспыхнул яркий свет, словно рванул свето-шумовая. Я инстинктивно зажмурился, а когда открыл глаза, как раз успел заметить, что среди слуг кто-то лопнул как мыльный пузырь, залепив золотую утварь кровавыми точками.

Е-мое. Я-то подумал, что это какая-то светотехника, но Люпан использовал мелких волков для создания миражей. Да еще как использовал, на полную катушку, до полного перегорания. И никто ведь даже бровью не повел. Ни утерся, ни раздул от страха ноздри. Один парень вроде собирался чихнуть, но в последний момент передумал.

Ковер был безнадежно уделан.

Я видел, как по нему проползла подпаленная Штормом печень, но ее быстро затоптали

каблуком. И все бы ничего, но часть призрачного воинства в небе мигнула и растаяла, посыпавшись острыми звездочками. Вот это, наверняка, был залет так залет. Полина злорадно хихикнула, щекоча себе подбородок хвостиком на прикладе. Встречающие в свою очередь разочарованно вздохнули и загомонили, указывая в небо тросточками, алмазными ногтями и длинными трубками похожими на флейты. Они все были накурены этими флейтами до такой степени, что глаза вылезали из прорезей в масках.

Затем я услышал этот звук. Знакомый звук техномагического жульничества. В этот раз они прогарцевали по небу, опускаясь по спирали. Пару человек встречающих от этого зрелища укачало, и они наблевали на своих ручных крокодилов, безуспешно рвущихся с поводка. Приземление было мягким, но уверенным. Ковер слегка обуглился от выхлопа, но его внешний вид и так уже был испорчен.

Люпан «явился» без доспеха, в роскошном дорожном костюме какого-то дремучего имперского века. С этими кожаными вставками, заклепками и наколенниками, он больше всего напоминал благородного разбойника. Или карикатурного гомосексуалиста. Смуглое лицо, все захваченное черным волосом бровей, усов и бороды, имело вид сучающий и даже рассеянный. Парень как будто размышлял о цвете утреннего стула у себя дома, а не прилетел на встречу с обидчиком используя спину механического быка. Его охранники наоборот были упакованы в железо на сто процентов. Они вели себя прилично, в том смысле, что не пытались взять нас на мушку. И вообще, кажется, не были вооружены.

Все-таки у этого Люпана было чувство меры. Мы и так тут застряли словно утки на болоте.

Конфетки радостно приветствовали его, словно местную рок-звезду. Но когда Лефран приподнялся в стременах, и спрыгнул на землю, наступило благоговейное молчание. Похоже, средний класс вообще не подозревал, что начальство способно передвигаться самостоятельно. Люди сложили руки на сердце и склонили головы.

Наследник цитадели Фран неторопливо прошагал к нам походкой человека дисциплинированного. Он использовал каблуки по назначению, звонко колотя ими по брусчатке. Задумчивые ореховые глаза пристально поглядели на меня, потом зафиксировали присутствие Григория и оценили опасность исходящую от Полины и ее пукалки.

Полные губы тронула слабая улыбка.

Люпан остановился.

— Вы в праве не кланяться мне, гордые славы, — сказал он хрипловато. — Но встречать меня с оружием? Это — оскорбление.

— Добрый вечер, сеньор Лефран, — Григорий согнулся. — Вы нас неправильно поняли. Оружие вовсе не для приветствия. Барыня Полина... — Полина, что б тебя! — занималась чисткой, в тот момент, когда мы попали в эту непростую ситуацию.

Женщина нехотя повесила винтовку за спину.

— Сочувствую вам, — искренне выразился Лефран, разглядывая славку. — Возникли трудности?

— Благодаря господину де Хину мы с ними справились, — резко ответила та. — И не рассчитывали, что нам буду мешать еще и в родных стенах. Что это за парад невменяемости, Лефран? Ваши люди, мало того, что позволяют себе шляться рядом с укреплениями, так еще и препятствуют государственным делам! Адвокаты цитадели Славика свяжутся с вами в течении трех рабочих дней, будьте уверены маркиз!

— Адвокаты цитадели Славика могут поцеловать в жопу всех моих подданных

поочередно, — равнодушно сказал Лефран. — Что же до «парада невменяемости», как вы изволили выразиться, то я скромно напоминаю, что сейчас идет священная неделя Живородицы. Праздник, который известен всем народам Империи. Но только франки в этих проклятых землях еще помнят о корнях и традициях. Люди веселы и пьяны, им интересно кто вы и куда едете, только и всего. А вы что, и правда решили, что я натравил на вас плебс? «Адвокаты цитадели Славика»... — малоподвижное лицо на мгновение исказила гримаса презрения. — Клянусь Девятью, слышала бы вас бабка Регина, барыня Ягузарова. Жалкое зрелище.

Полина мгновенно вспыхнула, оскалив поредевшие зубы.

— Вранье! Вранье и вранье! Побоялся остановить нас солдатами! Настолько навалил в рейтузы, что даже убрал гарнизон с участка, что б не дать никому повода заподозрить франков в открытом разбое! Но. Но! Трусливо расставил стрелков на башнях... Я еще могу поверить, что ты пригнал людей в нейтральную зону обещав им какое-то развлечение. А слуги?! Слуги тоже прогуливались тут со всем этим древним хламом...

И так далее, и тому подобное. На мой взгляд это была совершенно ненужная тирада. Разумеется, Лефран лгал. Лгал обтекаемо и хладнокровно. Даже так: он вежливо вводил нас в заблуждение, чтобы лишний раз не демонстрировать собственное превосходство. Судя по постному лицу Григория и давно копившейся злости Полины, мы были в полной его власти. Никто не придет на помощь, вереща мигалками. Или хотя бы настегивая лошадок.

Дерьмо.

— Полина, Полина! — не выдержал я. — Может мы уже дадим сеньору Лефрану сказать, чего он хочет? Думаю, это как-то продвинет дело. Я хочу жрать, спать, мои ребра похожи на колотый сахар! Хо вообще не понимает, где находится. Клянусь Леди, если вы не перестанете мериться гильфиками, то я тоже свихнусь! Нужно говниться всю ночь — пожалуйста, но тогда побыстрее заплатите мне за товар, и мы свалим на первой же бричке, везущей репу в город. Договорились? Леди, ну и уроды...

Уроды помолчали. Григорий развел руки, как бы принимая мою позицию, и снова поклонился Лефрану. Тот был все так же флегматичен, но я-то видел, что его пальцы сжали рукоять тонкого острого меча. Личный бык маркиза угрожающе посмотрел на меня россыпью стеклянных глазок. Смотри-смотри, только не бодайся.

— Грубая, но вполне осмысленная речь, месье де Хин, — сказал Лефран невозмутимо. — А вы, барыня Ягузарова, имейте ввиду: я проигнорирую ваше поведение, но только потому, что женщин не принято воспринимать всерьез. Вы только что лишний раз продемонстрировали — почему. Что ж, к делу. Я пришел с единственной целью: сделать господина де Хина своим гостем.

— Опять двадцать пять за рыбу деньги, — проговорил Григорий, пока Ягузарова спускала пар. — Месье Лефран! Ну в самом деле, что за сумасбродство, при всем уважении! Ведь вы были на совете Цитаделей по этому вопросу. И спокойно выслушали решение большинства. Мы, славы, как наиболее непредвзятая и нейтральная сторона...

— У меня было время подумать, — перебил его Лефран, властно рубанув воздух ладонью. — И я понял, что не доверяю ни вашей организации, ни славам... Ни представителям Двора.

У Григория отвисла челюсть. Он даже отступил на шаг, но в ту же секунду овладел собой; светлое холеное лицо ожесточилось, глаза выстлало льдом.

— Вы понимаете, что говорите?

— Да.

— Месье Лефран, я в праве...

— Ты в праве валяться в выгребной яме вместе со своей подружкой за подобный взгляд. Ты, славская борзая, тощий пес, переворачивающий носом камни, по которым ступают сапоги людей. Как давно тебя не били по-настоящему.

Я смотрел на владыку. Он не угрожал, не пытался казаться больше, чем он есть. В его голосе сквозила тоска.

— Де Хин пойдет со мной, — продолжил Лефран после короткой паузы. — И ты тоже. Нам нужно поговорить, Белый Заяц. Я знаю, ты честен себе во вред, и можешь оказать влияние на руководство. Может быть вместе мы сможем что-нибудь придумать.

— Я не уполномочен...

— Перестань! — Лефран, наконец, скинул маску холодной рыбины. Оскалив белые зубы, он бросил взгляд в небо, как бы прося помощи у всего мироздания. — Это неизбежно. Никто тебя не спрашивает Заяц. Если хочешь положительно повлиять на ситуацию, делай как я тебе говорю.

Григорий почему-то посмотрел на меня, а не на Ягузарову.

— А жрать дадут? — спросил я громко. — И нужен врач. Только не такой врач как у вас. Настоящий. Без пил и щипцов.

Герцог молча кивнул. Потом развернулся и зашагал к ожидавшему рогатому болвану.

Глава 10. Скучная глава в которой почти ничего не происходит

Пока Ретро обмывал близнецов губкой, менял под ними постельное белье, и внимательно осматривал провода массажной койки, Спотти напористо лезла ему под руку. Заметно было, что девушка не совсем понимает концепцию заботы о беспомощных людях, но энергии там было столько, что Ретро буквально не мог отогнать ее в сторону. Спот приподнимала тонкие безвольные тела, меняла воду в тазике, считала пульс, прыгающий в костлявых запястьях, и заглядывала через плечо.

— Ты можешь хотя бы одеться? — спросил Ретро устало.

— Зачем?

— Я мужчина, понимаешь?

— Поздравляю.

И на этом все. Якоб молча принял поздравления, и решил больше не сопротивляться. В действительности, его проклятый синдром рассеянного внимания, буквально разбил его сегодня на куски. Фитцвиль слишком долго не принимал таблетки от депрессии, но принял сегодняшнюю неудачу близко к сердцу.

Безумно хотелось выпить и упасть прямо в прихожей, головой к двери, что б утром не путаться в направлениях.

— Что?

Героически сохраняя ясность мысли, Якоб аккуратно подравнял ноготь на мизинце Анис, и отложил щипчики.

— Я говорю, «ты спишь тут же»? — Спотти, высунув язык, срезала ногти на правой ноге Вальтера.

— А. Нет. Обычно на кухне.

— Тебя это все раздражает, да? Необходимость быть тут.

— Да шла бы ты в жопу, а? Что это за вопросы? Приперлась без приглашения и пальцами в душу, пальцами.

Пятнистая ехидно ослабила острые звериные зубки.

— Значит раздражает.

Она сдула пылинки с пятки Вальтера, и внимательно осмотрела ножницы.

— Быть безнадежно привязанным к чему-то — очень тяжело. Как вот эти две половинки, связанные гвоздиком. Щелк-щелк. Может быть, по отдельности они могли бы стать неплохими заточками. Возможно, они даже мечтают об этом.

Их разделял угол кровати. Ретро совсем перестал соображать. Он тупо уставился на симпатичную нечеловеческую мордашку. Белые горящие глаза бесцельно резали потолок немигающим взглядом. Они изучали бредовые изображения чудовищ, которых нарисовала Анис, водя испачканными в краске ладонями. Такой же кошмар из глаз, зубов и алых струн покрывал стены. Кое где фрески уже состарились и облупились. В трещины выглядывали обои.

— Меня это не раздражает, — ни с того ни с сего решил защититься Якоб. Ему стало обидно до глубины души. — Отдай ножницы.

Спот с готовностью подала ему инструмент кольцами вперед.

— Это больно, — глухо сказал детектив, смыкая пальцы.

Он пересел к изголовью и принялся подрезать волосы Анис, машинально заталкивая пряди в карман домашних штанов... Хотя рядом лежал загодя приготовленный бумажный пакет.

— Расскажи.

— Что тут рассказывать? Представь себе, что вокруг нет воздуха. А тебе нужно дышать раз в три дня. Не часто, но, если не подышишь — умрешь. На стене твоего дома есть кислородный баллон с маской. Вот только кислород один к одному смешан со слезоточивым газом. Ты жадно вдыхаешь эту смесь, чувствуешь, что жизнь продлевается еще на трое суток, но вместе с тем...

— И как долго ты... Как долго еще дышать раз в три дня? Ты ведь не держишь их в отключке постоянно?

Якоб немного подровнял темную челку Вальтера.

— Раствор закончится через неделю. Еще через пару дней они придут в себя и начнут ходить самостоятельно. И как только это произойдет...

Ретро поводит в воздухе указательным пальцем. По кругу.

— Наркотики?

— Да что угодно. Некоторые вещи мне вовсе не знакомы. Я быстро устареваю, а новая дурь прет из тысячников как с заводского конвейера. Цветной каталог пополняется на десяток страниц ежедневно. Не хотите полистать, молодые люди?

— А почему...

— Хватит, — рявкнул Ретро, но тут же окоротил себя. — Хватит, прошу. Ты хочешь переночевать, иди ночуй. Я очень устал. Не хватало мне еще интервью от тебя посреди ночи.

Спот бесшумно поднялась и потянулась. Ни один хрящик не хрустнул в ее совершенном теле. Якобу вдруг пришла в голову какая-то неожиданная мысль. Он улыбнулся.

— Ты ведь нелюдь, да? Как и твои братья.

Девушка скопировала его улыбку. Кажется, она знала, что у нее спросят.

— Искусственная лягушка из волшебной банки, — Спот приняла кокетливую позу, изогнув тело. — Всего лишь подобие настоящей жизни.

— Тогда зачем тебе... Она настоящая? Можешь не отвечать.

— Ладно тебе краснеть, Фитцвиль. Я отвечу, мне не трудно: туда могут входить, но никогда ничего не выйдет. Наш создатель был мужиком. А мужчины, похоже, не могут создать ничего красивого так, что б там не было дырки для члена.

Ретро негромко рассмеялся. Как это бывает после серьезного упадка сил, он почувствовал легкую эйфорию и капельку оптимизма.

— Выпьем? — предложил он.

— Ну разумеется. Своим коктейлем ты меня только раззадорил.

— Тогда... Подожди меня на кухне. Мне нужно закончить здесь.

Спот кивнула и вышла.

Якоб некоторое время смотрел на своих «ангелочков». Затем он положил свою ладонь на их сцепленные пальцы и поцеловал каждого в лоб.

— Осталось немного, — прошептал он. — Завтра папа все сделает. Обещаю. Мы удем... Далеко-далеко. Там не будет плохого, только хорошее.

Якоб вышел, аккуратно притворив дверь.

— Спокойных снов.

Затем он с отвращением сорвал себя прилипшую к телу жилетку и пошел в душ. Чертова

Спотти израсходовала весь запас горячей воды в дешевом нагревателе, но мыться под холодными струями было даже приятнее. Де Хин закаляется так постоянно. Может поэтому он никогда не простывает? Ретро думал, куда девушка спрятала свои стволы и одежду. На видных местах их не было. Не могла же она все оставить в машине.

Когда Якоб вошел на кухню, то увидел, что пятнистая уже поставила на стол бутылку теплого джинна. Она водила по стеклу пальцем и задумчиво щелкала акульными зубками. Ретро вздохнул и достал из морозилки форму со льдом. Следом пошла заветренная половинка лимона и просроченная бутылка тоника, купленная за гроши в Мимомаркете.

— Надо что-то поесть, — сказал он. — Что вы обычно едите?

— Все, — сказала Спот, отвернувшись от бутылки. — То, что купит Шестерка.

— Шестерка?

— Он... Он тоже из банки, но слегка недоразвитый. Не разговаривает, зато послушный. Может водить машину, таскать грузы. В общем — раб.

— Понятно, — невозмутимо бросил Ретро. — Футболка «Главное — семья», так?

— Ты его видел?

— Мельком. И где он сейчас?

— Спит в машине. Ему там хорошо и привычно. Много журналов и книг.

— И зачем было врать мне насчет этого? Что вас только двое.

— Я не могла выложить все и сразу. Ну кто так делает?

— Ах вот как. А Жирный? Где он?

— Н-ну... В шкафу в прихожей.

— Где?!

Спот улыбнулась, изображая дурочку. Ее ресницы затрепетали, словно затвор пистолета-пулемета.

— Мне некуда было его деть. Шестерка боится его до чертиков, не может долго оставаться наедине.

— Ну так спрятала бы его за мусорными баками!

Девушка нахмурилась.

— Он мой брат. Братьев нельзя оставлять за мусоркой.

Якоб смотрел на нее с выражением самоубийцы встречающего поезд.

— А в шкафу можно?

— У тебя там чисто и приятно пахнет. Ты хороший хозяин.

— Уму непостижимо. Вот так кукушка!

Минуты две ретро разглядывал гнездо, которое Спот соорудила для Бритти. Тот был размером с баскетбольный мяч, и окостенело лежал в узле из плаща и нескольких пиджаков. Выглядел он как что-то совершенно неживое. Тяжелее и мертвее шара для боулинга.

— Он очнется только завтра к обеду. А я уйду на рассвете.

Острые пальчики прикоснулись к твердой пояснице Фитцвиля. Они царапали словно гвозди, однако ясно было, что это не акт устрашения. Спотти пыталась приласкать его. Успокоить.

Ретро повернулся к ней.

— Что за жизнь вы ведете? Вы наемники? Террористы? Просто психопаты? Кто?

— Ты так говоришь, как будто эти понятия не связаны. Всего понемногу. И в разных пропорциях. Бритти, например, психопат-террорист-наемник. А я — наемник-террорист-психопат. А Шестерка — трижды психопат, только тихий.

Ретро почувствовал, что хочет одновременно и задушить эту мерзавку, и прижать к стеночке совсем с другими намерениями. Ну-с, он же хотел остаться с ней наедине, ведь так? Пора ее немного подпоить, пока эта сферическая туша не висит над головой. Так что за дело, Фитцвиль, за дело...

Ну же!

— Нет, — сказал он, отстраняясь от ее поцелуя. — Уходи. Забирай его и уходи. Если у тебя действительно добрые намерения.

Спот напряглась. Она сжала кулаки так, что хрящики все-таки хрустнули в перегруженных пальцах.

— Все, — сказала она. — Ты меня достал.

Девушка отстранила Ретро и схватила гнездо... Но вовсе не для того, чтобы уйти с ним, сверкая голой задницей. Вместо этого лягушка побежала на кухню, где Якоб неделю назад распахнул окно на проветривание. Еще не понимая, что происходит, тот рванул следом, однако успел увидеть только планирующие пиджаки, браво развивающийся плащ и что-то бледное, ядром ахнувшее во двор и покотившееся по стоянке.

Смуглая кожа Якоба посерела.

— Сука сумасшедшая!

Спот визгливо рассмеялась, словно мультяшный чертик.

Фитцвиль накинул сброшенный жилет, сунул пятки в шлепанцы и побежал по лестницам, прыгая через пять-шесть ступенек. Два раза он упал, чуть не разбив колени. Он мчался и мчался, и во дворе, уже огибая машины, под странными взглядами тенебрийцев, отыскал Бритти.

Тот закатился в углубление ливневки, и мирно лежал там покрытый палю и налипшим сором. Но сферическое тельце не расколосось. Ссадин — и тех не было видно. Якоб прижал к нему ладони и понял: теплый, живой. Вот только пульс странный. Не тук-тук, а тук-тук-тик. Тук-тук-тик. Тук-тук-тик.

Вот так орешек.

— Ну что, мой братец проснулся? — Спот выставила вперед левую ногу в черном башмаке Фитцвиля. — Нет? Какой сюрприз. Почему ты не можешь поверить мне?

Лягушка снова накинула чужой халат и выглядела теперь как жена, вышедшая на дуэль с забуддыгой мужем.

— Может потому, что ты мне наврала с три короба в баре? Вы не ради денег гоняетесь за Эхсином. Кто он вам? Для чего нужен?

— Идиот ты, Фитцвиль, — вздохнула Спот. — Ты что не видишь разницы между недоговариванием и враньем, которое может уничтожить твою семью? Да иди ты нахер. Я не обязана тебе все выкладывать, только чтобы не испортить мальчику настроение. Знаешь, в шлюхиной квартире ты показался мне человеком, который не боится ничего. И только поэтому понравился. Ах, я так разочарована.

— Понравился? — Якоб сжал пальцами переносицу. У него мгновенно и жутко разболелась голова. — Вот значит, как молодежь теперь называет попытку располовинить человека пулями.

Детектив схватил Бритти и попытался поднять. Напрасно. При скромных размерах, нелюдь весил как морская мина, кроме того, там совершенно не за что было взяться: декоративные конечности плотно вросли в тело. Мимоходом Ретро заметил, что гениталий у Жирного как будто и вовсе не существовало. Видимо с ним создатель играть не собирался.

— Отойди, — пренебрежительно сказала Спот.

Она привычно подняла мясное ядро, ухватив его каким-то неудобоваримым образом и зашагала прочь. Ретро, стараясь держаться так, словно ничего странного не произошло, пошел следом. Рядом с дверью в квартиру, распахнутой, разумеется, настезь, неуверенно топтался давешний сосед с глазами по металлическому ному каждый.

— Что у вас происходит, Фитцвиль, — спросил он требовательно, но от робости перейдя на «вы». — Я... Я бы попросил вас больше не кричать. Так громко. Пожалуйста.

Он проводил Спот изумленным взглядом, а потом, совсем уж скованно, посмотрел на шлепанцы детектива.

— Больше не будем, — сказал тот. — Даю слово.

Он захлопнул дверь.

Спот сидела на полу, и поглаживала лежащего между ног Бритти. Глаза ее были закрыты. Ретро скинул надорванные сланцы и пошел на кухню. Вернулся он с двумя леденеющими стаканами. Один отдал лягушке, а со вторым уселся напротив.

— У меня пропало настроение, — Спотти поставила стакан на пол.

— У меня тоже, — согласился детектив. — Слишком душно.

— Может просто холодной воды?

— Да. Это будет лучше всего.

Все кружки на кухне были идеально отмыты кроме тех, которыми пользовались близнецы. Это были сосуды, из которых побоялся бы пить даже нищий с двенадцатью разновидностями герпеса. Разумеется, Якоб не трогал их вовсе не из-за брезгливости. В конце концов ему постоянно приходилось подтирать задницы и собирать рвоту. Однако дед надеялся, что в какой-то момент брезгливость возникнет у близнецов, и они поймут во что превращают свою жизнь. Эти кружки были маленьким отражением хозяев.

Спот долго разглядывала их, издавая странные звуки.

— Кажется я вижу там червяков, — сказала она. — Этим я точно не воспользуюсь, будь уверен.

Лягушка взяла чистый бокал и наполнила его водой. Ретро сидел на подоконнике и все тер, тер, тер переносицу сгибом указательного пальца.

— Я постелю тебе здесь, — сказал он. — А сам лягу в ванной. Тут посвежее и всегда можно промочить горло.

— Ты долго еще будешь кокетничать?

— Что?

— Я говорю, сколько еще мне нужно разгуливать без одежды, что б ты занялся делом?

Боль усиливалась. В какой-то момент она стала почти невыносимой и смычок прошелся по толстой басовитой струне. Ретро начал крениться назад, прямо в пространство, куда недавно полетел Бритти. Детектив не пытался убить себя, он просто был в предобморочном состоянии.

— Мои ангелочки, — прошептал он. — Они тоже любят бегать нагишом. Но если они провернут это здесь... Здесь нельзя. Ни в коем случае, слышишь? Анис, я тебе говорю, глуп...

— Ебать!

Якоб пришел в себя и первое, что получил от новообретенного мира — хлесткий удар по морде.

— Да что с тобой не так?! Ты чуть не навернулся с четырнадцатого этажа!

Белые глаза помаргивали от гнева.

— Фитцвиль!

А черные глаза заблестели от накатившего страха и осознания.

Спот криво улыбнулась. Она облизнула губы языком и поцеловала Якоба. Долго и агрессивно. Тот схватил ее за талию и прижал к себе. Его тело наконец завелось.

— Подожди, старикан, — быстро сказала девушка, искусав губы детектива до сукровицы. — Давай-ка сначала отойдем от окна. Ты меня реально, блять, пугаешь. А во время секса ты не вырубись? Вот и на хрена я к тебе попер...

Адреналина в Якобе было столько, что детектив одним движением сграбастал Спот и усадил на кухонный стол.

Он только что чуть не погиб.

Скрипка в голове не играла, если Ретро не чувствовал опасности. Вот как обстояли дела.

— Спот, — прошептал он. — Спот...

— Может ты хотя бы в благодарность за спасение расслабишь мозги и напряжешь что-нибудь другое? А?

Мысль о том, что на лягушке по-прежнему слабо болтался халат Анис, ни разу не пришла Якобу в голову. Ни разу за все двадцать минут. Что ж, для старика, засыпающего на подоконнике, результат был совсем неплохим. И это без учета обещания «больше не кричать», данного Якобом, но вероломно нарушенного Спот. Впрочем, парню по соседству стоило бы сказать спасибо.

После того как они с подружкой, — из чистокровных гарзонцев, между прочим, — полчаса сидели смущенные до неподвижности, оба наконец догадались, что пора уже бросать примерчики и начинать лакомиться самыми сладкими, самыми яркими плодами молодости...

Детектив слышал, как она ушла, но не стал провожать или просить остаться на утренний стоячок. Некоторые вещи просто *должны* были оставаться во вчерашнем дне и никогда нигде больше не фигурировать. Что ни говори, облегчение было гигантским. Херов Бритти. Он даже во сне ему приснился. Волк. В его доме. Рядом с детьми. Яко-о-о-Фитцвиль. Как же ты рассохся.

Ретро с кряхтением поднялся с матраса, разложенного на полу кухни. Он слышал и то, как Спот что-то накарябала на скорую руку. Даже по звукам пера было понятно, что почерк у нее неровный и размашистый. Так и оказалось.

«Лягушке было хорошо», — прочитал он.

Не смотря на обстоятельства, Ретро мог написать бы ей то же самое. Его шея успела позабыть восхитительное ощущение теплого девичьего дыхания. Могла ли Спот в конце концов считаться девушкой? Ну, тело опытного самца врать не будет. Весь нехитрый спектр мужского удовольствия он получил.

У записки был оборот:

«Не падай из окна».

— Хорошо, — сказал Якоб вслух. — Так уж и быть.

Он почесал в паху и прислушался к собственным ощущениям. Половая разрядка и сон определенно принесли пользу. Не одеваясь, Ретро свернул матрас и отжался на кулаках. Потом принял душ и заглянул к близнецам. Все, как будто, было в порядке. А ведь бедные детишки чуть не лишились отца так ничего и не заподозрив. И смех, и грех. Оборотень,

который, — как близиться ночь! — превращается из простого человека — в слабоумного.

Сербая кофе из белоснежной чашки, Ретро черкал на записке Спот.

«Палочники — мимо. Урод. Отличается. Укрытие. Радуга?».

Детектив понял со всей ясностью, что Эхсин, конечно же часть этой банды сумасшедших. Очень опасных сумасшедших. О деньгах, как он уже успел догадаться, речи не шло.

«Гисбуди. Почему? Похищение? Заложник?».

Ну, к примеру так. Изначально их — четыре штуки. Потом Гисбуди похищает одного и шантажирует оставшихся. Например, убирает чужими руками конкурентов, вообще каких-нибудь неугодных людей. Так. В какой-то момент ребята, вконец утомленные квестами, устраивают засаду с целью освободить дружка. И вот тут начинаются вопросы. Что пошло не так? Почему Эхсин сбежал? Читай: как это стремительная и выносливая (проверено) Спот не смогла его догнать? Вмешалась третья сторона? Но где она? Почему Ретро не столкнулся с ней так же, как с нелюдьми? Если не плодить лишних сущностей и следовать бритве вероятностей, ее не существует вовсе.

Дальше.

Почему Эхсин бежал к палочникам? Он тупой как Шестерка? Или у него сформировался так называемый Штрихгольмский Синдром, когда жертва проникается нездоровой симпатией к похитителю? Очень странным выглядит условный факт, что Гисбуди неотрывно таскал его с собой, даже к проституткам. Вот это уже совершенно необъяснимо. Предположим, что палочник не доверял заветного нелюдя (читай, ключ к манипулированию) никому, кроме себя. Но ведь первое же столкновение показало, что Гисбуди самостоятельно отстоять Эхсина не может. Да и с чего бы? Он не волк. Возможно, в окружении палочника были волки? Но ведь гораздо дешевле запереть нелюдя в самом глубоком подвале и самому не показывать носа во избежание ответного похищения. Так нет же, он едет в Новую Победу, подставляется, светит голой задницей в чистом, хорошо простреливаемом поле, и для чего? Обмакнуть член, рискуя нарваться на Бритти? Не смешно. Ни один минет такого не стоит. Ради деловой встречи? Тоже сомнительно. Все можно решить удаленно, какой бы важной сделка не была.

Вывод: Гисбуди просто не осознавал опасности. Но как такое возможно? Это объявление, которое он дал... Можно ли было рассчитывать, что хоть кто-то разберется в этом мутном деле и доставит Эхсина обратно владельцу? Даже за полтинник. Хорошенький элемент неожиданности, да? Ты ищешь человекообразную лягушку, а сталкиваешься с Бритти и Спотти. И Шестеркой. Да будь ты хоть трижды могущественным волком, тебя погубит элемент неожиданности. У них ведь как у буллбоев, побеждает тот, кто первым выхватит ствол.

Даже если б кто-то из ввязавшихся в эту паленую игру преуспел... Какие бы чувства он испытал к палочнику, не предоставившему никакой информации о возможных осложнениях? Подстава была такая, что вместе с деньгами, нужно было требовать у заказчика все пальцы на руках и ногах. Достаточно сильные люди кидалова не прощают. И твои жалкие статусы смертного существа, волновать их будут меньше, чем шкурка кролика, которого следует потушить с фасолью.

Нужно было накопать на этого палочника хоть что-то.

Ретро отыскал телефон и набрал шефу. Несколько раз он попадал то на частную квартиру каких-то Шварцейхеров, то в утренний эфир радио «Восход», где его просили

назвать «первых пятерых жен Адриана Фертинга», но вскоре электронные духи сжалились над ним.

Сэт Холейгула издал долгое «м-м-м», и раскрыл припухшие глаза. Опять жара, опять похмелье, опять головная боль. Да, жалеть себя становится все труднее и труднее. Чисто физически. Еще один вечер алкогольной скорби, и он «протянет ноги до горизонта», как говорят на далекой родине.

Родина.

Как и де Хин, Холейгула никогда ее не видел. Он вылутился на Немосе и был его пленником. Впрочем, белые ели никогда и не манили главного должника. Дела и тут шли погано. Не стоило ехать к акулам, чтобы спастись от щук.

Сэт прижал указательные пальцы к вискам и попытался соединить разъезжающиеся половинки черепа. Нужно, — необходимо! — продержаться хотя бы недельку на родниковой воде.

Дьявол, телефон же звонит. Холейгула перегнулся через край дивана и посмотрел на экран.

— Алло! — рывок палочника был столь резок, что проклятая говорилка чуть не выскользнула из потных ладоней. — Алло! Да! Да, это я.

Звонил человек с Побережья. Они заглотнули наживку и клялись выкупить доспех. Сэт, разумеется, понимал, что клятвы эти штамповались на станках миллионами в день, им даже не нужна была специальная бумага и водяные знаки. Воды и так было достаточно. Хотя, эти психи вроде бы помешаны на чести. Или им выгодно, что б все так думали?

Звонок Хину. Три выкуренные в ящик стола сигареты. Мытье подмышек в специальном туалете для палочников. Господь Гарзонский, только бы Хина не четвертовали. Принц — скользкий червь, но пусть ему попадают только хорошие приметы. Чудовищным риском было отправлять его на чужую территорию, но пора хоть раз сыграть по-крупному... Иначе это вонючее болото окончательно зарастет и свет погаснет навсегда.

Так, а почему в офисе не пахнет кофе? Где Хо? Хоть кто-нибудь еще остался верен капитану Холейгуле?

Восседая на вытянутом, как ладья, унитазе, Сэт понял, что — да, остался. Адвокаты отца. Они снова звонили ему, напоминая, что неисполнение долговых обязанностей повлечет за собой установление процентной ставки. Сэт только беспомощно зарычал в трубку, одновременно тужась. Эти людоеды с механическими голосами всегда выбирали время, когда он был наиболее уязвим и начинали тянуть за крючки. Крючки? Крюки с зубьями, ржавые от крови.

— ...аши действия наталкивают на мысль, что вы не в состоянии...

Сэт, прижал телефон ко лбу, а потом взял себя в руки, и вклинился в этот монотонный зудеж.

— Я как раз занят формированием взноса. Передайте господину Силту, что я пошлю деньги или собственный мизинец в конце месяца.

Он сбросил звонок и принялся злобно разматывать бумагу.

Хо так и не явилась, а телефон ее бормотал машинные извинения. Да черт бы вас всех подрал, банда дезертиров! Дисциплина упала до нуля, и нужно было показательно казнить одного или двух... Так сложно выбрать, кого!

Сэт уселся за стол оливы и выдвинул нижний ящик. Горячего кофе там не было, зато

лежала начатая бутылка бурбона из грязных опилок. Нет! Вместо губельного лечения, Холейгула отправился в кабинет-квартиру Азибо, но там, — о, горе! — шла какая-то планерка на тему украденных из коридора плевательниц. До того душная и безнадежная, что Сэта буквально сдуло обратно в офис. Ясно: хрен ему был, а не кофе. Палочник безнадежно потягивал воду из-под крана и смотрел в окно, когда телефон зазвонил в третий раз за день.

Ретро.

— Ага, вот ты и попался сволочь.

Пауза.

— Я слушаю.

— Вождь.

— Кто это?

«Вот я и попался», — подумал Ретро с той стороны.

— Шеф, ну перестаньте. Вы же прекрасно знаете, что я звоню сам, и только тогда, когда есть, что сказать.

— Вы по-прежнему не представились. Кажется.

Динамик вздохнул.

— Это Якоб Фитцвиль, шеф.

— Какой такой Якоб Фитцвиль?

— Который на вас работает.

Холейгула помолчал.

— А, так ты все-таки на меня работаешь, потная жилетка?

— Хозяин...

— Молчать! Ты совсем охренел? Мне все равно, какие ты придумываешь правила, пока меня нет рядом, что б пнуть тебе под сраку. Отчет каждый вечер, несмотря ни на что! Пропусти еще один мой звонок, и посмотришь, как я дальше буду отмазывать твоих весельчаков от того же Дуги. Никак. Это ответ. Никак не буду.

— Я понял, шеф. Извините. Я очень благодарен вам за то, что вы делаете для нас. Не знал, что вам сказать, это чистая правда. Дело чрезвычайно мутное и я не уверен, что вернусь одним куском.

Холейгула нетерпеливо вздохнул.

— Ну, слушайте тогда, сами запросились...

Ретро пустился в объяснения. Сэт тщательно впитал информацию, а в конце пощелкал языком, и сказал:

— Звучит крайне бесперспективно. И безумно. Ты уверен, что тебе все это не приснилось?

Ретро выразительно промолчал.

— Кажется, легких денег мне не видать.

— А что с Хином?

— С ним еще хуже, — Сэт улегся на диван. — Я думал хоть кто-то из вас не создаст проблем на ровном месте, но жестоко наебался. Что ты собираешься предпринять?

— Мне нужна информация по Гисбуди. Можете скинуть свой логин и пароль для безлимитного профиля в сети?

Сэт запустил длинные пальцы во влажную шевелюру.

— Я могу поискать сам. Что конкретно тебя интересует?

— При всем уважении шеф, но пока вы там расчехлитесь...

Палочник немного поворчал для приличия, но пообещал скинуть данные сообщением.

— Только учти, профиль уже не совсем безлимитный. Никакой порнухи!

— Я буду смотреть в низком качестве. У меня все.

Гудки.

Сэт посмотрел на экран. Сэт фыркнул в экран. Потом, сморщив чистый шелковый лобик, набрал комбинацию логин-пароль и отправил ее детективу. Ф-у-у-х. Па-па-па. Ту-ту-ту. М-да, такого с его Обществом, пожалуй, еще не бывало. Парни и до этого попадали в передряги, но в порядке очереди, так что кто-то постоянно был под рукой. А теперь Сэт остался один, в ситуации игрока, выкинувшего на стол все свои фишки. Сначала тамплиеры и ССТ, а теперь еще и лягушки какие-то... Гисбуди, во что ты втравил моего красавца-старичка?

Хoleyгуле вдруг надоело лежать. Он взбрыкнул ногами-ходулями, и принял сидячее положение. Голубые тапки на время загнипотизировали его, но чувство голода все больше толкалось в верхнюю часть живота.

— Да где эта пьяница?

Увязалась за Хином, конечно. Два голубка. Волнистых, мать его, попугайчика.

Часы показывали половину одиннадцатого: нужно было начинать работу. Да-да, без оливы и ее подсказок. Впрочем, Сэт знал, что мог справиться самостоятельно. Все дело в том, что ему нравился звонкий голос и деловитость Хо. С ней было привычно и уютно, да и вообще, самостоятельное планирование дня, это удар по престижу...

«Престижу».

Хoleyгула улыбнулся своим мыслям.

Он сделал пару упражнений из йоги, используя не особенно чистый офисный ковер. Это его не беспокоило, Сэт и так успел превратиться в чучело. По меркам палочников, конечно.

Лист ежедневника на сегодняшнее число был заполнен чисто и без помарок. На полях олива успела начертить срезы каких-то заводских деталей, случайные цифры по сопромату и потренировалась выводить свою дурацкую подпись. В самом низу каллиграфическим почерком было написано: «Холи — самый красивый палочник в мире», и нарисовано сердечко. Сэт успел фыркнуть и немного порозоветь, но сразу же за этим признанием следовало уточнение: «если достаточно выпить».

— Коза, — с выражением сказал Хoleyгула. — Мало я тебя порол.

Эта была ее классическая подколка. Когда они были детьми, олива обожала шутливо флиртовать со своим хозяином, наслаждаясь растерянностью малолетнего дурачка. Тот мгновенно раздувался, алел, бормотал что-то про субординацию, целомудренность, и другие слова, произносимые отцом без внятного контекста. Как же она смеялась над ним. А когда Хoleyгула младший приходил в бешенство — бегала по всему дому, не давая схватить себя за руку. Даже раздражительная матушка Сэта, со временем перестала обращать внимание на эти полицейские погони.

Да, весело было.

Сейчас-то Хохотушка скорее руку себе отгрызет, чем признается кому-то в симпатии. А все этот проклятый женцизм, который она подцепила черти-где. Где-то на заводах. Там полно неформальных профсоюзов и мелких движений за все хорошее, против всего плохого. Суфражистки, мужененавистницы, оливские сумасшедшие из «Возвращение Родины». Испортили отличную девку. Замечательно, что принц со своим бесконечным цинизмом и наплевательством, оказывает на Хо полезно-разлагающее влияние. Это уравнивает ее

характер не давая скатиться в радшизм. Эх, Хохотушка ты моя.

Сэт вдруг понял, что беспокоится. С отвращением отогнав щемящее чувство, Холейгула принялся просматривать список посетителей. Их было немного. Настольный телефон, разумеется, был заблаговременно отключен, чтобы не мешать великому сумусу отсыпаться, так что новых заявок поступить не могло.

Вздыхнув, палочник воткнул головку кабеля в гнездо и вздрогнул. Аппарат мгновенно завибрировал, гремя тяжелой трубкой.

— Общество Должников...

— Господин Холейгула! — голос в трубке был настолько энергичным, что неприятно резал ленивое ухо Сэта. Ощущение было такое словно кто-то быстро водил ложкой в киселе. — Это снова я, Пулли! Как хорошо, что я вас застала. В последнее время вас не было на месте, мне отвечала эта замечательная девушка. Хо ее зовут!

Некоторое время Сэт боролся с собой. Ему дьявольски хотелось положить трубку, но...

— Я тебя слушаю.

— Вы так и не зашли за вознаграждением! Уже почти два месяца прошло!

Сэт чуть отстранил трубку, что б не повредить слух.

— Два!

Вот именно. А ты все не утомнишься.

— Мы обсуждали это, Пу. Я же сказал, мне не нужно вознаграждение.

— А я так и не поняла, почему. Вы же выполнили работу. Меня могли убить, а типографию — разрушить!

— Я знаю, что вы и так еле сводите концы с концами...

— Можно подумать, что вы — нет.

Помимо неиссякаемого аккумулятора в Пу была встроена еще честность и опасное бесстрашие. Сэт помнил, как она всерьез орала на коллекторов, дескать фугов обижать нельзя. Особенно незаконных эмигрантов. Они же совершенно бессловесные твари, навроде аквариумных рыбок. Животное может хотя бы закричать от боли, и тем самым развлечь живодера, но пробовал ли кто-нибудь ударить рыбу ради садистского удовольствия?

Смердящие трюмы теневых танкеров — не самый лучший выбор для круиза, так что Фуги, сходявшие на земли Немоса, были абсолютно сломленными существами. Они готовы были безропотно умереть от побоев, лишь бы не возвращаться назад тем же путем. Да и на какие шиши?

Да. К чести рыб, будет сказано, что в отличие от несчастных коротышек, они хотя бы лупят хвостом по разделочным доскам.

Пулли Хагарт была помесью фуга и оливы, или же редчайшим случаем выигрыша в «сто к одному». Репродуктивная система олив во многом перестроилась под гормональное зачатие, так что зеленые почти не пропускали в корзину от прочих рас. Однако, единицам все еще везло: подобные случаи успели приобрести статус дурацких анекдотов. Мать Пулли, например, до последнего думала, что ей пора слезать с пива и хлебных шариков.

Быть отпрыском двух самых незащищенных народов Немоса — само по себе испытание. Но Пулли, это сизое глазастое существо, смогла выжить, обзавестись связями и деньгами. Начиная с шести лет она выносила горшки сразу за сотней несамостоятельных бабушек своего тысячника, зарабатывая харчи, и мелкие монетки. Затем работала на четырех работах, успевая спать пока моргала. От плохого питания Пулли была худенькой и напоминала остроухую ласочку, которая носилась туда-сюда задевая чужие колени.

В четырнадцать ее заметила пара ядоварок и девчонка стала одним из лучших курьеров Немоса. Пулли была в этом настолько хороша, что ее работодатели ни разу не пытались слить ее ГО, дабы улучшить отношения с местным комиссаром.

Вместе с тем она стала лучше питаться и довольно быстро набирать вес. В конце концов природа взяла свое, и девушка превратилась в крохотную секс-бомбу, от которой даже палочки приходили в некоторое смятение. Когда она проходила рядом, играя бедрами, всем здоровым мужчинам приходилось слегка оттягивать вперед брюки, или понижать куртку. К двадцати пяти Пулли пришлось окончательно распрощаться со карьерой почтальона. Для такого сладкого пирожка это было просто несолидно.

Она успела скопить некоторое количество денег и даже удачно вложила их по совету одного из любовников. И жить бы ей поживать, поедая сердца мужчин, но... Мисс Хагарт смогла удивить всех. Разорвав связи с наркобизнесом, она организовала подпольную типографию и несколько хостелов-передержек для нелегалов с фугии. А немногим позже открыла небольшой центр реабилитации для опустившихся олив, слишком сильно прикипевших к алкоголю.

Друзей Пулли сложно было уличить в альтруизме, поэтому они задали ей множество неудобных вопросов. Им было невдомек, что девушка не тронулась, и не пробила последнюю вену. Все это было давней, упорно хранимой мечтой. Едва осознав, какую жизнь вели ее родители, погибшее от алкоголизма и беспросветности, Хагарт дала себе и миру торжественную клятву.

Подкармливая осиротевших детей фугов выброшенных на улицу, она повторяла ее. Отнимая бутылку у добрейшей, но умирающей от дешевого пойла тети Фи Чи, она повторяла.

«Я буду той, кто сделает немного, но — все».

У Хагарт почти сразу начались проблемы. Никакого дохода, такая деятельность, очевидно, не приносила, а бывшие ухажеры стали принципиальными недругами. В самом деле, когда ты продаешь фугам рабочие визы и паспорта, а кто-то, напротив, снабжает их этим бесплатно — становится не по себе. Сразу возникает желание что-нибудь сжечь.

Хостелы были уничтожены через полгода, как только у Пулли начались серьезные проблемы с деньгами и ей нечем стало платить охранникам. Затем та же участь постигла реабилитационный центр и первую типографию. Пулли организовала вторую. Затем третью... Пока жестокая реальность окончательно не схватила ее за круглую задницу. Теперь она могла помочь едва ли двадцати фугам за месяц. Но, как и прежде, им совершенно бесплатно готовили качественные документы, и даже шили одежду. Над последним работали два десятка олив: бывших алкоголичек, допившихся до того, что деторождение перестало быть для них проблемой.

И даже для этого молодой женщине приходилось жертвовать всем, что могло бы помочь лично ей. Она держалась на плаву только за счет прибыли от акций постепенно гибнущего концерна «Сталь Хареброди» и пожертвований равнодушных анонимов. Все остальные формы заработка для Хагарт были под замком. Любой стартап тут же пускали на дно происки лучших врагов.

Кроме того, она заняла деньги в полукриминальном банке «Стичигерн Ра», что было серьезной ошибкой. Исправлять эту ошибку помогал некий Сэт Холейгула, основатель Общества Должников и просто рубаха-парень.

Разумеется, если вы можете представить самую колючую рубаху в мире.

— Пу-у-у, — раздраженно тянул Сэт. — Просто купи там на всех средство от глистов, или что-то такое. Давай, пока.

Он положил трубку — телефон мгновенно зазвонил. Ну и клещ. Сэт знал сотни людей, которые точно так же настойчиво уходили от погашения задолженностей, но что бы совать деньги в руки, когда от тебя этого не требуют...

— Общество Должников.

— Господин Холейгула!

Щелк. Затем:

Дзынь-дзынь-дзынь!

И Хо справлялась с этим на протяжении шестидесяти дней? Нужно будет купить ей коробку конфет с ликером.

— Общество Долж...

— Не бросайте трубку! Я требую, чтобы вы получили свою плату! Господин Холейгула, мои доходы крайне нестабильны. Я не всегда располагаю нужной суммой, так что действую пока могу. Пожалуйста, не ставьте меня в неприятное положение. Меня и так... Достало быть в минусе. До чертиков достало. Облегчите мою ношу хоть немного.

— Ну хорошо. А почему ты сама не зайдешь в офис? Моя касса — здесь.

Девушка помолчала.

— Я не могу. Чертов Койни охотиться за мной и моими посыльными. Буквально проходу не дает. Если я пойду к вам с деньгами, меня сразу же законно ограбят его Кровавые воротнички.

Безмятежное лицо Сэта неувлимо изменилась. В его ангельской красоте появилось нечто зловещее, словно у проклятой куклы, которая убивает хозяев во сне.

— Какого хрена? — спросил он. — Я же выбил вам отсрочку на год. Документы в порядке, основания — железные. У вашей типографии почти муниципальный статус. Вы что, вскрывали грузы, которые оставляет сумус Толигазми?

— Ну разумеется нет, — с жаром возразила Пулли. — Я прекрасно понимаю, почему нам дали отсрочку. Мне это не нравится, но я знаю, как работает закон: не смажешь, не покатишься. Господин Толигазми ни разу не получал ящики с поврежденными пломбами. Дело в другом. Койни дали отмашку из банка, а мне пришло официальное уведомление, прибитое обувными гвоздиками к спине моего сотрудника.

Сэт отчетливо клацнул зубами.

— И о чем же в нем говорилось? В этом у-ве-до-мле-нии.

— Банк затребовал моментальные проценты в обход отсрочки. Им нужны все деньги, которые я у них не брала!

— Господь Гарзонский. Именно для того, чтобы предупредить эту ситуацию, я вовлек в дело Толигазми. Типографию временно оформили как хранилище опасных отходов, и вы освобождены от любых выплат, превышающих официально указанный бюджет. Я лично контролировал заполнение бумаг, бюджет, выделяемый администрацией — десять номов! Вы не можете выплатить Стичигерн Ра девять номиналов?

— Могу, — в голосе Пулли впервые скрипнула усталость. — Но они нашли свою лазейку в ответ на ваши... хитрости. Когда я отправляю эти несчастные девять номов, мне нужно лично прийти в банк и поставить подпись, что я внесла их по всем правилам. А херов Койни не дает мне этого сделать! В результате деньги падают на какой-то накопительный счет, который я даже не открывала!

Закончив изложение своих проблем, Пулли некоторое время ждала реакции Сэта. Вместо этого из трубки доносились необъяснимые звуки, похожие на тяжелое дыхание плотоядного паука.

— И тогда они берут прецедент Лагуйды и взыскивают неустойку не с организации, а лично с владельца, — закончил Холейгула сквозь зубы. — Это мой промах. Я не смог полностью сделать ваш физический долг юридическим.

Откровенно говоря, он тогда просто поленился провести с Толигазми пару лишних часов. Бюрократ приводил его в бешенство своими бесконечными разговорами о величии Тенебрии и моральном превосходстве тенебрийцев над всеми расами, законами и даже Штурмом. Не то чтобы Сэт совсем не разделял мнения сумуса, но тот мог ходить по кругу бесконечно, используя одни и те же формулировки.

— Господин Сэт, я вовсе не пыталась внушить вам мысль, что вы плохо выполнили свою работу! Наоборот!

Палочник вновь отстранил трубку.

— Вы сделали все, что могли, и у меня нет к вам никаких претензий!

Холейгула смахнул с щеки опавшую ресницу. Неужели эта хитрожопая малявка действительно думает, что может им манипулировать? Подумаешь перепихнулись разок... О, ели! Вот для чего Хагарт пыталась до него дозвонится: ей снова нужна помощь, но денег хватает ровнехонько на оплату прошлого сеанса. А может быть она вообще без гроша? Хм-хм-хм... Сэт Холейгула не дает гарантий, но у него есть репутация. Если клиенты вроде Пули Хагарт будут отзываться о нем пренебрежительно, легальной части бизнеса придет конец.

«Сделали все что могли». Вот же засранка.

— Ты сейчас в типографии, я правильно понял?

— О, да, я живу тут уже неделю. Все мы. Особого выбора нет, кровавые Воротнички нас буквально осадили!

— Вы их видите?

Пулли истерически рассмеялась.

— Они поставили фургон напротив входа и, чтобы не терять время, оформляют микрозаймы всем, кто проходит мимо.

— Что?

— Ну да! Они дают человеку деньги, кучу бумаг в которых говорится, что тот теперь должен им собственную задницу и заставляют расставить подписи. Потом сразу же бьют и забирают назад долг и проценты. Даже одежду снимают. Одной девушке срезали волосы!

Сэт оторопел.

— Подожди. Ты хочешь сказать, что у тебя там *весь офис* Воротничков?

— Очень на то похоже!

Палочник откинулся на маленьком для него стуле, и повалился на пол вместе с треснувшей спинкой. Провод потянул телефон со стола, тот брякнулся об пол и связь оборвалась.

— Низкорожденные гады, — вздохнул Сэт, лежа на полу в позе роженицы.

Ну хорошо. Одно дело — реставрировать свое доброе имя и профессиональное реноме. Но связываться с бандой Воротничков ради Хагарт? Сэт легко признавал, что симпатизирует отсталым. Он понимал, что гарзонцы, фуги, оливы, лонгаты — такие же люди как тенебрийцы, только проигравшие в рулетку Штурма. Как человек сильно пострадавший от

гребанных случайных чисел, Холейгула испытывал к этим неудачникам чувство солидарности.

В подобных чувствах не было ничего противоестественного. В конце концов, Главный Должник был еще молод, и не успел создать внутри себя комфортную ледяную пустыню.

Но ведь это вовсе не означало, что он обязан спасти Пулли. Конечно... ему бы не помешали деньги. Возможность иметь полный набор пальцев — была весьма заманчива.

Оставаясь на полу, Сэт тяжело вздохнул. Раз в десятый. Тяжело вздыхать было его любимым хобби после сжигания номов в топке легкомысленных трат. Чертов безвольный идиот. Транжира, бездарный бабник и херовый юрист в придачу. Да еще окруженный медленными, бесполезными, отсталыми слугами, неспособными быстро принести хозяину желанный доход!

Холейгула зарычал и, сложно сгибаясь и разгибаясь, поднялся на ноги.

— Где этот чертов охлаждающий комбинезон?

Глава 11. Приятная поездка

После того как мы дали свое формальное согласие погостить в цитадели Франк, Люпан сразу же запрыгнул на быка и свалил. Ряженые провожали его, подбрасывая килограммовые парики и безразмерные шляпы. Мы же, везунчики, которым был заказан королевский прием, молча смотрели в небо. Все, кроме Полины, разумеется. Эта просто не могла молчать. Она бегала по удлиняющейся спирали, и поносила Люпана и его манеры. Григорий, он же Белый Заяц, витиевато выразился на славском, и снова кому-то позвонил.

Да, ребята явно не умели импровизировать и менять карты по ходу игры.

Я — напротив, быстро расслабился. Разговор разрешился нейтрально, нас по-прежнему никто не бил в лицо саботонами, а Люпан оказался не таким уж придурком, как мне его описывали.

«Хер с ним», — подумал я, и принялся копаться в баре на предмет чего-нибудь сожрать. Там были чипсы из редьки со вкусом свинины, которые я с удовольствием вытряхнул себе в рот. Пока я хрустел, Григорий, закончил переговоры. К неподвижному кортежу подъехала неприметная серая машина, в которую Заяц с трудом усадил разгоряченную подружку с двойной фамилией.

— У меня такое чувство, что у вас тут канун какого-то грандиозного шухера, — сказал я, когда Григорий снова уселся на водительское кресло.

Он повернулся и задумчиво выудил чипсину из моего пакетика. Мне подумалось, что платиновые перстни на его пальцах совершенно не подходят по стилю для поедания чипсов, но решил воздержаться от подколок. Еще решит, что я — жадина.

— А ты чувствителен к таким вещам? — спросил он неразборчиво.

— Я чувствителен к дальнобойным пушкам. Кроме того, судя по словам Люпана, он готов к противостоянию.

Заяц сглотнул и вытер пальцы зеленым носовым платком.

— Это все признаки надвигающейся бури, которые ты заметил?

— Есть еще одна, куда более важная. Когда мы въехали в огороды, дорогу перебежала белая собака с черной головой. Почти летальная примета: есть опасность попасть в серьезную передрагу. Вот если б мы притормозили и подождали минут пять... Но кто б меня послушал?

Эта информация заставила оперативника задуматься.

— А почему не черная с белым туловищем?

— Что?

— Я говорю, как определить какой цвет собаки считается основным?

— Не подъебывай меня, Заяц. Какого цвета больше, тот и основной. Будь у нее только черные яйца ты бы тоже час раздумывал как ее описать?

— Извини, просто я игнорирую приметы. Суеверия у нас тут — моветон.

— У вас тут?

Оперативник не ответил. Он резко переменился: стал мрачно-сосредоточенным, чисто спецгент из гарзонского боевика. Григорий завел мотор, но дорогу нам перегородил один из пилотов. У него были современные доспехи из кевларовых плит, на основе какого-то герметичного комбинезона. Забрало на шлеме оказалось стилизовано под ястребиный клюв.

Эта угрюмая птичка подошла вплотную и постучала кулаком по капоту.

— Да какого хрена вам еще нужно?! — гаркнул Заяц, высунувшись. — Мы вроде бы все обсудили!

— Время, — раздался бездушный голос.

— Полдвенадцатого, а что?

— Время забрать гостей славного Лефрана.

Я почти сразу понял, что имелось ввиду и так обрадовался, что чуть не принялся потирать ладошки и подпрыгивать. Внутри меня бахнул салют, а глаза засветились как армейские прожекторы. Самару де Хина собирались покатать на огромном медном быке! Все мои предрассудки касательно волкачества мгновенно улетучились: и хрен бы с ними. Всплыли воспоминания о горящем танке? Да шли бы они в жопу. У меня не было ни малейшего желания доставать из шкафа подборку скелетов, в то время как человек в костюме птицы предлагал мне полетать над сказочным городом-лунопарком.

О, да, я был на сто процентов в деле.

— Они под защитой славов! Моей защитой!

Тон Григория говорил о том, что его должностное самолюбие успели продавить до чертовски опасной отметки. Еще немного и он начнет драться за возможность сохранить хотя бы капельку контроля над ситуацией.

— Это не имеет значения, — такой был ответ.

— Ах ты франкский пидо...

— Гриша, Гриша, — я положил руку ему на плечо. А потом наклонился вперед и зашептал на ухо: — Не обламывай мне кайф.

— Что?

— Я хочу полетать на этом быке.

— Ты спятил? В таком случае я не гарантирую вашу безопасность. Мало ли что у этих жабоедов на уме.

— Все будет нормально. Леди, да ты только посмотри на них. Если я сейчас потащусь с тобой на этом четырёхколёсном борделе, от которого даже Новопобедской шалаве стало бы не по себе, я потом всю жизнь буду жалеть об упущенном шансе. Без обид. Ты отличный мужик, но бык он... Летает.

Григорий моргнул.

— Бордель, да. Я бы с удовольствием взял другую машину, но Совет Цитаделей навязал мне эту...

Он щелкнул по носу ангелочка, вытесненного на бархатном торпедо.

— Тогда ты оставишь доспехи здесь.

— А? — у меня резко забило уши.

— Я не могу удержать тебя, но, если хочешь окончательно превратить Белого Зайца в ночного таксиста без сдачи с пяти номов, подумай еще раз. По-твоему, начальство мне орден к уду пристегнет, если я скажу, что потерял и Самару де Хина, «укротителя Лефранов», и доспех? А?

— Ты прав, звучит хреново.

Думать было нечего. У меня даже боль поутихла от перспективы вдохнуть запах рогатого чудовища. Я обожал машинный дух танков, пока чуть не запекся в одном из них.

— Хорошо. По рукам. Я уверен, что ты не скинешь доспехи своим друзьям из ИР.

— Ну да. С такой-то компанией... Подожди, ты потащишь Хо с собой?

Я даже не замедлился.

— Извини, кое-что я не могу доверить даже тебе, мой новый лучший друг.

Дверь пришлось захлопнуть бедром.

— Ну удачи, буллбой, — сказал Григорий без издевки. — Будь осторожен.

Я молча помахал ему ногой оливы. Не люблю разговоры об удаче. Да и какой из меня буллбой? Веревка с петлей ассоциируется у меня только с билетом в один конец, прямехонько до Шторма. Говоря откровенно, я был вдвойне рад смыться: общество славов начало меня утомлять. Они хоть и пытались помочь, однако в основном действовали на нервы. С Полиной все было ясно с самого начала. Бой-баба, полевой агент, хорошо знающий город. Григорий? Я мог лишь сказать, что холодком от него веяло будь здоров. Жутковатый чел. Он как будто с первых же минут прочитал меня с ног до головы и понял, как нужно разговаривать с Самарой де Хином, чтобы войти в его пролетарское доверие. А-ха.

С другой стороны, его раскованность хотя бы шла на пользу атмосфере в салоне, в отличие от неприкрытых эмоций Ягузаровой. Таких людей как Полина я старался избегать. Они ведь как многоразовые гранаты, да еще снабженные ногами, чтобы постоянно тебя преследовать. Такая херня — не по правилам.

— Какие-нибудь инструкции? — спросил я у пилота.

Тот шагал рядом, мрачно покачивая клювом.

— Не срать в штаны.

— Это все?

Клюв повернулся ко мне.

— Я не хочу разговаривать с таким как ты. Держи себя в руках во время скачки. Это все.

Меня такое обращение не задело. Все лонгаты за пределами парников были «отступниками» — потомками предателей, которые отринули свою веру, разломали клятвы и лично кинули Императора. Каждый ублюдок, рожденный в тенебрийских городах-загонах, заведомо плюнул на родную землю и теперь доедал дерьмо за крысами.

Выбрал грязное ярмо палочников? Получай по заслугам.

А-ха.

Эта злобная клоунада с «наследованием вины» началась через десятилетие после того, как первые лонгаты расселились по тысячникам и затекли в свои грязные социальные ниши. Очевидно, именно в этот момент Двор догадался, что сбежавшие черностоуповцы и дворяне, именно *сбежали*, а не затаились в нервных узлах Компании Тенебрии, чтобы потом, по сигналу корабельных орудий, учинить мятеж и восстать против всего, что превышает два метра в высоту.

У палочников к тому времени уже был опыт с ассимиляцией гарзонских и фугских беженцев, так что они быстро купили, переманили, подавили, продали, разбили, заперли всех и каждого, по делам их. Мой дед рассказывал, что род Хинов даже получил во владение собственную картофельную ферму, но семья быстро потеряла ее из-за того, что дети Поля Хинье оказались тупее корнеплодов, которые должны были выращивать. Как тут не вспомнить поговорку про потомство гениев.

«Вину» можно было смыть. Но не кровью, разумеется, — кому она нахрен нужна, — а деньгами. Большие суммы благоприятно влияют на чистоту происхождения. Вот и выходит, что я останусь запятнанным навеки. Так чего тогда нервничать?

Когда я подошел вплотную, бык неприветливо качнул рогами, а потом посмотрел на пилота. Тот похлопал меня по плечу и брезгливо прикоснулся к Хо. Монстр кивнул. Похоже так ему объяснили, что нас нужно не топтать, а возить. Вопреки моим ожиданиям конструкт

не имел собственного запаха. Он был почти стерильным на вид, и я не представлял, как на него можно забраться без стремянки. Гладкие бока были отполированы как дверная ручка и наши отражения скользили по ним, словно в кривом зеркале.

Размеры позволяли конструктору перевозить трех седоков одновременно. Мой клювастый друг потянулся к медному зеркалу и продавил невидимую панель, которая закрывала выступы для перемещений типа «вверх-вниз». Их было несколько, но, если не знать, где именно они находятся, о погрузке не может быть и речи. Неудобно, наверное, шарить наугад, когда тебя пытаются затоптать.

Господин Птичка легко забрался в кожаное седло и засунул ноги в стременные углубления. Он покосился на меня, как бы вопрошая, чего это я не сделаю то же самое прямо, блин, сейчас. Я стоически лупил его взглядом дурачка, удерживая даму сердца на руках. Мне и стоять-то с ней уже надоело, не то что забрасывать вверх на высоту палочника.

Клювастый отчетливо вздохнул. Его товарищи на других скакунах, негромко захихикали.

— Тупое быдло из застенка, — сообщил пилот.

После этого он невнятно что-то скомандовал, и бык с лязгом уселся на задницу. Это выглядело унижительно, базара нет. Последнее, что могло пойти подобной машине, это вот такие цирковые номерочки для умственно-отсталых собак.

Круп оказался ребристым, словно стиральная доска, по нему легко было шагнуть до крайнего седла. Я решил, что лучше мне оставить между мной и пилотом некоторую дистанцию. Вряд ли он ждет, что мы с Хо нежно обнимем его за талию, как шестнадцатилетнего мотоциклиста. Я уселся сам и, не без труда, устроил Хо перед собой. Как только я сунул ноги в стремяна, их плотно обхватило что-то упругое.

— А как тут насчет ремней безопасности? — спросил я.

Бык резко поднял зад, так что нас качнуло вперед. В этот момент Хо застонала и ее вырвало желчью прямо на медь.

Пилот повернулся к нам с отчетливым скрипом.

— Бывает, — сказал я. — Она потом обязательно ототрет.

Бык свирепо махнул сегментированным хвостом и замычал. Пена медленно стекала по его великолепному зеркальному бочку.

— А-а-а... — олива отерла раскисший рот, вяло озираясь по сторонам. — А где мы?

— Ты просто не можешь не загадить салон, да? — сказал я в зеленое ухо.

В этот момент раздался звук стартовых двигателей. Копыта ударили по брусчатке, мы тяжело двинулись вперед. Сначала шагом, трусцой, пока, наконец, монстр не поскакал, сотрясая мир до его персиковой косточки. Остальные звери бросились за нами. Это было дико, необузданно и невероятно круто. Наш пилот воинственно закричал, и к нему присоединились остальные. Поток ветра усиливался, шевалье сунул руки в отверстия на горбу, и мы оторвались от земли. Толчок был ощутимым, но я быстро позабыл о нем. Хо только негромко взвизгнула.

Город помахал нам ручкой. Дома стали домишками, улицы — узкими полосками, Стена — декорацией. Тут уж и я не выдержал и закричал от накатившего адреналина.

— Господи, что происходит?! — воскликнула Хо.

И сразу же замолчала, подавившись мошкой. Тогда я прижал ее плотнее и накинул сверху пончо. Вскоре ветер пропал, словно кто-то захлопнул стеклопакет: воздух стал неподвижным и кусачим, по коже пробежали иголки. Что ж, выходит защитный пузырь был

не только у быка Лефрана. Правда, у остальных они были менее заметны.

Мы скакали по звездному небу как ведьмы, оседлавшие демонов. Быки выпускали из ноздрей струи красноватого пара, их копыта побелели от гневного пламени, а на рогах сверкали сигнальные огни. Это зрелище было не менее фантастичным, чем город-картинка, наполненный теплыми огнями и веселыми сборищами, перемежающиеся с кварталами абсолютного ночного спокойствия. В кружках искусственного света дремали перекормленные коровы: возле священных животных собиралось зверье поменьше, вроде кошек и собак. Коровы без лишнего высокомерия позволяли кому угодно спать на своих мягких спинах.

Больше всего мне было непривычно смотреть на местную трехэтажную архитектуру. Привыкнув к тысячникам, я мог увидеть такое, только забравшись в Жилой район Новой Победы. Откуда был бы немедленно выписан пинками под зад. Забавно, я ведь так и не успел пожить в большой квартире, или собственном доме. Конурки, казармы, опять конурки. Конечно, в режимных городах палочников на Фугии, мне удавалось покайфовать в специальных домах-аттракционах, где контрактникам было доступно все, что душе угодно. Без всяких ограничений, но по завышенным ценам: можно было весело промотать за ночь месячную зарплату.

Но все это было не то.

Интересно, какого это, все время жить вот так, в комфортных тихих домах, где среди соседей никогда не объявится семейка-другая карликов-каннибалов? Большие светлые окна, чистые лестницы. И как пить дать, никто не критикует через стенку, когда занимаешься сексом. А самое главное, нет, и не будет никаких палочников и кас...

— Давно ты не водил меня на такое свидание, — сказала Хо.

Из-под ткани выглядывали ее округлившиеся глаза.

— По-моему вообще не водил, — заметил я. — Если не считать того случая, когда мы два дня просидели под мостом, скрываясь от Котят.

Олива хихикнула.

— Да, повторять я бы не стала, но ты был сама обходительность. Мне нравился тот грязный матрас с чесоточными клещами. И как ты вдавливал меня в грязную желтую вату... Хин, возьми меня прямо здесь.

— Не валяй дурака слишком сильно. Твои провокации действуют только на Сэта, ты же знаешь.

— Знаю. А вот что мне неизвестно, так это как черт побери, я оказалась в ста метрах над землей. Как болит живот, дьявол! Слушай, Хин... Если мы сопрем какую-нибудь детальку из брюха такого быка, я смогу продать ее на заводе за бешеные деньги. И мы выкупимся. Слышишь?

— Хо. Во-первых, потише. Во-вторых, пока ты будешь пытаться его вскрыть, он вскрыет тебя. Лучше наслаждайся видом.

— Наслаждаться видом? Ты идиот? Я даже не буду спрашивать, где доспехи. Велика вероятность, что ты долетишь только до брусчатки.

Я сделал вид, что с разглядываю часовню, которая гулко отбивала первый час ночи.

— Поверить не могу, что ты поехала со мной в качестве Сэтовской ручонки.

— Не выводите меня, Сам-Сам. Длинный мне ничего не *поручал*.

— Ха! — сказал я. — Смешно.

— Он знает, как сильно я тебя люблю и никогда бы не поставил меня в такое

положение.

Мои глаза под дырявой панамой выражали полнейшее доверие. Да ладно, я действительно верил каждому слову, ведь Хо никогда меня не обманывала. Вряд ли она вообще умела врать. Подкалывать — да, но лгать в домах тенебрийцев дело опасное. Особенно когда ты их собственность.

Ярко светила Мунза. Светло-голубой ноздреватый круг, символ нечисти и тайн, который был одновременно пустынен и переполнен призраками человеческих фантазий. Палочки считают, что этот огромный безжизненный мир, недостижим и полезен только как источник халявного ночного освещения. Этого у Мунзы действительно не отнять, ее голубоватый свет серебрил зловещее царство Шторма, колыхающееся вдали. Просторы Непроходимого Океана — это смерть и мечта. Огонь пожирающих тысячи мотыльков ежедневно. После того как Шторм утихомирился, вода стала безопаснее, это верно. В том же, примерно, соотношении, насколько пулемет — безопаснее танка. Я обожал слушать истории про ловушки, в которых корабли терялись во времени, переворачивались вверх дном, сворачивались в бублик или их нахрен топили аквитаники.

Берег был изрезан приземистыми бетонными пристанями и волнорезами, напоминающими военные укрепления. Отчасти так оно и было, разве что противник был океаном-шутником. От его розыгрышей город защищала еще одна стена, загнутая вовнутрь, чтобы потоки воды швыряло туда откуда они явились.

Прямо сейчас пристань обслуживала огромный танкер-штормолом, который привез новую партию золотой говядины. Длинный раздвоенный корпус придавал ему большую устойчивость, а стальная крышка над палубой — защищала команду от ледяных копий, огненных молний и водяных бомб. Танкер, разумеется, принадлежал тенебрийцам, но долгосрочно арендовался лонгатами. Наверняка это влетало им по кошельку, но построить такого волнобойца могли только стапели Тенебрии. Я поприветствовал его прикоснувшись к панаме. По забавному стечению обстоятельств танкер тут же разразился низким ревом, словно оскорбляя меня на своем языке. Наверное, предупреждал о надвигающейся волне.

И правда, вслед за его «поберегись!» включилась тревога на пристанях. В ярком свете прожекторных башен можно было заметить, как бетонные коробки закупоривают входы и бойницы. Грузовики заметались, вместе с букашками человеческих фигур, но вскоре сирена стихла.

— Смотри, смотри! — Хо вся дрожала от восторга. — Фантомная волна! Вон там! Вон она идет!

— Да, я вижу. Хватит меня лупить.

Фантомные волны, это такой розыгрыш от Шторма. Относительно безвредная шутка, которая выглядит как цунами. От настоящей волны ее можно отличить по наплевательскому поведению буревестников. Когда тревога ложная эти крылатые твари не взлетают. Они продолжают дальше бродить по берегу пожирая все, что по виду отличается от камней.

Конкретно этот фантом был замаскирован из рук вон плохо. Даже без подсказок сразу стало ясно, что перед нами — пустышка. Темная масса двигалась вперед освещенная Мунзой. В ней чудились какие-то дьявольские пляски, бурление, вспышки — словно неоновые блики проносились по корпусу дорогой тачки. Волна неслась быстро, и съела расстояние от горизонта до берега буквально за несколько минут.

Ковчег еще раз просигналил, просто на всякий случай, и тут фантом обрушился на укрепления. Он бесшумно пронесся по руслам обезлюдивших дорог, погасил прожектора и

бросил в воздух кучу невнятного мусора и камней. Грузовики закачались, парочка с грохотом завалилась на бок. Буревестники — те просто впились когтями в каменистый пляж и распластали массивные тела. Их таким было не пронять, а вот один из погрузочных кранов сдал позиции. Он медленно повалился, и по-приятельски навалился на купол ковчега. Тот в свою очередь подался назад, натянув гигантские швартовы. Хорошо хоть разгрузка еще не началась и падающие в воду ramпы были пусты.

Можно было представить, как там сейчас ликовали все сопричастные.

— Да-а-а! — закричала Хо. — Вали их, большой Папа!

Наш пилот, внимательно наблюдающий за происходящим, отвернулся и передернул плечами. Кажется, он считал, что олива слегка переборщила. Мне тоже показалось, что Хохотушка паясничает. Народ женщин напрямую не поклоняется Шторму, в ходу у них история про зеленых Великанов, которые хранят природу и удобряют землю своим семенем. Разумеется, видеть их могут только лидеры кочевых олив, именуемых цыханами.

— Хорошо, что ты создала о нас благоприятное впечатление еще до прилета в цитадель, — сказал я.

— Да шли бы они нахрен, — громко фыркнула Хо. — Я слышала, как он с тобой разговаривал. Происхождение ничего не значит, если человек ведет себя как кусок говна. Пусть ты и таракан из тараканьего домика, Хин, но ты все равно гораздо круче чем этот...

Ее снова вырвало.

В этот раз желчь брызнула на поверхность невидимого пузыря и зашипела. Запашок поднялся тот еще.

— Блин, — извинилась олива.

— Таракан из тараканьего домика, — глухо повторил пилот. — Вы начинаете меня развлекать. Шуты гороховые.

— Могу тебе в шлем наблевать, — немедленно откликнулась Хо. — Так будет еще смешнее.

Пилот и правда хрипло рассмеялся.

— Долго нам еще скакать? — спросила Олива.

Этот вопрос был лишним, ведь домик Лефранов стал хорошо заметен, как только мы поднялись в воздух. Это было странное сооружение, напоминающее корпоративную многоэтажку, поверх которой надстроили башни, сложные переходы из стен и террас да еще воткнули в самый центр свечку в виде мощной антенны радиосвязи. Выглядело внушительно и одновременно громоздко, как мамочка-гарзонка после четвертого малыша.

— Значит, там нас и прикончат, — прошептал я. — Неплохое место, чтобы отправиться в Шторм.

— Прекрати, — Хо врезала мне локтем. — Никого не прикончат.

— Собака с черной головой, — напомнил я.

— Что? Господь Гарзонский, Хин, опять ты со своими идиотскими приметами...

Впоследствии мне стоило бы ввинтить эту фразу ей в задницу, но я как-то позабыл, да и дел оказалось по горло. Бык резко остановился, а потом так, скотина, дал вниз, что пилота чуть не вышвырнуло из седла. Мне подумалось, что его стремяна отключились, но дело было не только в этом. Диспетчер! У нас пропала защита от мошек!

Ветер продувал череп насквозь. Хо вцепилась в меня, чтобы не улететь, птицеголовый орал что-то быку на придуманном языке, тот — несся вниз решительно посылая нахрен всю эту лямку с грузоперевозками.

Пилот успел повернуться к нам и крикнуть:

— Держитесь изо всех сил, он не подч...

Мы вломились в крышу жилого дома. Медные рога проломили черепицу, раскидали стропила, и бык провалился в жилое помещение. Я прижал Хо к его спине и накрыл сверху телом и руками. Шум стоял адский. Грохотали кирпичи, трещала древесина, кто-то успел заорать, но бык уже тащил нас по коридору, взламывая стены и перегородки. Меня нещадно лупило обломками, потом обдало кипятком из разорванной трубы, а под конец еще и хлестнуло чем-то упругим и натянутым.

Снова повалили кирпичи, и мы оказались на свежем воздухе. Я рискнул приподнять голову и увидел бычью голову, на рога которой аккуратно нанизался человек в ночнушке. Судя по количеству крови ему бы не помешал черный мешок. Бык тряхнул головой, и бедолага просто исчез. Пилот был без сознания. Он откинулся назад, и уже начал съезжать вниз, словно ослабшие гениталии.

— Держим его! — тут же крикнула Хо.

Подавшись вперед, она умудрилась ухватить шевалье за предплечье, но тут сволочной бульдозер, до этого гремевший по ночной улице, решил снова подняться в воздух. Точнее он прыгнул, и руку пилота вырвало из пальцев Хо, ободрав ей бинты на ладони.

— Да еб твою мать! — успел пожаловаться я, и мы снова влетели в крышу.

Мне в лицо сразу же плеснуло какой-то жидкостью, и я мысленно приготовился к худшему. Красное! Но не кровь, и на том спасибо. Судя по запаху — красное-сухое. Безгрешная скотина взрывала драгоценные бочки словно мыльные пузыри. Я снова прикрыл Хо, на этот раз от древесной шрапнели и бесконечных потоков вина. Теперь мне пришлось еще хуже. В доме, который мы успели развалить, пилот собрал половину всех снарядов, чем сделал мне большое одолжение. А ведь на нем были доспехи. У меня присутствовала только панама, которую вино намертво приклеило к лысине. Не удивительно, что я все-таки получил по башке и ненадолго отрубился. Тогда мы в мгновение ока перескочили в будущее, и оно мне совсем не понравилось.

Мы падали. Бык не двигался. Совсем. Он летел вниз как авиационная бомба, нелепо расставив ножищи, и медленно переворачиваясь вокруг оси. Высота была такая, что я буквально заледенел в мокрой одежде. Хо отчасти держалась за мою руку, отчасти парила в воздухе, словно парашютист. Пилот еще был с нами, но через минуту ноги его вылетели из стремян, и человек птица исчез точно так же, как тот бедолага вставший отлить посреди ночи.

Я подтянул Оливу к себе и мы вцепились друг в друга не произнося ни слова. Пончо шумно хлопало на ветру. Где-то позади нас человек-птица встретил свой неожиданный и крайне обидный конец. Я бы иронично пошутил на эту тему, но перед смертью мне хотелось быть лучше, чем я есть на самом деле...

Мне не повезло.

По-видимому, я еще не до конца выплатил долги перед Леди и Штормом и должен был помучиться... У самой земли копыта включились. От перегрузки, мы с оливой чуть не сложился гармошкой, но у Самары де Хина и Хо Хо, не было времени даже пукнуть от напряжения. Чертова тварь уже мчалась по широкой освещенной улице прямо к какой-то часовне с высокой острой колокольной.

У самой стены бык заревел и вошел в занос. Копыта вспахивали брусчатку, как плуги. Хо уже не могла кричать. Она молча блеванула в третий раз, запачкав и без того

измочаленное пончо, и посмотрела на меня.

— Не могу вынуть ноги! — объяснил я. — Спрыгивай!

— Пошел ты.

Бык врезался в стену часовни выпуклым боком. Удар был такой силы, что наверху зазвонило. Мы с Хо по инерции влупились в твердое, но успели, прикрыть головы локтями. В ближайших домах распахивались окна, сонные люди непонимающе пялились на нас, роняя наземь очки, колпаки и масляные лампы. Из церквушки вывалила толпа попиков. Распахнув дубовые двери, они сбежали вниз по гранитной лестнице и замерли в нерешительности. Их синие пижамы и вопросительно привставшие хохолки вызвали у меня идиотскую ухмылку.

— Какого хрена?! — вскричал один из них.

Мы были истощены, почти мертвы. И внутри, и снаружи. Но я нашелся:

— У вас не найдется полотенца?

— Ах ты штормовик! Где наездник этого святого зверя?! За такое святотатство ты сгоришь в серном чане, подонок, злодей, мерз...

Неизвестно как долго бы еще этот уважаемый патриарх выкрикивал вещи давно известные, но его совершенно, блин, возмутительным образом, прервал еще один бык. Он на полной скорости врезался в башню и разломал ее как стопку брусочков для игры в дженгу. Все пригнулись и задрали подбородки. А потом закричали.

Мы с Хо только устало вздохнули. Снова кирпичи. Кирпичи и огромный золотой колокол, падающий на нас сверху словно сраный кубок за сраное первое место в этой сраной гонке.

— Блять, — выразилась Хо, и я вышвырнул ее с быка.

Она упала на брусчатку, словно кошка, смешно оттопырив задницу, и заорала от бешенства.

Я стрелял, и стрелял, и стрелял. Пули рикошетили от непробиваемого затылка, а кирпичи — от включившегося пузыря. Колокол техническая магия удержать не смогла. Бык слегка прогнулся, когда тонна гремящего металла ударила его по башке, но устоял. Затем он, не торопясь отошел в сторону от стены.

— Вот сейчас ты решил это сделать, да? — сипло завопил я. — Ебаный рогатый трактор!

Последний бык приземлился после того, как ополоумевшая от ужаса публика позакрывала окна. Всех добил упавший с неба рыцарь. Сила тяжести превратила его в крышку от канализационного люка — так парня расплющило.

— Война! Началась война с жердями!

Не жирдями, догадался я. Это от слова — жердь, палка. Панический вопль стал сигналом забаррикадироваться всем и каждому. Даже попики в обратной перемотке вбежали по лестнице и захлопнули врата. Остались только трое взбунтовавшихся быков, я, и Хо, продолжающая стоять шалашиком на брусчатке.

— Полотенца мне так и не дали, — прошептал я, пряча железку.

Попытавшись привычно поправить панаму, я с досадой обнаружил, что ее все-таки сдуло. Проклятье. Это была моя любимая панاما — наследство дяди Кипра, и поправлять ее было моей любимой разрядкой. Теперь вместо этого придется громко выхаркивать мокроту. Или подтягивать штаны.

Пока я размышлял таким образом, быки построились в колонну и торопливо затрусили по улице в сторону цитадели. Они больше не пытались разрушить Побережье, и вели себя

дисциплинировано.

— Стоять!

О, Леди.

— Стойте, сволочи! Куда?!

— Быстрее, — сказал я быкам. — Быстрее! Да шевелитесь же!

Олива все-таки догнала наш маленький отряд. Я протянул ей руку, но Хо проигнорировала ее, и добежала до фонарного столба. Вскарabкавшись на него обезьяной, она выждала момент и прыгнула на переднее седло. На меня она даже не оглянулась. Мои ноги все еще были зажаты в стремях, так что я оставался пленником, с которым олива могла сделать все что угодно, не дожидаясь пока быки снова рехнутся.

Но ей было не до меня. Хо с нехорошим интересом обследовала управляющие узлы. Она залезла руками в горб, попробовала что-то там настроить, но бык на это не реагировал. Трусил да трусил себе, приближая родные стойла.

В конце концов мы выехали на территорию перед цитаделью Фран. У этого министерства глупых средств передвижения была своя стена из железобетона, замаскированного под камни. На ней пережидало смену столько парней в полной выкладке, что их недовольное кряхтение должно было резать уши самому Шторму. У ворот я увидел комично перегруженное КПП, напоминающее военную базу в миниатюре. Клянусь, там было столько щитов, вышек и стволов, что для карикатуры не хватало только торчащего букета красных боеголовок.

Леди, этот Лефран точно готовится к осаде. Но кто его враг?

— Да как тебя угнать, — бормотала Хо, не оставляя попыток взять быка под контроль.

Тот неожиданно хлестнул меня по лысине хвостом. Несильно. Я недовольно обернулся, и увидел, что моя панама висит на рогах замыкающей машины. Выглядела она лучше, чем хозяин, и я облегченно вздохнул.

— Слушай меня! — завопила Хо. — Я твоя новая хозяйка. Подчинись мне! Ахалай-махалай! Абра-кадабра! Вверх! Взлетай.

— Зеленая! — не выдержал я. — Леди свидетель, если ты снова их разозлишь, я сам тебя на рога поддену.

— Твоего рога я не боюсь.

Быки остановились почти у самой стены. Я заметил выпрыгнувшие шлемы с голубыми плюмажами, похожими на восклицательные знаки. Ребята прямо напрашивались на пулю. Смешно и унижительно. Я знал, что тенебрийцы всегда будут держать Лонгу в технологическом неравенстве, они будут прилагать к этому все свои усилия, потому что это разумно. Логично. Предусмотрительно.

Но ребята!

— Снимите херовы перья со шлемов! А! Вы же ориентируете марксманов и гранатометчиков!

Мне никто не ответил. Крепости из диванных подушек. Дети с деревянными палашами и щитами из майонезных крышек. Неужели мы всегда будем тенью теней...

Я удивился себе. Такие размышления были для меня чем-то новым. Какие еще «мы», Самара? Не никаких «мы».

— Вверх. Ввысь. Старт. Вектор — два. Вектор — два! Блин. Ну давай, милый. Новая Победа! Вы же знаете где это.

— Ты еще пятерку ему за ухо сунь, — устало предложил я. — Это же не такси...

Копыта завибрировали. Хо победоносно взглянула на меня, показав тонкий фиолетовый язык.

— Ладно, — сказала она почти сразу. — Я не тупая. Ясно, что они полетят в цитадель. Ты что-нибудь понимаешь? Почему они взбесились и сбросили всех, кроме нас?

Я молча жевал край пончо, пытаюсь хотя бы почувствовать вкус впитавшегося вина. Мне было насрать.

— Мне насрать, — сказал я.

Хо фыркнула.

— Я же говорю тебе — спрыгни. Найди Зайца. Он поможет.

— А пока я буду его искать, меня поймают по подозрению в гоблинстве и посадят в клетку.

Быки поднимались в воздух.

— Хочешь, дам тебе ствол? Там остался один билет к Шторму.

— Мы ведь уже пробовали. Ничего не получается.

Тогда я пожал плечами, и расслабился. Нужно было проверить бипер. К счастью, защитный чехол не пропустил влагу. Я посмотрел пропущенные от Сэта и усмехнулся. Да, Шторм возьми, ему с нами не повезло.

Парни на стене тарачились на нас как страдающие вздутием совы. Не удивительно. Я помахал ладонью над головой:

— Снимите плюмажи!

В ответ кто-то стрельнул в нас из самопала, который больше подошел бы для киношной бутафории, так как попасть мог только в небо. Что, собственно, и произошло. И не только это. Стрелявший вдруг заорал благим матом и его разорвало корнями мгновенно выросшей яблони. Это было отменное волкачество, доложу вам, — от пехотинца остались только сухие тряпочки. Веселое дерево распугало ближайших головорезов, и они попадали вниз, чтобы случайно не посмотреть в нашу сторону.

Никогда не понимал людей, которые съедали сердцевину с семечками.

Под нами быстро проплыла внутренняя территория, исчерченная окопами, укрепленная блиндажами, опутанная колючей проволокой и перекопанная с целью минирования. Там тоже сидели солдаты, но те явно были на расслабоне. Я видел множество сигаретных точек, костерков и теплый свет полевого штаба.

— Ни дать ни взять реконструкция Второй Освободительной, — сказал я. — Копец.

— У них даже умки есть, — откликнулась Хо. — Вкопаны в землю. Забавно.

— Ты узнала умки?

— На заводе, где меня учат, есть свалка с такими реликвиями, что и не верится.

Умки — это УМ-1, родственники ГО-шных броневиков, только шире в боках и с орудийными башнями. Уродливы как адский каземат и могут выстрелить внутрь собственной башни, чтобы сделать экипажу сюрприз. Во время Второй Освободительной, когда Тенебрия уничтожала самопровозглашённые республики и давила восстания, умки использовались для кулинарии. Очень хорошо делали фарш и оладьи, судя по тому, что нам рассказывали старички-генералы на Фугии.

— Вляпались мы... — Хо достала свой телефон. — Черт! У меня сел. Надо звякнуть Холи, сказать, что б хоронил пустые гробы.

— Все, что он делает, если мы подохнем, так это закажет химчистку кресел, что бы запах наших задниц не напоминал, что существовали когда-то такие хрящегрызы как мы.

— Да не. Меня он любит.

— А-ха.

Громада цитадели почти осязаемо давила на плечи. Издалека этот божий сортир казался не таким безумно-массивным. Двадцать этажей с мелкими оконцами, а потом башни, орудийные площадки с древним ПВО, закрытые дворы, даже маленький лесок, накрытый железной сеткой. Быки неторопливо несли нас мимо радиовышки к самой тяжелой и мрачной конструкции, напоминающей протянутый в небо кулак.

На вершине этого донжона громоздилось алое дерево с кроной из живых птиц. Я говорю буквально, вместо листьев из ветвей торчали наполовину расплывшиеся птицы всевозможных цветов и размеров. При нашем приближении, они начали синхронно бить крыльями, создавая волну словно футбольные болельщики. Они даже раскрывали клювы, но я ничего не слышал.

Быки сели перед этим чудовищным растением, аккуратно ступив на мозаику, которая изображала солнечный круг на черном фоне. Дерево стояло прямехонько в центре символа, укоренившись в огромном каменном тазу. Таз до краев наполняла кристально-чистая вода, а воде той застыли серые утопленники: обритые козы и бараны. Господь Гарзонский... Что ж это за херня?

— Хин.

— М?

— Мне страшно.

— Да я сам сейчас в штаны навалю.

И я навалил бы, будь у меня в кишках хоть что-то кроме реповых чипсов и ужаса. Потому что мясной грунт зашевелился. Размякшие тела приподнялись, медленно разводя невесомые конечности. Повалились, поплыли в стороны и перед нами предстала...

Она.

Таких волчар я еще не видел. Я бы даже не ручался, что это все еще было человеческое существо. Волшебники по-разному избегали смерти от передоза Штормом, большинство по старинке увеличивали мышечную массу. Но эта малышка решила пойти по другому пути: она заранее разделила свое тело на части. Расчлененные конечности сообщались через толстые жгуты из переплетённых стеблей алых ромашек. Сотни цветков сияли как жала паяльников, выводя излишки Шторма, как охладители распыляют тепло от нагревающихся двигателей.

— Пиздец, — сказал я вместо приветствия.

Даже то ничтожное мозговое усилие, которое потребовалось чтобы выплюнуть ругательство, оказалось в этот момент слишком серьезным испытанием для моего рассудка. Все предохранители сработали одновременно и по телу разлилось парализующее спокойствие. Я отпускал эту ситуацию. Нет, я посылал ее в задницу. Самара де Хин — обычный полукриминальный шнырь, который вчера метался по курьерским делам, не подписывался на все эти безумные приключения.

В то же время, горящие ромашки, которые заменяли волчице глаза, раскрылись в нашем направлении. Широкий изуродованный выхлопами рот приоткрылся. Я видел, как болезненно искажается воздух рядом с парами Шторма.

— Как вы уродливы, — прошебетали птицы. Их свист, шелканье и вопли сложились в непривычную отрывистую речь. — Я видела вас прекрасной парой атлантов, снимающих с неба звезды для огранки. Ясенем и елью, котом и фазаном, рукой и кубком. А здесь, где

камень тверд, а пух — мягок, явились ко мне сутулые псы.

Я не мог заставить себя говорить. Насколько уж Самара де Хин был мячиком, который судьба от скуки кидала об асфальт, ловила — снова кидала, но даже на краю гибели не обязательно было подыгрывать такому шизоспектаклю. Мне нужны были деньги. Человек-венчик, говорящий через птиц — нет.

Нас выручила Хо. Она спрыгнула с быка, по инерции сделав несколько неловких шагов, но быстро вернула своим движением уверенность и как-то с подвыпертом поклонилась волчице. Вероятно, так же она сгибалась перед родителями Сэта и гостями дома Холейгула.

— Всемогущая госпожа, — смиренно заговорила олива, — будет ли мне простительно спросить о вашем имени?

— Простительно, — вскрикнули птицы. — Я есть Мерелин. Сон и солнце. Жизнь и безмолвие. Защитница рода Лефран и его благословение. Береги это знание как алмаз в нерушимом ларце.

Судя по сжатым от гнева булкам, Хо сейчас думала о других парных титулах. Например: «мшистая манда» и «впалые сиськи». Честно говоря, я не уставал ей поражаться. Для Общества Должников Хо была бесценным кадром. Меня и Якоба, пожалуй, можно было заменить, но вот оливку...

— Госпожа Мерелин, — голос Хо вернул меня к действительности, — уже вид наш оскорбителен и навлекает беды. Но как нам оправдаться? Мы готовы были к любой встрече, если не на равных, то при своем достоинстве. Однако... Эти буйные звери, которых вы видите за мной, оказались неуправляемы. Такова злая шутка судьбы.

Птицы коротко чирикнули. Видимо это можно было считать смешком.

— Я знаю, знаю. Это я заставила их сбросить седоков.

Все-таки я не выдержал и у меня вырвалось недовольное «хм-а?!». Птицы снова хихикнули. В их блестящих от боли глазенках засветился Шторм.

— Чего теперь бояться? Я видела во снах, что ты погибнешь по-другому.

Я хотел уже ответить, что и сам много чего вижу во снах, и теперь обзаведусь кошмарами про цветочки, но из упрямства продолжил молчать. В то же время зажимы в стременах отпустили мои лодыжки, и я торопливо соскочил с осточертевшего седла. Оставалось только отнять у быка панаму. Бедолага переживала не лучшие времена.

— Почему вы их убили? — спросила Хо неприязненно.

— Штормовой народ преподнес нам чудесных тварей из тайного металла, Я наделила механические тела жизнью, чтобы они были секретом, сокровищем рода Лефран. И никто, никто, не должен был видеть их до поры. До самых отчаянных времен.

— А они еще не настали?

— Люпан убедил себя, что это именно так. И стал скакать на турусах будто он всадник апокалипсиса, но на деле: влюбленный юноша, не понимающий даже, что он любит! Это неприемлемо. Быки не его игрушка, и я показала, что может с ним случиться, если дурачок продолжит шутить с дарами полубогов. Турусы останутся со мной, здесь, в покое, которого заслуживают. Подойдите, мои бессловесные гиганты.

Быки послушно прошли до волшебного тазика и улеглись с трех сторон от него, словно сторожевые псы. Теперь вся эта композиция выглядела как иллюстрация к альбому софт рок-группы семидесятых.

Я вдруг вспомнил, что Григорий говорил мне про покровительство Мерелин, и не выдержал:

— Извиняюсь, а когда нам отдадут деньги? Я принес вам доспех честно украденный у тенебрийцев, и пока слабо понимаю условия сделки. Долго вы еще будете мариновать нас в вине, прежде чем зажарить окончательно?

— Еще немного.

— Да какого...

— Больше мне нечего вам сказать, мокрые пташки. Меня ждут сновидения, где нет кошмаров вроде вас.

И Мерелин снова погрузилась в толщу воды и козьих тел.

— О, — олива пожала плечами. — Ну понятно. Извините, что побеспокоили, госпожа. Приятного вам сна.

Она повернулась ко мне.

— Штормовой народ?

— Мне насрать. Как отсюда слезть? Я сыт по горло этой чертовщиной. По правде говоря, я бы и тут уже спать улегся.

Но мне не пришлось. В камне открылась потайная ниша с лестницей и мы с Хо быстренько ей воспользовались. Внизу была комната, где на мягком диване сидело несколько человек в голубых рабочих комбинезонах как у Хо. Еще двое играли в шашки. Третий — рылся в холодильнике. Заметив нас, спускающихся вдоль стены, ребята потеряли интерес к своим занятиям и стали пятиться к двери. А потом выпорхнули из нее, словно стая свадебных голубей из коробки.

Я в изнеможении повалился на диван. Хо отыскала в холодильнике брикет творога и бутылку воды, после чего уселась прямо на пол и принялась жевать и булькать. О, Леди. Наконец-то я оказался в светлом безопасном помещении с диваном. Все произошедшее мгновенно оказалось за бортом. Я кайфовал.

— Первого, кто появится в дверях, я пристрелю.

— А если это будет Лефран?

— Тем лучше.

Но это оказались стражники. Нас быстренько повязали, отобрали у меня железку, и повели вниз по башне. Парни были ошеломлены не меньше рабочих. Возможно что-то такое госпожа Мерелин уже позволяла себе в прошлом, потому что первичного допроса не было. Больше того, никто из шестерых секьюрити вообще не сказал нам ни слова. Единственными кто непринужденно болтал, были бараны и козы, загоны с которыми помещались почти на всех пройденных этажах. Аппетиты у волчицы и ее дерева были немалые.

В конце концов нас завели в какую-то комнату, пустую как голова лонгатского подростка и заперли. Хо со злостью пнула дверь и закричала.

— У тебя еще остались силы? — спросил я, укладываясь на пол.

— Задолбали, — всхлипнула Хо. — Сколько можно? И творожок не дали доесть. Ты знаешь, как я голодна? Я начну с твоей пятки, если они сейчас же нас не выпустят и не накормят!

— Извини, не могу предложить майонез.

Молчание.

— Хо.

— М?

— Почему ты ведешь себя так?

— М-м-м?

— Как идиотка. Если б я не знал тебя, подумал бы, что ты хочешь произвести на меня впечатление.

— Я не понимаю, о чем ты.

— О всех тех случаях сегодня, когда ты пыталась угробить себя. То, что мы делали в машине, хотя бы имело смысл. Но за каким хреном ты остаешься под летящим вниз колоколом? Ты знаешь, обычно мне плевать на то, что люди делают со своей жизнью, но еще одна такая выходка... И между нами все кончено. Я не собираюсь больше нести ответственность за чью-то смерть кроме своей. Хватит с меня. Ты поняла?

Молчание.

— Я...

Хо не успела закончить. Сегодня, будь я проклят, в цитадели Фран захлопали двери. В комнату ввалились техно-рыцари, за которыми степенно вошел человек, которого я сперва принял за Люпана. Но это был не тот Лефран.

— Приветствую вас, застенцы. Мое имя Людвиг. Людвиг Лефран. Могу ли я принять вас как желанных гостей моей цитадели?

Глава 12. И снова скучная глава

Интернет — бездна знаний. Технология, что хранит прошлое, поддерживает настоящее и строит будущее. Дар Аквитаников всему свободному Немосу!

Килобиты информации бегут в отсталые мозги. Суеверия и нетерпимость горят в синем очищающем огне. Плывут облака. Раздается благоговейное пение. На пустошах вырастают призраки будущих городов, окруженных садами и парковыми зонами. Фуги вдыхают запах листвы, глядят траву короткими лапками. Засвет.

Конец дурацкой фантазии.

Прошло пятнадцать лет с того момента, как палочники приняли дар спутникового и кабельного сообщения, и тут же запихнули его в карман. Они продавали интернет-трафик нижнему шестку курятника за деньги, сравнимые с доходами от наркотрафика. Коротышкам же предлагалось поверить, что палочники самостоятельно создали информационную сеть, через которую можно было обмениваться не только порнографией, но и экстремистскими материалами. Свободно.

Ну а что такого?

Тенебрийцы считали сверхприбыли, получаемые из предательского воздуха, и плакали. Им удалось сделать реплику сетевой технологии, но как следует настроить и ограничить ее — только в Гарзоне и Тенебрии. Лонгаты и Фуги, по понятным причинам, оставались за бортом: фугам не нужна была порнография и заговоры, лонгатам — любые технологии, через которые палочники смогли бы заглядывать к ним в будуары.

Немос же, согласно договору о передаче знаний, оставался свободным от блокировок. Сумусы опасались, что при таких раскладах в будуары могут заглянуть уже к ним, но аквитаники не оставили в комнате ни единого запасного выхода. В чем заключался их интерес? Шпионаж за трафиком — несомненно. Особенно сбор компромата на руководство Компании, а следом — на всю верхушку Тенебрии. Так считало параноидальное ССТ.

Кое-что заблокировать им все же удалось. Удалось так же полностью обезопасить личные аккаунты сумусов и первых чиновников Немоса. Кроме того, за пользование сетью, и регистрацию в ней, палочники заломили такие цены, что простое скольжение в сети было развлечением исключительно для среднего класса. Продвинутым аккаунтам полагалась хорошая скорость, защита от слежения и взлома, а также — набор премиальных аватарок. Бедняки же довольствовались созерцанием медленно загружающейся картинки с извратом, который снимался на фотоаппарат и становился поводом для недельного обсуждения. Разумеется, в таких условиях, у глубинного человека просто не оставалось времени на поиск запрещённой литературы или бесед в подозрительных чатах с продольным шифрованием.

Таким образом тенебрийцы прямо не нарушали положения договора — интернет принадлежал всем. Никто ведь не способен назвать абсолютной величины или нормы информации, которая полагалась живой душе в сутки, а? Аквитаники молчали, и это было хорошо. Это значило, что равновесие интересов — достигнуто.

— Ну че? — Администратор поглядел на Якоба поверх очков. — Машину открыть, или к знакомым? Учти, если будет больше трех на стуле, охрана вышвырнет всех, включая пользователя. Не подставляй людей.

— У меня аккаунт. Безлимитный.

— Слушай, арлекино, у меня таких как ты уже десять за сегодня было. Почему вы все думаете, что безлимит, это когда выпиваешь литр стекломоя и вваливаешься сюда, чтобы мешать остальным? Получишь в морду, и больше ничего... Ну? Берешь минутку или нет? Быстрее, у меня эфир протекает.

Ретро улыбнулся. Парень действительно выглядел крайне занятым набором конечностей. Он был худ, бледнокож и опрятен назло омерзительной духоте нагретого машинами подвала. Одежда молодого лонгата пропахла электричеством. Пальцы вслепую щелкали по клавиатуре.

— Что протекает?

— Эфир. Номы-номы, мани-мани. Ну чего ты пялишься мужик? Тебе точно не в пивную надо? Ближайшая через улицу, смотри только с лестницы не загреми. Она там крутая. Если увидишь внутри типа с узенькими глазами, скажи, что я скачал ему...

Детектив ударил ладонью по столу.

— Эй! Ты чего буйный что ли? Я тебе сказал...

— Это я тебе сказал, парень. Следи за артикуляцией, если эфир тебе в уши попал: у меня есть доступ к безлимитному аккаунту. Просто включи мне машину, а дальше я сам разберусь.

Администратор помолчал, не переставая печатать.

— Ну ладно. Есть так есть. Просто имей ввиду, что, если будешь без дела занимать место... Девятое место...

— Спасибо.

Ретро поклонился гарзонцу, внимательно следящему за ним со своей табуретки. Охранник раскрашивал картинку по номерам. Проблема была в том, что в распоряжении у него был только синий фломастер, так что зашифрованный тортик получался слегка однотонным.

Гарзонец неуверенно кивнул в ответ, но взглядом показал, что готов подняться в любой момент.

Атмосфера в подвале была тихой и сосредоточенной. Никто не бухал, не кричал, не пытался вытрясти еще немного килобайт из проводов. *И ни на что* не отвлекался. Посетители, не отрываясь, глядели в экраны моноблоков. Лица их были неподвижны и подсвечены синим. Всем было известно, что, если вот так смотреть в монитор, что загрузка нужного файла будет идти быстрее, и с меньшей вероятностью прервется из-за ошибки.

Существовали интернет-клубы и другого типа, где информация текла рекой, где люди пили, веселились, смотрели киноновинки и пробовали недавно выпущенные игры. Разумеется, все эти люди были в два раза выше Якоба...

Он сел за девятый компьютер. Тот ждал, разлепив тусклое око-квадрат. Образы бесконечно сношающихся людей, отпечатались в его электронной сетке, а чугунные внутренности износились еще до рождения матушки Фитцвиль.

Детектив ввел данные Сэта и стал ждать, пока машина прогреется, прощелкается и выдаст все свои тоскливые «бипы» и «бапы». Где-то за фанерной перегородкой закричал лонгат. Судя по возгласам электроны кинули его, не дав насладиться заросшими прелестями гарзонской богини. Вопли в таких обстоятельствах были понятны и даже простительны, но потом безутешный дровича принялся избивать машину. Это уже было преступлением.

Охранник мгновенно согнул посетителя в рог и выкатил на улицу, как следует пересчитав головой ступени.

«Подтвердите, что вы не отсталый». Чтобы получить окончательный доступ к аккаунту нужно было решить уравнение с одной неизвестной. Своего рода шутка, придуманная программистами Тенебрия Нумерис для развлечения пользователей.

«Доступ в верхний интернет — ... ..»

— Давай же, милый.

... ..»

— Сколько же на тебе пятен.

... ..»

— Ту-ту-ту. Тап-та. Ву-у-у!

... .. открыт».

Якоб тщательно нащелкал адрес и попал в Тенебрия Статус: популярную площадку для социальных вбросов. Здесь среднерожденные палочки вели странную войну-общение, создавая страницы-крепости и ведя атакующие блоги. Все фотографии и картинки сопровождалась провокационными фразами. Все открытые письма обязательно кого-нибудь критиковали, либо превозносили автора строк. Любимым развлечением в этом жутком кибергороде было информационное убийство. Невнимательных палочников, пропустивших очередную культурную повестку, низводили до состояния парии, и вышвыривали в нижний интернет. Для медийных личностей это было равносильно изгнанию за городскую черту и твердой почвой для суицида.

Последний месяц на повестке была яростная критика ресурсодобывающей корпорации ЭкоКаптив за введение усиленной техники безопасности и сопутствующее замедление добычи. Часть совета директоров выдвинула инициативу более аккуратной вырубке лесов, что помогло бы не допустить полное опустошение Немоса лет через сорок-пятьдесят. «Что будут делать наши дети на мертвом континенте?» — спрашивали они. Это был интересный вопрос. Большинство разгневанных специалистов, (жителей Немоса, что характерно) писали, что после окончания добычи, всех чистокровных тенебрийцев с паспортами — вернут домой. А добычу нужно вести теми же темпами, чтобы предупредить внезапное возвращение штормовых времен. Нужно успеть выкачать из Немоса все. ВСЕ. Как говорится «пока не началось».

В этом свирепом гвалте пробивались слабоумные комментарии навроде:

«А что, если штормовые времена вернуться лет, скажем, через сто? Двести? Триста? Немос к тому времени превратится в пустошь. Мы не хотим жить на пустоши. Никто не хочет жить на пустоши. Даже фуги. Тенебрийцев тогда просто линчуют. Быть может нам следует оставить хоть немного деревьев на возобновление?».

Таких умников немедленно отменяли, и отвечали сами себе:

«Нас всех вернут на родину, за могучие стены Периметра. Вы что, блять, тупые?».

Тогда находились другие умники.

«Прошу прощения, а что, если я не хочу возвращаться за могучие стены Периметра? Мне и здесь хорошо. Подумайте сами, в Тенебрии почти не используется труд отсталых, а все «чистые» должности, вплоть до кассира, передаются чуть ли не по наследству. В то же время на Немосе по самым общим прикидкам уже проживает тридцать миллионов чистокровных тенебрийцев. Какую нишу мы займем по возвращению? Вольёмся в касту низкорожденных и будем чистить уборные? И потом. Как же свобода?».

Свобода.

Немос был, — хоть и не без оговорок, — тем редким местом, где ТСБ не мониторило

твою жалкую жизнь двадцать четыре часа в сутки. Можно было смотреть местные и гарзонские телеканалы, вызываяще одеваться, читать и слушать, все, что удавалось достать. В известных пределах, разумеется. Можно было дружить с отсталыми, и даже «совать и принимать» с ними.

На патриотов железного континента нападали корчи.

«Тенебрия — самый свободный континент. Опровергни меня».

Когда у них спрашивали, почему в местном домене Статус Тенебрия так мало людей, действительно проживающих на исторической родине, и что означает существование у них отдельной площадки, все оканчивалось информационной отменой распоясавшегося дурачка.

Забавно было и то, что на гарзонской площадке того же толка, под названием «ФэйсДеск», что дословно переводилось, как... доска-лицо... общая атмосфера была совершенно иной. Там царил мир, спокойствие и всеобщее братание. Очевидно, это было связано с уставшим от войны менталитетом гарзонцев. Морской народ довел их до такого состояния, что в интернете они искали только скромных развлечений и ненапряжного общения по интересам. Даже те гарзонцы, кто родился на Немосе, и никогда не участвовал в битвах, перенимал этот сигнал общей усталости и стремился к пацифизму.

Что, конечно, не касалось лонгатских обезьян. Но их прощать было нельзя.

Какой из этого следовал вывод? Люди ищут в сети то, чего им не хватает, только и всего. Если общество заинтересовано в скандалах, склоках и взаимных обидах, значит им слишком хорошо живётся в реальности.

Якоб заметил, что уже десять минут читает сообщения в общем чате и шлепнул себя по бороде. Черт побери, да возьми же ты себя в руки. Давай еще запустим какую-нибудь игру, у тебя же полно времени.

Щелк-щелк-щелк.

Ладно, что тут у нас в общем доступе на страничке Тутмоза? Фотографии реплик, внутренности дорогих квартир. Глубоководные бассейны и мотивационные надписи. Как оригинально. Кулинарный блог? Ну этот, наверное, любит запекать и жарить своих подчиненных. А еще варить и тушить на медленном огне.

Ретро откинулся на стуле, почесывая обнаженную грудь.

Так, счистим шелуху. Вот подборка с пометкой «Я»: коротко и ясно, что-то личное. Посмотрим: Господи, сплошные буровые установки и нефтяные вышки. Помешался он на них что ли? А подписи-то, подписи. «Берем Немос». «Черное золото». «Бурим все». «Родина — жди огня».

Якоб усмехнулся, прочитав последнее. Ну и пророчество. Так, где тут общий вид?

Фитцвиль снова не выдержал и отвлекся на текстовую сноску, под названием: «Друзья и враги». В ней Тутмоз Гисбуди рассказывал о своей борьбе с тяжелой формой легочной эмболии: распространенным у палочников заболеванием. В ту же корзину, что постоянные разрывы аорт, и общие проблемы с кровоснабжением. Там он рассказывал о том, что свой вклад в противостояние с врагом (в виде болезни), могут внести даже самые незначительные соратники (в виде домашнего животного).

По-видимому, имелся ввиду Эхсин.

Тутмоз писал, что, как только у него появился этот замечательный зверек, самочувствие палочника улучшилось и удалось легко перенести две операции по извлечению тромбов.

Так-так.

А что у нас на стене сообщений?

«Дорогие друзья и все неравнодушные. Сегодня, в семь часов тридцать две минуты утра Тутмоз Второй Гисбуди скончался от травм и осложнений, связанных с заболеванием. Вся подробная информация на странице его дочери Скаалы Гисбуди».

Ретро задумался. Он поискал новости об аварии на трассе, но ничего не нарыл. На странице Скаалы говорилось, что ее милый папа оказался на больничной койке после того, обезумевшее домашнее животное прыгнуло водителю на голову и спровоцировало столкновение реплики с идущим на встречу лонгатским фургоном-скотником. Фургон скрылся с места происшествия. Переднюю часть реплики смяло в гармошку вместе с несчастным водилой. Бедолагу разорвало попавшим в салон двигателем.

— Понятно, — протянул Якоб.

Читать дальше смысла не было.

Он вернулся к фотографиям и уставился на них пустым взглядом. Палец щелкал по кнопке «вправо».

— Ч-черт, — сказал он, внезапно подобравшись. — Вот ч-черт! Якоб, чертов ты идиот, почему ты сразу всего этого не сделал! Он был там. Прямо у тебя в руках!

Якоб знал, почему. Слишком сильно его поджимали первые часы и желание напасть на горячий след. Вот только поторопившись, он взял след и совершенно позабыл хотя бы иногда поднимать нос чтобы осмотреться по сторонам.

— Что приятель, тоже загрузка крашнулась? — сочувственно спросили через фанеру.

— Нет, приятель. Я сам крашнулся.

В каком-то смысле, это было даже забавно. В характерном для Общества Должников идиотском стиле. Сначала Самара выбросил Эхсина из машины, потом Якоб прошел мимо и отправился домой трахать лягушку. Ква-ква-ква! Если бы она забылась и сказала ему. Если бы только она хоть словом обмолвилась. Намекнула... «Выпорхнул в окно» — услужливо напомнили сумасшедшие мозги.

Блять!

Ретро сорвался со стула и быстрым шагом покинул клуб. Занятой администратор коротко блеснул очками вслед и отрубил девятую машину. Сдержанные улыбки обнимающихся палочников, Тутмоза и Никтея — погасли.

Погас и пронзительный взгляд юноши, что лежал у их ног. Печальный и мудрый, словно взгляд уставшего божества.

Крылья были сложены, прикрывая пах.

У эконом-такси, которое приехало за Сэтом была твердая лежанка, убранная одноразовым покрывалом из пленки. Напоминало это все только разделочный стол в больнице. Водитель курил электронную сигару. Радио крутило гарзонский рэйп. Замок на боковой двери — заедал.

— Вы немного равнодушны по отношению к клиентам. Кажется.

— А? — повернулся к нему парень.

В нем, в отличии от машины, все было в порядке, все сверкало, лучилось и работало от души.

— Я говорю, плевать вам на мой комфорт.

— Да кому ж не плевать на бедняков, — был веселый ответ. — Прощения просим,

масса, но вы ж сами понимаете, как контора тачку обслуживает, так она и ходит. Это им на вас плевать, масса, хотя они такие же палочники, как вы, клянусь Господом. Такие длинные, что лиц не видно, масса!

Гарзонец добродушно рассмеялся.

— Будь моя воля, масса, я бы все здесь заставил холодильниками и обложил девочками. Не ругайтесь.

Хoleyгула слабо улыбнулся. Да, с этим водителем ругаться было совершенно бесполезно. Не интересно. Пить кровь Хина было куда веселее.

Оставив на чай водителю последние полнома, Сэт постоял немного, выкуривая невидимую сигарету. Он старался представить себе вкусную сигарету из хорошего табака и коротким фильтром. Неплохо было бы еще плотнуть воображаемого виски, но сейчас Сэту требовалась ясная голова. Он прекрасно видел Кровавых Воротничков, дежурящих у своего передвижного фургона-офиса.

Выглядели ребята так же, как и назывались. Строгий дресс-код: брюки, красные рубашки, жилеты и сдержанные прически. ОПГ по сути, Воротнички, тем не менее тщательно следили за своими бумагами на коллекторскую деятельность. Они заключали с банками официальные контракты, но соблюдали их, плюс-минус, опираясь на собственную фантазию. Например, никто не разрешал им заниматься микрокредитованием. Воротничков это не останавливало, ведь на кону была макро-прибыль.

Свободный материк, свободный город и совершенно свободные ребята похожие на ходячий анекдот. Анекдот, который вызывает желание оскопить рассказчика.

Сэт выплюнул воображаемый окурочок в урну.

В истории Гарзоны была эпоха так называемого Дикого Севера, когда половина материка была подконтрольна Президенту, а вторая — напоминала кабак широты необозримой. Там действовало право сильного, каждый бугор выдумывал свои правила и законы, бандитов было больше, чем порядочных людей, а зачатки полицейских институтов представляли собой мстителей в масках. Последние в процессе «отмщения» могли учинить столько «сопутствующих жертв», что возмездие превращалось в бойню.

В то же время, любой человек мог обогатиться на золотых приисках, скотоводстве и «трудоустройстве» местных дикарей, потомков рыболодов. При этом правительство не стояло у него над душой. Нужно было всего лишь не трусить и метко палить из винтовки по тем, кто не видел честного труда. Именно поэтому законники так долго не могли пересечь условную границу между Югом и Севером.

Кроме бандитов и фермеров на Севере был и третий вид промышленяющих. Шарлатаны. В эту касту входили все те, кто не имел реальной силы, но обладал пронырливостью, фантазией и решимостью взять свое без пушек и тяпок. Лжефармацевты с мазями для увеличения, уменьшения, опорожнения и омоложения. Лжеизобретатели с проектами самокопающих, само-сеющих, само-собирающих машин и мешками волшебных удобрений из навоза смешанного с блестками. Ну и, разумеется, до сих пор не вымершие фараоны с самыми невероятными фондами, исчезающие на пике своей популярности вместе с деньгами, собранными на строительство золотодобывающей шахты.

Условным четвертым типом были подтянувшиеся законники, что ознаменовало конец лихого, но интересного времени. Те зарабатывали насаждением государственности и откатом с налогов, называемых странным словом «зарплата».

Немос прожил точно такую же эпоху и все еще находился в ней по колению, а то и по...

бедра. Тенебрийцы понимали: если они будут бесконечно закручивать гайки, материк будет бесконечно восставать против них. Память о Второй Освободительной была еще свежа, так что ГО занималось в основном защитой, а не расследованиями.

Таким образом, как и в стране буллбоев и бандитов, все здесь можно было превратить в деньги. Но до этого *все* нужно было сначала *додумать*.

Кровавые Воротнички были чем-то средним между бандитами и шарлатанами. Пользуясь необразованностью населения, они втягивали людей в долговую кабалу. Пользуясь сырым Немосским законодательством и денежной смазкой, они легко уходили от юридического преследования. И, в конце конов, пользуясь дубинками и ножами, убирал тех, кто пытался их уничтожить.

Слава богу в Новой Победе хотя бы не водились мстители в масках. Достаточно компетентные во всяком случае.

В конце концов часть Воротничков разошлась по переходам в поисках жертв. Остальные скрылись в фургоне. Внутри кто-то завопил: кажется, из него грубою рукой выдаивали проценты.

Самое время атаковать. Хoleyгула неторопливо зашагал к зданию бумажной фабрики «Grin-In-White», принадлежащей гарзонскому миллионеру Джеффри Боулу. В подвале кирпичного здания ютилось несколько мелких типографий и даже один фальшивомонетчик, по кличке Два-Ноль. Его так звали, потому что он специализировался исключительно на двадцатках, и был известен настолько смехотворным качеством подделки, что ГО не воспринимала его всерьез.

Фургон стоял прямо у КПП, у забора слева: Воротнички ничего не боялись. Странно даже, что не загнали машину внутрь территории. Видимо Койни не нравился шум станков.

Сэт подошел к бетонной ограде и аккуратно откусил часть колючей проволоки бокорезами. Ее тут было немного — всего один виток как дань традициям. Одно из преимуществ высокого роста — бесстрашие перед заборами. Никто не делает их выше, чем нужно, чтобы какой-нибудь Дюбуа остался по ту сторону от ценных вещей. Палочники не склонны к преступлениям, если они связаны с необходимостью перелезть через заборы. А зря. Ведь как удобно!

Оказавшись по ту сторону, Хoleyгула все так же неторопливо пошел в сторону металлических дверей, ведущих в «нижние офисы». Крупные предприятия часто сдавали подвалы различным ушловатым личностям, и даже под жильем фугам, так что без присутствия посторонних на территории было не обойтись. Впрочем, палочник в дорогом костюме выглядел через чур посторонним. Сэт ощутил на себе взгляды, но продолжал идти так непринужденно, как будто само небо лишило его всех мирских забот.

Из дверей вышел Воротничок. Обычный лонгаденъш с лицом из книжки «Клинические отклонения в развитии». Увидев Сэта он раскрыл рот, а потом, к несчастью, задумался, вспоминая инструкции. Пока он тормозил, палочник успел приблизиться и так саданул красную рубашку ногою в живот, что тот вырубился еще до удара о дверь, из которой соизволил выползти.

Для этого даже не пришлось как следует поднимать правую пинательную.

Хoleyгуле стало легче, даже похмелье пропало. Как Принц ненавидел фараонов и гум-спекулянтов, так Сэт ненавидел тех, кто пытался обесценить его кропотливую работу юриста. Он что, зря учился шесть лет? Надрывался, читал, запоминал, сдавал экзамен что б получить лицензию? Учеба пристрастила его к алкоголю и толкнула в руки женщин. Вывела

на ковры дорогих казино. Сломала жизнь! Любой, кто будет превращать его победы на этом поприще в дерьмо, будет наказан. Любой.

Разумеется, Сэт не мог пнуть в живот банк Стичигенрн Ра, но на Койни и его хитрых дегенератах он обязательно отыграется.

— Какой же у них код? Совсем запамятовал. Четыре нуля или четыре единицы?

Оказалось — четыре единицы. ГО-шники никогда не догадаются. Серьезно. С нулями у них еще более-менее получалось, но эти чертовы единицы вечно ставили палки в колеса.

Господин Холейгула открыл дверь, и отклонился назад так, словно собрался поиграть в лимбо. Подвальные помещения, как и заборы, редко проектировались под нужды палочников, ведь лишние расходы были ни к чему там, где полагалось работать только коротышкам.

Итак, господин Холейгула отклонился назад, удерживая голову над плечами, руки он сложил на груди, да так и пошел, далеко выставляя ноги. Это была Походка Сэта Холейгулы Для Низких Потолков. Личное изобретение, пока что не запатентованное. По мнению Главного Должника, данный способ путешествия в царстве карликов был наименее унизителен.

Ах, если бы только эти карлики не были его основными нанимателями... Чертова нужда! Всем правит нужда!

Слава богам в коридорах было пусто. Однажды навстречу выскочил фуг-уборщик, но исчез так быстро, словно мироздание моргнуло и забыло о нем. С трудом вспоминая нужные направления в этом сволочном лабиринте, Холейгула добрался до двери с надписью «Документы».

Лишь одно слово, но как много оно значило для незащитных.

Сэт без всякой застенчивости постучал в дверь каблуком. Ответа не было. Тогда палочник постучал сильнее, да еще гаркнул:

— Открывайте!

Он стучал до тех пор, пока в ответ не заголосили:

— Чего вам еще нужно? У нас не осталось ничего, кроме носков! Убирайтесь!

— А какой у вас размер? — спросил Сэт. — У меня как раз продырявились.

— Что? — недоверчиво переспросила дверь.

— Я говорю, открывайте, лупоглазые нищebroды, — меланхолично проговорил палочник. — У меня поясница так устала, что я за каждую лишнюю секунду перед этой дверью разобью по фугской голове в свою яичницу.

Дверь открылась. Из нее осторожно выглянул краснощекий фуг со строительной каской на голове.

— Господин Холейгула, — обрадовался он. — То-то я слышу ругательства знакомые! Как в прошлый раз!

— Это пароль, а не ругательства. Открой дверь пошире.

Фуг засуетился. Он распахнул дверь внутрь, и тут же принялся кричать:

— Это свои, свои! Все нормально, опустите оружие.

Воины подчинились. На лицах проступили улыбки. Узнали. Тем не менее, работники продолжали оставаться на месте, собственными телами закрывая подступы к печатному станку — выдавшему виды ветерану, готовому к срочной переплавке в наковальню. За ним шли рабочие столы для более тонкой работы, копировальная машина, принтер и лаборатория в стеклянном кубе. В углу чернели швейные станции для олив-портних.

— Здравствуйте господин Холейгула, — прохрипели они, смущенно улыбаясь оставшимися зубками.

Дубинки и велосипедные цепи оливы застенчиво крутили в руках.

— Добрый день дамы, — ответил Сэт. — Прекрасно выглядите с этими гаечными ключами. Господа?

Он посмотрел в сторону трех фугов и двух лонгатов мужского пола. Они заметно расслабились и уселись прямо на пол. Выглядели ребята неважно. Засыпали прямо на затоптанных листках с образцами текстов и обрезках бумаги.

— Ну наконец-то хоть кто-то что-то предпримет, — сказал один из лонгатов слабым голосом.

— Господин Ха, — приветливо махнул лапкой фуг по имени Толси. Сэт тоже запомнил его с прошлого раза. — Рады вас видеть. Даже очень.

— Шторм свидетель, — вздохнул фуг Пипф, — тот, что бесстрашно открывал дверь.

Он был правой рукой Хагарт, и поэтому до сих пор держался бодро, сохраняя микроскопическую осанку.

— Рады? — переспросил Холейгула. — Что-то незаметно. Где же моя прекрасная госпожа?

— Вы пришли без предупреждения, — как бы извиняясь пробормотал Пипф. — Она... Спит.

— Спит? — удивился Сэт. — Мы устроили такой шум, что проснулся бы даже мой дядя. А ведь он умер.

Пипф покачал головой.

— Нет, господин. Вы не представляете, как она устала. Она говорила с вами когда я был в кабинете, а потом сразу уснула прямо за столом. Мне показалось, что разговор ни к чему не привел, так что мы вас не ждали.

Сэт посмотрел в сторону красной обшарпанной двери, которая вела в кабинет Пулли.

— Что ж, понятно, — сказал он. — Как бы то ни было, я позволю себе вклиниться в ее напряженный график.

— Пожалуйста, господин Сэт, — Пипф сложил лапки на груди. — Пожалуйста.

Палочник пренебрежительно хмыкнул и прошел к двери чуть быстрее, чем требовалось. Боль в пояснице была такой, как будто он отработал двенадцатичасовую смену шлагбаумом.

Стук-стук-стук.

— Хагарт! Это я, Должник. Вы меня вызывали на ковер. Кажется.

Тишина.

— Я же вам говорил. Входите, входите, не заперто.

Пипф толкнул дверь и Сэт, мокрый от испарины, вплыл в кабинет. Когда за спиной щелкнуло, палочник со сладострастным стоном перевернулся и упал на четвереньки. По крайней мере здесь ему стеснятся было нечего. Пулли уже видела его в таком положении. Голым. Собственно... Собственно она в этот момент сидела у него на спине и стегала по заднице кожаной плеткой. Вечер тогда удался.

Немного придя в себя, Сэт огляделся. Личная каморка Хагарт выглядела как игрушечный архивчик какой-нибудь крохотной бюрократической темницы. По-прежнему стояли плечом к плечу картотечные шкафы, белели маркеры, темнела в углу металлическая табуретка на колесиках. Ковер оставался таким чистым, что его можно было запросто использовать как эспертуа на одну ночь. Рабочий стол Хагарт, — изрядно затертый и

перетерпевший несколько реанимаций, — занимал его центр.

И только Пулли была совершенно иной. Полной своей противоположностью. Черные кудри склеились, пухлое лицо заострилось, круглые быстроглядящие глаза закрыли припухшее веки. Умилительный нос-картошечка был разбит, и губы, — целовательное безумие, — совсем обескровили.

Она спала в своем кресле, закинув очаровательные ножки на высоту столешницы. Колготки были в зацепках, пальцы глядели сквозь растущие прорехи, а легкое желтое платье совсем измялось. Рядом с креслом валялись туфли без каблуков и выпотрошенная сумочка. Сэт подполз к столу, и без удивления обнаружил пустую баночку сильного стимулятора. В обычной ситуации одной таблетки хватило бы на трех таких как Хагарт, но сейчас ей уже ничего не могло помочь. Полукровка спала как убитая, смешно посвистывая искаленным носом.

От матери ей достался цвет кожи и фигура. Отец передал все остальное, включая вышеупомянутую сопелку: лишний уязвимый хрящ. Довольно харизматичный, впрочем.

— Хагарт, — Сэт попытался растолкать девушку за плечо. — Просыпайся!

Свистящий труп. Койни осадил типографию как следует.

Хoleyгула пошарил на столешнице. Ему в руки попался конверт с деньгами и стопка захватанных бумаг. Палочник пересчитал наличность: да, это была его гонорар, цент в цент. Можно было прямо сейчас уйти отсюда подобру-поздорову с честно заработанными бабками...

Сэт вздохнул так тяжело, что затрещали стены. Он сел, прислонившись к столу и принялся быстро, как ведущая след собака, идти по строчкам. Довольно быстро он отыскал распоряжение банка и перечитал его. Да, все было сделано на пятерку, не подкопаешься. Сэт недооценил Стичигерн Ра, а по носу за это получила несчастная Пулли. Шторм побери, просто так на месте с этим не разобраться. Нужно будет снова идти в филиал Компании к Толигазми, или, еще лучше, к его брату.

Но Койни должен свалить отсюда прямо сейчас.

Кряхтя и ругаясь, Сэт поднялся на ноги. Затем принялся раздеваться...

Через несколько минут он вышел из кабинета, с непрозрачным продуктовым пакетом, который отыскал в кабинете. Измученный коллектив типографии глядел на него с надеждой.

— Вставайте, — сказал им Хoleyгула. — Время биться. Время защищать ваши дома... Я хотел сказать, рабочие места! Сколько еще вы будете сидеть здесь, словно придавленные метлой крысы? Сколько вам терпеть наезды Койни и его банды легальных грабителей? Нужно, наконец, выйти на свет и врезать этому сброду по шарам.

Работники неуверенно переглянулись. Тогда Хoleyгула снял с головы Пипфа строительную каску, которую тот использовал как барьер от затрещин и водрузил ее на голову вместо федоры.

— Я поведу вас.

Пипф благоговейно принял шляпу тенебрийца и посмотрел на остальных «Документчиков» полными слез глазами.

— Ну же, — поддержал он. — Сейчас или никогда.

— Господин Хoleyгула, а с документами, я так понял — беда? — несмело поинтересовался один из лонгатов.

— Нужно... Нужно поставить еще пару подписей.

— Оу...

— Да. Но пока! Пока вы сами можете отстоять свое право на свободу! Ни цента вымогателям! Ни сантиметра «Документов»! Бой Койни и всему Стичигерн Ра!

Оливы как самые отбитые из всей компании, воинственно закричали. К потасовкам им было не привыкать. Фуги — те были готовы умереть за это место. Лонгаты — шмыгали носами. Впрочем, и они, помявшись, взяли в руки водопроводные трубы и решительно насупились. Парочку гарзонцев бы вместо них, — подумал Сэт. Но, что имеем, то имеем.

Вывалившись из типографии, и надежно ее заперев, чтобы обезопасить Хагарт, они под звучащую в головах музыку пошли по коридору влекомые авторитетом Холейгулы. Музыка была воинственная, с барабанами и басами.

Армия «Документов» перебралась через забор и в мгновение ока снесла охрану. Караульным и в голову не приходило, что кучка бывших алкашей и трусливых карликов может взбунтоваться.

Да еще привести с собой палочника.

— Койни! — крикнул Сэт голосом юного ангела.

Вышло так, словно звали возлюбленную, но Холейгула успел распалить себя до такой степени, что ему было наплевать, кто там что подумает о качестве его боевых кличей.

— Выходи, трупоед, кишечная палочка, копролит, мазок на гонорею! Ты и Стичигерн Ра ступили на лестницу ведущую на подземный этаж.

Какое-то время его вызов оставался не отвеченным. К фургону стекались Воротнички. Их набралось человек десять — крепкие лонгатеньши и пара оливы. В руках они сжимали телескопические дубинки и полицейские тазеры. Самооборона, господа, простая самооборона.

— Сэт Холейгула, — проговорил Койни, спрыгивая на землю. — Не смог смириться с поражением? Тебе лучше оставить практику с таким-то отношением к неудачам, а то инсульт хватит.

Он прошелся гребешком по идеальному золотистому пробору и лучезарно улыбнулся. Для лонгата он и впрямь выглядел неплохо, словно его предков поколениями тщательно мыли собачьим шампунем и не давали спариваться со свиньями, чтобы не рождались обычные лонгатские дети.

— Инсульт меня хватит от твоего акцента, — сказал на это Холейгула. — Говоришь как будто полнома в зубах застряло. В общем так, Койни, я знаю, что это твоя работа, но лучше тебе перезаключить контракт. Произошла ошибка и разночтение в бумагах, но вскоре Стичегерн Ра получит здоровенный хер в ноздрю и отстанет от госпожи Хагарт навсегда. Не лезь в это дело всего один день и мы обойдемся без кровопролития.

Златовласый Койни с игривым изумлением потер шелковистые усики.

— Сэт, — весело сказал он. — Ты как-то странно себя ведешь, честное слово. Ты что, запал на Хагарт? На эту зеленую коротышку? Раньше мы с тобой сталкивались по куда более серьезным причинам, а теперь я как будто оказался на дуэли чести с двенадцатилетним. И потом, какой еще хер в ноздрю? Общение с Хином плохо на тебя влияет.

— Это вопрос деловой репутации, — не смутился Холейгула. — Ты меня знаешь, пиявка, я ненавижу когда мои труды пускают под откос. Я разберусь со Стичигерн Ра. Они отзовут тебя завтра же.

— И завтра же я уйду. Не раньше, чем получу указания от нанимателя. Все документы в порядке. Тенебрийское право, новотенебрийское право Немоса, моральное превосходство и превосходство численное — все это у меня.

Его свита одобрительно заворчала. Армия «Документов» — съежилась.

— Вот как, — зловеще промолвил Сэт. — Но ты забываешь о другом праве. Кажется...

— Я слушаю, — невозможно было сказать, напрягся Койни или нет, но Воротнички приготовились к битве.

— Гарзонское право, — провозгласил Сэт. — Устаревшее, но не потерявшее актуальность. Пункт десятый закона о Ростовщичестве. «Ростовщик лишается права изымать деньги у должника, если тот способен изгнать его со своей земли».

Койни закатил зеленые глаза.

— Перестань, Хoleyгула! — он разозлился. — Вам не выстоять. Кроме того, это — свинство, ставить нас в такое положение. Хочешь воспользоваться тем, что никто не рискнет трогать тенебрийца? Я — трону, будь уверен.

— Нет, — возразил Сэт. — Это действительно свинство, и я бы никогда на такое не пошел. Но, послушай, пиявка, нам и не нужно будет драться, если сработает один мой трюк.

— Прощу прощения? — Койни приподнял бровь.

К его ногам упал продуктовый пакет, брошенный Сэтом. С минуту ничего не происходило.

— Не сработало, — констатировал Сэт. — Надо было взболтать его сильнее. Что ж... В атаку воины «Документов»! В бой!

Он ринулся в сечу первым далеко вытягивая ноги. Сэт лупил, прошибал, ронял и притаптывал. Команда типографии тоже дралась как в последний раз. Даже фуги. В конце концов Койни получил велосипедной цепью по растрепавшемуся пробору и завопил:

— Ну все, все, хорош...

Драка мгновенно замерла. Сэт отшвырнул полупридушенного Воротничка, и за шкуру поднял лежащую рядом оливу.

— Вали по-хорошему, — сказал он отдуваясь. — Ты здорово приложил мне по печени, можешь считать это щедрой компенсацией собственных издержек.

Коллектор злобно оскалился кровавыми зубами.

— Если бы не свидетели... — он помедлил, взглянув на вышедшую охрану.

— Эй, — крикнул один из них. — Ты заплатил только за постой, белобрысый, про драки и слова не было! Давай-ка уматывай отсюда, пока мы не вызвали ГБР.

— Видишь? — Сэт пытался привести в чувство Пипфа, получившего бодрящий удар тазером. — Все хотят, чтобы ты ушел. Шляпу мне растоптали, сволочи! Ты должен мне новую федору, пиявка!

После того как фургон скрылся за углом, армия типографии издала победный клич.

— А ну заткнитесь, — прикрикнул охранник. — Вас тоже можем выставить. Хозяин не терпит суеты на территории.

Сэт хотел напомнить ему, что хозяин наверняка не терпит и того, что его работники разрешают тусоваться разной погани рядом с проходной, но его отвлекла мелодия входящего вызова...

Глава 13. Придворные шуты

Лефран старший оказался рубахой-парнем.

Как только нас обыскали по второму разу, и убедились, что кроме револьвера у меня остался только природный ствол, владыка сразу отогнал рыцарей в арьергард. Это было кстати, потому что они загромождали пространство как распахнутые шкафы и заставляли меня нервничать. Никогда не любил ближний бой. Каждый раз огребаю на декаду вперед.

— Вы, наверное, сбиты с толку, — сказал Людвиг, оглядев нас как люди осматривают упавший в грязь телефон. С неприязнью, за которой, несомненно, стоит желание отмыть дерьмо и использовать вещь по назначению.

— Нет, вообще нет, — возразил я, наблюдая, как он вертит в руках мой револьвер. — Нас ведь сразу предупредили, что придется разнести половину Побережья. «Никаких проблем», — так я и ответил.

Владыка усмехнулся.

— Люблю, когда знакомство начинается с шуток. Пусть и сардонических. Впрочем, заочно мы уже знакомы, м-сье де Хин. Даже состоим в родстве.

Хо странно посмотрела на меня.

— Правда в очень отдаленном.

Людвиг сложно и путано объяснил нашу связь. Насколько я понял, его предок по отцовской линии как-то раз кончил на грудь женщине с моей фамилией. Это если совсем упрощенно.

— Это все, конечно, очень хорошо, — сказала Хо, отвернувшись от меня. — Но можно нам умыться? Я такая липкая, что у вас губы пристанут, господин Лефран.

Она многозначительно протянула руку.

Людвиг внимательно посмотрел на предложенное угощение. Зеленая, грязная, потная ручонка. Сломанные ногти, кошмарные сухие заусенцы, машинное мало ввевшееся до костей. И надпись «опасно» выложенная из кишечных палочек.

Пока длилась эта неправдоподобно длинная секунда общего замешательства, я разглядывал Папочку. В отличие от ряженного в этнические одежды Люпана, Людвиг прикидывался по-современному. Он носил адаптированную версию тенебрийских брюк-двузубок, широченный старф с оттянутой спиной и домашние туфли производства гарзонской Рибок. Все из бутика «Памс», который у нас встречался только в Жилом. Единственным старо-лонгатским атрибутом была царственная диадема на высоком лбу.

Пока я пялился на старика, он успел блестяще разрулить каверзу устроенную Хо.

— Мои губы недостойны, — бархатисто сообщил он, как бы извиняясь.

Олива уже хотела с усмешкой опустить руку, но Папочка подхватил ее ухоженными пальцами. Я злорадно хихикнул про себя, увидев, что Хохотушка вздрогнула от неожиданности. Эта мелкая засранка не всегда была готова к последствиям своих выходов.

Действуя одной рукой Лефран смазал губы какой-то бесцветной помадкой, и нежно поцеловал запястье Хо. Та готова была описаться, держу пари. Она снова посмотрела на меня. С ужасом. А что? Возможно, Папочка у нас по оливкам. Держу пари, старик перепробовал все возможные дырки, которые можно было достать в Новой Победе.

Будешь меньше выпендриваться, — ответил я плечами.

— Мне очень жаль, что вам пришлось поучаствовать в порке, которая предназначалось

другому, — седая борода Людвига скорбно встопорщилась. — По крайней мере, вы не ранены.

— А-ха, — я подмигнул симпатичной девчужке, которая зашла в тыл Папочки. В руках у нее был поднос. На подносе стояли наполненные бокалы. — Давай, милая, закончи начатое.

— Что? — Лефран оглянулся. — Ах да. Скорее дай нашим гостям глотнуть успокоительного.

Мы с Хо жадно расхватали бокалы и опрокинули все в течении нескольких секунд. Винишко оказалось неплохим и нам хоть немного полегчало.

— Не ранены? — переспросила Хо. — Да на нас живого места нет. Мы спасли ваш антиквариат от палочников и с тех пор только и делаем, что собираем пиздюли.

— Спасли, — мрачно повторил Людвиг. — Да, конечно, в каком-то смысле...

— Господин Лефран, — по коридору пронесся лаковый шнырь в одежде офисного трудяги. — Совет решили провести раньше...

Он горячо зашептал что-то боссу на ухо. Озабоченное выражение на лице Людвиг сменилось прямо-таки озверением. Я уж подумал, что он сейчас лопнет, превратившись в вонючее облако, или заорет как гарзонская музколонка.

Но он только выдавил, пуская слюни:

— И-ди-от...

А потом как гаркнул, вдогонку:

— Баран!

Я уж подумал, что его хипстерское величество обращается ко мне, однако мыслями Папочка был уже очень далеко от гостей. Мне показалось, что он заготовил для нас какую-то программу, но прямо сейчас ее пришлось скомкать и выкинуть в измельчитель. Под современной одеждой вскипела дремучая лонгатская натура и я так и ждал, что сейчас будет вызван палач в фирменном красном колпаке от того же Рибок.

— Я вынужден оставить вас, мои...

В этот момент здание содрогнулось. Со стен посыпалась известка.

— Скорее! — гаркнул Лефран, и техно-рыцари ломанулись за своим кормильцем.

В коридоре остались только мы с Хо, и девушка с опустевшим подносом.

— Чего? — Хо взглянула на меня. — Это чего? Это нас просто кинули тут? Опять?

Я огляделся. В приглушенном свете темнели железные двери, с потолка глядели квадратноглазые камеры, пылились рулоны брезента и мешки гранулированного корма для скота. В нише для уборочного инвентаря самозабвенно дрых расхлюстанный толстяк. Рубаха у него задралась, штаны кокетливо сползли до середины бедра. Я позавидовал его состоянию абсолютного покоя.

— Пожрем сена и спать, — предложил я. — Господь Гарзонский, ну и ночка... Да, миледи?

Девушка пренебрежительным жестом выбросила поднос, и вздохнула. Мы с Хо уставились на нее, как на приведение. Она и выглядела как безутешный призрак самоубившейся нимфетки, которую накануне четырнадцатилетия бросил парень. Черные грустновисящие волосы, астеническое телосложение, грудь — *прочерк*. И черная как зрачок одежда горничной.

— Это у вас ночка, — сказала она. — Нас долго так трясет.

Несмотря на кислое, безразличное лицо, улыбка у нее вышла довольно приятной. Я почувствовал легкий флер узнавания и мысленно нарастил ей бороду.

— Ты что, тоже Лефран? — рискнул я.

— Аделина Лефран, — девушка изобразила что-то вроде книксена. — Дочь. Ну...

Формально. На самом деле по большей части — прислуга, как вы могли заметить.

— Вот это номер, — сказала Хо. — А сколько вообще у старого детей?

— Было трое. Люпан, Лев и я. Но Лев погиб. Упал с башни.

Я скривил губы.

— Дай-ка угадаю: он был старшим, да?

Аделина покачала головкой.

— Нет. Он любил палочников.

— А-а-а.

— Точнее, любил их образ жизни. Как и папа. Пойдемте. Я отведу вас в нормальное место. Башня Мерелин — проклята. Люди работают здесь посменно, чтобы не сойти с ума.

Девушка подобралась, и развернулась на месте как шахматная фигурка. Она и ходила так, словно невидимая рука чуть приподнимала ее над землей и ставила на место. Мы с Хо переглянулись, и последовали за ней.

— А папа спасается тем, что избегает гулять рядом с большим количеством ничем не занятого пространства? — спросил я у худеньких плеч и блестящего чернотой затылка.

— Нет.

Снова я не угадал.

— Люпан очень любит его, хоть и отнял власть над цитаделью. Практически.

— Так что с ним? Что с Люпаном? Может расскажешь?

Аделина слегка развернула ко мне правое ухо.

— А вы уверены, что хотите знать? Вы ведь наемники. Вас это не слишком касается.

— Еще как касается, — настойчиво возразила Хо, с отвращением трогая слипшееся волосы. — У нас, видишь ли, крепнет ощущение, что платить за доспехи никто не собирается.

— А-ха, — подтвердил я.

— Вы правы.

Девчонка была проста как двухцентовик.

— Блять, — у меня упало сердце.

— Но вам могут заплатить за другое. Очень много.

— Я начинаю думать, что неплохой оплатой было бы просто выбраться отсюда.

Ответом мне был странный звук, который можно было бы принять за легкий пердеж губками.

— Не говори глупостей, — зашипела Хо. — Через три дня ты должен сделать взнос.

— Я лучше ограблю супермаркет, — ответил я. — Десять-двадцать касс должно хватить.

— А «очень много» — это сколько? — олива подалась вперед.

Аделина помолчала.

— Ваши жизни, как минимум.

— Да ты прикальываешься!

— Я просто говорю. Самое меньшее: вас оставят в живых.

Ну приплыли. Воистину царская награда. Вот что бывает, если сунуться в высшую лигу с одним единственным голом на счету. Да и то в свои ворота.

— Неужели ни монетки сверху? — спросил я усмехнувшись.

— До того, как отец лишился власти, он щедро платил за услуги.

Аделина неожиданно свернула вправо и привалилась к стене, словно устала. Затем повернулась и доброжелательно посмотрела на меня сухими глазами.

— Думаю, он не обидит вас, если вы кое-что поправите...

— Она все больше напоминает мне Сэта, — сказала Хо. — «Если, кое-что, я думаю, возможно».

— И скорее отрастишь золотые зубы вместо сгнивших, чем поймешь самостоятельно в чем заключается работа, — оставалось согласиться мне. — А почему мы встали?

— Тут дверь.

— Волшебная?

— Нет, обычная железная дверь, декорированная камнем. Там снаружи пожарная лестница. Это чтобы не спускаться еще сорок этажей вниз и не ждать пока отопрут дверь. Там такая заслонка: ее толкают четверо рабочих, а братец не дает установить автоматику. Он ее ненавидит.

— Только если она не плюется пулями, да?

— Сам он никогда не брал в руки огнестрельное оружие. Несмотря ни на что, за его словами кое-что стоит.

Нам с Хо оставалось только поверить ей на слово. Аделина нажала ручку, похожую на серую выпуклую кнопку и дверь шумно распахнул ветрище. Делать было нечего, дочурка уже выскользнула на балкон и поманила на за собой. На этот раз я особенно не смотрел по сторонам. Насмотрелся. Кроме того, Аделина спускалась последней, так что мне открывался заманчивый вид под ее трепещущей юбкой. Безразмерные светлые панталоны похожие на подгузник для стариков. Обожаю старушек с недержанием.

На несколько мгновений я все же замедлился и посмотрел на огни радио-башни.

— Ой, простите.

Аделина тут же наступила мне на голову.

— Ничего, сам виноват.

Таким образом мы спустились на широкую площадку-обрыв, которая нависала над внутренним двором, а точнее, крышей корпоративного здания. В свете мощных ламп носились люди, что-то дымилось и тлело. Запах горелого мяса и Шторма не мог разогнать даже наш дружище ветерок.

— Еще один взорвался, — сказала Аделина, глядя вниз. — Волшебник.

— Люпан никак не налюбуется на зеленых солдатиков в небе? — спросил я.

— Дело не в этом. Мерелин смотрит в будущее. Этим она провоцирует безумие у тех, кто послабее. Они и так постоянно хихикают, как дураки, потому что вода близко. Шторм близко.

— И на что же Мерелин смотрит? — поинтересовалась Хо. — В этом далеком будущем.

— Брат заставляет ее смотреть как измениться Лонга. Он одержим этим видением. Говорит, что все будет очень плохо, если мы не предпримем что-нибудь.

— Ну и предсказание, — не впечатлилась олива. — Можно без всякого дара увидеть, что все мы со временем хапнем дерьма. Это же закон сохранения энергии. Мужики все пустят по одному месту. Во-о-от по этому.

Олива показала пальцем.

— Люп уверен, что все беды от палочников. Если их пустить на Лонгу, нашу великую родину ждет участь Немоса. Она превратится в скважину из которой будет вылетать фонтан

ресурсов. И все — в карман Тенебрии.

— И это тоже всем очевидно, — хмыкнул я. — Так в чем же загвоздка?

— Загвоздка в том, — Аделина отошла от металлического ограждения, — что Люп вбил себе в голову, будто должен этому помешать. Среди провинций есть те, кто ему сочувствует, но мой брат — единственный, кто готов действовать открыто. Он готов выступить против всего Побережья. Против Двора.

— И папаша от этого не в восторге?

— Конечно. Он предан Императору.

— А Люп?

— Он предан Империи. Понимаете разницу?

— Кажется... — сказал я, пародируя Сэта.

— В общем, это сложно, и я не собираюсь так много говорить, — одернула себя девушка. — Действительно важные детали вы узнаете от папы. Очень скоро, судя по всему... Пойдемте, вам нужно отдохнуть. Мне жалко на вас смотреть.

— Аминь, — выдохнула олива. — Душ и место для сна, умоляю.

— Я тоже, — подхватил я. — И пожрать что-нибудь.

— Умоля-я-яем!

Дочка Лефрана улыбнулась.

Ко мне приставили пухлого ватермейстера, от которого пришлось отбиваться палкой. Он все норовил оказать помощь в подмывании задницы, а мое закоснелое мышление позавчерашнего куска пиццы и солдафонская натура препятствовали этому.

— А девушку мне можно? — спросил я, удерживая дружелюбного толстяка на расстоянии.

— Девушку? — спросил он с искренним недоумением и неприязнью. Я как будто попросил, чтобы меня окатили ведром прокисшего дерьма. — Вам? Мужчине с таким божественным телом?

Я растерялся.

— Ну. Да.

— Мужчинами должны заниматься мужчины, — объяснил мне ватермейстер. — Девушки — девушками. Это бани, а не бордель.

— Тогда я сам.

— Как пожелаете, — огорченно произнес толстяк. — Но ведь никто не моется в одиночку. Это просто бессмысленно.

— Я — быдло из тысячника. Там везде душевые-одиночки.

Ватермейстер, до этого розовый от тепла и пара, побледнел как полотно и уселся на скамью рядом с вешалкой для халатов.

— Какой ужас.

Я принялся поливаться из деревянной бадьи.

— Бытие — жесьть.

После того как я смыл вино, пот и грязь, меня выпустили в основные банные помещения. Ох и роскошное же это было место. Прекрасная стоугольная плитка, изображения хорфинов и Штормовых столпов, мягкая расслабляющая иллюминация в бассейнах, куча желобов с журчащей водой. Шум был мягким и расслабляющим.

У всех людей в мире присутствует объяснимый страх перед водой, поэтому бассейны

были небольшие, закругленные и прозрачные как стопка с неразбавленным спиртом. Они располагались в шахматном порядке и у каждого была особая тема, связанная с отделкой стенок. Я немедленно закайфовал от одной обстановки, но тут ко мне привязался еще один мужик: высокий дедуля с игривыми усиками. Он представился лекарем Бернаром де Шаль и приказал мне улечься на массажный стол.

— Ничего опасного, храбрый юноша, — сказал он мне, тщательно ощупав синяки и шишки. Я был настолько благодарен, что господин де Шаль пересчитал их все, что едва мог говорить. — Небольшая трещина в ребрах. Я пропишу вам мазь и медицинский корсет. Вы женаты?

— Леди упаси, — прокряхтел я.

— Леди, которую вы сейчас упомянули, является покровительницей браков, — сухо поправил меня лекарь. — Это так, к слову, что б не прибегали к молитвам не понимая их сути. Может быть, у вас есть подруга?

— Есть одна, — пристыженно сообщил я.

— Хорошо. С корсетом будет нужна помощь. Женщины знают, как его шнуровать.

Я промолчал. Хо знает, как зашнуровать ботинки или завязать в узел дурака, считающего олив низшим сортом человечества. Корсеты она в жизни не видела.

— Можете встать, — сказал доктор Бернар. — Корсет вам принесут. Сейчас вам нужно полежать в прохладной воде, чтобы мышцы расслабились, но не слишком.

— Четвертая купель как раз подойдет, — встрял ватермейстер. — Пойдемте, господин де Хин.

— Не так быстро, — притормозил нас дядя врач. Он достал из саквояжа белый конвертик. — Вот, проглотите этот порошок. Снимет боль.

Прохладный бассейн показался мне ледяным, но вскоре я притерпелся. Порошок и вода утихомирили боль, и я вновь почти закайфовал, но тут где-то рядом заверещала Хо. Через несколько секунд она ворвалась в мужской зал, совершенно голая и очень злая.

— Ну что такое? — устало крикнул я. — Эти злодеи пытались подмышки тебе обрить?

Шлепая пятками по кафелю, олива быстро сократила расстояние между моей мордой и ее кулаком, но в самом конце все-таки поскользнулась и въехала в мой целительной оазис зеленой задницей.

Полетели брызги.

— Они сказали, что женщинам нельзя на мужскую половину! — воскликнула она, еще не успев вынырнуть. — А женская половина — отвратительна. Там единственный чан, в котором тебя отмывают как картофелину, а потом брызгают в промежность благовониями. Я что, блять, картошка?

— Если и так, то успевшая позеленеть.

— А чего у тебя тут так холодно? Ты теплого пива нахлебался, а теперь пытаешься его остудить?

— Хо, еб твою мать! — не выдержал я. — Если тебе что-то не нравится, можешь обмакнуть свою промежность в каждую лохань, которую здесь видишь, пока не найдешь подходящую.

— Нельзя! — ватермейстер снова стал цвета вареного теста. — Женщинам...

— Что «женщинам»? — страшным голосом спросила Хо. — Что это там женщинам нельзя? Ну-ка скажи мне, вареник с говном, что мне нельзя?

Она вылезла из бассейна номер четыре, похожая не на картошку, разумеется, а на

свирепый незрелый помидор с мускулатурой бойца подпольных игрищ. Последнюю деталь игнорировать было невозможно, так что ватермейстер заткнулся и умоляюще взглянул на меня.

— Хо, угомонись, — сказал я. — У них тут такие правила. Мы, лонгаты — застряли в прошлом, ты же помнишь. Я и сам у местных по статусу ниже собаки. Давай вместе найдем горячий бассейн и посидим там. Это ведь ничего страшного, да, ватермейстер?

Тот пережил момент ожесточенной внутренней борьбы, но потом вспомнил, как госпожа Аделина велела исполнять все мои желания, и угрюмо кивнул.

— Да, конечно. Придется потом спускать воду и драить стены, но...

— Пошел нахер, — сказала Хо. — Куда?

— Купель номер семь. Вот эта, с воздушным массажем и прекрасными изображениями гарзонских львов.

Морды у львов были такие, словно художник рисовал их, ориентируясь по рассказам шизофреника. Я соскользнул в изумительное бурление и расслабился с первой же секунды. И Хо притихла.

— Привет.

— Хоть пять минут... — прохрипел я. — Пять гребанных минут.

— Я от Белого Зайца, — негромко произнес парень в халате. — Он просит передать, что навестит вас так скоро, как только может. И рекомендует сохранять готовность.

— Готовность к чему?

Но мой почтовый голубок уже всю болтал с ватермейстером, который рад был переключиться с двух грязных псов, на чистого лонгата. Я посмотрел на Хо. Та выжимала огненные пряди, с неудовольствием разглядывая выпавших бойцов.

— Слышал, да?

— Да что там слышать... Опять шифры для детей-шпионов. Жаль Аделина к нам здесь не присоединилась. Она, по крайней мере, начала говорить что-то осмысленное.

— Да ладно. Итак ведь все ясно. Я готова поспорить, что эти доспехи собирались подарить кому-то из Компании, но Люпан устроил так, что они потерялись. Теперь остальное Побережье собирается провести люстрацию.

— Именно так, мадемуазель Хо. Именно так.

К Папочке подскочил было ватермейстер с дежурным взводом голозадых слуг, но тот махнул рукой и пространство очистилось. Мне нравилась его способность обогащать воздух кислородом.

— Вы не будете против?

Олива пожала плечами. Вид старческой висюльки ее не пугал. Людвиг погрузился в воду, и закрепился у борта, раскинув длинные жилистые руки. Вот это я понимаю — установление полезных связей. Скажи потом кому, что откисал в одном джакузи с владыкой цитадели, посоветуют разве что проверится на чесотку.

— Не поймите меня неправильно, сир, — сказал я, но вы разве не должны быть на «совете»?

— Вина! — крикнул Людвиг вместо честного ответа. — Алага! Три девятки! Много!

Я подумал, что сейчас ему притараканят целую бочку, но слуга, двигаясь как человек с полной тарелкой супа, принес серебряный футляр с двумя бутылками по ноль-семь.

— Я сам, — Люпан взялся за штопор и с характерным звуком высвободил винный дух. — Одна такая бутылка стоит как восход. Если бы восход был последним!

— Хрена, — поразился я. — Таким вином только мертвых оживляют.

— Именно! — рассмеялся Людвиг. — И оно способно на это! Вывести всех посторонних, немедленно!

Это Папаша заметил в конце концов, нашего связного. Того чуть ли не за локотки вынули из чаши, после чего бедняга проскользил до выхода и исчез.

Нам с Хо досталась одна бутылка на двоих, второй Людвиг занимался сам, механически отхлебывая прямо из горлышка. Красные дорожки бежали по сухощавому телу легкоатлета на пенсии и растворялись в воде. Я понял, что сегодня не смогу почерпнуть важных знаний о культурном распитии вин, а поэтому просто дождался очереди и выпил без тоста.

— Действительно вкусно, — сказала Хо, облизываясь. — Никогда не нравилась виноградная брага, но это — вкусное. Благодарим, сеньор Людвиг.

Папаша не ответил. Вид у него был отрешенный, скорее даже отсутствующий. Лицо, все еще мужественное и способное на боевой оскал, обескровило и как будто заблестело. Можно подумать Людвиг пил не вино, а формалин. Я уж забеспокоился, не хватил ли старика инсульт, но тут он сказал:

— Наслаждайтесь, милая Хо. По крайней мере запасами вина в собственной цитадели я еще могу распоряжаться.

— Неужели есть что-то неподвластное вам под крышей Лефранов? — обольстительно проворковала Хо.

О, Леди. Ну до чего скользкая оливка. Удивительный пример того, как жен-активистка может сохранять острый рассудок и пользоваться нежным мурлыканьем для того, чтоб жирные котяры теряли голову. Как она сказала однажды: «кулак — это хорошо, но зачастую мужика можно одолеть просто сказав, что никогда не видела таких офигенных мускулов». Что есть, то есть. Думаю, на это покупаются все парни без исключения, даже если видят в зеркале ожившую лапшу.

— Все остальное, — ответил Людвиг. — Я здесь как постоялец дорогого отеля. Если нужна котлетка или массаж коленей — к вашим услугам, сеньор. Но не пытайтесь управлять политикой заведения. Лучше всего сидите в номере и подрачивайте на платный канал с гарзонским порно.

Мы с Хо переглянулись. Это давалось нам уже практически рефлекторно, словно команде профессионалов по синхронному плаванию.

— Хотите анекдот? — спросил Людвиг распаяясь от выпитого. — Как-то раз владыку цитадели не пустили на совет владык цитаделей.

Он замолчал.

— Это...

— Собственная гвардия, — перебил меня Папаша. — Которая теперь слушает его хренова сына. Все теперь слушают только его хренова сына. Принесите порошка!

Слуги принесли поднос с дорожками. Да где уж там: целыми магистралями. Людвигу вставили красивую керамическую вдыхалку и он так шмыгнул левой ноздрей, что чуть не израсходовал всю присыпку вместе с подносом.

«Просто жди», — посмотрела на меня Хо. Я кивнул. Тут все прямо-таки жаждали высказаться, так что вопросы могли только помешать.

— Мерелин сказала, что у вас есть шанс, — продолжал Людвиг, глядя на воду, словно на поверхности ему показывали вышеупомянутое гарзонское порно. — Шанс освободить нас всех. Спасти Побережье. Хотите заработать, застенщики?

— Мечтаем, — ответил я. — А что нужно делать?

— Вы не поняли. Мне нужно ваше согласие, а не вопросы. Вы либо соглашаетесь заработать, либо закончитесь прямо здесь, в этом бассейне. Это я тоже могу устроить.

— Ну вот видите, вы все еще решаете вопросыки, — сказал я с милой улыбкой. — Жизнь не так уж плоха.

Хо ударила меня под водой, но и сам уже понял, что сболтнул лишнего. Под наркотой Людвиг походил на человека, способного искупаться в наших кишках. Он вряд ли ощутил бы какой-то дискомфорт, весело вспенивая нашу кровь ладошками.

— Все готово, сеньор, — сказал кто-то справа.

Я посмотрел направо и увидел парня в белых купальных штанах. Они были испачканы какими-то неровными красными пятнышками. Возможно к этому имела отношение голова чувака передавшего нам сообщение от Зайца. Черт. Я ведь помнил со всей определенностью, что раньше под ней было тело. Палач очень грубо держал череп за черные волосы и вопросительно глядел на «сеньора».

— Отлично, — подобрел Людвиг. Он часто-часто моргал, а грудь его ходила ходуном. — Давно пора было прикончить эту готскую крысу. Бросай прямо сюда, подкрасим воду. Пусть все будет вино! Ха-ха-ха!

Хо подобралась, и чуть не выскочила на бортик, когда голова шлепнулась в воду и закачалась меж пузырями, загрязняя воду. Я не дал оливе вылезти. Что-то подсказывало мне, что она этого не переживет.

— Что делать с остальной тушкой? — высоким голосом спросил палач. — Можно я заберу ее себе?

Людвиг сделал пренебрежительный жест окольцованными пальцами. Парень жутко улыбнулся и утопал.

— Вот кто у меня в свите, — вздохнул Людвиг наблюдая за своим вариантом резиновой уточки. — Маньяки и отщепенцы. Приходится платить, чтобы меня слушались... Можно ли было представить, что я опущусь до такого?

У меня сердце облилось кровью от сочувствия. Дурацкая шутка, я знаю.

— Ну так что? — Папаша тоскливо посмотрел на нас. — Что выберете? Говорите четко!

— Я согласен.

— Я согласна.

Людвиг положил затылок на узорчатый кафель.

— Бон. А теперь, проваливайте. Мне нужно побыть одному... Вина! Вина! Женщин!

Он натурально разрыдался. Мы с Хо быстренько выкарабкались из воды и быстрым шагом направились к выходу из бань. Слава богу мы не встретили бошкореза, но кровящи на полу было столько, что олива вновь чуть не блеванула.

— Он ебанутый, — сказала она, подавляя приступ. — А во что мне теперь одеться? Одеться то во что... Он же совершенно ебнутый.

— Папа просто устал.

Мы с Хо одновременно вскрикнули. Аделина выдвинулась из угла как фигурка пастушки в заводных часах.

— Ты... — я стиснул зубы. — Ты лучше сразу признайся, ты призрак настоящей Аделины, которую этот наркоша задушил во младенчестве?

— Вы ничего не знаете, — вздохнула девушка. — Но уже судите. А тут не рассудишь. Можно только сделать выбор.

— Штаны нам дай, — взмолился я. — Просто дай штаны, блин.

— И я не призрак. Это школа горничных. Нужно быть незаметным. Вы голодны? Хотите поесть?

Вообще-то мы должны были бы отказаться после такого зрелища, но для нищеты еда — выше эстетики. Или ниже?

— Только не добавляйте в еду кетчуп.

Нам принесли два набора серой неприметной одежды. Травматический корсет я выкинул к чертовой бабушке, потому что выглядел он как раковина для моллюска-спецназовца. Еще не хватало, что б он стеснял мои движения, если придется убегать. Убегать, а-ха. До первого окна башни? Сраная семейка психопатов.

Аделина отвела нас на нижние уровни крыши, в жилое крыло. Тут, не смотря на позднее время, шло множество людей. В основном в странных полусовременных шмотках, мелькающих на страницах журнальчика «Вестник скомороха». Все они были при мечях, кортиках и рапирах: похоже всю шел слет любителей нашинковать буженину.

Атмосфера и правда была напряженной, я бы даже сказал — нервной. Резкие окрики, вспышки химических факелов, пронзительные взгляды и встопорщенные бороды. Драпированные алым бархатом стены вызывали неприятные ассоциации, а проносящиеся тени заставляли Хо вздрагивать.

Я похлопал ее по плечу и улыбнулся.

— Все будет хорошо, о-ке?

— Я знаю. Интересно только — у кого?

Дочурка Людвига уверенно вела нас наименее загруженным коридорами, как вдруг на пути выросла хренова гора светло-синего железа. Это был не техно-рыцарь, а самый натуральный шевалье без намека на модернизацию. Огромный шлем с крестообразной прорезью, нагрудник украшенный золотым солнечным кругом, юбка и всякие выступающие части, как у дорогого автомобиля. А этот плащ... Клянусь Леди, в доме самого богатого сумуса тенебрийцев пропала ковровая дорожка.

— Госпожа, — глухо произнес он на франкском. — Кто эти... Застенщики?

— Это гости моего брата, Жак. Отойди.

Темный крест, за которым не было видно ничего розово-человеческого, уставился на меня.

— Я слышал ваш отец общался с ними. Не скажите, на какую тему?

— «Мой отец»? Твой сеньор! А дело — не твое.

Жак шумно вздохнул.

— Старый сеньор пытается вербовать застенщиков? Теперь это его помощники?

— Здесь у него больше не осталось верных людей. Предательство, Жак. Кругом предательство.

— И отчаянье.

— Отойди в сторону, чудовище, — прошипела Аделина.

О, вот теперь я узнал в ней Папочку. Рыцарь помедлил, но все же повиновался.

— Отговорите его, что бы он не замыслил, — сказал рыцарь вслед. — Это безумие. Поддерживая заблуждения старого сеньора, вы путаете благое дело с безумием, госпожа!

Аделина не выдержала и остановилась. Ее худенькие плечи задрожали.

— Знаешь, что такое безумие, Жак?! — крикнула она, повернувшись. — Заботиться о будущем и одновременно ходить в доспехах и вонять застарелой мочой! Будущее здесь, оно

уже наступило! Выгляни в окно, тупой амбал! А еще лучше скатайся хоть раз до Новой Победы и потрогай его руками. Ты ничего не видел... И никогда ничего не увидишь кроме этого... Этих декораций. Мой брат украл у тебя жизнь, и хочет украсть мою. Ну так вот — ХЕР вам обоим и всем, кто вас поддерживает! Вы не борзые Люпана, вы его зомби!

Рыцарь безмолвствовал. Аделина вдруг схватила меня за руку и поволокла за собой, словно боялась, что и Самара де Хин сейчас окажется предателем. Ну нет, «два раза в одну и ту же реку не войти», так вроде говорится у моих честных родственников. Или это значит, что все течет и меняется? Не выходит у меня умничать.

— Неплохая речь, госпожа Люпан, — сказал я. — Я все думал, когда же вы на него броситесь.

— Ты что, понимаешь их кряканье? — спросила Хо.

— Бабуля только так с нами и разговаривала. Правда у этих какой-то дурацкий акцент, я не все уловил.

Злобнопыхтящая Аделина прыснула и отпустила мою руку.

— Это называется — правильное произношение.

— А-ха, как скажите.

Мы остановились возле красивой драпированной двери.

— Здесь, — коротко сказала девушка. — Заходите, располагайтесь. Еду скоро принесут. И будьте бдительны.

— Усну как только сяду на кровать, — честно предупредил я.

— Мы глаз не сомкнем, — Хо ткнула меня локтем в бок. — Не всем тут жить-насрать, Хин.

Я посмотрел на нее с сомнением, но ничего не сказал.

Хоромы были что надо. Дорогая красивая мебель, чистые стены без граффити и эрозии, зеркально-чистый пол, и высокие потолки. Я ощущал себя словно посреди открытого поля. Не хватало только побежать по коврам, с криком «Эге-ге-гей!

В обстановке было очень много синего и тяжелые складки портьер вызвали утомленно-расслабленное настроение.

— Что это за вонь? — произнес я неуверенно.

— Это называется — приятные запахи, — сказала Хо. — Здесь часто зажигают ароматные палочки. Госпожа Холейгула заказывает подобные в Тайной Эзотерике. Пока мы с Сэтом не свалили из отчего дома, наша одежда только так и пахла. И волосы. И вообще все. Даже пердеж. Господи, как же мне в голову ударило воспоминаниями. Эти палочки придумали лонгаты? Вот гады.

— Да, теперь припоминаю. Это у нас нечто вроде традиции. Бабуля мылась раз в месяц, но зато постоянно брызгала везде дешевыми духами «Королева бетона». Что ж, вот сюрприз, оказывается я привык к запаху помойки.

— Дом, милый дом, — грустно улыбнулась олива. — Ладно, давай поваляемся, пока нам несут пожрать.

— У меня в голове пустота.

— У меня тоже. Может оно и к лучшему.

Кровать была собрана будто для нелюдей. Она была странно высокой, да еще снабжена двигающимися перегородками. К ней даже прилагалась специальная лесенка из двух ступеней.

— Ее нужно брать штурмом? — удивилась Хо. — Ты что-то о таком знаешь?

— Не-а. Мы с братьями спали, как и все, на старых пуховиках...

— Это постель для зачатий, — Заяц отодвинул перегородку, и помахал нам, словно беспризорник из товарного вагона. — Вокруг нее ставят специальных пажей, которые держат свечи над головой. Процесс они не видят, зато отгоняют злых духов, которые могут сорвать зачатие. Ни один брат и сестра не хотят, чтобы их общий ребенок родился дебилком. Или с сердцем наружу. Да забирайтесь, чего вы, белье чистое.

— Господин умник, — Хо злобно ощерилась. — Очень рада вас видеть. Судя по всему, в вас отрезанными бошками не кидались.

Григорий вопросительно взглянул на меня, как бы ожидая ключа к этой загадке и я коротко рассказал ему о том, что произошло. Заяц свесил ноги с края матраса и принялся хрустеть пальцами.

— Бедняга Готрик, — тихо, но яростно произнес он. — Если б я не послал его в бани... Значит Людвиг окончательно двинулся. Информация не то, чтобы свежая.

— Откуда ты вообще тут взялся? Ты говорил с Люпаном? Что ему нужно?

Агент спрыгнул на пол и уселся на более удобную банкетку.

— От меня? Транслировать угрозы. Он хотел, чтобы я передал кое-кому, что б сидели тихо и не высывались, иначе Побережье пострадает. Очень интересное предложение, которое, я, разумеется, принял. Обмануть сумасшедшего нетрудно, однако понять, что тот задумал — это другой вопрос.

В дверь постучали.

— Это наш ужин, — мгновенно отреагировала Хо. — Я сейчас.

Григорий терпеливо кивнул. В то же время я скинул с местного овального столика всякий культовый мусор и подтащил к нему мягкие кресла. Пока мы с Хо опустошали подносы с клецками и рваной солониной, Григорий успел обрисовать базу, и все же испортил мне аппетит. Хорошо еще, что я успел как следует забить брюхо оставшимся хлебом. С другой стороны: из-за этого улетучивался винный хмель, оставляя меня один на один с поганой реальностью.

Дела обстояли так.

Нынешний Двор в лице Императора Марка Дания Решительного выбрал политику движения навстречу Тенебрии. Не слишком форсируя события, однако с твердым намерением наладить культурный обмен. Понятно, что Лонга намеревалась больше заимствовать, так как поделиться она могла только говядиной, дикими волками и антиквариатом различной ценности. Многим это не понравилось. Луддиты мгновенно взбесились, но их лидерам врезали по жопе и ребята злобно затихли в своих чумных норах. Остальным политикам заморские товары очень нравились, так что модернизация Лонги медленно наращивала темпы.

И все бы ничего, но Марк Даний будучи, сам понимаете, Решительным, решился на очень спорный шаг, чтобы доказать своим Тенебрийским друзьям: Лонга минула темные века и отвергла предрассудки с ними связанные. Оголтелый фетишизм и поклонение традициям — сброшены в канавы по бокам исторического шоссе. Одна из ценнейших реликвий, доспех Святого Лютера Объединителя, первого Императора Лонги, хорошенько смазали маслом, натерли тряпками и отправили Тенебрийскому Донебесному, в знак величайшего расположения и желания сотрудничать.

Консерваторы обмочились. Луддиты, почуяв разлад в верхах, стали подпирать их в ягодицы, вопя, что технический дьявол отберет у Империи не только доспехи, а вообще все,

дай ему только волю. Марк почувствовал как трон под ним нагревается, но забирать подарки было поздно. Донебесный Тенебрии, это не твоя бывшая девушка. Он страстный коллекционер, а кроме того, личность крайне принципиальная в вопросах собственности. И ракушка теперь официально принадлежала ему.

Решительный Марк медлил с решением, и домедлился до того, что в Лонге началась маленькая гражданская война за доспехи Лютера, которая велась исключительно на воде. Консерваторы пытались втихую отнять реликвию у модернистов, пока они не уплыли с концами. Модернисты, давали сдачи и всю дергали ручку запасного выхода. Император смотрел на эту грызню сквозь пальцы. Она была ему на руку. Если выигрывали консервы, можно было заявить Тенебрии о пиратстве и терроризме. Если прогрессивные любители туалетной бумаги — еще лучше. Несчастные железки столько раз переходили из рук в руки, оседали на островах и снова отправлялись в плавание то к Лонге, то — от нее, что ССТ не выдержало. Они отправили к Лонге субмарину, которая перестреляла всех, кого заметила, и спокойно забрала посылку Донебесного.

Это началось двенадцать лет назад и окончилось только сейчас.

Нет, не окончилось.

Консерваторы смирились с поражением. Особенно на Побережье, где политика уже долгое время была своей и проблемы — тоже. Никто и помыслить не мог, что именно тут, в мире балансирующем между стариной и новыми горизонтами, займет свою непримиримую позицию самый ярый противник не только разбазаривания банка доспехов, но и каких либо сношений с Тенебрией.

Люпан Лефран. Человек узревший гибель Лонги от рук палочников, если только они запустят в ее зеленое сердце длинные руки. Если только дать их культуре замутить чернилами дух Империи. Тогда всему конец. Всеми клятвами он скрепил свое намерение мешать схождению культур. Максимально изолировал Побережье, отнял власть у своего отца, убедив колеблющихся и уничтожив несогласных. Шантажом и угрозами заставил остальных владык помалкивать в своих крепостях. Все они обмякли в комфорте, все потеряли не только воинственность, но и простую мужественность. Каждый от славского князя, до готского курфюста ждали, что Лефрана уберет ИР или ССТ. Но у того был припрятан туз в рукаве. Боеголовка судной ракеты. Боеголовка судной ракеты прямо, мать его, в подвале цитадели Фран. Этой твари хватит, чтобы все сказочное королевство вместе с мясоприемниками сдуло в океан.

Прямого пути от Лонги до Тенебрии нет. Больше никаких стейков, Донебесный.

Ладно, это всего лишь шутка. Хуже всего было, то, что в океан могло попасть много мусора. А Шторм *ненавидит*, когда кто-то серет в его океан. Хотите настоящий ураган, который на годы выведет Новую Победу из строя? Нет? Тогда сидите тихо в своих каменных сортирах и не мешайте мне спасти независимость Лонги.

— Вот такая жопа, если честно, — сказал Григорий, промокая лоб зеленым платочком. — ИР никогда еще ни с чем подобным не сталкивалась. Мы тут понятия не имеем, что делать.

— Так пусть доспехи просто вернут назад... — начала Хо. — А. Кажется я понимаю. Это ничего не решит, только покажет Люпану, что он может вмешиваться в политику.

Григорий ткнул в нее указательным пальцем.

Я несколько раз открывал и закрывал рот, пока, наконец, не вымолвил:

— А кто ему продал целую боеголовку?

— Никто. Он украл ее на Фугии и перевез сюда. При помощи быков стащил и контейнер со шторм-танкера, потеряв в процессе основную часть... стада. И один хрен упустил добычу, чуть-чуть не дотянув до дома. Франкский идиот.

— Так мы в это дело и вляпались, — прошептал я. — И что теперь? Если ИР с ССТ не в курсе что делать, то мы-то что здесь забыли? Выпустите нас.

— Не выйдет, — кисло усмехнулся Григорий. — Люпан старший чего-то от тебя хочет.

— И на что я ему, как думаешь?

Белый Заяц достал из нагрудного кармана маленькую картинку типа магнитика на холодильник.

— Вот ты и узнаешь самостоятельно. Может быть старший еще не утратил свое влияние до конца, а я пока przygotowуюсь к самому плохому сценарию. Иконку?

Я поймал ее словно монетку. Женщина с желтым кругом вокруг головы. И ма-а-аленький текст на витьевато-славском.

— Что тут написано?

— «Спаси и сохрани».

Глава 14. Прогулка по Радуге

Ретро бежал по лестнице. Фух-фух-фух. Еще пролет. Фух-фух-фух. Еще пролет. Фух-фух-фух. В прохладных бутылках негромко плескалась водка. В этот раз облажаться было нельзя. Откровенно говоря, ему нельзя было лажать и днем ранее, но теперь-то детектив был во всеоружии!

Дверь по-прежнему была незаперта. Якоб влетел в квартиру Никтея Зайло и ринулся на кухню.

Никого. Пусто. Черт!

Стулья и табуретки вопросительно поглядели на Якоба протертыми седушками. Зайло, его друг и Эхсин пропали, как будто их забрала похмельная фея. Забрала в лучший мир пивных озер и минеральных источников.

В этот раз окно было закрыто. Так-так.

Якоб встал и прошелся по всей квартире. Это не заняло много времени: комната была всего одна, — в ней располагался рабочий кабинет писателя, похожий на логово маньяка-вауериста. Куча фотографий каких-то людей, дворов, улиц. Ретро засмотрелся на крупно-распечатанный снимок парня-гарзона в простой джинсовой одежде, который глядел прямо в объектив. На плечах его висела, словно коромысло, тощая девушка-лонгат со страшно изуродованными руками. Она напоминали корни какого-то жадного куста.

И девушка и парень — улыбались.

— Знаете, что они мне сказали?

Ретро обернулся. Зайло стоял в дверном проеме, поигрывая ключами от машины. Он был совершенно трезв, свеж и приятно пах огуречным одеколоном. Шорты и рубашка выглядели максимум позавчерашними.

— Пять номиналов и мы дадим сфотографировать все остальное?

— Это тоже, — кивнул писатель. — В конце концов мир крутится определенным образом и не отдаст ни градуса своего наклона. Однако, помимо этого, они были счастливы, что ими никто не интересуется.

— Как-как?

— Парень бежал с Гарзоны. Девушка — его любовница, родилась в Радужном. Оба они рады, что никто ими не интересуется. Мы свободны — сказали они мне. Можем делать, что захотим.

— На Гарзоне прижимают к ногтю?

— Там военная диктатура, которая выхватывает из семей мужчин, чтобы заткнуть прорывы в войне с морским народом. Насколько это контрпатриотично и аморально, ценить свою жизнь больше, чем благополучие общества — судить не берусь. Вопрос, мне кажется, неразрешимый. Но лично я тоже сбежал бы.

Никтей помолчал.

— Ну ладно, вижу вы не с пустыми руками. Я хотел поработать с утра... А да и хрен с ним, денег хватит еще на месяц. Пойдемте на кухню, я купил вермишели, сейчас как мы ее отварим, а? Пальчики оближите.

Ретро внимательно рассмотрел лицо писателя. Оно было грубее, чем у других палочников. Черты лица были почти лонгатскими, если не считать, конечно, безупречной кожи. У прочих отсталых такой не бывает: точки, прыщики, углубления, пятна и прочий

ландшафт. Бытует мнение, что палочники выглядят так, потому что пьют кровь остальных рас. Метафорически. С другой стороны — конспиративная теория о том, что все палочники за пятьдесят снабжаются донорскими пакетами с красным, не умрет никогда.

— Я пришел не за этим.

— Пришли к Никтею Зайло не для того, чтобы выпить? Тогда где мне поставить автограф?

— На вашей кухне был парень. Спал на табуретках. Где он?

— Парень? Вы имеете ввиду Лайара? Он...

— Нет. У вашего друга, Тутмоза Гисбуди было домашнее животное. Человекообразное существо. Оно пришло к вам вчера. Спало на табуретках.

— А-а-а, Эхсин! Его вы ищите? Странно... — Никтей вдруг несильно шлепнул себя по лбу. — Ну конечно, награда. Звонкие номы. К сожалению, теперь вы их не получите. Мой дорогой Тут — мертв. Какая вселенская несправедливость. В университете он был капитаном команды по клетчу, а я помирал от астмы в углах. Не думал, что переживу его.

— Разве родственники не захотят вернуть что-то напоминающее о...

— Скаала ненавидит животных, — перебил Никтей. — Особенно выведенных волками. Я знаю. А теперь, когда бедняга Эхсин стал косвенным виновником смерти ее отца... Она просто убила бы его.

Ретро понимающе хмыкнул.

— Так куда же вы его дели?

— В Радужном есть мелкий волк: он занимается такими существами. Подыскивает хозяев, а может и препарирует. Не смотрите на меня так. Я не взял за Эхсина ни цента, хотя волк предлагал. Это было бы кощунством. С другой стороны, никогда не испытывал к этой зверюге симпатии. Есть в ней что-то... Жуткое. Неправильное. А Тут в нем души не чаял. Что ж, я сделал для бедняги все что мог. Еще вопросы, господин хедхантер?

— Только адрес.

— Я же сказал, денег вы не получите.

Ретро криво усмехнулся.

— Да, я прямо слышу, как стонут мои карманы. Тем не менее, я хочу хотя бы взглянуть на то, за чем безуспешно гонялся. Может заберу его. Он будет сидеть у меня на плече и клянчить крекеры.

Никтей рассмеялся.

— Хотел бы я на это посмотреть. Хорошо. Кислотная 12. Вообще говоря, это частная клиника для жертв химических мутаций. Упомянутый волк ее финансирует. Изучает уродства. Не представляю для чего. Хотя, все они сумасшедшие, психопаты и фетишисты.

— Так вы лично его не знаете?

— Нет. Просто позвонил нескольким людям и поинтересовался, куда можно деть крылатого человека в субботнее утро. Это был единственный вариант.

М-да. Вот и погонялись за пятьюдесятью кусками. Вот и отправили детишек в Перерождение. Что ж, оставался еще один вариант: выкрасть Эхсина и продать его родственникам. Наверняка у такого матерого хозяина жизни, как Бритти, накоплена куча номов. Положим, у него потребности особые, но ведь Спот и Шестерке нужны патроны, еда, убежища.

Якоб сжал кулаки.

Он получит свои деньги. Пусть ему придется давить на симпатию Спот, но он их

получит. Бритти может сколько угодно резать ему жилетку, и раздуваться, но волк чего-то боится в нем. Не может контролировать какую-то маленькую неприятную переменную. Он сказал, что теперь держит Фитцвиля под колпаком, но угрозы угрозами, а денег осталось ровнехонько на что-то одно: либо арендная плата, либо препараты.

— Если они будут спать достаточно долго, то проснуться другими людьми, — проговорил Якоб. — Ведь так? Так?!

— Что, простите? — удивился Никтей.

Якоб молча пронесся мимо него. Потом притормозил и вернулся.

— Вышейте за мою удачу, — он протянул бутылки Никтею.

Радужный и правда был достаточно свободным местом. Каски там почти не показывались, а за порядком следили Верховные Существа: настолько изменившееся волки, что одно их существование вселяло в людей ужас и желание преклонить колена. Если человек смог пережить такое и не отчалить в Шторм, то мы тут уж точно бессильны, — рассуждали все причастные. Таким образом Радуга была поделена на семь условных территорий, каждая из которых была настолько же благоприятна для жизни, насколько вменяемым было Верховное Существо.

Называли их по основным цветам Семицветной реки, плывущей над тысячами, и Кислотная находилась на территории Существа под игривым прозвищем Голубой. Сыграл ли тут свою роль жаргонно-лексический символизм, или мир просто полон забавных совпадений, но товарищ Голубой оказался именно тем правителем, который требовался территориям застроенным косметологическими фабриками и силиконовыми лабораториями. А именно раскрепощенным и помешанным на внешнем виде. Ретро не приходилось работать на его окружение, но слухи доносились красноречивые. Господин Голубой очень не любил уродливые, тусклые вещи и, особенно, таких же людей. Надо ли говорить, что понятие о красоте у сумасшедшего волка, обезображенного химическим фоном атмосферы, было... Своеобразным.

Ретро понятия не имел, сможет ли он вписаться в местную тусовку так, чтобы ему в первые же несколько секунд не срезали бритвой соски. Говорили, что их удаление на территории Голубого сейчас обязательная «база» для всех, кто хоть немного понимает в красоте. Фитцвиль слабо понимал, что там может быть за проблема с ношением такой простой вещи как соски, но на то он и был престарелым детективом, соображающем только в том, как бы это половчее насрать себе в штаны и остаться без денег.

Именно поэтому он сменил жилетку и обнаженный торс на красный перфорированный плащ и плотную рубашку, чтобы ничего не выделялось и не провоцировало бомжей-метросексуалов. Кроме того, что-то подсказало детективу, что и самокат ему брать не стоит. У него еще оставались хорошие знакомые из прошлого, поэтому он смог одолжить машину: двухместный уродец, который, по-видимому, создавался у аквитаников как сельскохозяйственная модель. На это намекали широкие нестандартные колеса, крытый грузовой кузов и странные кнопки на приборной панели. Они были закрыты пластиковыми колпаком. Знакомый строго-настрога запретил нажимать их, потому что машину так до конца и не «разминировали». В ней оставались неизученные технические узлы, которые, однако, не представляли особой ценности, так как не могли никого убить или покалечить. Редчайшая система полива или рыхления почвы на рынке технологий и рядом не стояла по стоимости с каким-нибудь заваливающим локатором или, хотя бы, бардачком под гранаты.

Ревел грузовичок так, словно новая жизнь вызывала у него отчаянье пополам с ужасом. Очевидно, аквитаники водили куда аккуратнее Фитцвиля, который привык к абсолютной маневренности самоката. Как бы то ни было, шум детектива устраивал абсолютно: это вписывалось в стиль его работы. С другой стороны, именно сейчас ему стоило бы вести себя потише. Жители Радужного, — аллергичные к чужакам ребята, — провожали машину немигающими взглядами.

Большинство зданий Кислотной были отмечены голубыми квадратами, возле которых откисали полуголые панки, разрисованные зеленой и черной помадой. Якоб видел их безумные глаза на выкате и приколотые к бровям веки. На опухолях выбивали звездочки, перекошенные лица обрамляли рамочками из бутылочных крышек, а к животам пришивали тряпки с эмблемами известнейших бутиков. Женщины вкалывали в грудь фосфоресцирующие смеси, от чего темные переулки освещались весело скачущими мешочками.

Данное зрелище почему-то не вызывало у Якоба приятной тяжести в паху.

Простых работяг, как и в других районах, в это время видно не было. Зато по гратуарам таскались «рапидо», специальные актеры, которые изображали духов и других потусторонних существ. Где-то они отпугивали Шторм, где-то — наоборот, привлекали. Хороший рапидо, стремящийся к хорошей жизни, должен был так поработать над костюмом, что б ночью стастика смертей от сердечного приступа или удара головой об стену, поднималась пунктов на пять-десять.

На Голубой территории, рапидо предпочитали наряжаться в высоких бледных призраков с длинными волосами цвета Верховного Существа. Для этого они вставляли на ходули, которые были закрыты саванами и платьями с макабрическими украшениями в виде черных костей или старых шприцов.

— Семицветная река предсказывает гибель, — шептали они. — Семицветная река вышла из берегов. Небо прольется кислотой.

Якоб всегда считал прогнозы погоды, даваемые этими ребятами, самыми точными.

Клиника для «жертв мутаций» была двухэтажным зданием-обманкой. По выходам подземных вентиляцией, бездарно замаскированных под кусты и техно-будки, можно было с уверенностью сказать, что под землей скрывается огромная сектор-приз. Ретро закинул в рот пару орешков и с хрустом их прожевал, глядя на высокие ворота с надписью «Клетта. Клиника-Хоспис». Он как раз подумывал как бы их миновать, чтобы не лезть через забор с очень неприятными на вид пиками и колючей проволокой.

Долго размышлять ему не пришлось. Железно-серые створки медленно раскрылись и наружу вышел лонгат. Выглядел он неважно. Рабочий комбинезон покрывала густая требуха, а правая рука была вывихнута настолько, что свисала чуть не до земли. Бедняга сделал пару шагов к свободе и упал.

— Ч-черт, — Фитцвиль рассыпал пакет с орешками и выскочил из машины.

Кажется веселье началось без него.

Он стремглав бросился к лонгату, но тот уже отдал Шторму душу. Мужчина весь был в мелких ранах от чего-то лопнувшему ему прямо в лицо. Армированного стекла, не иначе. Ретро посмотрел во двор и увидел как из входной группы пытаются вылезти другие пострадавшие. Да, такая клиника очень подходила Новой Победе. Лягушки добавили ей модной движухи.

Детектив на бегу позвонил в ГО-центр, наврав с три короба, что пострадало девять

тысяч тенебрийев. Чистокровных. Сношающихся только с родственниками. Переступая через умирающих, он ворвался на проходную и снова выругался. Похоже Спот удалось проникнуть внутрь незамеченной, но потом удача ей изменила. Выла сирена, освещение было тусклым и в сумраке жутко метались какие-то сгорбленные тени.

«Пациенты», — подумал Ретро.

Он взял валявшийся на полу тазер и стальную дубинку. Их хозяин, свалил отсюда. И правильно сделал.

Бад-дум!

Детектив пошатнулся. Внизу кто-то забыл выключить газовую конфорку? Соваться туда было абсолютно сумасшедшей затеей. Ретро прекрасно понимал, что забыть заплатить по счетам — одно, и совсем другое, подохнуть тут нарвавшись на обезумевшего Бритти или хозяина клиники.

Но что-то как будто влекло его вперед.

«Идите». - мигала зеленая лампа на потолке. — «Идите, идите, идите».

По коридору на него бежало что-то нечеловечески-собранное. Ретро приготовил дубинку, но это оказался гарзонец в желтом халате, тащивший на руках окровавленную женщину.

— Ты кто? — он затормозил. — Немедленно убирайся! В клинике нарушены условия содержания, там и так уже бойня, а вскоре подвалы затопит кровью.

— Тут лежит моя мамочка, — не моргнув глазом сказал Ретро. — Я не уйду без нее.

— Да послушай ты, дурень, она уже мертва. Все там скоро пойдут на стол... Господь, вот и оно. Беги!

По коридору ковыляло неопишваемое. Это был плотный узел коленей, бедер и голов, который упирался во все поверхности десятком жилистых конечностей.

— Доктор, — шелестело оно. — Где доктор? Мне нужен укол. Кто поставит мне укол? Хи-хи. Доктор! Я не вижу вас. Где вы?! Где вы?! А-а-а-а!

Ретро даже не успел икнуть, а рядом с ним уже никого не было. Вместо того, чтобы повторить действия рассудительного гарзонца, детектив сел спиной к стене, подтащил к себе упавший щит для информации и накрылся им. Через несколько секунд фанера затрещала и разломилась пополам. Ретро стиснул зубы от боли. Этот милый беспризорник, похожий на паука-сенокосца, чуть не выдавил ему плечо.

В коридоре никого не было.

Ретро отшвырнул половинки щита, подумав о том, что странная Радуга теперь станет еще страннее. Он побежал вглубь помещений, выискивая лифт. Без особого успеха. Оказалось, что одна из кабин застряла в шахте и в ней кто-то панически верещал. Грузовой вариант был забит какими-то орудиями пыток да так, что не протиснешься.

Недолго шарахаясь Ретро отыскал лестницу, и тут ему повезло: дверь заклинило от взрыва в полуоткрытом состоянии. Омерзительно пищал терминал для считывания ключ-карты. Ретро навалился на створку и, кряхтя, продавил ее внутрь. На лестнице царила та самая inferнальная атмосфера из фильмов ужасов Гарзонского Долливуда. Аварийные лампы заливали ступени ледяным светом голубых диодов. Внизу звенело и грохотало.

— Боже, Спот, что вы там устроили? — прошептал Ретро. — Ну... Ступенька за ступенькой. Ступенька за ступенькой.

Он пошел вниз, держа наготове тазер. Дубинку детектив выбросил. После увиденного в коридоре, она растеряла все свое доверие.

Ретро понятия не имел где была его остановка, поэтому шел на звуки предсказанной гарзонцем бойни. На четвертом пролете он увидел раскуроченную дверь в помещения, из которой валил дым. Там уже сработала система пожаротушения и поток воды журчал по ступеням и срывался в лестничный колодец. Ретро не любил респираторы: в них трудно было дышать. Он взял один, чтобы не наглотаться тяжелых выхлопов Радуги, но до последнего рассчитывал обойтись. Не вышло.

Некоторое время он ничего не видел, пока не миновал источник задымления: обуглившийся механизм, похожий на препарирующий трон. Он превратился в ком почерневшей стали с ореолом из обломанных манипуляторов. Что-то зловеще прошлепало мимо Ретро. Голыми пятками по керамическим плитам. Детектив обошел трон и чуть не споткнулся о какой-то уродливый предмет, дряблотелую гусеницу с человеческими очертаниями.

— Да что здесь происходит?

— Чел, — сказала гусеница. — Чел!

— Что?

— Скажи честно, у меня руки есть?

— Вроде бы нет.

— Блин! А ноги?

— А ты сюда вприпрыжку прибежал приятель?

Гусеница вздохнула, приподняв желтоватый хвост из которого торчали согнутые пальцы. Словно кривые гвозди из дубинки. Ретро почувствовал, что его начинает крыть. Крыть беспощадно. Скрипка задрезжала, ее бесконечные струны, до того расслабленно провисшие, натянулись и по ним пробежал высоковольтный разряд. Скри-ри-ри... СКРИ. РИ. РИ. ТЫ НИЧЕГО НЕ МОЖЕШЬ СДЕЛАТЬ РЕТРО. НИЧЕГО.

Эта сцена была так похоже, так издевательски похоже состряпана чертовыми высшими силами.

— Чел! Че-е-ел!

— Что?! Чего ты хочешь?

Ретро обнаружил себя стоящим на коленях. Он уже отдавался на волю победителя.

— Слушай, помоги выбраться, а? Я кой-кого знаю. В обиде не останешься.

Ретро изо всех сил врезал себе в глаз. Боль немного отрезвила его.

— Фитцвиль! Ты здесь?! Помоги-и-и! А... Блять!

Вдали что-то загремело.

— Спот, — прошептал Ретро. — Спот! Я иду! Сейчас!

А у самого сердце уже наполовину выглядывало из задницы.

— Чел, соберись. Тут всем нужна помощь, а ты единственный адекватный человек на...

Ногах. Ну ты понял.

— Слушай, человеческая колбаса, ты можешь помолчать?

Тут кто-то бросился на него сзади. Ретро рефлекторно нагнулся вперед и зашвырнул нападающего в гору разбитого медицинского хлама. Серое и бугристое пронзительно заверещало, ворочаясь в осколках стекла и скальпелях.

— Просто не хочу, что б ты вырубился, чел! А то ты как будто вырубается, чел. Возьми себя в руки.

— Чел?

— Именно.

— Фитцв-и-и-иль!

Ретро шел в мигающем свете, то проваливаясь в бред, где его детей начала втягивать внутрь себя капельница. Полностью опустев, она оскорбилась и решила взять свое. Теперь в ней бурлила и пенилась кровь близнецов.

— Нет! — ретро махнул рукой и попал тазером по какой-то неясной глыбе.

Глыба толкнула его так, что детектив влетел в новые декорации, где полыхал нездоровый белый огонь, летели искры, и привкус шторма буквально разъедал язык.

— Вставай дегенерат!

Кажется они все меня малость переоценивают. Детектив поднялся, держась за стену и увидел помещение удивительно похожее на классические адские декорации. Много огня и чаны. Судя по всему это был химический крематорий. В чанах плескалась трупная кислота, которая становилась нейтральной после того как в ней растворяли достаточное количество бесполезного мяса. После этого супчик просто выливали в общую канализацию. Жирбургеры обожали труп-пунш. Да что там, дикие фуги только тем и пробавлялись, что собирали питательную жижу в пластиковые бутылки.

Спотти, изрядно сдувшийся, но не сломленный, вел дуэль с каким-то пятируким волком, одетым в обычный хирургический комбинезон красного цвета. Разве что все эти черные отгиски разнополых ладоней намекали, на то, что парень таскается по разным восприятием жизни, пока вырезает аппендицит. Многие волки-хирурги увлеклись пересаживанием аппендикита в голову. Что? Да ладно, интеллект многих жертв от этого не слишком то и страдал. А то и увеличивался.

— Его здесь нет! — орал хирург. — Нет его здесь, ты понимаешь?

— А где он?! — орал Бритти в ответ.

— В заднице у себя посмотри!

Между ними трясся и скрежетал снаряд из переломанных трупов, скрученного железа и раскаленного стекла. Бритти пытался продавить им защиту хирурга: плотную стену полупрозрачных органических соединений. В помещении стояла оглушающая вонь паленого сала.

Ретро вел свой затуманенный взгляд, пока не уперся им в Спотти. Девушка забилась в угол и рассматривала оплавившиеся пистолеты. Часть сутаны на левом боку была разорвана, из глубокой раны густо лилась кровь. Она мычала от боли, но продолжала ковыряться в стволах.

В этот момент детектив пришел в себя. Белый шум в голове сменился чистым голубоватым экраном. Это была холодная ярость и больше ничего. Ничего лишнего.

— Ты немного опоздал, — неразборчиво сказала Спот, когда красный плащ навис над ней. — Нужно помочь Бри... Что ты делаешь?

— Я пришел как раз вовремя, — сухо произнес Якоб.

Он вырвал оружие из ее непослушных пальцев.

— Фитцвиль... Мы должны.

— Нет. Ничего мы ему не должны. Ты ничего ему не должна.

— Якоб...

В этот момент что-то громынуло на арене двух обезумевших волков. Чаны закачались. Кислота плескала на пол.

— Потом поговорим! — детектив поднял Спот и закинул ее на плечо.

Девушка посерела и ойкнула.

— Потерпи. Прощу тебя. Потерпи милая...

Якоб почти произнес имя дочери, но заставил себя помнить, что дело сейчас вовсе не в ней. Он спасал другую девушку. Аккуратно переступая через шипящие ручьи, Якоб принялся удирать. Удирать нужно было как можно скорее. Скоро сюда нагрянет ГО: плюс-минус два часа, но, тем не менее. Кроме того, оба этих штормовых ублюдка в любой момент могут рвануть с неизвестным радиусом поражения.

Торопливо обходя сгоревший трон, Якоб снова запнулся и чуть не упал.

— Бритти! — кричала Спот. — Нет! Ай! Ты хотя бы неси меня ровно, Фитцвиль!

— Чел! Это снова ты! Ну что, мы уже уходим?

— Я не собираюсь тебя брать!

— У нас же был уговор! Че-е-ел!

— Не было у нас никакого уговора!

— Ты не можешь вот так меня оставить! У тебя доброе сердце, чел, это точно! Подай мне руку!

— У тебя их нет!

— Бри-и-и!

— Да я тут концы отдам, чел! Умоляю тебя!

Ну почему я не Хин? — с отчаяньем подумал Якоб. Этот никого не жалеет. Он присел рядом с гусеницей. Та сразу принялся подпрыгивать и сгибаться, чтобы помочь своему спасителю.

— От души, чел! — горячо благодарила колбаса. — Я обязательно тебя отблагодарю, чел, или я не Гарольд Тинки! Я ведь совсем не тяжелый, правда?

Удивительно, но, да, — это была правда. Гарольд Тинки оказался даже более переносимым, чем Спот. Он хотя бы не брыкался и не пытался вырваться. Во многом благодаря этому Ретро не погиб во время обратного пересчитывания лестниц. Кроме того, продолговатый буквально спас их, когда на минус втором этаже за ними увязалась смутно знакомая глыба. Гарольд истошно завопил на нее и неожиданно харкнул чем-то желтовато-коричневым. Глыба угрохотала назад.

— Спасибо, — прохрипел Фитцвиль.

В фойе он буквально отрыгивал свои легкие. В глазах темнело. Уши — отваливались от давления в черепе. Он пересек территорию, и, хорошо различая сирены броневиков, дотопал до машины. Гусеницу он закинул в кузов, а Спот усадил в кабину рядом с собой. Девушка почти не сопротивлялась. Ей было хреново, это — ясно.

— Бритти, — прошептала она.

— Он это заварил, он это сам и расхлебает, — отрезал Якоб, гремя стартером. — Успокойся, я сейчас отвезу тебя в больницу. У меня есть доктор с кредитом. Постоянно мне помогал. Ну не мне... На вот... Чистая тряпка. Черт, обеззаразить нечем... Ага! Водка!

— Фитцвиль, ты ведь ни хрена не знаешь, — Спот полила тряпку из ополовиненной бутылки, а остатки вылила в рот. — Бритти хоть и мудака, но мы честные партнеры. Нам обоим нужен Уника, иначе — хана.

Спот сглотнула и закрыла глаза. Тряпка быстро напитывалась белой мучнистой кровью.

— Уника это Эхсин?

Повозка распугивала зевак.

— Ты ведь и сам уже все понял, зачем спрашиваешь?

— Почему он так важен?

— Кроме того, что он член семьи? Он умеет лечить... По-разному. Не воскрешает из мертвых, конечно, но если бы не он, мы с Бритти не смогли бы даже сбежать из клеток, не то, что вести свободную жизнь.

Сирены промелькнули прямо за поворотом. Ретро резко сдал влево. Гарольд Тинки заскакал в кузове.

— Гисбуди похитил его?

Спот ничего не ответила. Она криво ухмыльнулась и спросила:

— Что ты теперь собираешься делать, герой? Оставишь меня у ворот приюта для домашних животных? В Новой Победе таких нет. Но ничего, ничего, я все понимаю... Твои сраные человеческие порывы куда важнее, чем жизнь нелюдя.

Фитцвиль заехал в переулок и злобно дал по тормозам.

— Че-е-ел, — донеслось сзади. — Больно же! Мы что в столб врезались?

Детектив внимательно посмотрел на Спот.

— Мне все равно, что ты про меня думаешь, я...

— В основном хорошее. Но ты поступил очень глупо. Наверное, по привычке. Не решай за других, даже если тебе кажется, что кто-то заблуждается или идет неверной дорогой. Ты не уловишь всех нюансов не увидишь всех сцен и, тем более, не сможешь захотеть жить за другого человека... Понимаешь, о чем я?

По щеке Ретро скользнула слеза.

— Не касайся этого...

— Конечно, конечно. Но ты ведь коснулся наших с Бритти отношений.

Стало тихо.

— Как ты?

— Бывало и хуже. Я крепкая лягушка, не переживай. Нас создавали с запасом прочности.

Это была правда. Ретро научился разбираться в предсмертных состояниях благодаря близнецам.

— Ты минуту назад сказала, что умираешь.

— Не о том думаешь. У тебя есть своя шутка, у меня — своя. Моя в том, что я постоянно регенерирую, но это не отменяет факта, что мне отмерено двадцать лет жизни. Ни больше, ни меньше.

— Это создатель? Почему?

— Не смог по-другому скомпенсировать мою способность. Волки же не всемогущи, они постоянно рискуют и занимаются поиском компромиссов, чтобы не разозлить Шторм. Шестерка вот — тупой и пугливый, зато сильный, иногда таскает нашу тачку на плечах, когда та ломается. Бритти — может использовать чужую магию, но сам по себе — паралитик, просто кучка плоти. Лягушка как она есть. Уника... Ему постоянно больно. Все время. Он четыре раза отодвигал порог моей смерти, так что я прожила четыре жизни подряд. Прожила бы и пять, но, благодаря твоим героическим действиям, Бри сейчас... Шторм его знает, что с ним. Мы должны вернуться.

— Тебе точно не нужен врач?

— Якоб, Бри конечно справится, но нельзя бросать его вот так.

— Там сейчас полно касок!

Которых он сам же вызвал. Фитцвиль, ну почему ты все время лажаешь! Детектив выдохнул сквозь зубы.

— Значит все, — выдохнула Спот. — Без Бри нам и нового следа не взять. Прикинь... Это ведь он шепнул мне тогда, где тебя искать. Прямо во сне. Наверное ему привиделось как он находит Якоба Фитцвиля и превращает в лужу нечистот. — Девушка отняла тряпку. — Это пятно было моим любимым. Смешно, но я так и не посчитала сколько их всего.

— Тридцать девять, — сказал Якоб. — Их было тридцать девять. Теперь тридцать восемь.

Он вышел из машины, решительно хлопнув дверью. Спот изумленно посмотрела ему вслед. Ретро обогнул машину и открыл кузов.

— Эй, как там тебя?

— Гарольд Тинки, мой чел! А мы что, уже приехали? И куда мы вообще направлялись?

Вместо вежливой справки, детектив схватил конец гусеницы и наполовину выволок ее наружу.

— Уоу, осторожнее. Меня и так тут укачало.

— Слушай, Гарольд. Я спас тебе жизнь... Если, конечно, ее можно таковой считать, но тем не менее ты мне должен.

— Еще как, чел! Я же сказал, я тебя отблагодарю.

— Сделай это прямо сейчас. А... У тебя есть глаза?

— Не, чел, — грустно произнес Гарольд. — Этот псих Яблузза отнял их у меня. Зато я сейчас могу понять, о чем говорят люди по колебаниям воздуха. Я вообще все могу слышать. Почти мысли читать, если кто-то разговаривает сам с собой. Яблузза так и сказал по телефону. Правда круто?

Так сразу Фитцвиль и не мог сказать: круто или нет. Но постоянно слышать, как люди пускают газы или сморкаются в щепоть, он бы не хотел.

— Он просто так обсуждал с кем-то твои способности?

— Не, чел. Яблузза торгует всякими уродами. Выбирает самых необычных, еще больше уродует их и отправляет Голубому. Тот делает из них краски. Говорят, чем страшнее, тем необычнее цвет.

— Сраный Шторм. А кого-нибудь с крыльями он обсуждал?

Гарольд на секунду задумался.

— Да! — радостно крикнул он. — Да, чел, было такое. В самом конце разговора он упомянул о каком-то «экземпляре». Нехотя как бы. Думал, наверное, себе оставить, но Яблузза Голубому врать не может. Не осмеливается. Тот же его крышевал все это время.

— Ты знаешь где сейчас Голубой?

— Конечно, я работал у него в охране. Я же чистокровный гарзонец, чел! Ну... Теперь я больше похож на уставший член, но мой дух не сломить.

— Отлично. Сможешь нас сориентировать?

— Конечно, чел! Сади меня в кабину.

Это заняло какое-то время. Гарольд довольно посвистывал и фыркал, оказавшись между Якобом и Спот.

— А это вообще... — протянула лягушка.

— Это Гарольд Тинки. Он нам поможет.

И тут до Фитцвиля дошло.

— А на кой Шторм ты попросился в кабину, если все равно ничего не видишь?

— В кузове воняет свиным дерьмом, чел. Мне кажется, там возили свиней.

Спот вжалась в дверь.

— Короче, нам нужно на Красильную, а я туда и без глаз путь проложу, — заверил Гарольд. — Ты только скажи, где мы сейчас... Хотя. Погоди-погоди. Я слышу, как деревья перемальваются в порошок: недалеко производят камфору. Значит мы возле Типовой. Выезжай на нее и дуй налево, чел.

Чел так и поступил. Спот глядела на проносящиеся здания.

— Ты решил взять штурмом логово Верховного Существа? — спросил она. — План отличный, но в нем есть слабое место. Нас завалят.

— Что-нибудь придумаем.

— У меня даже пушек нет. Один из этих уродов на продажу разорвал мне пояс.

— Обойдемся без пушек.

— Что?!

— Гарольд, ты знаешь местность, есть способ попасть внутрь логова бесшумно?

— Без шансов, чел. Там все щели замазаны, даже вентиляцию пасут изнутри. И лучше тебе не видеть, кто именно. Сон пропадет.

— Такие как ты? — предположил Ретро.

Гарольд замялся.

— Ну, в общем... Да. Черт, когда Голубой сказал, что меня пора повисить, я не думал, что он это имеет в виду.

Прошел легкий кислотный дождик. Грузовик не покрывали защитным лаком, но краски на нем и так было немного. Ретро раскурил электронную сигару.

— Это можно использовать. Не зря я тебя спас, Гарольд.

— А то! Леди справа, судя по голосу — красотка, спаса нет. Я тоже не хочу, что б она умерла.

— Этого не случится, — отрезал Якоб. — Мы все теперь бессмертны.

— Ква, — поддержала Спот.

Эй, — сказал усталый голос в голове Фитцвиля. А как же наши деньги? Ты что это е спасатели полез? Как насчет близнецов? Им помощь уже не нужна?

— Не разговаривай так со мной! Если будет нужно, я займусь проституцией! Вздумал тут меня учить. Да я на все готов, пусть меня богатые старухи по кругу пускают!

— Чел? — переспросил Гарольд через минуту.

— Не обращай внимания, — предложила Спот. — У него бак свистит.

— Ну, — вымолвил Гарольд.

Обитал Голубой в тысячнике Вечный Рабочий. Здание было известно тем, что десяток лет назад все его население поразил вирус Бездушности, так что перед заселением Голубому и его ребятам пришлось долго и методично зачищать соты с каннибалами. Половину здания понадобилось сжечь, еще четверть — залить бетоном. Тем не менее, Голубой справился. За этот подвиг, и тонну номов сверху, КТ закрыла глаза на захват индустриального общежития и не стала высылать армию.

Кроме того, Голубой, как и остальные Существа, доказал, что способен не только заниматься рейдерством, но и следить за порядком на территории.

Ярлык был вручен без лишних проволок.

— Ну и ну, — сказала Спот. — Я мрачнее здания в жизни не видела. Оно разве... Вы видели всех этих панков? Я думала Голубой любит поцветастее. Что он гом...

— Эй, — перебил ее Ретро. — Новая Победа — прогрессивный город. Мы не говорим «гомик». Мы говорим — веселый.

— Ты откуда это взял? — спросил удивленный Гарольд. — Никто так не говорит, чел.

— Как минимум одна знакомая олива мне все уши этим прожужжала, — туманно объяснился Ретро.

— Нет, нет, нет. Гомик. Пидор. Заднеприводный. Глинокоп. Глиномес. Черт. Шахтер...

Фитцвиль заглушил мотор. Вечный Рабочий был такой злобно-унылой конструкцией, что испортил бы настроение даже слепому. Над ним, словно над заводом, поднимался дым самодельных труб.

— Содомит, — подсказала Спот. — Сладкоежка.

— Хватит, — крикнул детектив.

Спот шикнула сквозь зубы.

— Ладно, — согласился Гарольд. — Просто Голубой любит честность и прозрачность во всем. Косметика для него способ подчеркнуть уродство, а не скрыть его. Да, кстати, сам он — строго по бабам. Пусть они и на людей-то не похожи, однако... Имейте ввиду.

— Держу пари, он сам решает, кто из вас баба, а кто нет, — сказал на это Фитцвиль и вышел из машины.

— Ну, — сказала Спот. — А почему здание похоже на гроб?

— Ты не видела его изнутри. Голубой больше всех поклоняется Семицветной реке. Для него это само воплощение Шторма. Он считает, что все цвета, кроме серого — священны, и прячет их за стенами. Такого там намешал, что чокнутся можно.

— Черт. Ну и придурок.

— Как знать. Тут хоть жить можно. Вот Оранжевый — реальный Псих. У него не территория, а концлагерь.

Спот и Гарольд мило беседовали пока не вернулся Ретро. Вид у него был задумчивый.

— Ладно, — сказал он в открытую дверь. — У меня есть план. Спот, ты тоже идешь.

— Я умираю, — сухо буркнула девушка. — В глазах темнеет.

— Не придуривайся. Гарольд, и для тебя есть работа. Ты будешь нашим компасом внутри Рабочего. На случай возможных осложнений.

— Чел, ты действительно сумасшедший, да?

— Да. Но не глупый. Погнали.

Гарольда пришлось завернуть в мешковину, которая нашлась в кузове. Он пытался протестовать, но Ретро был неумолим. Получилось что-то вроде классического ковра с трупом.

— Куда мы тащимся? — спросила Спот, зыря по сторонам запавшими глазами.

Она придерживала рану ладонью, хотя кровь давно свернулась и закупорила дырку. Белая сутана хорошо маскировала пятна.

— Звучишь как Бритти, — сказал Фитцвиль. — Спокойно любовь моя. Как я уже сказал, стрелять мы не будем, но совсем без снаряжения соваться в такую задницу — самоубийство. Нужно смазать себя чем-то для лучшей проходимости.

Спот фыркнула.

— Что? Ты уже перестала смеяться над моими шутками? Так быстро?

— Заткнись, Фитц.

Плохое настроение Спот усиливалось. Ретро вел их переулками похожими на свалки биологических отходов. Среди мусора, гнили и ветоши валялось столько мертвых фугов, что дышать приходилось исключительно силой воображения.

— Бл... — девушка подтянула полы платья, которые начали тлеть от стелящихся у

земли химических испарений. — Слушай ты, безумный козел, или ты говоришь, куда мы премяся по этим фугомогильникам, или я тебе шею сверну и брошу в ту кучу срезанных опухолей.

Ретро посмотрел: это действительно была куча кем-то брошенных опухолей. Обычное дело в Радуге. Только здесь их удаление сродни укорачиванию ногтей или стрижке.

— И-и-и — вот он, конец наших ярких отношений.

— Чел, тут реально не место для прогулок, — поддержал Гарольд. — Для Вечного Рабочего это что-то типа осадного рва, понимаешь? Мне знакомый лонгат рассказывал, что они вовсе не водой наполняются.

— Хватит ныть. Еще немного и папа Якоб всех спасет.

— Почему ты так на этом зациклен? — не выдержала девушка. — Все время рвется кого-то спасать. Подумай лучше о близких.

— Я о них и думаю. Просто все пошло не по плану.

— Оно и видно.

— Из-за вас!

— Точно.

Ретро замолчал. Местные жители, слишком маргинальные, больные или агрессивные, чтобы работать, начинали прицениваться к его красному плащу. Это происходило с некоторой задержкой только потому, что яркие вещи в таких местах носили только те, кто способен был за себя постоять. Или полные кретины. Во взглядах гопоты явно читался вопрос: кто же эти двое шалопаев? Первое или второе?

— Эй, красотки, хотите погадаю по зубам?

Ретро знал, что все результаты подобных гаданий — сулят утрату. Особенно передних зубов. За ними начали увязываться одиночки, парочки, а то и целые группы. Они словно водоросли тащились за рыболовным крючком. Конечно, большинство из преследователей были такими доходягами, что больно посмотреть. Разноцветные коросты, уникальные высыпания, феноменальные шишки и дополнительные конечности с нотками выпавших органов. Головы всех форм и размеров, походки зомби и страусов, одежда неотличимая от грязи и грязь — сравнимая с природной броней.

С этими ребятами было страшно сражаться без костюма тройной герметичности.

Спот всего лишь раз и с глубочайшим отвращением оглянулась на них через плечо, но даже не прибавила ходу.

— Нет, спасибо, — лучезарно улыбнулся Фитцвиль, демонстрируя то, что здесь считалось по-настоящему странной мутацией.

Но местные уже твердо вознамерились предсказать его судьбу. Якоб заметил на одном из них прикипевшую к коже майку с надписью «Попробуй еще раз», и приподнял бровь.

— Скоро мы зайдем в какой-нибудь тупик и тогда нам придется развлекать их, — сказала Спот. — У тебя вообще есть план?

— Я же сказал. Правда он немного жестокий. И может не сработать.

— Как я жалею...

— Что переспала со мной? Поезд ушел, любимая.

— Нет. Что не дала тебе выпасть из окна.

Они побежали.

Забавно, но Ретро не в первый раз слышал эту реплику. Что же до пресловутого плана, то ему нужно было держать толпу в тонусе и не допустить, чтобы она расползлась. Поэтому

он вел себя как раненая куропатка перед носом охотников. Ему помогал красный плащ. Яркая одежда — лучший друг сумасшедшего детектива, запомните дети.

— Сюда, — крикнул он, подталкивая Спот в нужную сторону.

Это был тупик.

— Фитцвиль! Ты — маразматик. Чокнутая жопа, — Спот развернулась. — Ну и что мне с ними делать?

— Показать трусы?

— Нет, пожалуй, я посмотрю, как ты будешь меня защищать! Эй, скелеты! Ату этого в красном!

Скелеты плотоядно усмехались. Кривые конечности тряслись от возбуждения.

— Да без проблем, — откликнулся Ретро. — Как же там было... Минуту назад ведь помнил. Чертова рассеянность. А! Шиж. Тшу. Тша. Мин. Тла. Уст. Цит!

Детектив вынул из кармана какую-то тряпку и помахал ей над собой. Ничего не произошло. Всем, даже скелетам, стало неловко. Некоторые вопросительно подняли перед собой клешни со сросшимися пальцами.

— А что должно было случиться? — спросил кто-то. — Что там? Мы их будем насиловать или что?

— Да Шторм его знает, ребята. Подождем секунд пятнадцать.

— Он волк?

— Не похоже.

— Есть у кого сигареты?

— Слушайте, давайте быстрее, я оставил телек включ...

К-р-р-ш-х-р-ч!

Хр-р-русть!

Пх-а-а!

После череды странных звуков, которые неожиданно прозвучали здесь, в переулке мусора и тоски, стало так тихо, что рвотные позывы Ретро прозвучали как гром.

— Н... Ну...

Его все же вырвало.

— Кажется сработало, — проговорила Спот за него. — А что это такое? Бритти ни разу таким не пользовался.

— Что там? — извивался Гарольд. — Я услышал что-то мерзкое. Действительно мерзкое, чел.

— Ни разу? — Ретро сплюнул желчь. — Странно. Значит он не так уж и силен. Я думал он волк, который ходит по краю.

— О, Господь, — воскликнул Гарольд. — Только не волкачество!

— Извини приятель, но нам нужна дополненная реальность.

Если б Сэт узнал, что его драгоценный старичок знает *такие* фокусы... Сложно сказать, чтобы он предпринял. Возможно, поднял бы долю в общаке за дополнительные навыки. Или переехал в другой город вместе с бизнесом.

— Это они? — глаза Спот были раскрыты широко как никогда.

— Да. Штормовые ангелы.

В небе на разной высоте неподвижно и зловеще висели расплывчатые фигуры. Кровь зубных гадалок сделала их видимыми: мрачно-бордовые силуэты и больше ничего.

— Я думала это байки.

— Ничего подобного. Сильные волки изредка проверяют, где они скапливаются, чтобы держаться от этого места подальше. Байки не из пустого места растут.

— Господь, — запричитал Гарольд. — Да нахрена они тебе нужны? Хорошо, что я ничего не вижу. Как ты это сделал?

— Если коротко, я много интересовался волками. Их слабостями. Прочитал много статей в сплитнете, общался с охотниками. В конце концов я заказал одному из них «марку». Психотатуировку которую выбивают на лоскуте из кожи замученного человека. Марка показывает Штормовых ангелов, если принести человеческую жертву. И когда ангелы понимают, что стали видимы — безумеют от злости. Кидаются на любое волкачество. Я планировал использовать это и прочие фокусы, чтобы отомстить кое-кому...

— Господь, — тихо прошептал Гарольд. — И ты носил с собой эту гадость? Все время? Все время готовый завалить десятка два бедолаг ради своих делишек?

— Это не делишки, — безжизненным голосом поправил Ретро. — Во всяком случае раньше мне так казалось. Скорее всего, я бы пожертвовал и сотней, лишь бы загнать и убить эту тварь.

Спот посмотрела на детектива новым взглядом. Но вид у того уже был совершенно беззаботным. Якоб глядел в небо, щелкая пальцами.

— А, вспомнил... — он сунул руку в штаны. — Гарольд, дай-ка мне номерок когонибудь важного внутри.

Гарольд поделился цифрами начальника охраны. Одуревшая лягушка смотрела как Ретро быстро нажимает кнопки.

— Алло. Добрый день... Не нужно ругаться, и задавать дурацкие вопросы. Какая разница откуда у меня номер. Вы лучше выгляните в окно... Уже заметили, да? Ну так вот, имейте ввиду, что, если вы сейчас же не дадите трубку Голубому, я натравлю этих ребят на вас. Мне это не сложно. Я волк высокого полета, знаете ли. Прямо как Штормовые ангелы... Да. Жду.

Лучезарно улыбаясь, он посмотрел на Спот. Та сделала шаг назад.

— Ты меня пугаешь.

— Правда? Не бойся, любовь моя. В действительности я пытаюсь напугать только Голубого. Если я не ошибаюсь, лидерские качества у него — в норме, а волк он — посредственный, так что сожрет мой блеф только в путь. Их неуверенность в собственном мире однажды погубит каждого штормолюбца. Всех до последнего.

Спот внимательно смотрела в глаза Фитцвиля. Они не транслировали ничего кроме искренности и доброты. И капельки дурашливости. Спот скосила глаза на высушенные кости гопников и сглотнула.

Улыбка детектива медленно, по частям, развалилась.

— Ты сказала, что Эхсин лечит. Признаюсь, сначала я планировал захватить его и потребовать с вас выкуп, но теперь план упростился. Если ты, или Бритти, или Голубой и вся его армия, встанете у меня на пути... Я убью каждого. Ты поняла меня, Спот? Лягушка отвела взгляд. Потом посмотрела на Фитцвиля поджав губы.

— Да, — ответила она сухо. — Я поняла.

Ретро кивнул.

— Мне нужно совсем немного времени. Один сеанс. Ты поможешь мне?

— Да.

— А если появится Бритти?

— Проклятье, Якоб! Не выкручивай мне сиськи. Я же сказала... Сказала, что помогу.
Молчание.

— Вы ребята очень странные, — прозвучал Гарольд. — Оба.

Зазвонил телефон.

— Алло? — Ретро мечтательно посмотрел на Вечный Рабочий. — Правда? Как мило с его стороны. Ага... — он подмигнул Спот. — Уже идем.

Глава 15. Королевский квест

Как только Григорий ушел, нарядившись в какого-то затрапезного монаха, мы с Хо вырубались прямо за столом. Не просто заснули, а буквально покинули мир для бодрствующих дураков. Нам даже в голову не пришло карабкаться на Детопроизводитель-2000, да и столик приютил бродяг как родных.

Это был наисладчайший сон в моей жизни, который длился...

— Неужели нельзя дать выспаться? — прокряхтел я, глядя на размытое лицо Аделины.

— Ёклмн, — добавила Хо.

— Вы проспали четыре часа, — сообщила девушка. — Этого вполне достаточно. Отец призвал вас.

— Четыре часа? — я проморгался. — Ты что шутишь...

В этот момент мне на голову вылилось литров триста ледяной воды.

— А-а-а!

— Скорее. Тебе полить?

Хо кивнула. Аделина аккуратно полила ей в ладони, и Олива промочила мордашку. Я посмотрел, как она надула сонный пузырь левой дыхательной щелью и спросил:

— А мне нельзя было так же сделать?

— Мужчины всегда просыпаются хуже, — сообщила Аделина. Она мило улыбнулась. — А теперь помолчи.

— В вас что-то изменилось, миледи, — заметил я. — Вы как будто посуровели.

Аделина не ответила. Она возилась со свинцовым тубусом, который доехал до нас на ее прекрасной ляжке. Я внимательно смотрел и на то, и на другое. Возможно, у меня начали разъезжаться глаза, потому что олива толкнула меня в бок. Я уже видел такие штуки раньше. Этот тубус, покрытый волшебной резьбой и камнями-резисторами, был защитной конструкцией *от* того, что находилось внутри.

— Что ты приволокла? — спросил я неприязненно.

В Новой Победе существует вторичный рынок для магических прибул. О нем почти не говорят, потому что с появлением качественных реплик весь этот свистопердящий мусор стал попросту бесполезен. Даже последние бедняки предпочитают пользоваться электроникой и бензиновыми зажигалками, а не продуктами жизнедеятельности волков.

Считается, что волчье безумие поражает только злых людей. Их психика деградирует до такого состояния, что они как радио настраиваются на волну Шторма и слушают красный шум, пока не сойдут с ума. Как в той истории Ретро про фермера и собак. Они пытаются расшифровать это шипение, но полезных советов еще ни разу не получили, насколько можно судить по состоянию нашего чокнутого общества.

Пока волки развлекаются таким образом, их сознание путешествует во времени и вне времени и хрен еще знает как. Иногда они видят в своих бредовых видениях технологии, до которых нынешнему человечеству как до Лонги — вплавь. Тогда они совершенно неожиданным образом копируют их и на свет появляются так называемые «арты». Волшебный эквивалент электроники.

Все эти филактерии, волшебные палочки, орбы, спичечные коробки с бесконечным запасом соли — все это грубые, сколоченные из неподходящих материалов скворечники в которых по задумке должны обитать солнца. Но обитает вечный фонарь, что призван

сжигать все волосы на теле. Мог бы пригодиться девушкам, если б не вызывал адскую боль и появление сотен родимых пятен.

Только не подумайте, что это я это узнавал сам: делать Самаре де Хину больше нечего, как вникать в этот фантастический бред. Зато некий палочник, очень любит в свободное время заниматься нашим образованием. Я думаю, что так он отыгрывается за свое время, потраченное на учебники по юриспруденции. У него на этом не просто пунктик, а смертельная психологическая травма.

В общем, совсем не удивительно, что волчий рынок представлен редкими магазинами вроде «Отличные электронные штуки и волшебное барахло». Но я подумал: раз Аделина принесла эту гадскую поделку в специальном тубусе, значит ее изготовили местные волки. И существует вероятность, что в таком случае ее хотя бы испытывали, и когда девчонка справится с крышкой, мы не взлетим на воз...

— Готово, — выдохнула ле Фран.

Она бережно расстелила на столе невероятно грязное полотно, цвет которого менялся от пятна к пятну. У меня сложилось впечатление, что этой «тканью» мыли пол во всех сортирах всех ночных клубов Победы.

— Ой, — Хо натянуто улыбнулась. — Вы принесли нам свою первую гигиеническую прокладку, госпожа Ади? Выглядит здорово. Кровоточите что надо.

Аделина склонила голову.

— Это — тряпка-невидимка, — сухо произнесла она. — Под ней хватит места двоим. Прижмитесь друг к другу, и следуйте за мной. Никто не должен знать, что вы перемещаетесь по территории.

Она повернулась к нам спиной.

— Ну. Пробуйте.

Забавно. То есть даже смотреть как эта штука работает опасно для здоровья. То-то госпожа Ади натянула металлические перчатки. Мы с Хо поглядели друг на друга.

— Миледи, — я протянул ей руку.

— Милорд.

— Снова пришло время вспомнить тот матрас.

— Лучший матрас в мире.

Я деликатно сжал когтистую ладошку и притянул оливу к себе. Она довольно оскалилась. К счастью, мантия-подтирашка имела абсолютно нейтральный аромат. Мы накрылись ей словно должны были изображать двухголовое приведение.

Я не ощутил никаких изменений, Хо задумчиво сопела мне в плечо.

— Бред собачий, — прошептала она.

— А-ха.

Аделина повернулась к нам и некоторое время смотрела как бы сквозь, незначительно меня направление взгляда.

— Вы здесь? — спросила она.

— Нет, переместились в Шторм, — не выдержал я. — Эта штука ведь жарит нас как фуга на палочке, пока мы болтаем? Так?

— Если будете меньше болтать, возможно все обойдется парой исчезнувших пальцев.

— Что?! — взвизгнула Хо.

— Шутка. Я шучу.

Аделина сделала книксен.

— Вам можно отпускать дурацкие остроуты, а мне нельзя? Я пользовалась этой тряпкой постоянно, и — ничего. Разве что зудит.

— Что зудит?

— Все сразу. Пойдемте. Старайтесь не шуметь. Если кто-то будет идти мимо — даже не дышите!

Аттракцион был тот еще. Мне пришлось за несколько секунд научить оливу ходить в ногу, как рядового Пухинса. Без этого мы постоянно сталкивались плечами, раскачивались и кряхтели. Когда мимо проходили люди, приходилось вжиматься в стену. Все одно: нет-нет, кто-нибудь да бросал в нашу сторону озадаченный взгляд или даже притормаживал на мгновенье. Все-таки у людей присутствует ощущение чужой энергетики или бесконтактное осязание. Шторм знает, как это назвать.

— У вас тут что, нет каких-нибудь секретных ходов? — спросил я ворчливым шепотом, когда мы вошли в пыльный, затянутый паутиной коридор. Давно нехоженный, слава Леди.

— Есть, — так же шепотом ответила Аделина. — Но никто уже не помнит, где они. Пока отец вел политику модернизации, люди умнели и все эти артефакты эпохи Двора постепенно сходили на нет. Никто уже не прятался в стенах, даже щели для слежки — заштукатурили. Конечно, срезать определенные участки было удобно, но в этих ходах постоянно кто-то мочился или занимался сексом. Просто ходить там было омерзительно. Иногда — опасно...

Аделина замолчала. Я догадался, что с памятью у нее был полный порядок, просто кто-то поймал ее за стенкой и сыграл с девчонкой в игру, на которую она и рассчитывала. Видимо в итоге ей не понравилось. Что ж, бывает.

— Госпожа Ле Фран!

Мы с Хо чуть не налетели на нее и тут же вжались в стену. К нам, тяжело бухая сапогами, бежал шевалье в доспехах синего цвета. Шлем его болтался на поясе, а по нагруднику стучала борода, сплошь залитая белым воском. Странная мода.

Парень был некрупным, но расставил руки так, словно намеревался вслепую поймать медведя. Судя по крикам, он был жуть каким эмоциональным. Когда пробежал мимо, Хо вздрогнула и зажала рот ладонью. Он все-таки попал ей по обожженным титькам.

— Бонье! — Аделина поняла, что план съезжает с рельс. — Что случилось, Бонье? Говори же!

Она схватила его пальцы и сжала что есть силы.

— Ой, — шевалье, наконец, отвлекся от мыслей о подозрительно упругом воздухе. — Вот странно. Показалось что...

— У меня нет времени, — совершенно невыносимым тоном сообщила Аделина, бросая длинные костяшки рыцаря. — Говори, почему ты преследуешь меня в этом пустынном коридоре? Что ты замыслил? И не ври! Я вижу, как алеют твои щеки!

Шевалье чуть не подавился языком.

— Я?! — выпалил он, запустив пальцы в скверно выстриженный горшок. — Я бы никогда не приблизился к вам с распутными мыслями...

— Не при свете дня, и не за слоем камня, да.

А-а-а, так я был прав. Клянусь Леди, я буквально слышал, как у парня затрещал гульфик. Дело было не в могучей эрекции, просто ле Фран одним голосом наносила в пах шевалье такие удары, что врагу не пожелаешь. Я с трудом удержался от зевоты: слушать этот скандал с историей у меня не было никакого желания.

— Ты бы лучше радовалась, что у тебя еще остались союзники в рыцарстве, — Бонье тоже звучал разбито. — Ладно, сейчас не время. Где твои застенщики?

— Я не знаю.

— Знаешь. Скорее всего где-то поблизости.

Шевалье хитро покивал головой в нашу сторону.

— Бонье!

— Успокойся, я вас не выдам, потому что люблю тебя. Да-да, только поэтому. Однако, сеньор велел поймать тебя и запереть.

Вид у девушки был такой, будто она нечаянно заметила животик в конце девятого месяца.

— Я тебе глаза выцарапаю, — заикаясь произнесла она. — Выскребу все до самого дна. Подонок. И этому полудурку — тоже. Не смейте меня касаться! А-а...

Стук!

Удар был отличный. Недостаточно сильный, чтобы расколоть хрупкую черепушку, но ставящий жирную точку в дальнейших препирательствах. Аделина осела прямо в заботливые лапы любовника. Он бережно поднял ее и взглянул в пустоту.

— Я рекомендую вам сдать, — сказал он серьезно. — Чтобы вам не наобещала эта особа, все — яйца выеденного не стоит. Ни у нее, ни у старого сеньора нет ничего, чтобы оплатить ваши злодеяния. Если пойдете со мной, господин Ле Фран помилует вас и устроит на постой. Жить здесь хоть и не слишком спокойно, но лучше, чем снаружи, поверьте... Ну так что?

Мы с Хо поглядели друг на друга. Сквозь прореху в тряпке-невидимке было хорошо видно, что лицо у Бонье честное как пять номов. Олива покачала головой. Я выпятил нижнюю губу.

Мы продолжали молчать.

— Что ж, — вздохнул Бонье. — Напрасный выбор, скажу я вам. Все равно попадетесь и тогда — конец обоим. Прощайте.

Он ушел, унося нашего единственного проводника в этом лабиринте полном злобных минотавров.

— Пиздец, — высказался я.

— Нужно держаться плана, — заговорила Хо. — Если начнем вилять, Штурм знает, чем все закончится. «Постой», ну надо же. Старик хотя бы обещал нам денег. Постоем твой взнос не оплатить.

— Он ведь сказал, что у старика ни гроша за душой.

— О-о-о, вот в это я никогда не поверю, — Хо усмехнулась. — Во-первых, он чем-то оплачивает верность свиты психопатов. Во-вторых, у каждого высокопоставленного пердуна должна быть кубышка. Гарантирую: у него заготовлен план на крайний случай, если придется линять из цитадели. Когда я жила у Холейгула, то поняла, что это — в порядке вещей. У них у каждого есть собственный сейф с тревожной кучей номов, на тот случай если начнется новое восстание и придется резко срывать с места. Сэтти, между прочим, умудрился опустошить даже этот НЗ. Во многом поэтому отец так на него и взелся. Такие сбережения они как святыни.

Я задумчиво поскреб в паху. Потом в боку. Потом шею... Штурм, от этой канализационной затычки действительно начиналась чесотка. В общем, я понимал, что оливка имеет ввиду. Будь Люпан хоть трижды королевой улья, знать о всех тайниках

Папочки он не может.

А чего я НЕ понимал, так это куда же нам двигаться дальше.

— Ох Хо, — сказал я, приобняв ее крепче. — Чтобы я делал без твоего оптимизма?

— Ничего?

— Да, пожалуй, я бы нашел в конце концов свой последний бар и закончил представление.

Олива вздохнула.

— Тебе было неприятно, когда я подставлялась под удар?

— Да. Я же сказал...

— Ну так и мне неприятно, просто бесит до жопных колик, когда ты говоришь о том, что собираешься сдать. До тебя не дошло, что я пыталась сказать?

— Ты делала это, чтобы меня проучить?!

— Тише. Что, не понравилось, да? Говнюк.

Я помолчал.

— Иногда просто не понимаю, зачем...

— Думаешь я понимаю? Или Ретро? Даже Сэт ничего не понимает, а он умнее меня. Мы просто боремся день за днем, потому что лечь и помереть всегда успеется.

Мне захотелось прикончить сигаретку-две.

— Черт, Хо, ты что, навоняла?

— Извини, это все от солонины. Я с мясом не дружу.

— Дело не в солонине. Просто ты сожгла кишечник Лучшей Доступной.

Олива вздохнула. Шторм, и как же знакомо. Я замечал, что мы с Ретро тоже подцепили эту привычку от Сэта.

— Хо.

— М?

— Спасибо.

— Не за что.

— Ну что, давай попробуем пройти дальше. Может удастся отыскать Папочкин кабинет по указателям для туристов.

Указателей, конечно, нам не встретилось, однако мы обнаружили кухню. Для этого нам пришлось несколько раз делать самый сложный выбор между лево и право. Я тянул нас налево, Хо постоянно топтала мне ногу и тянула вправо. В конце концов мы стали выбирать по очереди и отыскивали продовольственные залы. В заготовочной обитало штук тридцать осклизлых от крови женщин, которые были настолько злы, что куры и свиньи разлетались в разные стороны уже готовыми суповыми наборами. Женщины вели однообразные разговоры о том, что чокнутый Люпан демонтировал все электрические мясорубки, а мужиков угнал в ополчение.

По мне это было жестоким решением. Дамы с упоением вспоминали правление Папочки, когда они занимались только готовкой и вторичной разделкой. Так я понял простую истину: любую революцию нужно начинать с самых низов, причем использовать для этого не инертное мужское раздражение, а взрывное женское недовольство.

— Пойдем-ка туда, — прошептала Олива. — У меня есть план.

Мы остановились позади женщины, зад которой мог заслонить даже боковое зрение. Она рубила половину телячьей туши с такой силой, словно это был сам Люпан в чем мать родила. Минуту назад леди-мясник переговаривалась с коллегой: несчастной девушкой,

изуродованной какой-то кожной болезнью. Таизможденно брела за ведром горячей воды к огромному котлу с печкой.

— Как же я устала, — неожиданно произнесла Хо. — Помру к вечеру.

— Ага, — буркнула дама между ударами. — Клянусь Девятью, я могу понять почему он убрал все компьютеры и развлекательные центры. От них плавятся мозги. И даже пылесосы приносили только вред, девки от них совсем теряли интерес к жизни. Но крутить вручную фарш для всей цитадели? Это что, шутка? Он так испытывает нас вместо Шторма?

— Я знаю, кто никогда бы такого не допустил, — продолжала Хо таким голосом, что мне захотелось обнять ее и высморкаться в красные колтуны. Упражнения с офисным телефоном сделали из оливки трагического актера.

— Да, старый господин любит нас как родных детей. Чуть грудью не кормил в свое время. А теперь что? Знаешь, что я бы делала с каждым ретроградом? Рубила им кокошки, что б такие уроды не размножались. Говори ему на франкском! Ага! Да уже бабка моя всю шарпила на тенебрийском как и вся цитадель. А ведь была уже в годах, под двадцать пять ей было, клянусь Девятью!

— Интересно, где-то сейчас старый господин?

— Где...

Женщина разогнулась с таким щелчками, что я инстинктивно пригнулся.

— Где ему быть, теперь, после таких козней? Сама будто не знаешь... Ладно, пойду облегчусь. Это вино какое-то странное, выливается откуда не ждешь. Загадочное, Шторм забери.

Только сейчас я понял, что женщина была слегка подшофе. Точнее пьяна как бочка с пивом, однако мышечная память не давала ей вырубиться. Она медленно повернулась к нам, и я ожидал разве что удивленного взгляда в пустоту. Мы его получили. И не только:

— Это еще что? Вы кто такие? Призраки войны?

Прошептала она скуксившись.

— Мой Дути погибнет! Погибне-е-ет!

Я озадаченно стянул с нас простыню. Все сразу стало ясно: похоже от близости крови или подобной херни она перестала работать и стала чем-то вроде обыкновенной прозрачной пленки. Волчий мусор как он есть.

Пришлось нам с Хо уносить ноги с такой скоростью, что никто даже не успел толком разглядеть кто это там мелькает среди крюков и красных овалов. На входе мы столкнулись с двумя парнями-дубинками, но я набросил на них тряпку, и мы отметили охранку так, что заныли вчерашние синяки.

— Отличный план, Хо, я бы никогда не догадался получить по печени без твоей помощи.

— Как только у тебя появится хоть одна дельная мысль в голове, я обязательно запишу ее в ежедневник между Сэтовскими напоминаниями сходить за вискарем.

— Я думал вам обоим об этом напоминать не нужно.

— Шторм, там еще дубинки! Назад, назад.

Походя я ощутил острый приступ запасливости и решил подобрать тряпку-невидимку, но стражники так в ней запутались, что я смог оторвать только неровную полоску окончательно помутневшей ткани. Отлично. Испортить что-то волшебное, примета — хуже не придумаешь. Чувство вины и суеверный страх заставили меня сунуть чертов клочок в карман, как будто это меня извиняло.

Мы снова прошли через лес мясных половинок и мне пришлось сбросить на пол огромную кастрюлю с кипящими костями. Это заставило отступить женщин в грязных фартуках, которые ненавидели, когда к ним являлись призраки войны.

— Быстрее, нам нельзя привлекать слишком много внимания, — Хо тащила меня по коридорам, ныряя то под одну портьеру, то под другую.

— А сколько его сейчас? Можно сказать, что мы на шумели?

Олива не ответила. Мы пронеслись по залу, служившему прачечной. Тут горбатились совсем молодые девушки, почти детишки. Они явно проигрывали бой горам серого белья, но у гендерно-справедливой Хо даже не было времени остановиться и сказать девчонкам, что ярмо мужского шовинизма пора выбросить на помойку. Я подумал, что и здесь раньше стояли нормальные человеческие стиралки, но принципиальный Люпан прямо-таки напрашивался, чтобы ему отрубили кокошки.

Дальше был склад с ящиками, мешками и кучей пугливых кошек, убегающих от нас дымчатыми комками. Я все больше укреплялся во мнении, что мы попали в хозяйственное крыло. Но почему Аделина вела нас в эту сторону? Можно подумать Людвиг живет в кладовке, подвязывая старые метлы...

— Стоять!

Перед нами в пол ударила хищная стрелка. Я мгновенно врос в серые доски, и прижал к себе оливку.

— Все-все, ребят, — я поднял руки. В сумраке и громоздкой архитектуре стеллажей не было видно ни зги. — Мы не хотим проблем.

Мне пришла в голову «забавная» мысль, что пока стрелок будет возится со своим тисовым арбалетом, вновь натягивая тетиву, мы успеем сделать еще кругов десять по всей цитадели. Очень смешно, если предположить, что его никто не прикрывает. Но так, разумеется, быть не могло.

Из сумрака к нам вышло несколько скособоченных фигур в современной, но безнадежно засаленной одежде. Трое мужчин и одна женщина. Все они были калеками: хромые, беспалые, женщина постукивала пластиковыми костылями. Парень слева так красноречиво пускал слюнку, что в боеспособности этих ребят сомнений не оставалось. Если б я все еще был летехой на Фуге, и увидел перед собой это такое пополнение, то немедленно вздернулся бы напротив зданий хэдквотэра.

Мне показалось, что руки можно и опустить.

Сначала заговорили мужики.

— Ну и что с ними делать?

— Убить. Все знают, что здесь земля Людвига, его последний оплот. Люпан сам гарантировал неприкосновенность этих территорий.

— Если мы будем убивать всех подряд, скоро от этой неприкосновенности рожки да ножки останутся.

— Дк а че вообще?

— А я их знаю вроде, — сказала женщина. — Это ведь их ждет сеньор Людвиг.

— Да-да, — оливка оскалилась голубоватыми зубками. — Именно нас он и ждет.

— Уау, настоящая олива, — правый воин осенил себя священным Кругом. — Леди милосердная! Какая милашка!

— Интересно, она может нарядится в гоблина? Это же хайп. Я бы на такое задонатил.

— Нет не может, — сообщил я. — Строится, мудошлепы, и ведите нас к Людвигу! Ваши

засады в Шервудском лесу уже задолбали.

Надо сказать руководящий талант я еще не пропил до конца, так что «мудошлепы» постарались выпрямиться и взглянули перед собой не так хищно, как поначалу. «Особенный» парнишка дружелюбно помахал мне рукой.

— Дядя ругается, — сообщил он. — Не ругайся, дядя.

Он достал из кармана застиранных джоггеров электронную сигарету и затянулся, блаженно вращая глазами.

— Гоблин — это кринж, — подтвердила женщина. — Пусть будет ведьмочкой.

— Ведьмочкой?

— О, Леди! Да! Да-а!

— Тишина!

На сцену медленно-медленно вышел настоящий рыцарь. Он двигался как восставший труп не для того, чтобы казаться загадочнее: кто-то профессионально избил его, прямо как меня в юности, когда я хотел ограбить пожилого гарзонца. Единственная разница — этот парень был слишком горд, чтобы лежать на полу и медленно срастаться единое целое.

Доспех оказался измят, пробит, и выглядел как фольга, использованная не по назначению, однако заплывший взгляд посверкивал сталью. Единственная слабость, которую воин себе позволил — опереться на чиненное древко старого копья.

— Прошу не воспринимать всерьез это грубое мужичье, миледи, — рыцарь слегка шепелявил, но мы прекрасно его понимали. — Ваша красота сравнима с чистотой и яркостью свежего номинала, только что слетевшего с печатного станка. И пусть вас не смущает контекст моего неумелого комплимента. Вы не одна из миллиона похожих купюр, вы — мастер-клише.

Хо густо позеленела.

— Да ладно, — она фыркнула, улыбнулась, но тут же снова фыркнула.

Я едва не расхохотался.

— Ни одному провокатору Люпана не сыграть застенщика так уверенно, — продолжал рыцарь. — Я верю вам. Однако, вас должна вести леди Аделина. Где она?

Я рассказал о столкновении с неким Бонье. Рыцарь склонил голову. Ему жестоко, вместе с кожей, обкорнали волосы, так что зрелище было так себе.

— Господин придет в ярость, — предсказал он. — Что ж. Пойдемте.

Древко копья стучало по доскам. Рыцарь ковылял, шумно пыхтя сквозь зубы.

— Бывали времена и получше, — сказал он, понимая, о чем думают застенщики. — Меня зовут Жермен Жиль: генерал армии Фран на Побережье. Осталось от нее немного, почти все командиры и солдаты перешли на сторону Люпана, и могут считаться только ренегатами. Лоялисты, все честные и добрые люди — были унижены, лишены оружия, здоровья, чести. Но дух все еще при нас. Мы не собираемся возвращаться в прошлое. Лучше стать калекой. Лучше умереть.

— Вы из новаторов? — застенчиво спросила Хо.

Я улыбнулся. Ну просто влюбленная нимфетка.

— Да, госпожа...

— Хо Хо.

— Прекрасное имя. Да, из новаторов, и думал, что все мы заодно. Цитадель Фран еще недавно была самой модернизированной из всех, мне бы и в голову не пришло, что людей можно с такой легкостью загнать обратно в темные времена. Они как будто рады снова

оказаться в котле железного века и грызть хорошие знакомые сухари. Возможно, всему виной невероятная харизма Люпана и видения, которые насылают волшебники из его свиты. Все мы видим кошмары по ночам. Прискорбный кринж.

— А ведь мне что-то такое снилось, — я передернул плечами. Спина до сих пор чесалась так, словно нож вонзили. — Что-то про горящие леса и плачущих детей. Довольно скучная картинка.

— Точно, — невесело усмехнулся Жермен. — Ужасная безвкусица. Как будто смотришь гарзонский исторический боевик про Столетнюю войну. Все это рассчитано на впечатлительных дураков. К сожалению, их всегда больше, чем трезвых людей, а глупые крики легко заглушают мудрую речь.

— А мне ничего не снилось, — удивилась Хо. — Хотя я спала так крепко, что умерла бы — не заметила.

— Вот именно, вы просто не заметили этого сна, потому что он не затрагивает нужных струнок в душе вашего народа, — согласился Жермен. — самого красивого народа Немоса.

Интересно, все новаторы — оливофилы? Наверняка Папочка и его приближенные часто выбирались в Новую Победу за этим делом.

— Спасибо на добром слове. С другой стороны, бывают такие оливки, что взглянуть страшно.

— Это не про вас, миледи. Не про вас.

— Вы меня застесняли, господин Жермен.

Я заскучал по своему револьверу. Когда наступает стопроцентный момент пустить себе пулю в рот, он всегда меня подводит.

Впереди забрезжил яркий электрический свет. После масляных ламп и жаровен, я готов был смотреть на современную лампочку пока глаза не зарумянятся.

— Мать моя неизвестная, — прошептала Хо. — Ты видишь это?

Я видел. Логово Папочки напоминало маленький технологический оазис. Потрепанные люди чинили домики-самосборы из пенопластин, курили под фонарными треногами, уныло тусовались возле единственного кофейного автомата. Дети окружили пузатый телевизор, и выжимали последние соки из старой игровой консоли.

— Не спать, не спать, — слышал я. — Есть еще кофе? Нужно проверить третий коробок, генератор уже три раза выключался. Воздуха не хватает. Ну пусть он тогда гремит на весь склад? Все провоняло. А что с врезкой в старую сеть? Нашли... Сраный Люпан.

— Печальное зрелище, — произнес Жермен.

— А-ха. Пост-апокалипсис как он есть.

Рыцарь обернулся на меня с побитой улыбкой.

— Вы иронизируете, сэр де Хин, а ведь так оно и есть. Так и есть. Милостивая Леди как же я хочу простого тоста с простым шоколадным маслом. Вышел бы за него на бой против десятых.

Да, от шоколадного масла я бы и сам сейчас не отказался. Жермен хотел сказать еще что-то, но в этот момент в оазисе погас свет. Люди, устало ругаясь друг с другом, объединялись в рабочие группы. Дети оставили игры и бросились разжигать факелы.

Роль королевского замка взял на себя жилой прицеп для траков-пилигримов, которые участвуют в колонизаторских миссиях. Внутри есть место для проживания двадцати человек, санузел, водяной фильтр, универсальный генератор и прочие волшебные штуки. Неудивительно, что это было единственное место, где окна по-прежнему были освещены

изнутри. Ума не приложу, как они затащили его внутрь, однако — вот он, стоял перед нами, окруженный валом из мешков и засыпающей стражей.

— Нет, — плаксивое бормотание. — Нет, не надо... Сохраните нам зеленый уголок...

Я вспомнил как во сне меня окружили высокие зловещие тени. В этот момент я просто свистнул моему ПТСР, и оно разнесло кошмар хорошим залпом артиллерии.

Жермен ничего не сказал, даже не растолкал спящих. Он проковылял мимо них, и постучал в массивную железную дверь.

— Пароль, — спросили в смотровое окошко.

И не дожидаясь ответа, грохнули замком. У парня внутри был игрушечная винтовка: воздушка с газовым баллоном. Похоже им на всех разрешили иметь только один травмат, которым и лягушку на обед не подстрелишь. М-да, если это не отчаянье, то я даже не знаю — что.

Внутри было прохладно, но воздух сильно отдавал нагретым пластиком. Тут была куча бытовой и развлекательной техники, и вся она, казалось, работала одновременно. Жарились вафли, играла музыка, по телевизору шел старый, но угарный боевичок «Стоун Колд: Последняя шутка», — экранизация одной из прошлых книг. Стоун как раз стоял перед бандой головорезов, весь окровавленный и абсолютно безоружный.

— Ну что там у тебя, Стоуни? — спросили у него насмешливо. — Что у тебя осталось?

Пауза. Стоун Колд поднял взгляд.

— Только мой невидимый пистолет.

Он поднял руку с выставленным указательным пальцем.

— Пиф... Паф...

Головорезы открыли огонь. Жуткая сцена. Мне всегда раздражает, когда люди разбрасываются пищей. В том числе и томатным соком. Вообще говоря, это была откровенно проходная часть: в ней пытались ввести нового героя, под предлогом того, что Стоун — погиб. Однако фанаты мгновенно озверели, так что в следующей части оказалось, что Колд инсценировал свою смерть, чтобы усыпить бдительность заклятого врага и взять того тепленьким... На нем, оказывается, все это время, был волшебный бронезилет.

После таких объяснений начинаешь понимать, что серия пошла по наклонной. Как я уже говорил, эта франшиза не для меня.

Я чуть не наступил на шайбу робота-пылесоса и аккуратно прошествовал мимо включенного компьютера. Вот это — вещь! Как по мне, главная проблема магии в том, что она крайне ненадежна. Может вы и сможете уговорить волка построить небесный мост до Мунзы за одну ночь, но сколько эта херовина простоит? А тот же компьютер будет стабильно добывать вам оливскую порнографию словно работяга в угольной шахте. Добывать годами, если за ним правильно ухаживать. Магия всегда про безграничное и невозможное. Электроника — это конкретное, зато выполнимое. Я предпочитаю второе.

Людвиг сидел за рабочим столом и мерил тонометром кровяное давление. Судя по тому бардаку, что царил в бригадирском отсеке, он попеременно пытался заткнуть видения алкоголем и стимуляторами. Алкоголем и снотворным. Алкоголем и сладостями из ядоварок. Голова его была обмотана бинтами — значит он еще и лоб себе расшиб, чтобы прогнать сонливость. Бедный старикан, как он еще не скопытился?

На койке позади мертвецким сном дрыхла немолодая женщина. Старуха, попросту говоря. Возможно, лечащий врач. Почему бы и нет? Старуха бредила.

— Сеньор, — негромко позвал Жермен.

Его сложно было расслышать из-за технического шума, но Людвиг поднял взгляд. Большой взгляд старого льва изгнанного из прайда.

— Жермен, — он привстал. — Де Хин, леди Хо Хо. Хорошо, что вы пришли. Присаживайтесь.

Присаживаться было особенно некуда. На единственном стуле замер наш давешний приятель, любитель резать бошки. Я рассмотрел его получше: длинноволосый мужчина с приятной улыбкой и абсолютно нарколептическим взглядом. О нашем появлении он, видимо, даже не подозревал.

Остальным пришлось подпереть стенки.

— А где...

Папочка силился вспомнить имя. Ну ничего себе, я-то был уверен, что Аделина для него значила даже меньше, чем ручной маньяк.

— Где Ади?

— Бонье забрал ее, — ответил Жермен.

В этот момент головотяп ожил, вскочил на ноги и быстрым шагом покинул нашу компанию. Я ожидал, что старик закричит, начнет расшвыривать мусор, поклянется всеми темными силами, что покарает сыночка... Но все ограничилось до невозможности тоскливой слезой.

Людвиг подцепил ее пальцем, вынес перед собой и сказал:

— Вот она, последняя капля. Я пуст.

Мы ждали продолжения.

Папочка пошарил между бутылками и другим стоячим мусором, и я увидел своего старого друга. Револьвер улыбался мне начищенным стволом. Ты ж мой хороший. Лучшая железка, которую я смог найти в магазине Военная Вторичка на Фугии. На деревянной рукояти вырезаны инициалы Н. А. П. Уж не знаю, кто скрывался за этими буквами, но человеком он был аккуратным. Продавец сказал, что среди останков Синих этот ствол был самым чистым предметом: вся кровь стекла по ружейному маслу.

На тот момент нищесборское мышление заставляло Самару де Хина, по кличке Сахи, искать наиболее доступные варианты снаряги. Револьверы уже лет тридцать считались дерьмом для начинающих гангстеров и позеров с Гарзоны, и стоили не дороже хорошего ножа. А уж тридцать третий калибр ссыпали в карманы по цене семечек.

Давать имя личному оружию — плохая примета. Если б не это важное обстоятельство, я бы назвал его Наппи. А так он был просто железкой, стволом, или «хреновой доисторической рухлядью».

— Презренное оружие, — произнес Людвиг. — Ибо сказано: сталь холодна, остра и мелодична. Меч — поет, ружье — лает.

Мы с Хо переглянулись. Что-то здесь не сходилось.

— Именно так сказал бы мой *оставшийся* сын, — Папочка любовно огладил рукоять и медленно провернул барабан. Затем выщелкнул его и вернул на место. — Или что-нибудь еще более идиотское и высокопарное. А я скромно считаю это изделие намеком на совершенство. Даже самый лучший меч — всего лишь палка, которой мы колотили друг друга Шторм знает с каких времен. Арматура расплющенная молотом. Она была нашим другом долгое время, даже слишком долгое, но теперь только в подобном оружии пылает жизнь. Пылает отражение нас самих, сложность человеческого ума, его судьбоносные озарения, безумие и страсть заставляющая смертного искать еще более легкую кончину...

Однако, я держу в руках жизнь и надежду.

Людвиг заулыбался. Честно говоря, я бы предпочел, что бы его с огнестрельным оружием всегда разделяла дверца несгораемого сейфа, но, что имеем, то имеем.

— Есть много пословиц о красоте заключенной в простом, но сила есть только в сложных вещах! Этот револьвер — точная система помогающих друг другу деталей. Курок, боек, барабан, патроны, плотно сидящие в гнездах, они сведены вместе людьми, твердо намеренными выжить. Настоящими людьми! Обязанность всего сущего становится сложнее, эволюционировать. Лонга не стояла, она шла вперед, но слишком медленно, и, если не заключать необходимые союзы, наша гибель в этом мире — неизбежна. Нас съедят, выпьют, — да! — но хотя бы дадут что-то взамен... А мой сын! Вы представляете, на что надеются такие люди как он? На возвращение бесконечного кошмара, лишь бы...

Лефран понял, что начал гнать пургу, и замолчал. Черно-белое лицо, теперь залитое самой красной краской, подергивалось. Старик чуть наклонился вперед и стукнул железкой о край стола.

— Обычно дети насмеются над пыльными святынями отцов и матерей. Говорят им не лезть в новый мир, и закапывают прошлое вместе с ними. В землю, поглубже. Но мой Люпан так и не вник в естественный ход вещей.

— Он правда убил своего брата? — спросила Хо.

Людвиг быстро взглянул на нее.

— Доказательств не было, но я знаю — да. Да, Лиона убил собственный брат. Ли был старше, он все понимал. Он наследовал цитадель, и при нем Люпан не осмелился бы даже яйцами тряхнуть слишком громко.

— Не понимаю, — признался я. — У вашего средненького какие-то проблемы с башкой? Почему он занял такую позицию? Аделина говорила что-то насчет видения Мерелин...

И вот тут-то Людвиг порвало.

— Да шла бы эта ебаная Штормом ведьма себе же в манду! — заорал он срывающимся басом. — Хранительница цитадели Фран, конечно! Скорее разрушительница! Если б она не приносила пользу в прошлом, я бы давно нанял охотников и сжег ее в золу и пепел. Да просто лишил гадину пищи и шторм сделал бы все сам. Сколько раз ей было велено фильтровать то, что она рассказывает. Но это чудовище уже не различает реальность и сны, не понимает с кем и о чем болтает!

— Подышите сеньор, подышите, — сострадательно просил Жермен. — Вам нельзя напрягаться.

Папочка вдруг рассмеялся.

— Помолчи Жер, клянусь Господом. Я не хочу дышать этим воздухом. — Он потер лицо беспокойной рукой. — Вонь засохшего дерьма пропитала каждый угол. Любимая атмосфера моего сыночка и всех предателей: только они и дышат сейчас полной грудью. Рады окунутся в беспредел, который творили их предки. Может и ты полюбил запах беззакония, Жермен?

Тон у Папочки был до того зловещий, что бедняга Жиль прямо-таки сморщился внутри доспеха.

— Мне очень обидно слышать это, — сказал он. — Вы можете убить меня хоть сейчас, сеньор. Я всегда в полной вашей власти, несмотря на все прогрессивные взгляды.

Людвиг стыдливо отвернулся.

— Я дал обоим сыновьям хорошее образование. Лучшее доступное, — Олива не

удержалась и хрюкнула, но Папочка не обратил на это внимания. — Заплатил тенебрийцу-историку за максимально непредвзятую позицию по вопросам колониальных войн, чтобы мальчики хорошо понимали, как устроен мир, и кто в нем настоящие хозяева. Когда отвечаешь за судьбы людей, у тебя не должно быть никаких иллюзий. Эти — сильнее, те — еще сильнее, не вздумай вставать у них на пути.

— И Люпан понял эту информацию по-своему, — догадалась Хо.

— Он с детства терся возле старейших рыцарей и слушал разные небылицы о Лонге. Про драконов, замки, изумрудные леса. Перечитал все книги в библиотеке, почти не вылезал из парка. Заставлял детей всего персонала играть с ним в крестовые походы. Я только посмеивался над его реконструкциями. Однако потом он связался с ортодоксами из Круга и мне стало не до смеха. В одну из своих вылазок в Победу они подрались с тенебрийской молодежью, и я понял, что теряю среднего сына. До меня слишком поздно дошло, что Люпан воспринял силу Тенебрии как вызов, а не повод научиться осторожной дипломатии. Я запер его в замке... После этого погиб Лион и у людей начались кошмары. Круг ортодоксов стал расти, ближайшие соратники принялись вести со мной разговоры с хорошо читаемым контекстом. Они намекали, что меняют сторону, и мне тоже — следовало бы. Я не мог поверить, что это Люпан смог оказать на них такое влияние, пока лично не застал собрание Круга в саду. Они почти не прятались, и было их куда больше, чем раньше. Люпан говорил перед ними, и все слушали его как чудо-птицу. В бешенство я велел заковать всех в цепи... Тогда стража впервые не подчинилась мне. Корона моя стала кленовым листом, как это говорится на старой родине.

А потом он заполучил «секретных быков», начал слушать Мерелин и у него окончательно затвердели мозги. Понятно-понятно. Я кашлянул и максимально шумно заерзал у стены. Хо взглянула на меня с негодованием.

В этот момент вернулся палач. Он выглядел все таким же расслабленным, но руки у него были в крови. Буквально.

— Шпионы Круга, сеньор, — сказал он беспечно. — Пока двое.

Папочка с трудом поднялся.

— Самара де Хин, — проговорил он. — Возьми свое оружие.

Меня дважды просить не надо. Я быстренько заграбастал железку и отошел.

— Убей моего сына.

Я уже понял к чему это все идет, но все равно немного обалдел, а поэтому задал самый идиотский вопрос из возможных:

— Это все?

Даже палач посмотрел на меня как на придурка.

— Занять его место не предлагаю, — усмехнулся Папочка. — Жермен расскажет подробности. Либо вы сделаете как я говорю, либо погибнете. Выбора у вас нет, помните об этом. Теперь идите.

Мы вывалились из фургона задумчивыми до невозможности. Хо ругалась вполголоса, Жермен счастливо улыбался, а я пересчитывал патроны в барабане, постоянно сбиваясь на «один». Да вы шутите?

— Жермен, — позвал я. — Вы что, блин, не могли хотя бы патронов мне подкинуть?

Рыцарь помялся.

— К сожалению, мы не располагаем средствами.

— Я тоже, Жермен, я тоже! У меня не было времени пробежаться по черным

оружейкам, знаешь ли! — Я выдохнул. — Ладно, какие там у тебя подробности?

Рыцарь снова замялся. Мне становилось смешно. И злобно. Немного смешно и очень злобно.

— А скажите, пожалуйста... Вас когда-нибудь слоили?

Я взвыл.

— Жермен, а что насчет каких-нибудь секретных ходов? А? Или они все заняты совокупляющимися принцессами?

Рыцарь поморгал.

— Я не совсем...

— А что это такое, слоить? — спросила Хо.

— Телепортация для самоубийц, — объяснил я. — Есть нормальные порталы. У нормальных волков! А у всякого отребья — слоение. Тебя перемещают слой за слоем, как лазанью. Сначала кожу, потом жир, мясо, сухожилия и т. д. У нас в армейке так веселились самые отбитые старослужащие.

— А ты?

— Не-а, ни разу.

У меня были более традиционные запросы. Я просто бухал в борделе и прекрасно стравливал пар. Если кому-то не хватает адреналина на смертельном пейнтбольном матче, то этот человек — гарантированный УвБ.

— Если все сделать быстро, вы даже не заметите, как вас слоит, — пообещал Жермен.

— Звучит хуже, чем если б мы продирались через трахающихся принцесс, — прикинула Хо.

— Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду, но, как вы думаете, неужели все может быть настолько просто? Люпан умный фанатик. В Изумрудный сад ведет только один путь и его охраняют лучшие воины. Как и воздушное пространство над кронами.

Я потер лицо.

— А-ха. Люпан не дурак, но не сможет предугадать, что вы бросите нас к нему в лесок? Он ведь знает, что папаша нами интересовался.

— Знает, но не воспримет эту опасность всерьез. Лефран младший любит отца и считает того заблуждающимся дурачком, который... Ну, вы же видели наш уголок, — Людвиг создал его наперекор сыну, хотя мог бы жить в роскоши. Да еще запросил суверенитет «земель». После такого от людей в возрасте уже ничего не ждут.

Да, в этом был некоторый смысл. Если это осознанный маневр старичка, — я мог сдержанно ему поаплодировать. Тем не менее, гораздо полезнее было бы врезать ему по кишкам и оттоптать голову. Ну куда это годится, прошляпить такой серьезный звоночек, — драку с теневрийцами, — и не всадить сыночку пулю в лоб! Да Люпан в тот момент подписал официальное признание в собственной невменяемости, и потом гнул линию не переставая, о да. Интересно, эти престарелые новаторы вообще в курсе, что под цитаделью лежит судная бомба? Вот уж действительно современный элемент декора! С-с-сука.

Мы продолжали слушать. Жермен рассказал, что Людвиг обожает тусоваться в Саду и даже устроил там кабинет, посреди сверчков, паучков и оленьих какашек. Волк специализирующийся на «перевозках», десантирует нас в дерево, после чего нам нужно будет выждать подходящий момент. Когда Люпан сядет почитать голубиную почту, можно будет просто шваркнуть ему в затылок и подождать пока нас не выхватят обратно.

— И что будет потом? — спросила Хо. — У нас нет времени, господин Жермен. Мой

друг... Ему срочно нужны деньги.

Жиль только глазами захолопал, так быстро олива затолкала ему в череп мое краткое жизнеописание.

— Ну конечно! — он показал выщербленные зубы. — Прошу прощения, никто ведь так и не рассказал вам о награде. Господин Люпан не хочет оценивать жизнь своего сына в деньгах — это кощунство, но за решение наших проблем, выполнит любое разумное желание. Если попросить его погасить долг господина Хина, он сделает это незамедлительно. Может быть и не полностью, но вы уйдете с Побережья живыми. Это железная гарантия.

Хо взглянула на меня. Я кивнул.

— Ну что ж, господин Жермен Жиль, генерал армии Фран на Побережье, — я провернул железку на пальце и сунул под резинку казённых штанишек. — Показывайте какие тут есть удобства для наемных убийц.

— Конечно, следуйте за мной.

Мы следовали за ним, пока не уперлись в сколоченный из ящиков сарай. Внутри, на скрипучей раскладушке, сидел накаченный лонгат с горящими «шумными» глазами, и тягал двадцатикилограммовую гантелю. Его бицепс был крупнее моей головы.

— Приветствую, Стакафлин, — поздоровался Жиль.

— Хули тебе надо? — поинтересовался Стакафлин. — А вам хули надо? Не видите я занят? Я вас сейчас на кулак натяну по очереди и сделаю три подхода по пятьдесят.

Хо издала одобрителный звук.

— Спокойно, — рыцарь обворожительно улыбнулся. — Великий волшебник Стакафлин, я привел тех, кто убьет Люпана Лефрана.

Волк внимательно посмотрел на меня. Потом на Хо. Держу пари у нее лобок тоже стал как ежиная спинка. Ненавижу этих уродов. Потому что боюсь.

— Ну наконец-то, бля, — он грохнул гантелей об пол. — Наконец-то вы нашли крепких ребят! Слоились когда-нибудь? Возьмите эти орбы, они помогут мне вытащить вас назад. Когда пристрелите эту суку, придумайте как подать нам знак и вы у меня мигом окажитесь на лучших местах!

Он сунул нам в руки какие-то шарики, потом принялся чертить на полу кольца, линии, и жуткие числа типа сорока семи.

У меня было ощущение, что всего минуту назад я зашел узнать насчет любительских прыжков с парашютом, но меня схватили и принялись напяливать крылья из воска и перьев.

Глава 16. Бешеный цвет

Охраны не было. Ни души. Привычной стены — тоже. Вечный рабочий был огорожен, — если можно так выразиться, — «красной линией» из битого кирпича. Ворота символизировали два металлических столбика с цепочкой.

Рядом с ними сидела рыжая, скептически настроенная собака. Она посмотрела на Ретро и Спот семицветными глазными протезами и задумчиво понюхала воздух.

— Гав? — задалась она вполне естественным вопросом.

Гав, воистину.

— Мучить животное, — пробормотала Спот. — Мне хоть противостоящий палец выдали.

В ответ собака оскалилась, но не агрессивно. Она улыбалась.

— Гав-гав, — философски заметила она. — Р-р.

Якобу показалось, что он ее понимает. Но ему много чего казалось на старости лет.

— Так мы пройдем, — сказал он как бы самому себе.

Пес метафорически пожал плечами. Он задрал морду, вслепую разглядывая Штормовых ангелов. Те сохраняли неподвижность, словно пятнышки крови на мутном стекле.

— Р-р-р.

— Это Котик, — сообщил Гарольд. — Он никогда не нападает, просто сидит тут все время. Ни разу не видел, что б он отлучался. Слушай, чел, ты будь максимально осторожен. Это все не шутки. Я был только на первых десяти этажах, где есть... нормальные люди. То, что выше — это территория Шторм знает чего. Говорят, там невозможно находиться, если ты не волк.

— Я полуволок, — сказал на это Якоб. — Все будет нормально.

— Что это еще за фигня — полуволок? — нахмурилась Спот.

— Полугарзонец, полубезумец, полуволок.

— И ты сможешь там полунаходиться? — не отставала лягушка.

Якоб уверенно шел к подъезду.

— Все будет хорошо. Вот увидите. Поднимите руки те, кому есть что терять. Кто-нибудь? Спот? Гарольд, ты?

— Ну ты и мудила, чел.

— Спасибо. Теперь помолчите. Привет, Котик. Пока, Котик.

Стеклашки под густыми бровями медленно вращались. Один глаз — по часовой стрелке, другой — против. Пес уронил голову влево, косясь на спину Якоба.

— Р-р, фыр, — вращение остановилось.

Якоб подошел к вентиляционному отверстию слева от подъезда и вытащил Гарольда из картофельного мешка.

— Сейчас мы в слепой зоне? — спросил детектив.

— Ага. Все окна забраны противоштормовыми заслонками, чтобы серость не попадала в тысячник. Работают только камеры.

— Серость?

— Ну да, бесцветность. Хрен знает, как объяснить, чел. Ты уж лучше верь мне на слово, иначе мы здесь на неделю застрянем, выясняя что да как.

— Гарольд прав, — поддержала Спот. — Давай дед, шевелись!

Якоб с оттяжкой запустил руку в карманы плаща. Скотч. Рация. Старый грязный финик. — Будешь? — предложил он девушке. — Ну как хочешь.

Минута ушла на то, чтобы отыскать на теле Гарольда подходящее место. Ретро крест-накрест приклеил рацию к лиловой шкуре и достал из кармана вторую.

— Вторая сломана, — сказал он. — Работает только на прием. Она будет у меня, поэтому говори постоянно, понял? Где что находится, куда все бегут, нет ли поблизости тварей вроде Котика... — Ретро оглянулся на рыжую шкуру. Собак он терпеть не мог. — Если нас поймают, не геройствуй, делай ноги.

— Очень смешно, чел.

Детектив нагнулся и Спот забралась ему на плечи. Она выломала решетку короткой фомкой и приняла из рук Якоба свежее испеченного двойного агента. Гарольд, отчаянно извиваясь, протиснулся в квадратное отверстие. Лягушка спрыгнула на землю.

— Ты реально ему доверяешь? Он может сдать нас в любой момент, что ему помешает?

Якоб удивленно посмотрел на нее, а потом улыбнулся.

— Ты такая опытная, а до сих пор не научилась разбираться в людях... Ну, или в червелюдах. Все дело в том, что ты слишком быстро их убиваешь. В перспективе это играет против тебя.

— Пока от общения у меня одни проблемы. Ну и что ты имеешь в виду?

— Я пообещал ему, что, если все получится, я вытащу его и отвезу родственникам.

— Фитцвиль, ты чудовище. Ты настоящий монстр. По-твоему, это смешно? Кому он сдался в таком виде?

— Любящая семья не обратит внимания на его новую форму. Держу пари, с ним теперь безумно удобно спать в обнимку. Жена оценит.

У Спот был такой вид, словно она забыла почему ей не хотелось умирать.

— Ладно, я поняла, — согласилась она. — Уж лучше попытаться, чем всю оставшуюся жизнь тусоваться в пыльной темноте и слышать звуки нормальной жизни. Но клянусь, еще одна твоя шуточка...

Ретро уже не смотрел на лягушку. Он полностью сосредоточился на рации. Гарольд что-то неразборчиво говорил, замолкал, пыхтел, говорил снова.

— Говорит, что на перроне сейчас не протолкнутся. Все хотят встретить идиотов, которые осмеливаются угрожать Голубому. Отлично.

— Что отлично? Нас с самого входа будет пасти куча головорезов.

— Не куча головорезов. Почти все головорезы. Это же элементарно, чем больше их в одном месте, тем меньше — в других. Риск засады уменьшается, и мы в выигрыше.

Детектив светился от счастья. Возможно, внутри нагретого черепа сияла картинка, где он с близнецами катается на каруселях и ест мороженное из настоящего молока.

Затея Фитцвиля выглядела безумной, и только поэтому могла сработать. Добавишь в нее хоть немного здравого смысла, и вечер окажется безнадежно испорчен. Попытайся шантажировать Голубого, что б он выдал Унику, тот может пойти на принцип и прикончить его. В то же время, если завалится в тысячник как к себе домой, это может вселить в говнюка суеверный страх. Любая стычка между волками — карточная партия, основанная на блефе. Никто не знает возможностей другого. Никто никому не верит, даже самому себе. Сила Шторма изменчива и может нагнуть «хозяина» в любой момент, а противнику — сыграть на руку.

— Дверь закрыта, — Спот подергала ручку огромной двери, похожей на заслонку

банковского хранилища.

— А как иначе? Нужно позвонить в домофон.

Ретро нажал на панели кнопку «один» и «вызов».

«Перлип — перлип»... «перлип — перлип»... «перлип...

Щелк.

— Так вот почему в остальных тысячниках двери всегда приперты шлакоблоками, — выдохнул Якоб, оказавшись в парадном. — Шторм застрянет на первом же подъезде.

Он спрятал рацию в рукав и ободряюще похлопал Спот по ягодице.

— Я тебе руку отгрызу.

— Поздно, любимая, поздно.

Что-то брызнуло на них сверху. Механический распылитель дал порцию смердящей жидкости.

— Это еще зачем? — взбесилась Спот.

Буквально выбив дверь на перрон, они ступили в царствие Голубого и...

Палитра-панки смеялись над ними. Они просто ухохатывались. Им вторил собачий лай. Наверное, это действительно было смешно, смотреть как дилетанты не могут нормально подготовиться к обычному дружескому визиту с коробочкой шантажа в подарок. Ретро прикрыл глаза ладонью, но этот цвет проникал сквозь плотные жилы и кости, шинковал и перемешивал зрительные нервы, прижигал мозги. Спот от неожиданности закричала.

Он все-таки их подставил. Чертов Гарольд их подставил.

— ...сем забыл, чел! Вот Шторм! Там же везде Бешеный цвет! Прикройте глаза чем-нибудь бесцветным, неважно чем! Бля, прости, чел, прости, для нас это уже как что-то само собой разумеющееся, я даже не вспомнил, что вас от него скрюч...

Ретро быстро ухватил суть, и перестал слушать. Все, что у него было бесцветного, это бумажный пакет из-под орешков. Он разорвал его пополам и соорудил из скотча и серой бумаги две ночные маски для крепкого сна. Стало полегче, но все равно ощущение было такое, словно Бешеный цвет пытается лишить тебя даже воспоминаний о том, что такое зрение. Ретро все еще видел его тень. Он бы мог описать эту тень как трупную жижу, сочащуюся из тела радужного пони. Давным-давно лежащего во влажной жаркой атмосфере.

Так вот зачем им собаки, — неожиданно подумал Ретро...

— ...бак черно-белое зрение, — тараторил Гарольд. — Они водят людей через окрашенные зоны. Многие старожилы ходят в одиночку, по памяти, но остальные предпочитают поводырей, потому что планировка была сильно изменена...

— Клянусь Штормом, это что, волкачество?

— ...тение Голубого, его, типа, дело жизни. Бешеный цвет — это смешение всех цветов, без мягких оттенков, и большого количества стекла, сделанного из песчаника со дна Океа...

— Валите их! Это никакие не волки! Затравить их псами!

Надо же какие догадливые, подумал Якоб.

— Друзья! — крикнул он. — Друзья. Кореша. Товарищи. Прежде чем вы нас грохните, позвольте мне сыграть для самого себя и моей спутницы похоронный марш. Это займет, — Ретро зажал ультразвуковой свисток зубами, — нешколько секунд.

Собаки взвыли и принялись метаться, опрокидывая хозяев. Перрон превратился в слепую вечеринку без музыки, а местные тут же уверовали в штормовую силу Якоба. Пытаясь найти лазейку в начавшейся толчее, люди падали, давили друг друга и теряли ориентацию. Захрустели первые кости. Просто удивительно, как волкачество одним своим

существованием делало людей глупее.

— Тревога! Всем прижаться к стенам!

— ...елал, мне как будто отвертку в ухо засунули, — сдавленно шептал Гарольд. — Убирайтесь оттуда, или охрана вычислит вас по запаху... Оу, про это я тоже рассказать забыл... Нет у меня опыта сопровождения, уж извини, чел.

Ничего, ничего, — подумал Ретро. Он выплюнул свисток и сказал:

— Прыгай мне на спину. Так мы не потеряемся.

— Нам нужна пушка, — сказала Спот. — Я могу стрелять на слух.

— Что-нибудь придумаем. Возьми пока этот замечательный, совсем не украденный тазер и рацию. Шторм! Отцепись, сладенький!

Детектив вспомнил как выглядел перрон тысячника де Хина. Это абсолютно ему не помогло. Похоже, он вновь вляпался в дело, где тактика стремительного самореза сработала *слишком* эффективно.

Кто-то попытался схватить их, но получил заряд в череп. Спот постучала по рации.

— ...гу понять, где вы, слишком шумно. Если все еще у дверей, рвитесь вперед, пока не воткнетесь в стену. По ней — направо, все время держитесь правой стороны, пока не наткнетесь железную дверь. Через нее вы попадете в заперенное крыло, где сжигают мусор. Там нет краски, и вы сможете ориентир...

— Сбрасываем одежду, — сказал Якоб.

— Что?!

— Собачий лай дезориентирует, но аборигены по-прежнему могут найти нас по запаху. Стягивай верхнее, и мы попытаем шансы.

Спот стянула сутану и забросила ее в толпу. Это произвело эффект куриной ножки, брошенной в аквариум с пираньями. Якоб действовал еще решительнее и разбросал свое тряпье по частям.

— Они здесь!

— Это просто шмотки! Блять, да не толпитесь вы!

В конце концов оба лазутчика остались в нижнем белье. Розовых боксерах и черных трусиках. Фитцвиль мог только возблагодарить Шторм, что здесь никто ничего не видит.

Он подхватил лодыжки Спот, прыгнувшей ему на спину, и ринулся вперед.

— Поработай локтями как следует.

— Надо было поработать мозгами, и составить план ДО того, как мы полезли на рожон.

— Планы замедляют и дают ложное чувство уверенности.

— Замолчи. Если мы тут не подохнем, я доведу начатое до конца.

— ...ется меня спалили, чел. Ко мне ползут сразу со всех направлений. Ничего, без боя не сдамся. Выживайте, пока я не сброшу хвост. Удач...

— Вот шляпа. Мы остались одни.

Якоб не ответил. Он прекрасно понимал, что им ни за что не удастся проскочить через толпу местных, которые уже отошли от всех его шуточек. Приступ суеверного страха быстро прошел, его вытеснила верность Голубому. Они теснили ряды, успокаивали собак.

Ретро сорвал с лица маску из орехового пакетика.

Боль была такая, что хотелось вымолить у Шторма, что б тот выдул мозг из черепа, как жидкость из яйца. Бешеный цвет подсветил чердак Фитцвиля изнутри, вывернул его глаза наизнанку, и абразивной струей вымыл все ощущения, кроме фантастической боли. Ретро почти закричал, почти выдал себя... Но тут появились близнецы. Все такие же неразлучные,

как левое и правое предсердие. Колючая проволока стягивала их вместе.

— Тише, пап. Тише.

Они крест-накрест зажали ему рот ладонями. Фитцвиль с неудовольствием подумал о том, что от пальцев снова несет наркотой и потом. У обоих с детства была привычка совать ладони подмышки, которая затем только укрепилась. Они постоянно мерзли от озноба. От вечных отходняков.

Может намазать им ладони бальзамом «Жар»?

О, нет! Куда они уплывают? Снова в толпу вооруженных уродов? Ну, конечно, такие компании для них словно съезд старых друзей и теплые бабушкины объятия одновременно... Нет, мимо. Они пронеслись мимо, кто бы мог подумать? Нужно нырнуть следом в узкий промежуток, между локтями. И снова. Придется идти осторожно, что б не спугнуть эту парочку балбесов и не привлечь внимания. Тут все в каких-то сварочных масках, и холодным оружием в руках. Наверняка очередной засранный клуб с чокнутым дресскодом. Видали и поинтереснее.

Как же слепит глаза... Что тут с освещением, это клуб Ровного Загара? И жарко, пот заливают щеки. Густой. Нужно сварить им густой суп. Это придаст Анис сил бороться с зависи...

— Фитцвиль! Очнись!

— Лягушка, это ты? Ну как дела? Выглядишь постаревшей.

Спот была вымазана в саже и беспрестанно скалилась. Это от напряжения, подумал Якоб. Тащить меня по загаженному полу, наверное, очень сложно.

— Я могу идти сам.

— Зачем ты снял маску? Я думала тебе конец!

Фитцвиль, пошатываясь, поднялся на ноги.

— К счастью, мне в спину воткнулось столько использованных шприцов, что нормально выспаться не получалось. А где близнецы? Ты их не видела?

Лягушка широко улыбнулась. А потом так зарядила детективу кулаком, что у того мгновенно прочистилось в голове. Он прошелся ладонью по лицу и увидел на линиях судьбы кровавые сгустки.

— Ты меня видишь? — спросила девушка. — Сколько пальцев?

— Четыре.

— Ф-ух. Я была уверена, что ты ослепнешь.

— Где мы?

— В месте, куда тебя давно пора было отправить. Они не вывозят мусор, а сжигают его прямо тут, с помощью самодельных печей и труб.

Якоб осмотрелся. Кошмарные, гниющие заживо фуги давно перестали рыться в объедках, и пристально глядели на пришельцев мутными заложенными глазами.

— Та-а-к, — вполголоса протянул Ретро. — Гарольд не выходил на связь?

— Пока нет.

Мусор сыпался из широких желобов, по закопченным стенам расползалась мохнатая плесень и органическая слизь, всевозможная живность беззаботно роилась без всяких планов на будущее. Было бы странно, если б тут пахло освежителем «После дождя», но гарь и постоянное задымление отодвигали вонь на второе место.

В кучах шумно копошились крысы и местные рабочие: никакой конкуренции, только взаимное уважение и справедливая дележка яблочных огрызков. А все, что фуги не могли

съесть, закидывалось ими же в раскаленные пасти щелястых печей. Кривые самодельные трубы уходили в стену, а потом, при помощи железных скоб, карабкались до самой крыши.

— Мясо? — слышал Ретро.

— ...высохшие, не задерживайтесь там, — ненадолго ожила рация. — Не знаю, как вы оттуда выберетесь, но ты сам сказал...

— Да-да, все будет хорошо.

— Мясо...

— Старик, — позвала Спот. — Они все высохшие. Гарольд сказал, что тысячник был заражен, но его очистили. Так какого хрена они тут делают?

— Работают, не видишь? Отличная идея, запереть их здесь с простой как жизнь инструкцией. Меня больше интересует, как мы сюда попали?

— Ты вырубил мной охранников, словно дубиной, и забрал ключи от железной двери.

— ...

— Позже я тебе это припомню.

— Прости.

— Лучше показывай, где оно, твое «хорошо».

Фуги-кочегары перестали зачерпывать мусор и подняли лопаты совками вверх. Из рыхлых куч, словно тараканы, выбирались вечно-голодные зомби: это были самые лучшие экземпляры, прожившие тут достаточно, чтобы превратиться в ходячую тухлятину.

— «Хорошо» обязательно настанет. Но ты пока вооружись.

Спот ловко шевельнула носком ботинка, подбрасывая вверх кусок арматуры. От безумной жары по ее обнаженному телу скользили мутные капли. Они щипали приоткрывшуюся рану и скапливались в ложбинках пресса. Идеальная прическа растрепалась, яростные глаза совсем пропали из виду. Впрочем, и без того было ясно, что лягушка внимательно наблюдает за приближающимися фугами. Крысы, тем временем, заняли лучшие места, и не могли дожидаться начала представления.

— Ну, подходите, желтые пельмени! — крикнула Спот.

Пельмени бросились в атаку... Точнее, они медленно в нее побрели, но их было слишком много, чтобы отнестись к ситуации легкомысленно. Некоторое время происходящее напоминало избиение подушек, но вскоре дело дошло до укусов.

— Ах ты мелкая сука! Лодыжку мне прокусил. Фитцви-и-иль!

— Я почти сообразил, секунду... Что? Что вы там забыли?!

Ох уж эти негодники. Забрались в одну из погасших печей в конце помещения. Выглядывают из нее, словно пара птенцов из скворечника. Нужно немедленно достать их оттуда, пока не поранились.

— Спот, ты должна мне помочь, — Ретро наступил на старую вывеску с названием «Горячая печка и мягкие булки Агнесс фон Гросс». — Дай руку.

— Ах!

Ретро пробивался сквозь высохших словно ледокол, оставляя тропинку опрокинутых карликов. По нему несколько раз попали лопатами, но детектив ничего не замечал. Спот буквально летела вслед за ним, щелкая каблуками по гнилым макушкам. Желтые зубы схватили правый ботинок и тот сорвался с пятки.

— Куда мы бежим?

— Некогда, некогда... Они сейчас застрянут там и придется вызывать МЧС. Так уже было однажды, когда они лазили через заборы в поисках закладок.

Спот поняла, что совершила ошибку, доверившись кому-то кроме своих. Теперь она была заперта на свалке с ходячими мертвецами и сумасшедшим стариком. Как быстро и чудовищно изменилась ее жизнь. Лучше бы она умерла. Лучше бы она пошла на берег и ждала волны...

— Лезь первой. Ты тоньше, я пойду следом и буду подталкивать тебя.

— Нет!

Но Спот уже летела внутрь. Она упала на черную решетку и чуть не задохнулась от взметнувшегося пепла. Ретро толкнул ее глубже и залез сам, захлопнув за собой заслонку. Старое железо гремело от ударов.

— Лезь в трубу.

— Зачем?

— Там Анис и Вальтер, ты должна схватить их, пока не поздно.

Дыхание Якобы было спокойным. Голос — как у терапевта по реабилитации людей с черепно-мозговыми травмами. Лягушка слышала в его тоне, как непросто втолковать кому-то настолько простую вещь: нужно лезть вверх по старой дымовой трубе, которая может развалиться под их весом в любой момент. Разве это так сложно понять?

На секунду Спот показалось, что именно она здесь слегка не в себе. Знакомые пальцы прикоснулись к ее бедру... Спот хотел смахнуть их, но потом решила просто направиться куда было предложено.

Многие думают, что лягушки — глуповатые создания. На фоне всего случившегося — возможно так оно и есть. Бритти, по крайней мере, всегда знал когда следует зарыться в ил, и предупреждал остальных. У него была чуйка на проблемы. Из террариума могли вытащить и унести в неизвестность кого угодно, но только не Бри. Конечно, он обманывал судьбу до поры до времени, однако талант его был очевиден. Это было решающее качество для лидерской позиции, поэтому все остальные слушались его беспрекословно. Толстый общался с людьми, толстый передавал, что нужно сделать. Точка.

Неудивительно что сама Спот так и не научилась разбираться в человеках. Фитцвиль прав, до встречи с ним она слишком быстро убивала всех посторонних.

Сорок лет они вчетвером путешествовали по всему Немосу, не зная, чем заняться, чему посвятить свою свободу. Мстить людям? Да, на какое-то время это заполнило промежутки между зимними спячками. По правде говоря, мстил в основном Бри, остальные лишь подыгрывали в меру сил. Они-то не чувствовали угрозы в Создателе так же явно, как толстый. Наоборот, эта фигура кормила их, ухаживала за клочком природы, на котором они с удовольствием принимали лампочные ванны. Сытые, довольные, влажные — сонно щурились на гладких камнях.

А Бритти — да. Натерпелся и озлобился на всю жизнь. Как-то раз они по надуманной причине уничтожили дикий городок со всеми жителями. Человек сорок-пятьдесят. О таких местах, населенных бродягами, преступниками и цыханами, никто не беспокоился. Для Компании Тенебрии они представляли опосредованную угрозу, так что войска ставили под ружье только если дичка слишком разрасталась. Большая редкость. Обычно клоаки сами успешно распадались, сгорали, пустели по естественным и не очень причинам, о которых никто не мог рассказать.

Тогда Спот впервые убила кого-то настолько беззащитного, что ей стало неприятно. Убивать детей было глупо, тошно и слишком просто. Разве для этого Бритти постоянно гонял их с Шестеркой в заброшенных военных лагерях? Иногда они тренировались сутки

напролет, пока кровь из носа не брызнет. Спот давно подозревала, но тогда — поняла отчетливо, что Бритти безнадежно изуродован страхом перед людьми. В каждом он видит Создателя и его ассистентов. Ему нужно охотиться чтобы контролировать ужас, ломать его бесконечно растущие этажи.

Разумеется, иногда они совмещали приятное с полезным. Получать деньги за убийство людей Бритти считал величайшим наслаждением. Ничего существеннее этот прогорклый мир, зараженный человеческой подлостью, предложить не мог. Толстый запрещал остальной команде думать иначе и пристально следил за тем, чтобы остальные ступали за ним след в след. Метафорически, конечно. Сам-то ведь он летал, поэтому не оставлял следов и... А, неважно.

Однако сама Спот довольно быстро истратила все свои запасы ненависти. Да, Создатель вырастил ее для утилитарных целей, — она служила манекеном для испытания оружия и реактивов, — и не воспринимал как личность. Иногда ассистенты стыдливо трахали ее по ночам, бывало даже признавались в любви. Ей приходилось очень тяжело временами, но раны всегда заживали, а память была недостаточно глубока, чтобы стать такой непросыхающей ямой злобы, как у толстого.

Все же, Спот оказалась достаточно наблюдательна, чтобы понимать: создатель хоть и зол, но не на лягушек. И все остальные тоже. Спот была вне их эмоций. И как мстить тому, кто даже не к тебе обращался, ни тебя мучил, вообще не подозревал, что в клетке сидит личность. Они не знали, что у лягушек вместе с телом развился разум. Это была непредсказуемая побочка, как и у самих людей в свое время.

Спот прожила так долго и так привыкла изображать злобу, что глаза ее от постоянного вранья утопли в черепе и состарились. Она уже не понимала, куда и зачем движутся Задетые, просто шла вслед за Бритти, как делала это всегда. Больше всего ей нравилось спать под снегом всю зиму.

«Задетые». Банда обиженных. Хорошо хоть они редко так себя называли. За-де-ты-е. Ох уж этот Бри. Как был жабой, так и остался. Ни капли воображения. Потратить столько времени на прошлое, оуклится в нем! Им выпала невероятная возможность попробовать человеческий мир на вкус, а они глодали одну и ту же высохшую кость.

— Спасибо, Спот.

Даже если ей суждено тут погибнуть, пусть сохранится хотя бы видимость, что она хотела помочь. На этот раз — помочь.

— Будешь должен старик. Ползи быстрее, они наверняка выберутся на крышу.

Ретро так быстро цеплялся за внутренние распорки и сварочные швы, что лягушку несло вверх, будто пробку в наполняющемся сосуде. Чаще она просто упиралась ногами в стальные плечи Якоба и перебирала руками словно плывущая собачка.

Ты начинаешь съезжать с резьбы, когда тебе грозит опасность, — подумала лягушка. — Но боишься не за себя, — сразу переключаешь мысли на близнецов. Это самое сильное чувство в тебе, любовь к детям. Ты фокусируешь силу Шторма не на злости, как остальные, старик, а на любви... Вот почему тебя так испугался Бритти! Непонятно, на что ты способен в таком состоянии, хоть тебе и нужно время, чтобы войти в него.

Это маленькое открытие настолько поразило ее, что лягушка даже не заметила одно немаловажное изменение в ее жизни. Они перестали двигаться. Фитцвиль под ее ногами с величайшей осторожностью пытался найти опору для правой ноги, которой он выдавил наружу ненадежный металлический лист.

— Шторм, — прошептал детектив. — Осторожно ползи дальше, слышишь? Я за тобой.

Воспользовавшись заминкой, Спот выглянула в щель между двумя плохо сваренными краями.

— Слушай, старик... — протянула она. — Эти твари, которых ты призвал почему-то окружили тысячник. Ты ничего об этом не знаешь?

— Не понимаю, о чем ты говоришь.

— Фитцвиль! Ты сейчас используешь волкачество, так? Хрена с два ты бы выдержал такой темп без жульничества. Мы сейчас на высоте двадцатого этажа!

— Обижаешь, я в отличной форме.

— Тогда что ты делаешь?

— Слежу за малышами, что же еще?

— Я не... Подожди, ты что общаешься с их душами? Это волкачество, ты нас подставишь! Сам ведь говорил, что ангелы теперь будут кидаться на все, что принимает волну!

— Спустись чуть пониже.

— О, Шторм!

Ретро довольно грубо дернул Спот за голую щиколотку и заключил в объятия. Металл за его спиной опасно закрипел, но это была меньшая из проблем. Тогда же близнецы показали из тьмы прижав указательные пальцы к бескровным губам. Ретро почувствовал изнурительный приступ головной боли, и видение исчезло.

Бак-гам! — в ту же секунду. Грохот был такой, словно взорвалась цистерна с газом. Секцию трубы и стену разорвало что-то неумолимое, что-то бесконечно угрожающее и чуждое. Тут же под ногами Фитцаила разошлась как бумага их смехотворная защита и яркий свет заслонило угловатое, пятигранное, издающее мучительно-неприятный шум. Неопишуемый звук смерти, болезненный гул, проклятый стук.

«У-у-у, дук-дук, у-у-у, дук-дук-дук, у-у-у, дук-дук...»

— Так, — вымолвил протрезвевший Фитцвиль. — А что происходит, любовь моя?

Спот парализовало от страха.

Нечто похожее на пыточный инструмент, агрессивно разрывало металл и двигалось из стороны в сторону, дробя бетонные плиты. Оно как будто потеряло цель из виду.

Бум... Бум-бум! И еще раз, и целая канонада глухих взрывов где-то наверху. В трубу посыпалась бетонная крошка и хорошие, увесистые обломки. Фитцвиль прикрылся рукой. Тело у Спот стало холодное и неподатливое.

Кажется, ей было немного не по себе.

— Спот! Нет!

Она быстро скользнула вверх, влажные тела скрипнули кожей, и теперь Ретро пришлось догонять белые ножки. Спот выбралась наружу, вцепилась в край и ловко нырнула в угловатую брешь, оставленную ангелом.

Ретро последовал за ней.

Этаж был разрушен. Из труб хлестала вода, где-то трещал огонь и глухо вопили люди. Жутко мерцали лампы. Лягушка склонилась над кучкой котлетного фарша и судорожно приводила в порядок трофейную штурмовую винтовку.

— Спот, ты в порядке?

Девушка вскочила, целясь в Якоба так, словно тот был медведем, вставшим на задние лапы.

— Нет, сукин сын, я не в порядке. Где твои дети?

— Дома, а что?

— Их нет где-нибудь тут, поблизости?

— Да что ты говоришь? Ты же сама их видела, они под наркозом! У коек даже колёсиков нет...

Спот выдохнула и опустила ствол. Она смотрела на Якоба на фоне огромной дыры в бетоне и видела город, который усиленно притворялся, что здесь ничего не происходит. Лягушка с удовольствием поступила бы точно так же, если б ей дали выбор.

Детектив улыбался.

— Меня накрыло, да? Как тогда в квартире Насчи?

— Гораздо хуже, старик. Ты себя полностью дискредитировал. С этого момента мы действуем по-моему и никак иначе. Если у тебя есть возражения, можешь прыгнуть в запасной выход прямо у тебя за спиной. Попробуешь снова использовать свое волкачество, я тебя пристрелю. Ты понял?

— Абсолютно.

— Умеешь стрелять?

— Нет, и не собираюсь учиться.

— Почему? Только не говори, что ты у нас дохера гуманист. После того переулка — не поверю.

— Огнестрельное оружие дает фальшивое чувство уверенности в собственных силах. Но мы живем в мире, где враг может быть гораздо сильнее пули.

Спот положила винтовку на плечо.

— Иными словами, тебе постоянно нужно находиться на взводе, что б скорее почувствовать опасность, так?

— Ты удивительна догадлива, любовь моя...

Грянуло.

— Ты что, ноготь мне отстрелила?!

Ретро сунул палец в рот.

— Я добавляю еще одно правило: ни слова про любовь... Так, наружу я больше ни ногой. Надо найти другой вариант.

Ретро поразмыслил и вспомнил разговоры с Хином.

— Нам нужна Шахта лифта, — сказал он. — Это надежное место и по ней можно добраться до крыши.

Судя по выражению лица, Спот не верила ни одному его слову.

— Ладно, идем. Встань впереди и пригнись. Я буду использовать тебя как упор для стрельбы. Пол трясет, патронов мало, нужно бить наверняка.

— М-м-м?

— Не бойся старик, я буду стрелять раньше, чем выстрелят в тебя. Ты что, не доверяешь своей лягушечке?

Разумеется, старик доверял ей. Ему пришлось слегка согнуть коленки, чтобы Спот могла целиться по вертикальной оси. Кроме того, она заметила бесхозный фонарь.

— Возьми его в руки. Как только увидишь кого-то, свети в глаза. Усек?

— М.

Они двинулись по этажу, который, после визита самой разрушительной силы, превратился в катастрофу. Сначала было слышно только ангела, но теперь снизу прибывали

войска тысячника, и стрельба то крепла, то затихала. Очевидно, это зависело от перемещений ангела и расторопности панков.

Всего одна эта тварь на этаже, а сколько разрушений. Что же происходит наверху?

— Почему они ломанулись наверх?

Спот выстрелила. Панк повалился на бетонную крошку, свистя черепом. Ретро сверкнул фонариком.

— Извини, опоздал.

— Я и не ждала от тебя помощи. Просто хочу, что б ты был чем-то занят и поменьше пиздел под руку. Так почему?

— Могу только предположить, что у Голубого сдали нервы и он сам принялся волкачить. Думаешь они могут повредить твоему приятелю?

— Надеюсь, что — нет. Уника даже сражаться не станет. Он абсолютный пацифист. Да можно ли с таким сражаться?

Бах! Бах! Панки повалились друг на друга. Ретро сверкнул фонариком.

— Да что ж ты! А я-то думал у рептилий плохая реакция.

— Земноводных. Тебе повезло, я с рождения ловила мух лучше остальных.

— Ты помнишь, что с тобой было... тогда?

Ретро сверкнул фонариком.

— Что з...

Бах!

— Да! Я успел!

— Молодец, старик.

— Мы с тобой одного возраста, так что хорош уже.

— Тихо. Слышишь?

— Да. Оно поблизости. Кажется, кто-то действительно разозлился.

По капитальным стенам пошла дрожь, загудел арматурный скелет. Судя по грохоту и волне удушливой пыли, где-то обвалилась целая секция тысячника.

— Почему тут нет Бешеного цвета? — задумалась Спот. — Стой. Там целая толпа. Прижмись к стене.

Мимо них гурьбой протопали парни в сварочных масках, пинками подгоняя гражданских. Псы заливались паническим лаем.

— Кажется они решили эвакуироваться, — сказал Ретро. — Что ж, самое время. Я думаю, цвет тут был, но серая пыль его обезвредила. Голубой понятия не имел, что его могут атаковать сквозь стены.

Здание снова трянуло. Какое-то время Ретро и Спот еще бродили по этажу, но никак не могли сориентироваться. Они уложили с десятков панков, и чудом избежали столкновения с ангелом. Неопишное медленно проплыло в десяти метрах от них, случайным образом громя препятствия. Ретро почувствовал резь в зрительном нерве и прижал глазные яблоки большими пальцами.

Его подбросило.

— Там! — крикнула Спот прямо в ухо Якобу. — Потолок обвалился, заберемся по нему выше!

Они бросились к нему, перепрыгнув реку парящего кипятка, и взбежали вверх, как по трамплину.

«Скорее, скорее» — кричал Бритти. Он висел над полосой препятствий словно маленькая Мунза. Перед ним сиял технический идол — электронный планшет, на котором был запущен армейский тест по физподготовке. Фигурка гарзонского сержанта отсчитывала время.

Спот и Шестерка бегали вниз по глубокому снегу, навалившему за ночь. Немой хрипел от усталости, да и пятнистая чувствовала, что вырубиться с минуты на минуту: зимняя сонливость грабила их силы. Обморочная тьма закрыла боковое зрение, и в образовавшийся тоннель влетали бесконечные горки, лестницы, ямы и узкие бревна.

В какой-то момент Шестерка обогнал ее, широко разводя мощные ноги и скрылся за подъемом. Спот взбежала по скользким железным брускам и прыгнула на канат, но сорвалась с него прямо в мягкую ловушку.

Снег влажно хрустнул под ее весом и куснул за щеки. Снег ждал, что сейчас его нервно разметают в стороны, но лягушка не двигалась. Только смотрела, будто случайный свидетель, на разглаженное серое небо. В нем взрывались атмосферные пузыри. Со звуками грома рассыпались белые лавины, огромные, жуткие, иногда смертельные для всего живого... Но чаще их по крупинкам растаскивали ветра.

Спот приоткрыла рот и высунула длинный язык-ложечку навстречу уродливой мохнатой снежинке. Вода-а-а...

Его тут же ударило током.

— Ай!

Она прикрыла рот ладонью.

— Я что, разрешал отдыхать?! Посмотри на Шестерку, он уже почти добил круг, а ты валяешься тут будто замерзший пьяница. Вставай!

От гнева Бритти снег буквально плавился и Спот ощутила, как ее одежду пропитывает талая вода. Ей стало до того противно и грустно, что она зачерпнула спрессованный снег из-под собственной задницы, вскочила и швырнула все это в толстого. Неровный снаряд испарился, даже не коснувшись обнаженного пуза.

— Для чего нам это нужно?! — не выдержала она. — Мы бегаем, стреляем, истязаем себя пытаюсь достичь непонятно чего! Разве мы не должны хоть иногда отдыхать?!

Бритти казался смущенным, хотя по понятным причинам, его эмоции были не читаемы.

— Конечно, — буркнул он. — Через неделю мы заляжем в спячку.

— Я не об этом! — Спот вздохнула. — Мы же теперь выглядим как люди. Почему бы нам не попробовать жить как они? У нас полно денег, мы бы могли создать себе хорошие условия. Попробовали бы себя в чем-то мирном.

— В чем, например?

Спот помялась.

— Я бы хотела... Ну я подумала... В общем я видела, как люди ныряют в Океан, чтобы понять как он устроен там, глубоко. Можешь себе представить? Это как слетать туда, вверх, — Спот вскинула руку. — Полная неизвестность!

— Спот...

— Ну послушай! Люди без гидрофобии встречаются крайне! Это болезнь, страх воды. Особенно *такой* воды. А я родилась в Черной Дыре! Это самое глубокое озеро на континенте! А теперь я могу спуститься глубже, могу ходить по дну Океана. Может быть, для этого меня и растили, может быть это моя судьба, я могла бы принести...

— Спот!

— Не Споткай мне... Ах! М!

Горло пятнистой закрыл невидимый ком. Она почти не дышала. Спорить стало на порядок сложнее.

Канат наверху снова закачался под весом Шестерки. Тот прыгнул, расставив руки, и пропал.

Девушка упала на колени.

— А-а... Хи-с.

— Запомни всего одну вещь, — бубнили сверху. — Ты никогда не принесешь им пользу, потому что они не смогут тобой правильно распорядиться. Они скорее сделают из тебя рабыню, игрушку, а то и сожрут, просто чтобы распробовать вкус такой необычной живности. Думаешь хоть кто-то подумает, что ты можешь исследовать Океан? Что ты вообще достойна делить с ними право на жизнь? Они и себе подобным в этом нередко отказывают.

— Хс-и-и!

— Послушай меня, — Бри подлетел ближе. — Я не позволю посадить всех нас в новый террариум, и на этот раз — больше, шире, да еще в каком-нибудь фрикопарке! Поэтому я заставляю вас потеть. Вы должны постоять за себя, даже если меня не станет. Даже если не станет Уники.

Горло прочистилось и Спот подавилась воздухом. Она закашлялась, вытирая слюнку, а потом растерла лицо снегом.

— Кстати, насчет последнего. Сходи к нему, пусть проверит вас перед сном, не появились ли какие-нибудь болячки... Эй, Шестерка! Тащи сюда свою бесполезную тушу и вместе с пятнистой валите к доку! На сегодня все!

Спот медленно вытащила из-под себя ноги, но никуда не пошла. Бритти безмолвно давил на нее сверху, но вскоре понял, что окно успешного запугивания закрылось и просто улетел. Перегибать палку сейчас было ни к чему. До спячки пятнистая все равно никуда не смоеется, а три месяца сна прочистят ей голову.

Шестерка осторожно приблизился к яме и заглянул внутрь. В руках у него была вырванная с препятствий лестница. Как только Спот нехотя обратила на него внимание, Шестерка опустил железяку вниз. Он был дьявольски горд собой. Лицо-болтанка светилось от счастья.

— Ну а ты что об этом думаешь? — спросила пятнистая, выбравшись из ямы. — Не хочешь заняться тем, что тебе самому нравится.

Шестерка приподнял левое плечо. Спот знала, что, если ему приказать, он выйдет из субмарины и без глубинного костюма. Он был добрым парнем, этот загадочный тефтель с металлическими мускулами. Точнее «одобренным». Бритти считал его совершенно безвольным, а потому — идеальным членом команды.

— Ты ведь никогда не был одним из нас, — сказала Спот с неожиданной злобой. — Тебя вообще ничего не держит рядом с Бритти. Ты его терпеть не можешь. Почему не уйдешь? Неужели так страшно быть одному?

Шестерка потер кулаком массивный шнобель. И приподнял правое плечо.

— Ну что? Не прикидывайся дураком. У тебя есть разум, я видела, как ты читаешь книги без картинок!

Парень вздрогнул и взглянул виновато и испуганно. Его неровные радужки напоминали лопнувшие желтки.

— Я не ругаю тебя... — Спот вздохнула. — Просто не понимаю, что мы все тут забыли. Хренов Бри. А знаешь почему я не уйду?

Шестерка внимательно слушал, наострив острые ушки.

— Потому что я влюблена в тебя...

Шестерка фыркнул и улыбнулся.

— Ну вот! — взвизгнула Спот. — У тебя и чувство юмора есть!

Она схватила увальня за шею и принялась елозить костяшками по клочковатым волосам.

— Отвечай, ты дурак или нет?

— М-м-м!

Пятнистая была аккуратно побеждена, после чего Шестерка поднял ее на руки и подбросил вверх. Спот пролетела четыре метра, проглотила снежинку и засмеялась. Не то чтобы она любила дурачиться, но Уника в последнее время стал таким отчужденным, что ходить к нему было неприятно и... жутко.

Для квартир он всегда выбирал возвышенности. Сейчас это была дозорная вышка со старым, проржавевшим пулеметом и мутными от старости прожекторами. Там организовали полноценную бытовку, в которую Шестерка притащил небольшую печь и кучу еды. Впрочем, едой Уника интересовался мало. В солнечные дни он расправлял крылья и замирал так, поедая свет. Зимой нехотя грыз припасы. Он был единственный из всех четверых, кто никогда не спал, и не квакал. Существо высшего порядка, пришедшее из будущего во снах безумного Создателя.

Именно Уника был равным людям с самого начала. Именно Уника сопровождал Создателя словно лучший друг. И он же создал Бри, и дал тому провести короткий диалог с их общим отцом.

Спот медленно карабкалась на вышку вслед за Шестеркой. Почтительно отстучав в заколоченное окно, лягушки принялись ждать. Потом нерешительно вошли в холодное жилище. Уники не было. Он опять летал где-то, словно безмолвная тень, преследуя личные интересы. По возвращению его руки всегда были пусты. Лишь однажды он принес с собой багаж: настоящего висельника с узлом на шее. Он выкинул веревку и уединился с трупом в тогдашнем гнезде. Всю ночь Уника жевал окоченевшую руку, но парень так и не воскрес.

Утром крылатый унес его прочь. На вопрос Спот о том, что это, Шторм подери, было, Уника лишь покачал головой.

Шестёрка растопил печь, и они сели возле нее. Осоловевшие, сонные, похожие на дряхлых мартышек. Шестерка навалился на плечо Спот, и она не стала его толкать. Она и сама задремала, и во сне за ней следила Красная Голова. Распространенный троп у людей, живущих рядом с Океаном. Голова считалась воплощением Шторма, но ничего судьбоносного не предвещала. Считалось, что таким образом Шторм проявляет любопытство.

Ее разбудил тихий шелест и скрип армейской кушетки. Лягушка торопливо подобралась, и сразу увидела Шестерку. Тот склонился перед Уникой, как колосок сорной травы перед мирозданием. Оно, это мироздание, уныло восседало на офицерском одеяле, простуженно завернувшись в невозможные крылья. Пальцы на босых ногах были поджаты.

Какое-то время все трое молчали, наслаждаясь покоем и тишиной. Затем Шестерка медленно разогнулся и ужом скользнул к припасам, чтобы разогреть его повелителю фруктовые консервы. Бритти он боялся, Унику — обожал и лелеял.

— Как ты себя чувствуешь, прекрасная Спот? — тихо проговорил Уника. — Что-то беспокоит?

— Нет, — смущенно буркнула пятнистая. — Но... Ты не мог бы меня укусить. Мне очень нужно.

— Я сам решу, нужно тебе это или нет. Подойди ко мне.

Уника мягко ощупал ее лимфоузлы, осмотрел язык и глаза. У него был смешной докторский саквояж, почти игрушечный, но с набором всех первичных инструментов.

— Выглядишь хорошо, самолечение работает как положено. Что ж, садись рядом. Побудь со мной.

— Конечно. Но как насчет одного маленького ук...

— Шестерка, друг мой. Твоя очередь.

После того как сияющий от счастья увалень закрыл за собой дверь, Уника долго и равнодушно ел половинки абрикосов. Тянул сладкую жидкость. Он как будто позабыл, что рядом кто-то сидит, но Спот знала, что это не так. Крылатый помнил про нее. И, почему-то ей казалось, хотел выставить наружу и одновременно оставить, чтобы заняться сексом.

Его ложка тихонько застучала о край банки. Уника застонал и наклонил голову.

— Очень больно? — Спот прикоснулась к холодному крылу. — Поставишь укол?

— Уколы давно не помогают. Ничего. Все в порядке. Спасибо.

Уника навалился на стену и прикрыл глаза.

— Останься на всю ночь. Сможешь?

— Ун... Зачем спрашивать? Конечно останусь. Все лучше, чем одной.

Спот тоже навалилась на стенку и прикрыла глаза. Затем вроде бы задремала, но перед самой темнотой, скосила глаза влево и ужаснулась. На этот раз Уника снова был с покупкой. Он принес пистолет.

— Зачем тебе это? — спросила она изумленно. Она никогда не видела более странной композиции. Абсолютный пацифист со стволом в руке. — Зачем?

Крылатый положил пушку между ними, и Спот не решилась даже прикоснуться к ней, хотя знала, что стоит забрать ее. Сейчас же.

— Помнишь, я пытался реанимировать самоубийцу? — сказал он. — Ты еще спросила: зачем. На самом деле, я просто хотел узнать у него одну важную вещь...

— У трупа? Какую?

— Как решится на то, что он сделал.

Глава 17. Щит побережья

Среди могучих деревьев и опасного подлеска шевелился кто-то маленький, слабый и неуклюжий. Тринадцатилетний мальчишка, длинноволосый, насупленный, он шумно пробивался сквозь острые листья лонгатских кустарников. Чтобы защититься от порезов, парень сделал себе латы из плотного картона и футбольной защиты, а потом заговорил их у волка Ахрозена. Заговор заключался в том, что Ахрозен смачно на эти доспехи плюнул и предложил покинуть его покои. Теперь листья шумно скребли по броне, но та оставалась непробиваемой.

Мальчик посмеивался.

В правой руке он сжимал кортик, украденный у сеньора Бернара. Тот все равно использовал его не по назначению. Точнее — вообще не использовал. Носил словно какие-нибудь наручные часы только потому, что это было частью рыцарской моды. Парень ни разу не видел, что б сеньор Бернар вытаскивал его из ножен или хотя бы прикасался к рукояти. По этой причине ему до последнего казалось, что клинок — фальшивый. Что от него осталась одна рукоять, а все остальное — съела ржавчина. Зато технический идол в виде черно-белого планшета с глупыми играми, Бернар не выпускал из рук и сдувал с него пылинки.

Игры и вправду были глупыми. Нужно было строить квадратные города для тощетелых, так, чтобы у них было достаточно золота, древесины, еды, воды и прочего. Если экономика уходила в минус, экран показывала мультик, в котором палочки избивали отсталых, чтобы те работали лучше. Это давало небольшой запас ресурсов. Проиграть было невозможно.

Еще идол показывал погоду и новости городской биржи. Много чего было в нем, но ничего о том, как стать настоящим рыцарем Империи. В сказках, которые рассказывали старейшие герои Круга, всегда требовалось испытание. Нужно было выйти в путь в непогоду, добраться до жутких лесных чертогов, войти в это неприветливое царство и отыскать себе противника по силам. Или собственную смерть.

Это был самый простой способ получить вид на проживание в рыцарской башне.

Те, кто хотел сразу заявить о себе все возможное, отправлялись к Океану. Там на фоне десятиметровых волн, штормовых столпов и каменных вихрей, нужно было помочиться против ветра. Смысл испытания, помимо того, что рыцарю приходилось расстегивать стальную ширинку, в то время как над ним пролетали воюющие от страха левиафаны, заключался в твердости духа и невероятной физической выносливости. Даже у самой земли, ветер был настолько безжалостен, что доспехи приходилось утяжелять специальными якорями.

Мальчик, хоть и обожал слушать такие истории, понимал их... «развлекательную» природу. Из окна цитадели он видел, как стена тощетелых гудит и трясётся во время особенно сильных гроз. Человеку не под силу оскорбить такую мощь. Даже просто выжить рядом. Вариант с путешествием в лес казался адекватнее.

Во всех цитаделях, в память о покинутом отечестве, были посажены лонгатские рощи. Деревья имели огромное значение для лонгатов, потому что только благодаря защите лесов народы далекого материка выживали во время эпохи бурь. Для них даже привозили родной грунт. Таким образом, в этих ностальгических уголках, должен был обретаться дух Империи: страж, берегущий крепости от проклятий тощетелых. К сожалению, то, что раньше в умах

людей являлось неоспоримым фактом теперь стало всего лишь красивой легендой.

Былиной, как сказали бы славы.

За рощей давно не ухаживали. Тропинки заросли, животные одичали, многие виды вымерли, остальные погрузились в спячку, как делали это на Лонге. Идти было тяжело, парень давно выбился из сил, но двигался вперед на упрямом характере и полном нежелании принять очевидное. Во-первых, достойных врагов тут давно не осталось. Во-вторых, он заблудился в трех соснах.

Металлической твердости лист скользнул в картонное забрало и полоснул веко. Боли почти не было, но кровь из пореза тут же залила глаз, защипала и окончательно вывела юношу из себя.

Он сорвал шлем и вскричал ломающимся голосом:

— Если ты меня слышишь, дух Древнего Леса, пошли мне бой, который сделает меня воином. Воином и защитником...

Он поперхнулся.

— ...к-ха... защитником Побережья!

Ответом ему были редкие щелчки, шорохи и депрессивный вопль невидимой птицы. Дух Леса, казалось, был где угодно, но только не здесь.

Парень устало опустил кортик. Нет! Нельзя сдаваться! Отринуть уныние! Он станет рыцарем как до этого становились его предки. Отец неправ. Недостаточно просто *сделать пожертвование* Двору, чтобы подтвердить рыцарский ордер. Лонгатский Круг, должно быть считает колониальных воинов ряженными скоморохами. Шутами!

— Я добуду голову самого страшного зверя! — крикнул парень и упрямо шагнул вперед.

Ветви сплелись перед ним словно железная проволока. Резать их тупым кортиком было так же сложно, как общаться со сверстниками. И родственниками. Даже малышка Аделина подозревала, что ее средний брат — немного не в себе. Никто не поддержал идею пройти рыцарскую инициацию в роще, в том числе братец Лев. Сыновья корпоративной знати предпочитали проводить время за более зрелыми занятиями. Например, толстеть от тенебрийских сладостей и гарзонской газировки. Они выпрашивали у родителей пневматические ружья, а потом носились по цитадели, играя в Каски-Изгои.

Парень карабкался вверх по упавшему стволу. Тот создал коридор относительной свободы, раздавив своей массой надоедливый подросток. Внизу мальчишку дождалась такая безобразная куца, что, упав он в нее — запутался бы намертво.

— Еще... немного.

Вдруг он замер. Перед ним на ствол выползла крупная когтящерица. Красная как кровь. Колючая. С огнистыми злобными глазками. По всему было видно, что это опасная тварь, не подойдет ли она как трофей?

Каким-то образом ящер понял намерения человеческой особи. Он зашипел и молнией подрал к лопнувшим корням. Мальчик приподнялся и с опасной торопливостью последовал за драконом. Его не беспокоило, что шансы найти ящерицу среди корневища равны нулю, — в сердце картонного рыцаря родилось вдохновение. Он позвал Лес и тот откликнулся. Значит, битва от него никуда не спрячется. Нужно лишь проявить настойчивость.

Настойчивость привела его к падению. Прошла всего секунда, но удар о землю был такой, как будто падать пришлось с мунзы. Глаза разъезжались, в голове что-то шумно рушилось. Не слишком отчетливо, но парень видел поляну, в центре которой сидела когтящерица.

— Сразись... со мной, — пробормотал парень. — Клянусь Девятью, с кем я разговариваю? — Он с трудом приподнялся на здоровой руке. — Может все это и вправду глупости? Сейчас бы банку энергетика...

Земля впереди затряслась, словно кто-то методично разрывал ее снизу. Это «словно» быстро превратилось в «определенно», а потом в «очевидно». Ящерица сидела на уродливом холме сухой почвы. Она показала охотнику язык, и сбежала.

Холм раскрылся.

Показалась харя.

«Двупасть», — подумал парень, чувствуя, как его «доспехи» исчезают. Как испаряется одежда и даже белье. Он был совершенно гол против этой бронированной гадины похожей на шишку и смерть одновременно. Но откуда она тут взялась? Неужели яйцо не выловили из грунта до перевозки? Так вот откуда тут поляна: двупасть сожрала деревья! Для полноценного питания ей нужно мясо, но, если ничего белкового нет, двупасть может пережидать в земле, питаясь только корнями и сладкой сердцевиной подточенных стволов.

Харя пошла. Трухлявые останки деревьев рассыпались в охряную пыль. Парень подобрался, лихорадочно размышляя, что бы это такого предпринять в сложившейся ситуации. Как минимум он должен был встретить опасность на ногах, а не как дама в беде.

— Снур-снур? — удивленно хрюкнула двупасть.

Она явно не ожидала встретить мясо после многолетней диеты на целлюлозе.

— Подходи, — парень выставил кортик. — Я не боюсь тебя.

Для зверя эта ситуация, — когда мясо оказалось еще и настолько тупым, что не пыталось бежать, — была даром небес, не больше, не меньше.

— Ладно, боюсь, но я не могу отступить!

Шишка тяжело, но, в тоже время, поразительно быстро, покатила к добыче. Это была прискорбно быстрая смена ролей. Парень попятился, затем попытался уйти влево. Корень услужливо отбросил его назад. Ударила широкая лапа, отбросила в центр древесных щупалец. Как и все живые существа разбуженные раньше будильника, зверь плоховато соображал, а потому сам же отодвинул от себя добычу, да еще уперся плечами в землистые узлы. Разделенная пасть щелкала и пускала жидкую смолу

— Жри корни! Не трогай меня!

Парнишка бросил кортик, целясь в... нечто не защищенное, должно быть. Двупасть сожрала оружие, шумно скрежеща зубами по металлу. Десны ее вытянулись и сцапали картонный нагрудник. Зверь жадно проглотил и его, страстно икая и хрюкая. За этим милым перекусом ее ждало основное блюдо.

— Снур! — взвизгнула она торжествующе.

И обмякла.

Парень смотрел на зверя выкаченными глазами. Шишка была мертва. Но... Почему? И тут перед мысленным взором его возник смазанный от переживаний образ: густая мокрота Ахрозена медленно летит и шлепается прямо в центр нагрудника. Проклятье. Сумасшедший шпормоплет все-таки помог ему. Всемилостивая Леди, отцу лучше не знать такие подробности. Выведав, что парень мог взяться за картонку ДО того, как надел перчатки, герцог Франкский лично сожрет все, что не досталось двупасти.

Двупасть, тем временем, рыгнула кровью, заляпав ноги в футбольной защите. Нужно было срочно выбираться отсюда. Изможденный, грязный, побитый, парень вскарабкался на тушу зверя.

И чуть не свалился назад.

Тень сидела на земле перед призрачным костром, в который был воткнут старый зазубрившейся меч. Она казалась странно знакомой и в то же время безликой и безымянной настолько это возможно. И еще — подходила этой поляне, как будто была тут всегда и без нее представить это место было невозможно.

— Ты кто? — требовательно спросил парень. — Наваждение Шторма?

Призрак безмолвствовал. Тогда юный рыцарь спустился на землю и подошел к тихому золотому огню. Он не чувствовал опасности. Напротив его мягко усадило на землю чувство умиротворения и правильности. Парень протянул грязные перчатки к свету. Он боялся, что пальцы его будут дрожать, и огню это не понравится. Но свет лизнул уверенные пальцы, а потом пополз вверх по рукам. Люпан терпел. И только когда запылала голова он опустил руки и сказал:

— Я вижу тебя, мой дом.

— *А он видит тебя. Ты прошел испытание, Люпан Лефран, рыцарь Империи.*

— Правда? Но ведь мне просто повезло.

— *Неверно. Ты позаботился о победе, и она пришла к тебе в руки. Однако впредь — никогда не теряй доспехи.*

— Я... Да! Я обещаю!

— *Обещания ничего не стоят. Лонге нужна клятва!*

— Клянусь, если ты повторишь это еще раз, я скачу тебя с лестницы, — сказал Люпан, откладывая книгу. — Я никуда не пойду. Твои клубы — пустая трата времени. Лучше Ади туда запусти, она обрадуется.

Лев жалобно хихикнул и поднял щеки к потолку. Его царственное тело, бесконечно прекрасный пуфик качественного жира, странно содрогнулось. И еще раз. И разочек вдогонку. Складывалось впечатление, что у мозга возникла идея встать и оскорбленно удалиться, но все остальные органы, а главное — мышцы, — его не поддержали.

«Да, зря я упомянул эту похотливую змейку», — подумал Люпан. Вслух же он произнес:

— У меня по распорядку физо.

— Опять тебя будут бить по морде? — хихикнул Лев. — Я вам поражаюсь, сеньор! Он стоит, а его лупят палками. По сравнению с теми же, прости господи, гарзонцами у которых столько боевых искусств, где нужно бить в ответ, не кажется тебе это нелепым?

— Это наши корни.

— Корни — нужны для того, чтобы зеленела крона. Ты сам сидишь в вечной тьме, как корешок и все впитываешь, впитываешь, впитываешь! Но где же плоды?

Люпан внимательно посмотрел на старшего брата. Тот лежал прямо на камнях перед костром, будто сладкий сон каннибала.

— Я и сам не знаю, какими будут плоды, — признался он. — Мне сказали... — он запнулся. — Я сказал себе, что должен быть готов к испытаниям. К любым.

— Особенно к многократным ударам в морду.

— В том числе.

Лев вздохнул, и меланхолично осмотрел ногти.

— Ну хорошо. А испытание шотами двадцатилетнего гарзонского виски тебя не устроит?

— Лев...

— Люп! Я очень тебя прошу. Ради меня. Один раз, и только ради меня, выползи из своего каменного мешка и позволь себе расслабиться. Можешь не пить, просто составь мне компанию. Мне очень плохо. А тебе... А тебе скучно! Я же вижу! Ы-ы-ы, я стоик, я ничего не хочу, только становиться лучше и сильнее. У меня жопа сложена из кирпичей, а на лбу — мишень для испытаний... А еще пылающее сердце! Я вырву его и понесу над собой, чтобы Лев смог увидеть путь до сортира, когда решит поблевать. А вот еще! Леди Маша, могу ли я на пятнадцатом году нашего брака увидеть вашу щиколотку. У меня шишка рванет, если я тотчас не увижу вашу щиколот...

— Ладно, ладно, только замолчи! Клянусь Девятью! И не стыдно тебе? Маша прекрасная девушка!

— Просто ромашка белая, на вересковом поле! Несомненно!

Люпан не сдержал улыбку.

— Мне переодеться?

— Ну разумеется! Пойдем скорее, я сам подберу тебе гардероб. Скорее, пока меня мошки не заели! Господи, как ты тут сидишь целыми днями?

В прохладном салоне экипажа Лев погладил плечо брата.

— Спасибо тебе за это. Спасибо милый Люп.

Люпан молча кивнул.

Водитель хотел ехать вкруговую, чтобы не соваться в обширный промышленный район Победы, но Лев так на него гаркнул, что голова у парня так до конца и не вылезла из плеч. Он вел пригнувшись, размышляя, вероятно, что так ее сложнее будет отрубить. На самом деле ему ничего не угрожало: Лев все равно собирался нажраться до потери памяти.

Выехали ранним вечером, поэтому рабочка встретила их желтыми фонарями и ночной фауной. Хищники провожали великолепную тачку такими же желтыми глазами. Люпан смотрел на них без страха. Это были злые, но в то же время, очень уставшие люди. Драться с ними было просто неинтересно. Каждый из них мог рассчитывать всего на один внезапный удар, после чего не мог даже отступить. Дыхалка у местных бандитов была так себе.

Средний из Лефранов знал об этом, потому что раз в пару месяцев уходил из цитадели под предлогом визита к славам. У него был договор с сударыней Машей, которая прикрывала его полное отсутствие на Побережье. В то время, как Люпан должен был вести с ней матримониальные разговоры и, одновременно, жадно ловить взглядом белые щиколотки, он в действительности путешествовал по рабочке. Инкогнито и с компанией преданных сыновей черностопопцев, которых он лично отобрал и посвятил в оруженосцы.

Целью этих вылазок была отработка рыцарских добродетелей. Материальная помощь нищим лонгатам и стычки со всякой шпаной, которая пыталась крышевать людей, у которых кроме гнойных выделений и брать-то было нечего. Это закаляло характер и не позволяло перейти из человеческого состояния в состояние абсолютно дворянское, когда рассудок схлопывается в нечто напоминающее алмаз из чистого дерьма.

Впрочем, Люпан оставался дворянином. И как всякий лонгат с подобным префиксом, недолюбливал отступников. Кроме того, он был сдержан и тактичен. Там, где его защита слабых могла привести к опасным последствиям, он сворачивал благотворительные миссии.

— Почти приехали, — сладко потянулся Лев. — Ты готов всю ночь просидеть с таким же каменным лицом и не разу не позволить себе расслабиться?

Люпан очнулся от мыслительного оцепенения, и заметил, что жилой высокомерно пялится на чуждый автомобиль узкими окнами коттеджей. Здесь не было ни души, только

шипела и поливала газоны автоматика, да самовыгуливались огромные злые тенгреллы, очень любящие ночные перекусы. За крохотными декоративными заборами светились неизменно увядающие, но также неизменно высаживаемые ростки белых елей. Тенебрийцы тоже пытались перевезти на Немос часть своей родины, но их мерзкие деревья давно выродились и не хотели жить.

Лефран средний составил множество планов нападения на жилой. Собирал информацию о слабых и сильных местах, движении патрулей и о том, насколько коттеджи готовы к штурмам. Готовы на отлично. Такой был вывод. Даже эти маленькие заборчики на самом деле могли подрасти на три метра, стоило только хозяевам нажать кнопку.

— Люп!

— А? Да, готов.

— Прекрасно!

Ночной клуб Плен или Каптива, как его называли посетители постарше, был заведением с историей. Лонгатам в него можно было попасть только если их папаша торговали истинной говядиной. То есть, были герцогами Побережья. Заведение было *настолько* серьезным, что охраной ему служило само название и парочка механических солдат, купленных у регулярной армии. Солдат нарядили в платья первых слуг, а вместо автопушек каждый вечер выдавали огромные бутылки легкого вина, из которых те наливали каждому посетителю. Нужно было лишь взять бокал со декорированного стола и поднести его к солдату. Почти каждый раз это заканчивалось испорченной одеждой, но молодежь обожала обливаться вином.

— Лучшее начало вечера! — кричал Лев, брызгая намоченными кудрями. — Как ты считаешь, братик?

Люпан посмотрел на пустой бокал, потом на свою одежду, потом снова на бокал.

— По-моему они что-то делают не так.

— Да ладно тебе, братик, не ворчи! Давай вниз по лестнице, нас ждет истинное блаженство.

Истинное блаженство выглядело как палата реанимации для миллиардеров. В большом мрачно украшенном зале, где потолок был одним гигантским гипнотическим узором, было место и возможность лежать как тебе вздумается. Под углом вверх. Под углом вниз. Полусидя. Сидя. Можно и стоя, но эта способность была секретной техникой тенебрийцев. Пространство было спроектировано таким образом, что б ты мог идти, не пачкая клинии, лежанки, кушетки, просто спальные пространства, состоящие из ослепляюще прекрасных перин, но в то же время упасть в любом месте и тут же ощутить себя на чем-то подобающе мягком.

Играли низкие вибрирующие басы. Все поверхности мелко тряслись. Гости лежали кто во что горазд и где только возможно. На гигантской радиальной кровати, похожей на торт из черных и золотых матов, шла какая-то странная игра или, быть может, оргия. Все участники, только тенебрийцы и только мужского пола, втиснулись в тонкие обтягивающие костюмы. Алые змеевидные фигуры лаково блестели, и сплетались странным и тревожащим образом, образуя какую-то картину или символ. Судя по расслабленным лицам, все участники хорошенько разбавили кровь.

Над этим представлением, чем бы оно ни было, висело огромное зеркало с оправой в виде солнечных шипов.

— Какая мерзость, — прошептал Люпан.

— Разве? — удивился Лев. — А, по-моему, прекрасно. И захватывающе. Это круто Предсмертия. Чтобы туда попасть нужно принять сильный яд, который за полчаса ставит тебя на границу жизни и смерти, а потом на минуту убивает. Сердце не бьется, а умирающий мозг показывает то, что ты никогда бы не увидел, будучи живым.

— Только не говори, что ты таким занимался.

— Братик, да раскрой ты глаза. Думаешь я бы органично там смотрелся? А? С таким-то пузиком? — Лев подбросил мамон ладонями. — Весь смысл в том, что конвульсии заставляют участников двигаться, переплетаться. Образ, который они создают имеет большое значение для предсказателей. Ты ведь любишь предсказания?

— В последнее время не очень.

— Мне казалось, что ты только и говоришь об этих ведениях Мерелин.

— Они меня тревожат.

— Еще один повод напрячься на пустом месте. Пойдем ляжем туда, на место для особенных отсталых.

— У нас тут есть свое место?

В ответ Лев только закатил глаза.

— Пойдем, там отличные массажные матрасы, будем смотреть за происходящим в зеркало, пить вино и наслаждаться видами смерти.

Люпана так и подмывало сказать, что он предпочел бы видеть тощетылых мертвыми не на минутку. А в целом. Абсолютно и безвозвратно дохлыми. Уроки с господином Тоттуло приводили его в бешенство. С каким тактично-самодовольным почти кротким видом велись рассказы о превосходстве тенебрийского народа. Жаль на занятия не разрешалось брать оружие.

Вино и закуски им подносили лонгатские и оливские девушки. Гарзонки отказывались работать в таких местах, и заставлять их было себе дороже. Бывали, конечно, исключения, но всегда они выглядели не совсем презентабельно для такого места. Единственная чернокожая женщина здесь служила заместителем администратора. Именно она подошла к двум принцам Побережья и выслушала все их пожелания.

Люпан напряженно озирался по сторонам глядя на господ колониального мира. Лев, тем временем, быстро напивался и о чем-то вполголоса беседовал со смущенно улыбающейся оливкой. Как оказалось, он подбивал ее сделать Люпану минет в туалете, что строжайше запрещалось правилами клуба.

— Извините, я бы с удовольствием, но за таким лучше ехать в Опаловый Взрыв, — хихикала девушка. — У нас за такое могу выставить. Да еще штраф!

— Мы заплатим и штраф, главное отсоси ему как следует, а то он весь как огромный сто...

— Лев! Прекрати.

— Каменный!

— Извините, милая леди. Он немного не в себе.

— Да ничего, — девушка провела рукой по бедру Люпана. — Если хотите, можем встретиться после работы, господин. И я сделаю вообще все, что пожелаете. Можем даже поиграть в пыточную. Вот мой номер. Звоните, не пожалеете.

Затем они пили с какими-то гарзонскими миллионерами, причем Лев постоянно уговаривал их помыться и рвался как он, выражался, на танцпол, подразумевая, конечно, «кровать смерти».

Миллионеры тут же предложили слинять из этого модного гадюшника, где им предоставлена роль наблюдателей и оттянутся по-настоящему. Люпан подумал, что с этого и нужно было начинать, но Лев, разумеется, решил поиграть в тонкую натуру. Свои неудачи в отношениях с Бонье он решил забыть, наблюдая за тем, как легко некоторые подставляют голову под косу смерти.

— Некотор... овы... ные... — бормотал Лев, между приступами. — Умирают... Тощие... Там. Прикинь?

— Блюй, — снова сказал Люпан. — Блюй нормально. Пальцы в рот. Ну.

— Я должен попроб... попробовать. Вдруг это не страшно...

— Мы уже давно не в Плену.

— Да? — Пауза, наполненная ужасными спазмами. — А где?

— В Опаловом Взрыве.

— Какая отвратительная дыра. Зачем? И унитаз вот обблеван! Ты знаешь, братик, — сказал Лев неожиданно связно. — Красная Голова приходит ко мне все чаще. Она говорит, что мне незачем жить. Что я... Никому не нужен.

— Прекрати! Мне нужен! Ты нужен мне!

— Не знаю... У тебя твой крестовый поход на все тенебрийское.

Они ввалились обратно в оглушительный долбеж, от которого уши сворачивались в трубочку. Как ни странно, это помогало Люпану мыслить. Например, сосредоточиться на мысли, что на них как-то подозрительно смотрит пара тощетелых, окруженных гаремом из молодых лонгатских парней. Нигде от них не скроешься. Они везде! Как тараканы! Как чума!

— Господин просит вас присоединится к нему.

В вип-ложе пахло травой и еще чем-то омерзительно сладким. Миллионеры самозабвенно трахали пальцами двух оливских девочек. Юноша улыбался, лаская грудь пальцем. Люпан внимательно оглядел гонца. Тот удивительно походил на самого Лефрана внешне, даже цвет волос и прическа совпадали. Оба были молодыми и статными, с хорошо развитыми мускулами. Разве что отступник был одет во что-то крайне минималистичное, да еще и с молнией между ягодиц.

— Что ты на себя напялил? Ты же лонгат, гордый сын рыцарского рода!

— Ой, да ладно тебе, — парень рассмеялся. — Совсем допился что ли? Мы все товар долговязых. Чего набивать себе цену если наши жопы с рождения принадлежат им.

Почему-то эти обыденные слова, которые Люпан уже слышал в рабочке, задели теперь сильнее, чем прямая речь самого «хозяина». Он как будто посмотрел в зеркало и увидел себя, готового подставить все отверстия просто потому, что тощетелый там, в другом конце зала, уверен будто так и должно быть. И в остальных вселил эту уверенность.

— Кто тебе внушил такую мысль? Хозяин?

— Вдолбил скорее. Постоянно вдалбливает сзади. Пойдем, тебе понравится, он хорошо платит.

Лефран средний посмотрел на засыпающего Льва. У того погасла сигарета, да и сам он погас.

— Мой братец, к сожалению, уже не в том состоянии, чтобы нормально встать в позу. Я сейчас отведу его в машину и вернусь.

— Правда?

— Слово лонгатского принца. Мне все говорят, что я почти не развлекаюсь, так вот сегодня придется наверстать упущенное.

— Не оставлять выживших! Всех под нож!

Люпан шел, словно полая конструкция узорчатых пластин, ровно и неумолимо. Его доспех был изумрудным как самый сочный лист молодого дерева. Вдоль пути горели перевернутые машины тенебрийской армии, кричали солдаты, лилась купленная кровь. Металлически ревели быки, и гудели их шкуры под ударами бесполезных пуль.

Засада была устроена идеально и сработала почти так же. Кого-то из рыцарей успели ранить, убить, но это был один из самых осмысленных способов расстаться с жизнью. Погибнуть за возможность диктовать свои условия Побережью, Двору и Тенебрии одновременно.

«Судная бомба» — хорошее название для угрозы, способной стереть колонию Лонги в Новом Свете.

Офицерская машина пыталась удрать, со всем ее отвратительным содержимым, но бык шевалье Люка остановил ее, подняв на рога. Броневик перевернулся и заскрипел поворачиваясь влево. Люпан остановил его вращение и вырвал обе дверцы с правой стороны.

— Выходите.

— Не стреляйте, — послышалось в ответ. — Мы сдаемся. Моя охрана разрядила оружие.

Щедрость этого поступка была невысказанной. Люпан с отвращением забил всех, кто выполз из салона, орудия серебристым клевцом. Остался только тенебриец, лежащей на земле словно черное бревно.

Звуки боя затихали.

— Зачем? — мрачно спросил тощелый. — Зачем? Чего вам не хватает? Вы живете как считаете нужным, за стенами, которые МЫ для вас построили. Защищены со всех сторон и от людей, и от Шторма. Получаете, все что хотите, взамен на простейшие вещи.

— Нам нужен только свет, — Люпан подошел ближе и наступил на левую ступню в ботинке. Обувь медленно смялась вместе со стопой.

Тенебриец закричал.

— Электричество? Так покупайте! Покупайте сколько угодно!

— Нам нужен Старый Свет, — продолжал Люпан. — Вы его не заберете.

— Да что ты несешь? Кому нужны ваши болота?

— Кому были нужны Гарзонские прерии? Теперь там везде нефтяные вышки. Вы засрали их землю отходами, превратили в сырьевой придаток, бензоколонку размером с континент. Вы добились Фугу. И сейчас, словно черви, сжираете сердцевину Немоса.

— О, Белые Ели, — задергался палочник. — Так ты фанатик. Какая мерзость. И чего тебе нужно, сумасшедшая банка? Судная бомба? У тебя нет и никогда не будет возможности эффективно разместить ее. Где ты поставишь такое оружие? В горах? В кратере Цум? Посреди лесов и дичек? Тебя выследят и уничтожат раньше.

— Нет. Я поставлю ее у себя дома.

Тенебриец выглядел ошарашенным. Люпан пинками раскидал искалеченные ноги и сделал шаг вперед. Он поднял клевец на плечо.

— Все поймут, кто это сделал. Даже если ты сожжешь и перекопаешь все улики, все поймут, кто это сделал!

Молот с вязким звуком размозжил пах. Тенебриец взвыл и потерял сознание.

Конечно поймут, — подумал Люпан. — Именно ты им и расскажешь. Я бы с удовольствием разбил твоё чудовищно прекрасное лицо, но без яиц человек говорить может.

А без головы...

... было только страшнее. Все меню из морепродуктов выглядело как угроза. Таких уродливых тварей можно было с удовольствием швырять о стену, но — есть?

Любая съедобная нечисть, порожденная Океаном — считалась деликатесом. Озерная и речная рыба — тоже. Все пресные водоемы пустели, стоило только в нем отразиться цивилизованной харе человека-колониального. Но океанические твари были чем-то вроде военного трофея, настоящими пленниками, захваченными у враждебной армии. С тем лишь отличием, что их можно было запечь и слопать с белым вином. Это не военное преступление, если твой враг — вкусный.

Торжественный обед накрыли на террасе, на виду у обворованного Океана. Людвиг Лефран сидел во главе небольшого стола, Аделина — справа от него. Слева — генерал Мартен. Люпан стоял у края площадки, приложив ладони к толстому армированному стеклу. Террасу обезопасили после гибели Льва, и теперь тут можно было с комфортом пообедать, не ожидая, что порыв ветра метнет в глаз что-нибудь из столовых приборов.

Людвиг мрачно глядел на чье-то зеленое щупальце, украшенное съедобными бусами из кислягоды. Аделина трогала аппетитные хрящи рыбы, которая выглядела так, словно успела отсидеть за тройное убийство и поджог детского дома.

И только Жак Мартен, гигант из Нанта, с неукротимым аппетитом поедал жителей Океана и вообще вел себя совершенно раскованно.

— Почему вы не едите, сеньор? — спросил он.

Людвиг медленно поднял взгляд, уже готовый съязвить или хотя бы плюнуть в бороду, но генерал обращался вовсе не к нему. Отдуваясь после серьезной порции маринованных ужасов, Мартен глядел в сторону Люпана.

— Это просто изумительно! Таких деликатесов я увидеть не ожидал.

— Пожалуйста, угощайтесь, — ответил Люпан, не отвлекаясь от зрелища. — Я слишком возбужден, чтобы есть.

Он смотрел на царство Шторма, удивительно, неправдоподобно гладкое, словно отполированный срез. По нему можно было идти пешком. Дойти до самой Лонги, а там дриады, грифоны, эльфы — прячутся в первобытных лесах, охраняя сокровища, упавшие с небес. Там чистые реки просматриваются до песчаного дна, а по грунтовым дорогам мягко стучат копыта добродушных лошадок. На черной от сытости земле, в которой нет осколков железа и спящих мин, люди выращивают золотое зерно.

После прекрасных сказок древнего царства, тенебрийские учебники новой истории выглядели как издевательство над всем, что способна полюбить человеческая душа. В них была вся правда этого мира, но добродетельный человек, никогда бы с ней не смирился. Невозможно ужиться с тем, как пожиратели тверди обходятся с красотой

Да, у палочников были свои сказки. О том как хорошо при Тенебрийской власти пошли дела у Гарзоны, как густо будет зеленеть Фуга, дай только время закончить войны Развития. Палочникам и нужно-то всего лишь получить абсолютное оружие перед Аквитанией, чтобы не бояться внезапного вторжения загадочных техноманьяков. Всем известно, боги ни с кем и никогда не ведут равных переговоров...

Люпан вспомнил визит послов Аквитании на Побережье и улыбнулся в отражение. Да, никаких переговоров они не вели, но лица их были добрыми, а жесты — поощряющими. Разве это не намек? Разве это не свидетельство, что они благоволят именно Лонге, тем, кто

не берет чужого, кто хочет жить и развиваться так, как было задумано... Если не Штормом, то и не палочниками!

Лонгатами.

Их собственными усилиями, их собственной историей, их ошибками, их победами. Руками, восемью пальцами, сжимающими плуг, мастерок, меч, что угодно.

— Вы что-то узнали? — спросил Жак.

Аделина и ее отец поглядели на Люпана. Их постные лица размягчил страх.

— Я выбрал этот день для маленького праздника, потому что вчера с глазу на глаз говорил с руководством Компании. Председатель лично продлил договор о сотрудничестве еще на пять лет. Ни слова, ни намека на то, что Тенебрия чем-то обеспокоена. Учитывая то, как жестоко они мстят за кражу своих технологий, это может означать только одно.

Людвиг скривил губы.

— Что же?

— Они не отвечают на провокацию, потому что хорошие отношения с Побережьем и Двором для них важнее безопасности Новой Победы. Тенебрия, вне всякого сомнения, собирается наращивать свое присутствие на Лонге.

— А ты не думал, что они просто не воспринимают тебя всерьез? — Аделина пожала плечами. — Вдруг они думают, что ты блефуешь?

— Сомневаюсь, — невозмутимо ответил Люпан. — Я был максимально серьезен на Фуге. Кроме того, Судная бомба — это не то, чем можно пренебречь.

— Да уж, жалкое зрелище, — проговорила девушка. — Ты как черная крестьянская баба, которая не может привлечь к себе внимание рыцаря.

— Примитивное, но актуальное сравнение. Особенно для тебя, сестрица.

Аделина не ответила.

— Они действуют скрытно, — продолжал Люпан. — Сколько ты говорил, Жак?

— Семеро. Хорошие специалисты...

Мартен всосал в себя очередную мерзость.

— ...но недостаточно. В целом, это ужасно мелко со стороны длинных тварей. Я-то рассчитывал, что цитадель на этот раз точно снесут ракетой.

— Снесут ракетой? — глаз Людвига дернулся.

— Это просто допустимое предположение, уважаемый Лефран...

— Я твой сеньор. Я все еще твой сеньор!

— Просто не хочу, чтобы вы волновались по пустякам, уважаемый, — Мартен прослезился. Филе рыбы-расчленивателя стала испытанием даже для его желтых бивней.

— Я знал, что ты рискуешь нами, — Людвиг по-прежнему не смотрел на сына. — Все прошлые выходы ставили нас под угрозу, но ты продолжал повышать ставки, чтобы понять, насколько еще хватит терпения Компании. Может ты просто хочешь умереть? Так не тяни нас с собой!

Спина Люпана уже была прожжена, истыкана стрелами, дротиками, и лоснилась от плевков. Однако благородный сын Лонги не замечал ранений. Вид океана заряжал его странным спокойствием.

— Тихих вод — нужно дождаться, — сказал он. — Но перед этим будут времена хаоса. Этому учит нас история. Чтобы вы не думали, но вы — со мной навсегда. Мы одна семья.

— А Лев был твоей семьей?! — заорал Людвиг. — Заложники! Мы твои заложники, вот кто мы!

По Океану прошла заметная рябь, словно кто-то большой и бесплотный пронесся над зловеще-спокойной водою. Чистый горизонт потемнел, там собиралась буря, как всегда — почти мгновенно. Это была одна из причин, по которой мореплаватели были настолько нервными ребятами, что вояки по сравнению с ними напоминали заторможенных пупсов.

Мигнули трещины молний и раскололи, засветили огнем воздушные замки Люпана. Он отнял ладони от стекла и развернулся. Выдерживая паузу, прошагал к своему месту напротив отца.

— Очень жаль, — сказал он, усаживаясь, — что ты настолько возненавидел меня и не можешь поверить...

— Замолчи.

— ...правде.

Людвиг ахнул кулаком по столу, и Мартен вопросительно взглянул на Люпана. Тот едва заметно возразил пальцами.

— Меня не интересует твоя правда!

— Это я уже понял, — Люпан приподнял вилкой лапу рыбы-маньяка. — Лев и в этом полностью копировал тебя. Тоже не хотел слушать неприятные факты. Когда я говорил ему, что разговаривать со Штормом опасно братец только отмахивался. Он говорил, что никому не нужен. Не знаешь почему, отец? Или быть может ты, Ади?

— Пошел ты на хер, — злобно ответила девушка. — Иди на хер!

— Я все про вас знаю, — Люпан отложил вилку. — К сожалению.

— Он бы не сделал это из-за меня!

— Кто будет судить? Ты столько шантажировала его за связь с Бонье, что Лев готов был поверить не только Шторму. Может быть, он подружился бы и с говорящей петлей, учитывая, что родная сестра увела у него мужчину.

Аделина бросилась через стол, звеня приборами, опрокидывая кубки, давя коленями корзиночки с фиолетовой икрой.

Мартен поймал ее как взбесившуюся кошку, и, стараясь укрыть глаза, поволок прочь. Волосы Люпана остались неприкосновенны. Наследник стер со щеки размашистый плевок и положил салфетку в миску для костей.

Людвиг долго смотрел на него, чуть приподняв подбородок.

— Откуда в твоём сердце столько зла? — спросил он устало. — Откуда? Неужели я...

— Ты все делал правильно отец, — ответил Люпан улыбувшись. — Просто забыл, как и многие родители, что результатом хорошего воспитания, не всегда бывает покорность. Иногда все заканчивается справедливым бунтом.

— Против кого? — Людвиг приложился к бутылки белого вина, и закусил хлебом. — Против всего мира?

— Тощетелые — не весь мир, — Люпан продолжал улыбаться. — И я тебе это докажу. Так что, будем пить? Подожди, это же некрасиво! Давай я налью тебе как положено...

— Убери свои лапы!

Людвиг вскочил, защищаясь бутылкой.

— Мы уже прошли время хаоса, и теперь заслуживаем немного, черт побери, покоя! Пусть псы из Круга залижут твою жопу до кости, но — мы, твоя плоть и кровь, никогда не тебя не поддержим. Никогда! Разве что в добровольном желании избавить этот ужасный, несправедливый мир, от твоего светлого величества!

— У наших потомков не будет родины...

— Да заткнись ты уже со своей родиной, Господь гарзонский! Даже если предсказания Мерелин хоть наполовину правда, даже если так, срал я на потомков! Пока Шторм спит в предсказаниях Мерелин вообще нет никакого толка. В этом мире имеет значение только здесь и сейчас. Здесь, блять, и сейчас! Пусть тенебрийцы хоть всю Лонгу забетонируют, главное, что в мире присутствует порядок. Все твои предки, которые мечтали об одной спокойном деньке, о луче солнца и тихих полях, на которые ты анонируешь в своем садовом штабе, дали бы тебе по шарам! Они дали бы тебе по шарам за одно только предположение, что этому миру нужны еще какие-то испытания!

Людвиг захлебнулся слюной и закашлялся. Сквозь кислые слезы, он смотрел как его сын раскупоривает еще одну бутылку и наполняет кубок.

— Какая ирония, — проговорил Люпан, мрачно выхлебав белый нектар. — Прогрессивный человек не думает о будущем, а застрявший в гнилой коряге мракобес — говорит о том, что нужно смотреть в завтра. Как бы то ни было, я предпочел бы, что б мы сами забетонировали Лонгу, если такая необходимость действительно возникнет.

Никто ему не ответил.

В Изумрудном парке всегда было спокойно и легко. Обычно Люпан приходил сюда вовсе не для работы, или серьезных размышлений. Здесь он был Дома. Здесь каждая травинка под босыми ногами напоминала ему о том, как важно иногда отпустить себя и просто подышать, глядя в звездное небо.

В то же время, деревья, привезенные с далекой родины, красная кора, клиновидные листья, два века морщин на бордовой коре, — напоминали ему за каким же, собственно, хером, он сделал свою цитадель изгоем всего Побережья, занес себя в черную книжечку Компании и остался без семьи. Какой бы она ни была — он потерял ее.

Люпан устало стащил сапоги, и с прорвавшейся злобой, зашвырнул их в кусты на краю поляны. После чего достал из ящика пачку сигарет.

Его рабочий стол, оставшийся от деда, тяжелый, лакированный, прекрасно подходящий для совращения служанок, даже не скрипнул под весом хозяина. Отличная работа мастера, который вдохнул в древесину бессмертие. Вещи часто переживают людей, но они и в половину не так важны, как передающаяся через поколения мечта.

Лефран закурил, глядя в чашу. Хоть он и знал парк лучше, чем заключенный знает свою камеру, каждый раз эта тьма казалась ему загадочной. Пойди он сейчас сквозь нее, и лес никогда не закончится, будет тянуться и тянуться без конца, пока не наткнешься на древние буреломы, настолько плотные и опасные, что их можно сжечь, но не пройти.

Таким же буреломом была политика Немоса. Люпан знал, что ему никогда не победить имеющимися силами, что сама борьба бессмысленна, захвати он хоть десять Судных бомб — это ничего не решит. Вопрос времени, когда под этим столом затикает другой феерверк и его подбросит до мунзы. Или кто-то из сомневающихся соратников перепутает ножны с его почкой. Да мало ли...

Время работало против Щита Побережья. Его огненные речи пока еще действовали, снь размягчали волю людей, делали их внушаемыми. Но сколько они протянут? На данный момент удалось выяснить, что Тенебрийцы могут быть поразительно терпеливы и хладнокровны, когда речь идет о далекоидущих планах. Их лица были непроницаемы, но Лефран видел скрытые улыбки пожирателей тверди. Они смотрели на него со снисходительной неприязнью. Глупая шавка, ты исчезнешь сам, убитый вчерашними

последователями. Может быть собственным отцом, душу которого ты хочешь спасти.

Он не мог спровоцировать ухудшение дипломатических отношений. Он не мог даже замедлить их.

Люпан раскурил вторую.

По жертвой он Побережьем, даст ли это что-то в перспективе? Его можно восстановить. Восстановить? Нет, они построят нечто другое. Нечто тенебрийское. У нынешней колонии есть эрзац свободы, ее возводили суровые ксенофобы, резко настроенные против тощетельх. Восстанавливать колонию будут под контролем палочников и на этот раз Побережье станет их безоговорочным сателлитом. Взорвав бомбу здесь, он только сделает земледам одолжение. Может быть, именно этого они и ждут?

Осознав это Люпан почувствовал лед в заднице. Что же делать?

В чаще хрустнула ветка. Когтеящер пробежала по стволу, сверкая во тьме красным хвостом. Кто-то высокий шел на границе видимости, позвякивая металлом, ведя грубыми пальцами по толстой коре.

Наша земля покрыта броней, — прошептал призрак.

Люпан смотрел и слушал, думая, что спит. Что вырубился от усталости и напряжения прямо на столе. Шторм любит шутить над отчаявшимися. Льва он все-таки довел до самоубийства.

Все, начиная от растений и заканчивая людьми, защитило себя доспехом. Мы — латники этого мира, и не сдадимся злу, какие бы соблазнительные формы оно не приняло.

— Но где мне найти такую броню, что б закрыла умы, а не тела? — мрачно спросил человек из плоти и крови.

Она куется примером.

О землю стукнулась крупная шишка. Люпан вздрогнул и перевел взгляд в настоящее. Хрустя древесным мусором, к нему приближался Мартен.

— Прошу прощения, сеньор, — загудел он издалека. — Пришли интересные новости о доспехе Лютера. Мы точно знаем, где он сейчас. Оказывается, лонгатский Круг все-таки просрал их! Вам интересно?

— Да, — выпрямился Люпан, мгновенно забывая, что хотел немного вздремнуть под кронами. — Мне очень интересно.

Всего пару недель спустя он вместе с добытым сокровищем попал в такую бурю, что что большинство летающих быков были схвачены руками-волнами или сожжены свирепыми молниями. Уцелели четыре машины, а контейнер ССТ, подхваченный игривым ветерком, свалился на дом некоего господина Либули.

Глава 18. Бессмертный грех

Среди чистокровных тенебрийцев редко встречаются волки. Это может показаться странным, учитывая их склонность к бессмертным грехам, особенно — гордыне и жадности. В Гарзонском Завете сказано, что два этих пятна, попав на человеческую душу, превращают ее в гниущее болото. Сознание, изъеденное жаждой накопительства и страстью быть выше ближнего, — легко настраивается на волну Шторма.

Однако, процент волков вышедших из популяции палочников был и остается самым низким. Одна десятая? Возможно, когда Океан волнуется больше обычного.

— Море волнуется раз. Море волнуется — два. Море волнуется — три. Морская фигура — замри.

Персонал лаборатории застыл. Складывалось впечатление, что все научные сотрудники забыли поставить укол от столбняка. Ржавый гвоздь в пятке — это не шутки. Теперь они пускали слюну, они дергались вперед-назад, безнадежно застряв в середине пути, а также мелко и неприятно тряслись в стиле дозревающего трупа. Было странно и жутко, что здоровые сосредоточенные люди в любой момент готовы изобразить заклинившие мозги.

Высокий Жантигуна величественно плыл среди подчиненных. Остроносые сапоги царапали пол, островерхая шляпа — потолок. Этот зловещий звук напоминал шелест расходящихся швов здравомыслия. Руководитель ячейки Штормовых Процессов сверкал хромовым комбинезоном и медленно перемещал мышечную массу по организму.

Проблема была в том, что палочники с трудом набирали достаточный вес. Настройка на Волну вызывала сильную физическую буферизацию и могла случайным импульсом оторвать волку конечность, смять внутренние органы или выдавить в штаны кишечник. Эту проблему можно было решить различными способами, не все из которых были надежны. Крепкие мускулы по-прежнему оставались самым примитивным, но удобным и проверенным способом не погибнуть во время точной настройки.

Наращивать мускулы магией было самоубийством, потому что создавало дефицит массы. Проще говоря, буферизация разрывала мышцы быстрее, чем они росли.

Жантигуна презирал опасность. Еще сильнее он презирал необходимость принимать стероиды и тягать гантели. В конце концов волк придумал свой способ обмануть Шторм: гонять мускулы в места наибольшего сопротивления. Это требовало сверхчеловеческой концентрации и силы воли, зато эффектно выглядело и... работало. Во всяком случае — пока.

Страстью Жантигуны было нейродерство. Пока его сотрудники ставили свои эксперименты, волк пользовался ресурсом их грецких орехов. Он давал им самые сложные и неразрешимые задачи, чтобы мозги были в тонусе, чтобы они горели, были пластичными и готовыми к эволюции. А потом дергал, рвал, растягивал и сужал их нервную систему. Взял из нее узлы, сжигал извилины и провоцировал рост опухолей, чтобы потом оценить результат.

Большая часть ученых были палочниками, но встречались и выпускники Гарзонского Континетального, и даже лонгаты-лаборанты. Поблажек никто удостоен не был. Все корчились одинаково.

Штормовая библия — прославляла Бессмертные грехи. Каждый из них вел человечество к неминуемой гибели, а, значит, исчезновению всех злодеяний. Она требовала ненавидеть

всех одинаково и после удара по правой щеке, тут же бить в левую. Жантигуне очень нравилась эта книга, она прекрасно сочеталась с его манерой вести научную работу.

Нейродерство редкая и могущественная волна. Настроиться на нее — чрезвычайно сложно и сопряжено с опасностью привлечь ангелов. С другой стороны, такая власть приносит садистской природе волшебников невероятное наслаждение. Видеть, как люди практически теряют свой статус разумного существа и превращаются в расстроенный механизм — казалось Жантигуне бесценным опытом. А когда на это выделяются гранты — еще чудеснее!

Разумеется, все это имело практический смысл. Компания, а за ней — сам Тенебрис, ждали от нейродеров установление некой связи, стабильного канала между человеческими умами. Если перенести технологию интернета сразу в человеческий мозг, думали ВС Тенебрии, как сильно это могло бы в будущем помочь в борьбе с Аквитанией. Которая, как известно, обязательно когда-нибудь нападет.

Задача была сложной до невыполнимости. Пока что нейродеры в ходе своих экспериментов сжигали тысячи хорошо работающих мозгов, а на выходе получали десяток плохо слышащих телепатов. Да и те передавали друг другу только бессвязные вопли и образы обнаженных матерей. Это было, мягко говоря, не то, что нужно.

Однако сдаваться было нельзя. И Жантигуна не сдавался. О, у него даже в мыслях не было прекращать!

Позади него негромко завозились. Это Уника тряс очередной перегоревший материал.

— Оставь его, — приказал Волк.

Уника взглянул на спину хозяина. Потом на обезображенное лицо чернокожего парня. Из ноздрей текла слизь, кровь, жидкий пастеризованный мозг. Затвердевшие мускулы медленно расслаблялись.

— Я сказал: оставь. Шторм забрал его.

Хозяин был прав: клыки Уники не чувствовали пульса. Он втихаря, что б не заметил хозяин, впрыснул в остывающую артерию почти весь запас целебной слюны. Бесполезно. Эх, если б только мозг не сочился из ноздрей так откровенно. Неужели ему прожгло черепную коробку?

«Спв...»

Уника взглянул в пустые глаза цвета кофе.

«Сва...»

— Он жив! Хозяин!

«Сволочь. Пал-л-л-л. Уб-уб-убийца. Отомщу».

Жантигуна замер. Затем вернулся, плывя спиной вперед. Уника инстинктивно отстранился, когда нейродер коснулся его мозга бесплотными спицами и крючками. Инструментам тем не было числа и названия. Каждый из восьми миллиардов нейронов чувствовал себя на прицеле.

— Ты слышал? — спросил Жантигуна.

— Да. Он сказал, что отомстит. — Уника посмотрел на тело. — А ведь губы не шевелились! У вас получилось, хозяин. Он общался с нами силой мысли. Теперь вы прекратите эксперименты?

— Нет.

— Но ведь...

— Прекрати валять дурака, — волк раздраженно уколол его сотней-другой иголок. —

По-твоему кураторов устроит такой результат? Умиравший солдат способный телепатически послать противника в жопу и сдохнуть? Нам и так постоянно урезают финансирование, чтобы эти «научные методы», могли сотворить еще одну убогую «технологию». Так что выбрось этот мусор, пока я не сделал тебя настоящим идиотом!

Нелюдь торопливо поднялся. Жантигуна создавал подобных ему в перерывах между основной работой, чтобы расслабить собственный котелок. И даже не мыл котлы рабочие. Это позволяло ему развлекаться, глядя на случайные мутации: гомункулы получались настолько нелепыми, и так забавно корчились от боли, что невозможно было удержаться от смеха. Курьез на курьезе.

Другими словами, мясоварение было нишевой волной, и штормоплетами считалось гимнастикой для оттачивания жестокости. Однако... Иногда, — даже сам Жантигуна это признавал, — давало занимательные результаты. К примеру, тот же Уника. Когда помощники кидали в котел медика, пойманного за воровством транквилизаторов, волк добавил к нему медицинские отходы, просроченные лекарства и редкую крылатую змею. Он и подумать не мог, что это сработает так изумительно эффективно. Жантигуна следил за содержанием первичного бульона, чтобы пельмень совсем не разварился, но это считалось минимальным вмешательством в процесс. Увлеченные мясовары умудрялись проводить операции прямо в кипящем вареве.

Опытный нейродер не мог заставить себя страдать подобной херней.

«Шторм сам установит баланс» — говорил он, глядя на жирную серую пенку, которая скапливалась по краям котла и стекала по невымытым стенкам. Часто он вообще оставлял штормовую капсулу без присмотра, и ей занимался только Уника. Тем более забавным нейродеру казался факт, что у него успела накопиться коллекция из трех удачных нелюдей, когда продвинутые мясовары, бывало, мучились с одним проектом десятилетиями.

Воистину, чем меньше делаешь вид, что способен указывать Шторму, тем удачнее будут начинания. К сожалению, «сделать вид», что ему безразлична работа над практической телепатией, он уже не мог. ТВС требовательны и, главное, безмерно мстительны. За провал его легко могли забрить в войска и тем самым навеки вплавить в самую презираемую касту. Касту орудийных волшебников.

О, Шторм. А ведь он всю жизнь мечтал пытать людей и ничего больше. Неужели это так много?!

День прошел безрадостно и безуспешно. Люди ожили, и, полные радости, что на этот раз медики унесли кого-то другого, принялись за работу. Уровень их стресса контролировался самим Жантигуной. Поразительный факт, но управляя нервами человека можно сделать так, что он будет рад вырванным ногтям или проткнутой мошонке.

Уже вечером, переодевшись в пижаму с изображением красных яблок, волк прошел в собственный рабочий кабинет и застал там Унику.

— Ну, как там дела? — спросил он, садясь в кресло напротив огромного многоэтажного аквариума.

Вид мирно дремлющих амфибий успокаивал Жантигуну. Иногда он дергал примитивные струнки их нервной системы и хихикал, глядя на нелепые скачки.

— Самсон снова разогнул кандалы.

— Правда?

— Э-э-э... Да.

— И?

— Положил их рядом с собой и ждет еды. Как обычно.

— Это был прочнейший сплав, который мне удалось добыть, — волк шевельнул пальцем, и в аквариуме плеснулась вода. — Интересно, если Самсон захочет сбежать, его сможет остановить хоть что-то кроме моих способностей? Наверное, стоит его уничтожить. Вдруг ему взбредет в голову что-нибудь этакое.

— Сомневаюсь, — испуганно сказал Уника. — Он делает все, что ему велишь. Мне кажется, он убьет себя, если найти способ приказать.

— Да? Странно. А какой был непокорный материал, — Жантигуна махнул пальцем еще раз. Вода взбурлила. Лягушки метались как безумные, толкая друг друга лапами и отчаянно вереща. Стекло покрылось брызгами. — А что с Пятном? Она зажила?

Уника помедлил.

— Да.

— Значит, развлекусь перед сном. Чертов Туганойда медлит с новыми людьми. Он просто не хочет, что б я отвлекался на действительно приятные вещи!

— Хозяин, если позволите, — умоляюще заговорил Уника, — она ведь только перестала трястись и смогла немного поесть...

— У-у-ун.

— ...руки плохо слушаются.

— Ун!

— Мне кажется вы могли бы дать ей неделю, — заторопился Уника. — За это время она окончательно восстановится и будет куда более... Отзывчивой.

Жантигуна с силой ударил по мозгам нелюдя и тот завопил. Его крылья свернулись в трубочки, словно древние свитки.

— Я дал тебе крылья не для того, чтобы ты бил ими! — заорал волк. — Слышишь меня, говно ты этакое... Сейчас я тебя.

Он схватил лежащий на полу камень, который Уника принес для декорирования аквариума, и швырнул его в нелюдя. Однако тот удачно свалился перед прутьями лабораторной клетки. Снаряд пролетел мимо.

— Подползи к камню и ударься об него головой! А потом принеси поесть!

Уника послушно подполз и ударился.

И вновь хозяин был прав. Магические крылья Уники были нужны вовсе не для того, чтобы он *трепыхался*. Его задачей был поиск новых жителей для аквариума. В солнечные дни Уника выползал из бункера и отправлялся на охоту. Он парил над просторами Немоса, выискивая среди зеленых массивов реки и озера. Там было множество еще не открытых видов жабообразных существ для аквариума. Именно там он нашел подходящий экземпляр для Пятна. Это была не совсем лягушка. Скорее неравноценный союз серьезно разложившегося женского трупа и колонии маленьких пятнистых головастиков. Они прогрызли в бледном мясе множество ходов, и не собирались никуда выходить. Сползающий скальп колыхался в воде.

Унике показалось забавным, как свирепо эти крошечные «горожане» атаквали его пятки, когда он пытался приблизиться к телу.

Тогда его посетило некое вдохновение, и он забрал с собой всю колонию, вернувшись с большим водонепроницаемым мешком. И труп, разумеется. Без трупа все это не имело никакого смысла.

Жантигуна тогда чуть не убил его за такой трофеей. Однако потом его извращенное

чувство юмора взяло верх. Волк наполнил котел отборнейшим первичным супом, добытым со дна Океана и мешок полетел в него вместе с содержимым.

— Ваш обед, хозяин.

— А на ночь я выставлю ее в лабораторию. Самое главное в этой жизни, Уника — это морально разлагать людей. Заставлять их колебаться на самом краю нравственной бездны. Так нас учит Шторм.

— Да, хозяин.

— Знаешь, когда Пятно умрет, мне будет ее не хватать.

— Умрет?

— Ну, разумеется, рано или поздно я перегну палку. Вообще-то я привык доводить начатое до конца. Я такой последовательный. Шаг за шагом, шаг за шагом. А как иначе, если мне нужна армия телепатов для армии... М-м-м... Суп сегодня напоминает кончу со сгустками. Ладно, налей мне еще тарелку.

Уника послушно наклонил половник. Он чувствовал сильную боль в челюсти. Его мешки с лекарством наполнились и ужасно ныли. Так было всегда, и нелюдь ничего не мог с этим поделать. Чтобы унять это свербеж, ему нужно было постоянно кого-то кусать, ставить на ноги, оздоравливать. Шторм и правда сам устанавливал баланс между даром и наказанием. Например, головастики в лимфе Пятна постоянно гибли, жертвуя собой, чтобы восстановить организм носителя. Уника не совсем растерял свои медицинские навыки, оставшиеся с прошлой жизни, и часто брал образцы, вытекающие из ран.

Раньше головастики поедали плоть, теперь они восстанавливали ее. Но естественная убыль этих славных ребят усугублялась искусственным вмешательством Жантигуны. Уже сейчас Пятно была под угрозой ранней и мучительной смерти. Укусы никак не помогали ее друзьям, но хотя бы ослабляли боль. Во всяком случае она начинала дышать ровнее.

— Господин, если позволите... Она ведь разумна. Это жестоко. Очень-очень жестоко.

— Прямо как я люблю?

Жабы в аквариуме умоляюще заквакали.

— А если я скажу, что это абсолютно гуманистично и доставит ей наслаждение, вы оставите ее в покое?

Это была настолько неслыханная дерзость, что Жантигуна даже уронил ложку. Унике показалось, что его мозги сейчас освежают, вынут шкурку через нос и повесят сушиться на радиатор. Но волк его удивил.

— Погоди-ка. Разумна ты сказал?

— Я... Да. Она разговаривает, правда бессвязно. Сочиняет вокруг себя какую-то... Мифологию. Думает, что жила в аквариуме с лягушками. Считает вас богом-создателем. Она очень многое понимает превратно.

Это была еще одна дерзость, но и эта осталась не услышанной.

— Да ты что? — с огромным изумлением переспросил волк. — А почему со мной она только визжит? Не умоляет, не просит остановить пытки. Ах она сучка! Ну сегодня я развяжу ей язык.

Уника готов был зарыдать от сострадания и злости.

— И что она говорит? Она разумна как ты?

— Нет, не настолько. Во всяком случае пока. Все-таки ее мозг был мертв и наполовину съеден, а не... — он чуть не сказал «жив как у меня». — Но головастики работают над этим. Если бы только вы не мучили ее, представляете как много мы бы еще узнали о возможностях

Спот.

— Кого?

— Ну, Пятна. Я называю ее на гарзонский мотив. Спот.

Жантигуна задумался. Он вернул тарелку на тележку и промокнул рот салфеткой.

— Ты обламываешь мне кайф, — недовольно сказал он. — Постоянно. Ты бы только знал какой-ты кайфолом. Ладно. Я дам ей недели две, но не больше. Посмотрю, что получится, а потом сразу замучаю до смерти. Знаешь, мне надоело в конце концов, что она не умирает.

Уника выдохнул, и одновременно напрягся. Ему настолько осточертел сегодняшний день, что хотелось только одного — запереться в своей комнате и забиться в угол. В той жизни он был робким малым и ужас обитания в ячейке рядом с нейродером компенсировал постоянным употреблением транквилизаторов. К сожалению, любое злоупотребление собственностью ячейки каралось смертью. Или, как в случае с Уникой, не жизнью.

Однако и в комнате его не оставят в покое.

Как только наступит ночь, к дверям потянутся те, кого нелюдь успел укусить. Он ведь не знал. Не мог знать с самого начала, что его секрет вызывает зависимость. Впервые он укусил в порыве невыносимого зуда, переходящего в острую боль — настолько донимали его клыки. К изумлению Уники, пострадавшая лаборантка не бросилась бежать. Ее лицо обрело блаженное выражение, и она призналась, что почувствовала эйфорию и необыкновенный прилив сил. Недели две она будто порхала, а потом согнулась как старуха... и пришла за новым «цапом». Всего один «цап», так и сказала. Было бы забавно, если б не паскудность ситуации.

Ведь к тому времени Уника успел перекусать треть сотрудников, уверенный, что делает всем только лучше. А в действительности плодил наркоманов, таких же, как и он сам когда-то. Теперь они скреблись к нему в душу, просили, умоляли, заклинали укусить. И ему приходилось, потому что мешки причиняли невыносимую боль, словно тысячи умирающих нервов.

Он пытался сжевать излишки, но ничего не выходило. Буквально. Был ли это какой-то подсознательный блок, подаренный ему Штормом — неизвестно. Уника знал только одно — ему нужно кусать.

И он делал это снова и снова, чтобы всем стало легче и хуже одновременно. Если бы Жантигуна не был волком-тенебрийцем, и не разделял себя и остальных людей огромной стеной, то давно бы уже заметил, что происходит что-то неладное. Во всяком случае обратил внимание на точки от клыков. Однако, все еще было впереди.

Время Уники уходило. Теперь еще и Спот, которая тоже стала зависимой. И Самсона рано или поздно убьют просто потому, что он почти не реагирует на пытки. Его нервная система была настолько примитивной, что он страдал даже меньше лягушек. Его происхождение мог объяснить только сам Жантигуна, но никогда не заводил об этом разговоров.

А ведь Унике достаточно было просто улететь...

— Если вы позволите, не мог бы я полетать сегодня ночью?

Волк посмотрел на него, а потом щелкнул пальцами и в аквариуме кто-то перегорел навсегда.

— Утром почистишь аквариум и запустишь свежих. И побольше! Я сегодня много перещелкаю. Шторм, какая же скука.

— Да, хозяин.

Спустя полчаса Уника уже парил под звездами и холодной мунзой. Она тоже заряжала крылья, но холодный свет нельзя было сравнить с солнечным. Впрочем, Уника не собирался улетать далеко. У него было хорошо знакомое озеро недалеко от бункера, где он набирал материал попроще. Обычных квакш.

Но ему не хотелось лететь и туда. Нелюдь заметил крохотный водоем среди деревьев и спикировал к нему. Некоторое время он сидел на крупном булыжнике, глядя на мутную воду. Лягушки пели свои брачные песни, и от этого становилось только хуже.

Он полюбил Спот всей душой, если она еще, конечно, у него оставалась. Ему нравился и Самсон. Для него они теперь были семьей. Теми, про кого он мог сказать — свои. Жантигуна высокомерно считал, что Уника никогда не сбежит, потому что не сможет выжить самостоятельно. Что ж, очень может быть, хотя попробовать точно стоило.

Но зачем ему быть одному, если у него уже есть — подобные! И уж точно нельзя дать им погибнуть. Но что делать? Как одолеть... Создателя?

Уника чувствовал себя мышкой в гротескной западне, которая была раз в двадцать больше, чем следовало. Мышкой в западне... Что-то пришло ему на ум. Что-то очень знакомое. Уника вскочил. Затем наспех наловил сачком двадцать или тридцать лягушек, и полетел обратно к бункеру.

Он попросил охранников сопроводить его до кабинета Жантигуны, чтобы распугать зависимых. Те проворно разбежались по расположениям, оставшись незамеченными. Юркнув за дверь, нелюдь подошел к гигантскому подсвеченному аквариуму. Жантигуна уже спал, за стеклом была настоящая бойня. Десятки белобрюхих трупов медленно колыхались в воде. Как же этот людоед жалеет, наверное, что это не его основная пища.

Час ушел на то, чтобы вычистить весь этот кошмар. Затем Уника нетерпеливо выпустил по разным этажам новую партию лягушек и занялся кое-чем другим. Он выдвинул резервуар, в котором как будто бы никого не было, только большая керамическая амфора с пробойной в боку. Пробойна была темна и зловеща как обитель древнего монстра. Отчасти так оно и было.

Уника отошел и вернулся с белой лабораторной крысой. Он поднял ее за хвостик и бросил в воду. Животное забарахталось, а потом принялось плавать, напрасно скребя лапками по стеклу. Это было неприятное зрелище, но Бритти нужно было кормить. А ел он — плоть.

Из амфорного мира показалась огромная пасть. Она все росла, росла, пока не появился, собственно, сам Бритти — любимец Жантигуны. Любимая игрушка-свистушка, визг которой смазывает уши. Кличка Бритти была бессмысленной в отличии от рта. В том смысла было — изрядно. Холодные инстинкты медленно нагрелись, и жаба приподняла голову словно гидравлически направляемая ракета. Несколько секунд ожидания. Загрузка протоколов. Подтверждение сильного голода. Подтверждение цели. Передача команды заднему двигателю. Успешно... Успешно... Успешно... Пуск!

Уника печально смотрел на мордочку, торчащую из огромной пасти. Он представил на ее месте лицо и не смог удержаться от мстительной ухмылки. Хап! Видение исчезло вместе с крысой. Зоб Бритти шевелился. Затем большой жаб удалился в темноту. Задним ходом, словно фура.

Нелюдь почувствовал на себе взгляд. Он увидел, как белые пальчики приподняли полотно, которым Жантигуна закрывал клетку. На Унику уставились белые горящие глаза.

— Все будет хорошо, — пообещал тот. — Я спасу вас.

Осталось только незаметно подбросить Бритти в котел.

Ах да, интересно, много ли ненависти сохранилось в том парне успевшем мысленно пообещать Жантигуне проклятье перед смертью?

Ква-ква, садист. Ква-ква, подонок.

Посреди пылящих развалин торчала невредимая шахта лифта. Она напоминала ось мироздания, которая не давала тысячнику окончательно приобрести статус «был». Огромные пласты железобетона скатывались вниз, жилые секции складывались, ангелы доламывали остатки верхних этажей — но шахта стояла. И в ней кто-то был.

Грязная окровавленная рука уцепилась за край уцелевшей площадки. Соскользнула. Вернулась назад.

— Давай старик. Мы почти на месте.

— Можешь говорить, что угодно, но теперь я знаю, что ты старше меня.

— Еще немного спортивной злости, старик.

Спот выскочила из шахты словно кто-то с силой врезал ей под зад. Она тут же вернулась, оступаясь на осколках, и протянула обе руки в темноту. Ретро, стараясь не стащить ее обратно, выполз следом. Они повалились рядом и некоторое время лежали не в силах даже смахнуть пот. Сорок этажей старой неудобной лестницы могут доконать кого угодно. Детектив не мог поверить, что Самара пользовался шахтой своего клоповника постоянно, да еще хвастался как это удобно и легко.

Надо поосторожнее шутить над его физической формой.

— Они уходят, — Спот показала пальцем в небо.

Неописуемые сущности, насмехающиеся над воображением жалких людишек, покидали видимую реальность и превращались в стихию. Разрушения и гибель множества боевиков вполне их удовлетворили. Эти смертные блохи теперь двести раз подумают, прежде чем смотреть на господствующие формы... жизни? В этом ученые жалких людишек пока не могли прийти к единому мнению.

— Если они убили Голубого, мы останемся ни с чем! — Фитцвиль поднялся. — Вставай!

— Пне плевать на Голубого, я хочу знать, где Уника.

— Именно об этом я и толкую.

Они осмотрелись по сторонам. Руины поднимались вверх, обнажая углы каких-то залов и мастерских. Стены были покрыты слоем бурой грязи, словно кто-то измазал поверхности ореховым маслом.

Спот и Якоб поднимались по уцелевшим ступеням, карабкались по застрявшим глыбам. Якоб двигался как одержимый. Мысль о том, что Уника может вылечить его детей, могла бы тащить его вверх еще тысячи километров, даже сквозь безвоздушное пространство.

— Это он! Он! Пощади, великий штормоплет!

Люди Голубого без сварочных масок выглядели как обычные лонгаты и гарзонцы. И куксились от страха точно так же. Пыльные, побитые, очумевшие от страха — их было человек десять на пяточке относительного порядка и неразрушенности-к-хренам. Они подняли винтовки над головой и побросали их в разные стороны.

— Где Голубой?

Мужики переглянулись.

— Мы не знаем. Его завалило, но когда и где... Мы подвели босса.

— Проклятье! — взорвался Якоб. — Хоть раз, хоть один раз может мне повезти?!

Пошли вон отсюда! Убирайтесь, пока я вас ангелам не скормил.

— Мы не можем бросить Голубого, — решительно высказался один из них.

Говорил он это в тот момент, когда его друзья уже вовсю просачивались в щели в бетоне. Парень осмотрелся по сторонам и насчитал ровно ноль единомышленников.

— Ну что ж, значит можем, — он с трудом поковылял прочь и скрылся за расколотой стеной.

Голубого они нашли на этаж выше. Среди коричневых стен и утекающей атмосферы чего-то невиданного и значительного шевелилась куча обломков. К свежему воздуху пробилась рука с сумасшедшим рельефом божества из тренажерного зала. Спот и Ретро схватили ее и потянули, что есть сил. Голубой как мог помогал из своей кучи. Спустя минуту они выволокли его на рассеянный свет летней Победы.

Голубой выглядел странно. Складывалось впечатление, что его прекрасное тело раньше покрывали татуировки, но теперь они потеряли форму и расползлись как бурые кляксы по тонкой бумаге. А вместо глаз дымились впадины похожие на грязные пепельницы.

Ретро и лягушка вытащили его на ровную поверхность и отступили.

— Мое царство, — прошептал Голубой. — Мой мир совершенных красок. Что с ним стало...

— Они превратились в дерьмо, — услужливо подсказал Ретро.

— Серость осквернила их. Столько лет работы, столько души и труда, вложенных ради достижения величия. Бессмертия. Я был в шаге от того, чтобы стать цветом самого Шторма. И ты пустил сюда Серость. Ты все разрушил. Почему? Я ведь даже не знаю тебя. Кто ты?

— Якоб Фитцвиль, Общество Должников. Частные расследования, слежка, розыск людей, имущества и смысла жизни. Извините, не могу дать визитку, я без штанов. Кроме того, у меня все равно никогда не было достаточно денег, чтобы добавить шрифт Брайля.

— Что? Я умираю, ты не мог бы говорить осмысленнее?

— Мне нужен нелюдь, которого вы недавно забрали у знакомого мясовара. Его зовут Уника. Крылатый такой. Ничего не напоминает?

Голубой помолчал.

— Все из-за него? Ты разрушил мой мир из-за него?

— Да.

— Ну ты и мудила.

— У меня серьезные мотивы, поверьте, господин Голубой.

Верховное Существо негромко рассмеялось.

— Я почти превратил его в краску. Почти. Из него должен был выйти запас чистейшего индиго. Я не знаю где он. Возможно жив. Возможно нет. А теперь уходи. Дай мне встретить Шторм в тишине.

— Да ладно, вы же не умираете. Ну ослепли, с кем не бы...

Якоб не успел договорить. Бурая краска стала серой и полностью залила тело Существа. Волк выдохнул в последний раз, отпуская радужное облачко жизни, и застыл.

— Да что ж такое, — Ретро потер переносицу. — Клянусь, если он опять улетел...

— Я не улетел.

Спот взвизгнула. Впервые в ее голосе прорезались чувства.

— Уника! Ты где?

— Поднимайся. Ты забралась так высоко чтобы найти меня. Осталось совсем немного.

Спот заметалась. На ее лице проступило выражение очень Ретро знакомое. Это ему не понравилось, но много ли он знал об отношениях между магическими существами. Лягушка уже скрылась в какой-то опасной на вид расщелине.

Якоб поспешил следом.

Они выбрались на последнюю перед небом площадку почти одновременно и... Наконец увидели его.

Уника сидел на уцелевшем углу крыши, и смотрел вправо от себя. Его крылья мягко реяли на знойном ветру. Рядом лежало что-то напоминающее сдувшийся резиновый мяч. Это был Бритти.

Спот взвизгнула еще раз и побежала к ним. Ретро приблизился и застыл в нерешительности не зная, что предпринять. Бритти наполовину сдулся, из-под белой плоти наплывала красная лужа. Спот бесполезно ощупывала его, но тот не реагировал.

— Спаси его, — взмолилась Спот. — Уника! Спаси его!

— Нет.

Девушка посмотрела на сутулую спину.

— Почему?

— Я дал вам четкие указания, — устало произнес нелюдь. — Я велел не искать меня. И что вы сделали? Только посмотри, что вы натворили. Сколько жертв и разрушений.

— Если позволите, — вмешался Ретро, — этот тысячник — на моей совести.

— Неважно, — сказал Уника. — Я уверен, что Бритти оставил за собой жирный кровавый след. И спот вынуждал делать то же самое. Правда, девочка?

— Мы искали тебя...

— Хотя я четко дал понять, что не хочу этого! — обернулся нелюдь. — Для кого я написал письмо? Для Самсона? Уверен, он то все понял. Он самый умный из вас, как не посмотри.

— Но мы тебя любим.

— Вы зависимы от меня, это не то же самое. Прости меня Спот. Когда я кусал тебя, чтобы вылечить, я еще не знал какой ужасный эффект привыкания вызывает моя слюна.

— Я... — Спот нервно дернула головой. — Подожди. Что ты говоришь? Я хочу, что б ты кусал меня вовсе не из-за слюны. Я правда люблю тебя.

Ретро взглянул на нее.

— Звучит как-то неубедительно, — заметил он. — Подожди, так твои «процедуры» вызывают зависимость?

Уника повернулся к нему, закинув одну ногу на бетон.

— Слышишь девочка? Вот он — взгляд со стороны. Дай угадаю, добрый человек, ты искал меня чтобы вылечить рак? Или дисплазию мышц? Или у тебя умерла собака, а ты хочешь ее воскресить? Что Спот тебе наговорила?

— Только правду! — всхлипнула та. — Ну оживи Бри. Пожалуйста! Он смертельно ранен!

— И другого пути у него не было, — с горечью воскликнул Уника. — Пойми же, единственная моя надежда была на то, что разлука сделает вас осторожнее. Что это умерит кровавые аппетиты Бритти, а тебя наконец-то сподвигнет убежать и жить самостоятельно. Он ничего не боялся, когда я был рядом. Ты — не решалась уйти. И только Самсон смотрел на все это и покатывался со смеху.

Он вдруг скорчился и начал массировать скулы.

— Да, — Спот принялась глупо сгонять кровь обратно под волка. — Возможно, мы злоупотребляли твоим терпением, но это не повод бросать нас. Мы все жили в одном аквариуме, вместе ждали смерти, вместе стали разумны. Разве эту связь можно просто так разорвать? Ты ушел и вот... Бритти умирает. Помоги.

— Я не могу воскрешать мертвецов! — заорал вдруг Уника, и крылья его встали торчком. — Я — наркоз, успокоение! Сколько раз я объяснял, что лягушкой в аквариуме был только Бритти и только наполовину. Но каждый раз, когда тебе отшибало мозги в очередной мясорубке, ты все забывала и начинала повторять собственные легенды из клетки. Ты не лягушка, Спот! Ты — человек! Живой! Мертвый! А потом снова живой! Я не продлевал тебе жизнь и мне не нужно постоянно находиться рядом. Что тебе действительно нужно, так это перестать получать побои.

Он помедлил, собираясь с мыслями.

— Тогда твоих головастика хватит еще лет на пять или шесть.

Бритти зашевелился, но Спот не обратила на это внимания. Она сидела, словно отключенная от мировой сети вменяемости. Горящий взгляд потускнел.

— Зачем, — прохрипел волк. — Зачем ты снова сказал ей правду?

— Замолчи, — шикнул Уника. — Я терпел твою кровожадность, потому что ты имел на нее право. Ты мучился и страдал, будучи безответным зверем и кое-что мир тебе задолжал. Хоть я и не верю в коллективную ответственность. Кроме того, ты пожертвовал собой и проглотил весь яд Жантигуны, все его Бессмертные грехи, которые теперь вместе с кровью сочатся из тебя. За это я благодарен тебе даже сейчас. Но всему есть предел, Бри. Ты дошел до того, что попытался напасть на штормового ангела и получил свое.

— Я защищал вас. Защищал тебя. Создатель до сих пор шевелится внутри. Я... — Бритти мучительно квакнул. — Чувствую толчки садизма и ненависти. Любая двуногая тварь может стать такой же. «Каждый человек лежащий в земле, творит больше добра, чем по ней скитающийся».

— Библия Шторма, — узнал Ретро.

Уника взглянул на него.

— Все это зашло слишком далеко, — сказал он. — Память проглоченного нейродера. Злость жертвы. Сознание жабы. И все они хотят только мести и пыток. Вот тебе и «ква-ква».

— Я все делал правильно, — просвистел Бритти. — Пользовался силой Создателя чтобы причинять людям благо. «Подземные праведники гниют и добро оных исчисляется несовершенным злом». Дохрена добра, если быть точным...

Бритти изрыгнул новое ведро крови.

— Ты безнадежен, — вздохнул Уника. — Я это начал, мне и заканчивать.

Он подошел к умирающему волку и залез рукой в рану на животе. Глубоко. Глубже. По плечо. Фитцвиль наблюдал за всем этим с видом человека сомневающегося в том, действительно ли он не спит сейчас в подворотне рядом с «Два метра под землю». Он глядел как высокий, сухопарый Уника, красивый, атлетичный, так ловко водивший его за нос фотографией крохотного старичка, пытается что-то ухватить в кишках Бритти. От безразличия верхняя губа нелюдя поднялась и длинные прямые клыки были заметны как два тенебрийца на фугском базаре.

— Вот ты где, — Уника с трудом выволок из раны какую-то мерзость, обрывая корешки крючковатых щупалец.

Это был сильно заросший жгутиками человеческий мозг. В руках Уники он казался каким-то странным домашним животным, которое давно не водили к грумеру.

— Вы мне не поможете? — нелюдь посмотрел на Фитцвиля. — Возьмитесь тут и тяните.

Ретро хотел отказаться, но теплую осклизлую пакость так уверенно сунули ему в руки, что у детектива не осталось времени сказать «нет».

— Давайте, — подбодрил его Уника. — Вы, насколько я понимаю, сыграли какую-то важную роль в поиске таинственного нелюдя. Придется поучаствовать и в завершении этой истории.

Он рванул щупальца на себя и в руках Фитцвиля осталось только правое полушарие.

— Фу, — резюмировал он. — И что теперь...

— Вот так! — Уника бросил свою половинку на бетон и принялся топтать ее пяткой. — Делайте вот так. Этот мерзкий орган настроен на волну. Это приемник и ретранслятор чистого зла.

Ретро отступил от летящих брызг и, подумав, зашвырнул мозг в небо. Тот полетел, но не слишком эффектно. Без защитной оболочки в виде Бритти, новую встречу с асфальтом он не переживет.

— Что ж, можно и так, — похвалил его Уника. — Теперь... Вы, наверное, хотите узнать, что происходит?

— Кое-что мне уже понятно, — сказал Ретро, следуя за Уникой.

Они уселись на краю обозримой бездны.

— Одно мне неясно, — продолжал он. — Как вы превратились из такого великолепного существа, в сморщенного карлика?

— Как и все остальные люди со сверхурочной работой. После того как я оставил этих ребятишек, у меня была пара лет, чтобы подготовиться к суициду. Я не хотел больше жить как человек застрявший между двух огней. Бесконечного сострадания и бесконечной подлости.

Уника поведал Фитцвилю как он скитался по городам Немоса, кусая торчков и алкоголиков. Это был единственный способ стравить слюну и не сломать чью-то жизнь. Одна зависимость на фоне другой — это могло сойти за оправдание. Самооправдание.

— Я врач. Был и остаюсь. Сознание моих жертв деградировало. Я пытался изучать образцы собственного яда, но так и не понял, что это такое. Это Шторм! Вот, что мне известно. Он взял мой Смертный грех Уныния и превратил его в реальную силу. Я употреблял наркотики, чтобы перебороть страх и безнадежность, а потом сам превратился в один из них. Иногда боль становилась настолько сильной, что я терял рассудок и нападал на цыхан и животных. Но чаще всего, — и мне за это невероятно стыдно, — кусал Спот.

— Она погибнет от ломки? — спросил Ретро.

— Нет. К счастью, Пятно совсем другое дело. Если дать ей время — она самостоятельно вылечит любую болезнь. К сожалению, мне не удалось скрываться достаточно долго.

И нелюдь продолжил рассказ. В начале каждой зимы Бритти впадал в спячку. Спот — тоже. Это наталкивало на мысль о прямом родстве головастика с Немосскими тритонами, умеющими отращивать потерянные конечности. Самсон, он же Шестерка из всех сил изображал, что дрыхнет без задних ног. Валяться, жрать консервы, и читать комиксы, для него было несложной задачей.

В одну из таких зим Уника не выдержал, и сорвался в путь оставляя троице приемных детишек только прощальное письмо. Он понимал, что те бросятся в погоню, но не мог

предугадать, сколько времени есть в запасе. Единственным верным способом оторваться от них навсегда была петля, но... Проклятый страх! Визжащий инстинкт самосохранения!

В конце концов его поймали охотники за диковинками, и продали семье Гисбуди, где он, — о, судьба! — нашел свое призвание.

Тутмоз страдал от хронических заболеваний, был на пороге полной беспомощности, и каждый день его был борьбой с собственным организмом. Уника увидел в нем себя, и на вторую же ночь укусил. С тех пор он кусал тенебрийца почти ежедневно и начал усыхать сам, пока не превратился в полуразумную куколку.

— Это были прекрасное время, — с теплотой в голосе сказал Уника. — Я постоянно находился в полузабытье, будто новорожденный и не чувствовал боли. Совсем! К сожалению Гисбуди почувствовав точно такое же облегчение, решил посетить друга и... Девушку. Как же я подвел ее, наверное.

— Что есть, то есть.

— Проклятье! А писателя он тоже убил?

— Нет, до него у нашего сферического друга руки не дошли. Ну... не то, чтобы он вообще ими пользовался.

Уника покачал головой.

— Я не был готов ко всему этому. Никогда не был. Но разве я мог их бросить. Для них я был чем-то особенным, во всех смыслах. Они любили меня как отца и спасителя, а я любил их, пока не понял, что среди нас это чувство — не может быть здоровым. И своим попустительством развратил как минимум двоих.

Ретро молчал.

— Я вас хорошо понимаю, — сказал он, наконец. — Даже очень.

— Я уйду, — сказала Спот.

Они оба повернулись в ней.

— Я все поняла. Но сделай Бри одолжение, укуси его как меня. Пусть он тоже уйдет. Без боли.

Уника посмотрел на колышающуюся тушу. Бритти слабо квакнул.

— Прости, — сказал Уника. — Вы всегда считали меня надежным тылом... Но теперь это все, что я могу для тебя сделать.

Он вонзил клыки.

— Что ты теперь будешь делать? — тихо спросила Спот.

Четверо странных посетителей «Два метра под землю» немигающими глазами глядя на полупустую бутылку джинна.

— Снова найду человека, которого смогу утешать в последние дни на земле, — отозвался Уника, натянув капюшон ниже. — А ты?

— Не знаю. У меня были кое-какие идеи. Ты уверен, что я не превращусь в слабоумную без укусов.

— Уверен. Прошло два года, а ты совсем не изменилась. Головастики все поправят, нужно только выбросить меня из головы. Раз и навсегда. Ты поняла?

Спот молчала.

Ретро замахнул стаканчик.

Самсон откусил от древней соленой гренки.

Под кем-то из четверых опасно затрещал стул, но трагедии не произошло. Как и в

Радужном. Уника, кряхтя и снижаясь, смог уволочь с крыши двойной груз до неторопливого прибытия ГО.

— Ты поняла?

— Да пошел ты. Вали куда хочешь. Жестокий, трусливый... Можешь не беспокоиться, ты для меня — мертв, как Бри. Даже мертвее. Его я буду хотя бы вспоминать.

Уника терпеливо выдохнул.

— Как я уже сказал, у тебя осталось не слишком много времени. Извини, что говорю это в лоб и без подготовки, но последние образцы лимфы, которые я забирал, показали, что головастика надолго не хватит.

— И что тогда произойдет? Я снова превращусь в труп?

— Как и все мы со временем. Пойми, Шторм по какой-то причине, не стал вешать на тебя противовес полученной силе. Возможно у тебя есть какая-то миссия, выполнение которой ты успешно избегала, пока была с нами. Ты должна выйти в мир. Может быть, он давно тебя дожидается.

Уника помолчал.

— Мне пора идти. Самсон, мой друг, обещай не скучать.

Нелюдь смущенно кивнул головой, и ласково погладил белую руку.

— Прощай Спот. Мне жаль, что все так вышло. Господин Фитцвиль.

И посетителей осталось трое. Шестерка еще раз с трудом откусил от гренки, молча поглядывая то на Пятно, то на Якоба.

— Как ты? — спросила девушка.

Якоб удивленно посмотрел на нее.

— Я? Думаю, мы все тут одинаково наглотались правды. Всем хрен...

— Я спросила у Самсона.

Нелюдь взглянул на нее. Потом улыбнулся и показал пальцами знак: «Все отлично».

— Хорошо, — девушка улыбнулась в ответ. — Подвези меня кое-куда. А потом разобьем остатки нашей армии.

Кивок.

— Слушай, Фитцвиль. Спасибо тебе за все. Ты рисковал жизнью, чтобы помочь детям, а в результате помог безмозглой ляг... Безмозглому трупу вспомнить каким было его позавчера.

— А, не за что. Всегда готов помочь даме в беде. К тому же ты подкинула мне интересное приключение. Я, признаться, давно утратил доступ к интересным делам.

Спот поцеловала воздух и задумчиво пригубила джин.

— Как думаешь, есть смысл узнавать почему я плавала в том озере?

— Не думаю, — серьезно произнес детектив. — Во-первых, это будет невероятно сложно. Во-вторых, я склонен согласиться с Уникой. Прошое в твоём случае — уже неважно. Тебя слишком давно в нём нет.

— Совет умудренного жизнью человека. А для себя ты сделал какой-то вывод из всего случившегося?

— Кроме того, что я опять остался без денег? Да, кое-что понял. Похоже я так старался оградить близнецов от наркоты, что занял её место. И не в лучшем смысле. Мне нужно что-то менять в собственной стратегии.

Спот вылила остатки джинна на пол. От такого чудовищного зрелища в зале кто-то зарыдал.

— Это для Бри.

Девушка поднялась. Неприметные вещи, взятые из машины превратили ее в незаметную девочку-пацанку.

— Всего хорошего Фитцвиль. Может еще увидимся.

— Может быть. Ненавижу слово «прощай».

Ретро отодвинул пустой стакан и кликнул расчет.

Глава 19. Хороший, плохой, нейтральный

Загрузка ковчега шла полным ходом. Поздний час и усталость рабочих не могли остановить свободный дух рыночных отношений. Кроме того, безопасный коридор через Ужасный Квадрат мог закрыться не через месяц, как предсказывали штормологи, а в самый неподходящий момент.

Судно класса «условно-непотопляемый» привезло на Побережье груз говядины, редкой древесины, вин и прочих богатств Лонги. Все это успели вынуть, и погрузить на портовые тягачи, которые теперь формировались в караван. Тому предстояло пройти долгий путь в половину Немоса, чтобы разгрузиться в крупных колониях и, разумеется, передать большую часть в порт Открытие. Тенебрия ждала отбивных и технологические мощности склонялись перед ее волей.

Теперь гигантские краны заполняли опустевшую палубу контейнерами с щедрой благодарностью палочников. На далекий материк отправлялись технические идола, электрические генераторы, топливо, огнестрельное оружие для Двора и немножечко оливских девушек. Жить в таборе — занятие опасное во всех отношениях.

Номера социального страхования ведь у цыханок нет.

За погрузкой следил шторм-капитан Мети Ябузойло. Старший бригадир Александр Болд стоял рядом, делая рабочие пометки в огромном гроссбухе. Гарзонец следил, чтобы матросы изображали бурную деятельность, пока его богоподобный начальник не удалиться обратно на мостик. В основном погрузочные работы были автоматизированы, но небольшие, и особенно ценные грузы не доверяли технике. Матросы принимали и распределяли их самостоятельно. Словно черные насекомые, они облепляли контейнеры, и с величайшей осторожностью, двигаясь почти синхронно, утаскивали в противоштормовые хранилища.

— Прекрасно, — вымолвил Ябузойло, вынимая изо рта курительную флейту.

— Я постоянно муштрую людей, — скромно высказался Александр. — Они лягут под любой из падающих грузов, если это смягчит удар о палубу.

— Работа твоих дрессированных обезьян удовлетворительна. Но я говорю о приятных тенденциях. Поставок на Лонгу становится все больше, а это значит что мы захватываем быт этих дикарей. Бытие определяет сознание и так далее... Скоро их упрямство будет побеждено, и на землю лонги ступит нога первого тенебрийского консула. Хочешь себе домик на Лонге, Александр?

— Честно, господин? Нет, не хочу. Пограбить — еще куда ни шло. Но жить там?

— А зря. Я предрекаю землям железа и коров будущее нового Немоса. Мы колонизируем Лонгу так же, как этот жирный континент. Думаю, экологически чистые поселки будут чрезвычайно модной недвижимостью. Там будут крутиться миллиарды.

«Я не удивлюсь если при нынешнем падении нравов у тенебрийской молодежи модно будет жрать навоз с лопаты. Особенно если там не найдут натурального сахара».

Подумал бригадир.

Вслух же он сказал:

— При всем уважении, капитан, но это случится не в мое лето, и даже не в осень. Я скромно радуюсь тому, что моя ферма на родине процветает и ждет старину Александра на пенсию.

— Я подумаю, отпускать ли тебя, — полушутливо сказал Ябузойло. — Сложно найти

хорошего бригадира в наше время.

От этих слов гарзонец покрылся холодным потом. Тон шторм-капитана был *полушутливым*. Это означало, что будущее с вероятностью в пятьдесят процентов могло оказаться крайне «беспенсионным». Конечно, у бригадира был контракт, но палочки были слишком властными. Властными до такой степени, что документы могли радикально менять свое содержание. Да что там документы. Даже ферма Александра, вплоть до последнего цыплёнка, могла резко усомниться в его хозяйских правах.

— Если позволите, — бригадир машинально оглянулся на свиту капитана. Десятку отборных морпехов и младших офицеров. — У меня так язва обострилась в последнее время. Просто ужас. Еле хожу.

— Я не серьезно, Александр. Расслабь седалище.

— Есть расслабить, господин шторм-капитан.

На этой позитивной ноте беседа закончилась, потому что перед грозные очи Мети явился главный инженер контрольной группы. Тех ребят, что тщательнейшим образом обследовали неприкосновенность груза.

— Господин шторм-капитан, позвольте доложить.

Тот медленно наклонил голову.

— Говори.

— Пломбы, господин... Они подделаны.

— Что?! И ты говоришь это сейчас, когда погрузка почти завершена?!

Инженер упал на колени.

— Господин, подделка настолько качественная, что мы поняли это только по глазам Донебесного.

На всех тенебрийских печатях изображался Донебесный, единственный и настоящий владыка Тенебрии. Этот святой человек стоял между двумя белыми елями и те были ему по плечо. Средний размером белой ели считалась отметка в тридцать три метра... Да ладно, все диктаторы любят изображать себя чуть выше, чем они есть на самом деле, особенно если рост — это фетиш целого народа.

— Говори яснее!

— Глаза закрыты, мой господин. Мы так привыкли... Мы не сразу замет...

К счастью, плаксивые оправдания инженера прервал отчетливый звук хлопка. Сотни маленьких, но очень нетерпеливых хлопков. Они давно уже ждали своей очереди вставить слово.

Створки контейнеров распахнулись и палубу накрыл шквальный огонь. Пальба была такая, что люди наблюдаемо переходили из твердого состояния в жидкое и парообразное.

Последней мыслью Александра Болда было: «драть ваших матерей, отсталые, плакала моя пенс...

Последней мыслью Мети Ябузайло было: «удивительно».

На этом их экскурсия в мир живых окончилась. Ручные пулеметы смели с палубы все живое в радиусе пятидесяти метров. Огонь прекратился. Послышались команды. Из контейнеров упорядоченно повалили люди в модернизированных рыцарских доспехах. Их броня была выкрашена в черный цвет и украшена синими геометрическими фигурами. Прорези в шлемах заглушены приборами ночного зрения.

— Треугольник — держать палубу. Квадрат — в трюмы. Ромб — каюты. Круг — мостик. За Лонгу и Лефрана!

— За Лонгу и Лефрана!

— Ковчег захвачен, сеньор, — доложил Мартен. — Вся команда верна новому капитану и цитадели Фран. Тенебрийского капитана — ликвидировали, но его старпом знает безопасный путь не хуже, и потом, оказался гораздо стоворчивее.

— Как мило с его стороны. Что с грузом?

— На борту. Мы запаковали леди как следует.

Лефран улыбнулся.

— Мой друг, — он обнял Мартена. — Мой милый друг. Я буду скучать по тебе.

— Мне не хочется, чтобы вы уходили, — признался Жак. — Не знаю, смогу ли вести дела цитадели как следует... Сделаю все возможное. Главное, чтобы прачки не взбунтовались.

— Мы решим этот вопрос, — серьезно произнес Люпан, снимая руку с плеча генерала. — Изменим политику бездумного потребления чужой культуры и начнем строить свои заводы. Соберем миллионы стиральных машин без клейма тенебрийских корпораций. Они думают, что я луддит. Сжигатель изобретенного колеса! Но я лишь хочу, чтобы колесо это крутилось по нашей воле. Мы не станем поставщиками ресурсов. Мы будем перерабатывать нашу нефть, древесину, железо, уголь и прочее — сами, только сами! И так будет! Я изменю пророчество Мерелин, как наши предки, победили когда-то неминуемую смерть.

— Так будет, — подтвердил Мартен. — Я верю вам. Точнее, знаю, что вы правы, сеньор. Но вы до конца продумали ваш новый план?

— Это не план, Жак. Это ход, который нынешний император не сможет парировать. Когда я приеду на Лонгу в доспехе Лютера и соберу вокруг себя Круг, Марка Дания можно будет объявить предателем и низложить. Ценой гражданской войны? Возможно. Мы заплатим и эту цену. А потом... Будет много работы, мой друг. Внушить ретроградам, что не всякий прогресс вреден, стимулировать науки, поднять уровень жизни, искоренить дикость... Я не увижу плодов своего труда, но сделаю все, чтобы люди, пришедшие после меня, двигались в правильном направлении. Да, мы не получим пресловутого прогресса здесь и сейчас, но спешка — означает рабство. Унизительное подчинение. Мы ничем не хуже Тенебрийцев, или кого бы то ни было. Откажемся от этой мысли — превратимся в фугов. А что бы нам не мешали, я скину бомбу посреди пути на Лонгу. Это должно раззадорить Шторм.

— Главное не начните новую эпоху бурь.

— Хотел бы я... — проговорил Люпан мечтательно. — Но нужно быть реалистами. Тенебрийцы уже испытывали ракеты в нейтральных водах. Это вызвало небольшие локальные возмущения. Но чтобы закрыть Коридор Маклая нам хватит и этого.

Люпан замолчал, глядя в чашу. Там медленно, словно в густой океанической воде, падали сухие листья. В сумраке шевельнулась тень. Глаза Люпана расширились. Лютер?

— Сколько у меня времени? — спросил он.

— Готы и славяне уже подняли свои войска по тревоге, — с облегчением проговорил Мартен. Он давно хотел поторопить сеньора, но не мог позволить себе испортить момент. — Остальные тоже зашевелились. Захват ковчега вывел их из себя.

— Ну конечно! — радостно вскричал Люпан. — Разумеется! Ни решение Совета, ни статус доспехов, ни, в конце концов, нарушенное мной слово самого Императора, их не

волновало! Но стоило посягнуть на их гигантскую кормушку, их караван с пряностями, как все тут же объявили поход на мерзких отступников, этих предателей короны, франков!

— Похоже, так оно и есть, — согласился Жак. — Как бы то ни было, вы должны торопиться. Белый Заяц оказался бесполезен. Я вывел войска за стены, но долго сохранять коридор они не смогут. По нам ударят со всех сторон. У нас есть пара часов, не больше. Затем цитадель осадят.

Лефран кивнул.

— Десять минут. Дай мне десять минут, попрощаться с цитаделью... То-то папаша обрадуется.

— Несомненно, — ухмыльнулся Мартен. — Тогда я пойду. Увидимся внизу, сеньор.

Он исчез среди деревьев. Люпан встал из-за стола, и аккуратно задвинул кресло. Ножки коротко скребнули по каменной плите. Печально улыбаясь Люпан убрал в ящик канцелярские мелочи, бумаги, и взял в руки семейную репродукцию: маленькую картину в рамке. След счастливого прошлого, где все они, Отец, Лев, Аделина, сам Люпан и несчастная, уже больная матушка, были вместе и сидели рядом не по принуждению.

Краснокожая когтящица пробежала по стволу.

Черная тень съедала просветы, обходя поляну по кругу. Люпан смотрел на нее немигающим взглядом.

Хороший доспех, — проговорил призрак. — Прекрасный доспех.

— Милорд? — прошептал Лефран. — Это вы, милорд? Я готов сразиться за ваше наследие.

Жаль надел его террорист.

Люпан успел только опрокинуть стол и нырнуть за него, как за баррикаду. Пламя ударило в него inferнальной струей.

— Кто ты такой?!

— Компания передает привет, — произнес Григорий, поднимая стол над головой.

В чаще сверкнула красная молния. Не очень большая, но деревья задрожали от страха. Они поджали листья, и втянули корни. Молния злобно протрещала и превратилась в белую челюсть с посредственными зубами. Их насчитывалось ровно столько, чтобы разжевать сухарь и откупорить бутылку, а цвет был как у музейной окаменелости.

Челюсть озадаченно висела в воздухе, пока к ней не присоединился череп. Затем явились кости, на которые слоями ложились мускулы и сухожилия. Уродливая печень заняла правое подреберье. Остальные органы сторонились ее как смердящего бродягу, влезшего в общественный транспорт. Затем отчетливо забулькали жидкости, вытянулась кожа, инсталлировались волосяные луковицы, села одежда... После того как человеческое существо было готово настолько, чтобы снова включиться в жалкую реальность физических объектов, оно закричало:

— А глаза?!

Два осклизлых шарика влетели на места. Хлоп!

— Леди милосердная, — я повалился на землю. — Хо! Ты где? Хо!

Лишь бы она не выросла в дерево.

Я ничего не видел, только миражи и угрожающие силуэты. Впервые мне «посчастливилось» оказаться в таком месте, и каждая разлапистая ветвь, каждый кривой ствол, нарост и спутанные кусты, казались мне враждебными формами жизни.

Запах древесины, растений и прели вызывал смешанные эмоции. Леса никогда не были в моем списке любимых мест для прогулки, но этот... Честно говоря, я бы сжег его к чертям, а пепел закатал в асфальт. Именно эти зловещие стволы я видел в кошмаре, который распространяли волки Люпана, и они не вызывали у меня ничего кроме страха и чувства узнавания. Как узнаешь, бывает, чувака, который чуть не убил тебя в пивнушке.

Просто потому, что ты задел его плечом.

— Чувствуешь что-нибудь? — спросила Хо

Я резко вскочил и чуть не ударил ее плечом.

— Ты почему не отвечала?

— Извини, этот Парнакл... Или Проснакл... Короче, он сначала забыл про мой язык, я не хотела тебя пугать.

— У тебя почти получилось. Сейчас все на месте?

— Как будто. Он мог бы, между прочим, забыть про несколько кило жира на боках, но... Что имеем, то имеем. Нам, наверное, еще повезло?

— Ты не представляешь насколько. Проснакл — хороший «таксист», это я признаю.

— Но больно.

— Просто ужас как.

Мы хором выстонали остатки агонии, и переглянулись.

— Ну, так как? — не унималась Хо. — Ты что-нибудь чувствуешь?

— Да. Раздражение.

— Я имею ввиду, эта обстановка не вызывает у тебя каких-то... Воспоминаний?

— Каких еще воспоминаний? Я-то не смотрю на ночь мультики как Люпан. А если бы и смотрел, в моей голове просто нет свободного места. Кошмары о Фуге вытесняют все остальные сны.

Я помолчал и продолжил.

— Знаешь, одно дело — бабушкины песни и религиозный фетишизм. Это вызывает у меня ностальгию... Но этап лесных скитаний все нормальные расы давно миновали. Может быть бетонный мир — не лучшее место для жизни, однако эти дикие кущи могут отправляться на ближайший спичечный завод.

Хо кивнула, как бы принимая мой ответ.

— Значит, ты не примкнешь к Люпану после тяжелой внутренней борьбы?

— Хо, помолчи!

— А мне тут нравится, — шепнула она невозмутимо. — Эта красная бахрама, деревья как будто бородатые. Смотри, зверек.

Неровное сияние выхватило из темноты нечто похожее на бульжник с крючковатыми лапками.

— Кл-кл-кл!

— Милашка.

— А-ха. Шторм, откуда засветы?

Засветов, на мой взгляд, было слишком много.

Бессмертное дерево крякнуло и разлетелось от удара. Его обломки пыхнули липким огнем. Перекатившийся Люпан встал на четвереньки и тут его подбросило вверх под задорный хруст ребер. Часть нагрудника оказалась слишком глубоко внутри.

Григорий снял пламежег с ремня и что-то подкрутил в нем. Злобный механизм

засвистел как вскипающий чайник.

— Собака, — удивленно хрипнул Люпан, вытягивая из петли клевец. — Дважды крыса.

— Работать только в ИР не очень интересно, — Белый заяц с шумом поджег окрестности поляны. — Местечковая организация.

Люпан бросился к горячей столешнице и поднял ее перед собой. Огонь пытался дотянуться до его лица, лип к перчаткам и плевался такими же приставучими искрами. Волосы Лефрана задымились.

— Так вот, каков он, Щит Побережья, — разочарованно сказал Григорий. — Он же Рога Империи. Сколько же ты насочинял себе титулов, Люп. Впрочем, нужно отдать Рогам должное, ты действительно доказал, что опасен. *Был* опасен. Жаль, не остановился после бомбы. Мог держать нас в приятном напряжении еще пару лет. Все гадали, как ты ее используешь, а теперь интрига пропала. Украсть ковчег? Взорвать Океан? Устроить гражданку? Свергнуть Императора? Да ты *охуел*.

Люпан переждал еще один залп из огнемета, чуть не вспыхнул сам, и метнул свою баррикаду. Реальность моргнула, и Григорий оказался левее.

— Твои «планы», — усмехнулся он, — как и предсказания Мерелин, всегда были слишком далеки от настоящего. Ты двигался прыжками, а не шагами, и вот теперь не допрыгнул.

Лефпан пролил красную пену и поднялся на ноги.

— Я притащил тебя в цитадель, что б ты выбил нам свободный проход до ковчега. Не для этого злодейского монолога.

Белый Заяц окунул указательный палец в трубку огнемета и указательным пальцем нарисовал на лице горящую улыбку.

— Да ты шутишь? — говорил он сквозь желтые язычки. — Я лучший из протагонистов. Защищаю миллионы жизней от твоего безумия.

— Что ты... — Люпан сделал шаг, назад, но затем овтага вернулась к нему. — Медика Шентия. Ты чудовище из Медика Шентия.

Белый заяц подбросил оружие вперед и вверх, а сам — исчез на секунду и появился за спиной Лефрана. Тот развернулся, целясь в светлую голову, но его обманули, перехитрили, обманули еще раз и звонко врезали по голове баллоном с горючкой.

— Я дракон, — Григорий прицелился в Лефрана. — Дракон! Прямо как ты любишь, Люп! Мимо!

Земля пролетела мимо сверкающих глаз.

— Ты трусливый заяц!

— И снова мимо! Зайцы отважные звери, если хочешь знать. Они нападают на охотников, чтобы спасти своих братьев из силков.

Свирепое пламя быстро расползлось по деревьям. Оно прыгало и трещало, словно живое, поедая кору и листья. Изумрудные великаны привыкли к молниям Шторма... Однако перед этой мерзостью оказались совершенно беззащитны.

— Сеньор! — донеслись слабые голоса. Вопящая от ужаса древесина заглушала крики. — Где вы, сеньор?!

Над парком начала сворачиваться грозовая туча. Магические капли падали вниз, но этого было мало. Григорий снова исчез и кольцо огня запылало. Поляна оказалась безнадежно отрезана.

— Почти пусто, — Григорий постучал по баку. — Опять расходы. Ты стоил Компании

кучу номов, Люп. Знаешь во сколько обходится одна инъекция велоцитина? А как долго мне придется потом восстанавливаться? Будет больно. Очень-очень больно и все это из-за тебя. Раньше ты казался мне забавным дурачком, который делает вид, что противостоит Компании, но теперь... Это личное. Как ты там сказал? Я славская борзая и место мое в яме?

Люпан стоял перед ним, стискивая рукоять молота. Он видел умирающий лес, и враг напротив отбрасывал десятки длинных теней. Кошмар ожил. Не через сотню лет, а прямо сейчас.

— Именно так, — ровным голосом произнес он. — И добавлю еще, что тебе будет гораздо больнее, чем ты думаешь.

Он снял с пояса шлем и одним плавным движением надел его на голову. Капли разбивались о золотую корону, а сквозь забрало глядели ненавидящие глаза.

Люпан поднял молот над головой.

— У меня есть сила!

Заяц скривился.

— Да заткнись ты уже.

Всполох пламяжога...

И свирепая молния.

Казалось, они ударили одновременно, но молния оказалась быстрее. Ей не понадобилось то, что сверхмедленные человеческие мозги называют временем. Она прошла через молот и оказалась в доспехах Лютера, потому что была там всегда и всегда превращала их в единое целое. Сшивала сочленения и сплавляла замки. А самое главное — уничтожала разницу между твердым и мягким. Больше не было человека и его панциря — осталось совершенное существо готовое идти против ветра с камнями.

Со звонким «дзомб» разгладилась вмятина от пинка.

— Эту легенду я тоже знаю, — Григорий стер с лица кровь и остатки горючей смеси. — А ты не мог бы оставить ее просто эпичной сказкой? Seriously, это уже лишнее!

Молчание. Перед ним стоял раскаленный докрасна голем. Из отверстий в шлеме струился горчичного цвета дым, ярко горящие швы напоминали неоновые трубки. Крик боли и торжества был настолько чуждым, что его не воспринимало человеческое ухо.

— Доспехи приняли меня, — сообщила дрожь, пробирающая Григория до костного мозга. — Ты не понимаешь, Заяц. Если будет нужно, я один сомну все армии Побережья и Лонги. Потопите ковчег — отправлюсь в путь по дну Океана. Меня не остановить. Я спасу мой мир от вашего будущего.

Люпан смахнул огонь словно грязь.

— Ну же, пойдём!

— Нет.

— Самара-а-а...

— Нет.

— Видишь, огня стало меньше. Мы пройдем там, где он потух.

— М-м-м... Нет.

Хо залепила мне пощечину.

Не поймите меня превратно, я не боялся огня в привычном смысле этого слова. Никаких панических атак. С другой стороны, клиническая смерть повредила что-то в мозгах Самары

де Хина, и когда тот воскрес огонь уже ассоциировался у него с пустотой. Стал «запретным». К пламени нельзя было приближаться, иначе вылетишь за пределы уровня. Я не слишком боялся покинуть мир живых, но умирать таким способом *еще раз* мое подсознание наотрез отказывалось.

— Пошли, он сейчас прибудет Григория и убежит по дну океана на Лонгу.

Я вздохнул. Один патрон против ходячего воплощения фанатизма, который теперь силен как целая команда по гарзонскому футболу.

— Сейчас это невозможно, Хо! Вот... Вот все, что у меня в карманах. С этим мы его не завалим.

— Так-так. Подожди немного, я кое-что придумала.

— Леди... Опять?

К несчастью для Григория, его скорость не могла помочь против древней магии, украденной у самого Шторма. Заяц исчезал, прыгал туда-сюда, старался найти слабое место в обороне Лефрана, но только терял активы своего костного фонда. Каждый удар Щита Побережья напоминал аварию на железнодорожных путях.

— Поймал, — он вроде бы схватил воздух, но в раскаленной хватке его затрепыхался враг.

Григорий заорал от боли: его плоть запекалась на кости, словно кебаб. Люпан жутко врезал ему в живот и вбил молотом в землю. Заяц распластался на камнях. Пропустив окошко для ехидного комментария, Щит Имерии, ахнул молотом по славскому черепу.

Тот исчез.

— Хватит тянуть время! Трусливая гадина. Мои люди умирают на улицах, пока ты пытаешься юлить на краю обещанной ямы...

Люпан осекся, потому что на него напал воздух. Он отступал под градом ударов, и вскоре уставший Григорий стал заметен невооруженным взглядом. Он напоминал сердце колибри, и кулаки его растянулись в две изогнутые линии.

Гул стоял такой, словно с металлургического комбината сняли крышу.

Отработав по врагу Компании примерно миллион ударов, Белый Заяц воинственно взвыл и выбросил вперед правую руку, остатки сил, и надежду. Ему хотелось верить, что внутренности доспеха уже превратились в крошку. В конце концов, он приложил к этому достаточно усилий. Все, что у него были, если начистоту.

Люпан устоял.

— Почему ты не умираешь?!

Григорий исчез. И вернулся с горящим бревном, которое разбил о подставленный наплечник. Правое колено Щита согнулось, но он сразу же выпрямился. В него полетели булыжники, обломки скал и даже оружие сгоревших соратников. Никто не знал, как тяжело ему в этот момент сохранять гордую осанку, но бывший хозяин этих доспехов устоял и он — устоит!

Лефран наблюдал за тем, как колышется пламя там, где проносится Белый заяц. Все медленнее. Медленнее. Ме...

Камень попавший в голову, чуть не сбил его с ног. Сознание Щита вспыхнуло черным.

— *Стой на своем*, — прозвучал голос Лютера. — **СТОЙ!**

...дленее.

Вот он!

Люпан перехватил измочаленный кулак и перебросил Григория через себя как мешок с фекалиями. А потом растоптал ему ногу.

На этот раз Заяц только негромко охнул. У него не было сил кричать.

— Теперь не убежишь, — из шлема сочилась кровь. Тяжелое дыхание раскачивало плечи. — Я пройду весь путь до твоей головы.

Люпан двинулся вперед.

— Нет, сеньор! Стойте!

Железный горшок изумленно повернулся к фигурке, осторожно обходящей его с фланга. Одной рукой Хо тушила горящую штанину, а другой потрясала в воздухе пламяжегом Григория.

— Вы в опасности, сеньор! — вскричала она. — В этом оружии... Э-э-э... Магический дух. Через минуту он вырвется и нападет на вас.

— Чего? — Люпан размозжил Зайцу вторую ногу. — Ах, кажется, я понимаю... Милый папа. Вот для чего он похитил вас с де Хином. Вы еще одна моя немезида? А где же человек, посрамивший меня в битве за доспех?

Хо опустила пламяжег.

— Он задерживается, — призналась она. — Так вот. У меня тут злой дух... Прямо в этой коробке.

Она надломила расшатавшийся шланг и тот полыхнул остатками горючки.

— По-твоему я вчера вышел из пещеры? Как оскорбительно.

Люпан повернулся к Зайцу.

— Вы совершаете ошибку! — крикнула Хо. — Все это бессмысленно! Люди гибнут зря! На улице были и гражданские, ваши соотечественники. Те, кто веселился и праздновал!

— Это необходимая жертва, — глухо прозвучал Люпан. — Возможно я проиграю. Да. Однако, если не хранить в закромах хотя бы щепоть сухого пороха, отсыреешь, и станешь никуда не годен.

Олива оторопела. Даже больше: ее будто ударили по щеке. Наотмашь.

— Вы-то сами за что боритесь? — спросил Щит. — И боролись ли когда-нибудь по-настоящему?

— О-да! — крикнул я. — За наши драгоценные шкуры, сеньор Лефран! Скажите мало? Но они нам дороги, блин, как память!

— Хин!

— Хин?

— Хин, убей его...

Выглядел я не очень презентабельно. Начать с того, что мне пришлось завернуться в огромный лист какого-то лонгатского лопуха, так что я выглядел как сбежавший из духовки голубец. Кроме того, огонь настолько подорвал самообладание Самары де Хина, что он буквально полз на четвереньках. Мое тело решило, что события прошлого повторяются и безнадежно расслабилось.

Я дополз до каменного круга и тяжело уселся на задницу.

— Ты пришел меня убить? — спросил Лефран.

— Да.

— Тебе нужны деньги?

— Да.

— Отец пообещал их за мою смерть?

— Да.

Плечи Люпана медленно опустились.

— Может быть ты встанешь?

— Нет.

Лефран захохотал.

— А ну, поднимись перед своим Императором!

Странно, но это подействовало. Лонгатская косточка внутри зазвенела, резонируя с силой... Голоса. Это был Голос моего повелителя. Что-то теплое разлилось по моему телу. В душу прокралось воодушевление, причастность, я почти настроился на праведную цель. Даже качнулся в сторону...

Нет. Не получилось.

По моим мозгам проехали многотонные траки тенебрийского танка. За ним топали сапоги штурмовой пехоты. Как только светлый образ появился в поле их зрения, они открыли огонь из всех стволов. Очаг тепла и уверенности в моем сердце разлетелся на тысячку поражающих осколков.

Я замер и сгорбился.

— Пойдем со мной, де Хин. Ты храбрый человек с душой воина. Что тебя тут держит? Обещаю, я решу все твои проблемы.

Сложно было поднять взгляд, но я сделал это. В амбразуре горели глаза лидера, способного перевернуть устоявшийся порядок вещей.

— Предлагаю один раз. И только потому, что ты не убоился меня и действовал как мужчина. Мне нужны такие люди. Не ошибись с ответом.

Признаюсь, я на секунду представил себя бегущим в эпическую сечу под стягами Люпана. Забыть эту жизнь как кошмарный сон и вернуть честь роду Хинов. Может получить собственный надел земли с крепостными и... Да ладно, как-нибудь раздобыть кондей и большой телевизор в покои.

За горизонтом моего рассудка бахнула артиллерия, и эти мысли разнесло в пыль.

— Простите, мой Император. Я слишком пуганая ворона, чтобы рисковать. Один раз я уже поставил на кон больше, чем у меня было и пролетел. Кроме того, я ненавижу дикую природу. И доспехи. Походил в этих, — я показал пальцем, — всего час и готов предать Лонгу двести два раза.

Неподалеку свалилось подточенное огнем дерево. Меня обдало волной невыносимого жара. Олива закашлялась и подошла ближе ко мне. Так мы и замерли на мгновение. Измотанный Люпан, обескровленный Григорий и два наемника, скорее смешных, чем грозных.

— Вот значит как, — проговорил Щит. — Что ж, я вовсе не презираю тебя, если хочешь знать. Каждому свое. Возможно, это сделает твою смерть спокойнее.

— Я не дам его убить! — крикнула Хо.

— И не собирался, — усмехнулся Люпан. — Но и спасать — не собираюсь. Я пройду через огонь, а вам придется остаться здесь. Думаю, я не буду пачкать ноги даже об тебя, Заяц. Примите заслуженный конец.

Он зашагал прочь.

— Нет! — крикнул я. — Ты не уйдешь. Уж извините, мой Император, но вас заказали.

От такой наглости Люпан оторопел. Я бы на его месте тоже был в полном ахуе. А потом

вытряс бы из наглеца всю его тупую душонку.

— Что ты сказал?

— Я сказал, что убью тебя и получу награду.

Люпан развернулся.

— Кажется я ошибся.

— Простите, — по щекам Хо текли слезы. — Мы вынуждены. Мы правда... У нас нет выбора.

— Сумасшедшие, — бросил Лефран. — Ты не можешь встать даже под властью моего голоса. Голоса нового Императора. Что у тебя есть Хин?

Я смотрел на него, чувствуя абсолютную пустоту внутри. Кто-то на моем месте подумал бы о кровавых временах смуты, которые этот «человек» принесет на Лонгу. Но судьбы стольких людей не могли волновать меня в силу крохотной душонки. Я же не гарзонский Господь, и точно не святая Леди. Хотя... Тут скрывался гигантский простор для самооправдания. Легко было, например, сформулировать нечто такое: Люпан ничем он не отличается от длинных. Точно так же решает за других и мыслит целыми материками.

Но я знал, что мне не нужны такие оправдания. Я даже не считал себя оружием в руках Людвига. Самара де Хин знал вот что: он пытался заработать немного денег. Он был прям и прост как путь до рюмочной, и думать не думал лезть ногами в этот суп их бесконечного количества залуп. Но драматичные ребята подвели ситуацию к тому, что самым простым способом оказаться в офисе Должников стало убийство Люпана Лефрана.

Ну что ж.

— Что у тебя есть? — повторил Люпан.

— Только мой невидимый пистолет, — я поднял пустую ладонь, в которой лежал призрак оружия. — Пиф.

Люпан смотрел в мою сторону. Затем поднял молот на плечо и сказал брезгливо:

— Безумец.

Пустота пафнула. Хо резко стиснула мое плечо.

Щит стоял.

Пуля вошла прямо в прорезь, слегка погнув ее.

Люпан стоял.

— Да падай ты! — слабым голосом крикнул Григорий. — Падай, сволочь!

Он не падал.

Я не беспокоился. Новый он Император или нет, — пуля в голову убьет кого угодно.

Призрак в пылающей чаще разочарованно вздохнул. «Ты подвел меня, подвел нас всех» — прошипел раскаленный воздух. Я бесцельно уставился в огонь, поведя отвисшей челюстью. Необъяснимо знакомый силуэт, — черный на оранжевом, — поднял бесплотную копию Лефрановского клевца и вознесся. Улетел в воздух вместе с искрами.

— И предатель, — внятно произнес Люпан.

И только тогда. Только тогда Щит Побережья выронил молот и с грохотом рухнул на землю.

Мерелин, лежащая в толще воды, как в облаке — улыбнулась. Ее сны сбывалось в точности. Никто не может изменить судьбу. А те, кто будет пытаться, лишь ускорят неизбежное. Отдаленное будущее стало темнее, и в нем не было ни следа Люпана Лефрана.

Быки приподняли головы.

А потом снова задремали.

Славские стрельцы прижимали пехоту франков, пока готские джагернауты в самодельных серводоспехах раскатывали их тонким слоем по брусчатке. С обеих сторон подтягивались и другие гарнизоны. Коридор сужался все быстрее.

— Где сеньор?

— Держать строй!

— Что говорит цитадель?

На улицу выехал древний тенебрийский танк. Под него, с отчаянным криком бросился франкский пехотинец со связкой гранат. Совсем мальчишка, он знал, что их кавалерию уже пустили на металлолом и обменивал жизнь на пару лишних мгновений для Лефрана.

Танк вздрогнул и застыл.

— Мартен приказывает держаться! Что-то случилось с Люпаном!

— За свободную Лонгу! Стоять!

Шли минуты. Каждая была дорога как жизнь и так же быстротечна. Кровь лилась по сказочным улицам и пахло от нее не медью, а сталью и порохом. Прошло полчаса. Час. Верхушка цитадели Фран сияла как факел. Расстояние между спинами франков уменьшалось. Сорок метров. Двадцать. Десять.

— Коридора нет.

— Коридор пропал.

— Подтверждаю. Это конец.

— Взорвем ее! Пусть все горят за то, что сотворили!

В голосе сержанта Люмье звучал гнев и слезы. Его поддержала половина группы захвата. Другая половина промолчала.

— Вижу вертолеты. Тощетелые. Целый клин, машин тридцать. Будут здесь через несколько минут.

— Надо взрывать! Она же прямо здесь. Отомстите за него!

— Нет! — зазвучали рации. Голос был незнаком людям. — Вы не знаете меня, но я знаю кто вы. Люди чести, которые следуют приказам. Люпан не хотел использовать бомбу против Побережья, вы все слышали его наставления. Теперь. Эта битва проиграна. Но не война. Найдутся те, кто поднимет знамя свободы. А вы — спасайтесь. Уходите. Немос велик, в нем все еще можно затеряться. Когда придет час вас соберут и дадут новую цель. Она будет за горами. Горами тощетелых трупов. Или так, или можете бессмысленно погибнуть тут все до последнего. Выбор за вами.

Вертолеты приближались.

*

*

*

— Иногда мне страшно смотреть в твои глаза, — сказала Мария, поднимаясь с постели. — Так страшно, что хочется уйти.

Люпан смотрел на ее прекрасные ягодицы полуприкрытые русыми волосами. Затем отвернулся, и взглянул на часы. Без минуты час. Ночь была темной и безлунной. Океан фосфоресцировал, по его поверхности расходились сложные геометрические фигуры.

— Кукушка, кукушка, когда я умру? — спросил Люпан.

— Ку-ку, — ответила та, выпрыгнув из окошечка.

Стрелки дернулись и замерли.

— Так быстро.

Мария хихикнула и взяла из буфета пряник.

— Спроси ее в полдень для лучшего результата.

Она села на банкетку и принялась поедать сладость.

— После этого у меня нет никакой воли. Обязательно нужно что-то скушать. Ужасно. Ты хороший любовник, но портишь мне фигуру.

Люпан промолчал, не сводя взгляда со стрелок.

— Ты хочешь уйти? Может останешься на ночь? Я знаю, что у нас уговор, но твои побеги — обижают.

— Иногда мне кажется, что я отдал бы все, только бы никуда не уходить. Прожил бы жизнь заново, стал кем-то другим. Но прошлое незыблимо. Его не изменить.

— Послушай, все, может быть, не так плохо, как кажется. Сны — это только сны. Предсказание волков — не истинны. Никто не может видеть будущее, это невозможно.

Люпан перекатился к краю перины и свесил ноги.

— Я знаю. Думаешь, я настолько впечатлителен и глуп, что слушаю только Мерелин. Нет, я слушаю тощетелых. Они — мои учителя. Я читаю их книги, и сравниваю тексты с реальным положением вещей. Поверь, нет смысла сомневаться в том, что Лонга достанется им. Однако, даже не это пугает меня достаточно, чтобы сопротивляться. Чего я боюсь, так это их неприязни к Аквитаникам. Каждый тенебрийский труд пронизан страхом, и жаждой конкуренции с богами. Ты не представляешь, насколько это напоминает безумие уже сейчас. Маниакальность. Одержимость. Даже любовные романы, какие-то отвлеченные научные исследования, везде, — ты слышишь меня? — везде найдется тень Аквитании.

Люпан провел ладонью по лицу.

— Теребрийцы нападут на них. Когда-нибудь — обязательно нападут. Ужас доведет тощих до безумия. И что будет когда боги разгневаются? Что ждет нас всех? Где гарантия, что слуг не уничтожат вместе с хозяевами?

— Люп...

— Каждого, Мариша. Каждого!

— Люпан, прошу тебя...

— Времена бурь померкнут перед тем, что ждет наши дома!

Девушка подбежала к Лефрану, но тот увернулся от объятий и быстрым шагом пошел к окну.

— Взгляни на него. Океан велик. Могуч. Беспощаден. Но даже он — может быть укрощён. Кто усыпил его? Кто приструнил Шторм, злейшее наказание человечества? Если это Аквитаники, их мощь не осмысляема, их могущество неподконтрольно! А теперь представь, что Тенебрия накопит достаточно, — как им кажется! — сил и оружия, построит сотни тысяч судных ракет, поставит под ружье каждого жителя Гарзоны, Лонги, Немоса и даже собственного царства Великих Стен. Она пустит эти ракеты разом. Небо станет железным и огненным! И тогда Аквитания просто моргнет. А потом моргнет еще раз. И

тишина. Пустота. Ничто.

Мария смаргивала слезы.

— А если у тенебрийцев получится? — спросила она. — Что тогда?

Люпан подошел к буфету и доел остатки пряника.

— Возможно Шторм снова пробудиться и тогда нам несдобровать. Или же мир станет одним целым под знаменами тощетелых. И тогда великий Донебесный сможет устало закрыть всевидящие очи.

П полу пробежала крохотная мышка. Глупое мышиное дитя. Мария смотрела на нее, бледнея на глазах. Зверек коснулся пятки Лефрана, а потом бросился на пряничную крошку.

— Все, что мы можем, — прошептал Лефран, — бороться. Нельзя быть простыми наблюдателями. Тенебрийцы хотят переродиться в стихию, пока мы остаемся камнями, и я сделаю все, чтобы помешать им. Это будет очень недобрая стихия. Второй Шторм нам ни к чему. Ты несогласна?

Мышонок доел сладкие объедки и рыскнул в темноту.

— Как влюбленная женщина, я приму любые твои рассуждения, — мрачно произнесла Мария. — Но княжеская дочь во мне говорит, что ты представляешь угрозу для устоявшегося порядка.

— И ты туда же...

— Помолчи и дай мне договорить! Где эта проклятая мышь? Почему ты ее не убил?

— Потому что она красива. Нельзя убивать красоту.

— Ты психопат, Лефран. У тебя опять этот взгляд сумасшедшего. Бросить бы тебя в темницу, прямо сейчас! Но тебе везет, что любящая женщина во мне — сильнее княжеской дочери.

В ту ночь Люпан изменил себе и не покинул хоромы до утра. Он дал своей неумной воинственности превратиться во что-то созидательное и приятное.

Мунза покинула черный небосвод.

Солнце — взошло.

— Ты столько наговорил, — провожал его слабый голос Марии. — Усни я этой ночью и немедленно быть кошмару. Аквитания, Шторм, Тенебрийцы. Мы.

— Мы, — согласился Люпан. — Это самое важное. Во имя «мы», я и не бросаю начатое.

Мария видела его темный силуэт на фоне солнечного квадрата. Он вытянулся и стал похож на олицетворение человека. Его силы и непокорности.

— Ты ведь не погибнешь?

— Нет. Человек способный убить меня еще не родился.

Глава 20. Типичные Должники

До этого момента меня никогда не носили на руках. Если, конечно, не считать торжественные проводы из пивнушек. Но тогда меня выбрасывали в мусорные кучи, а сейчас аккуратно поставили перед резиденцией на колесах. Хо выглядела отвратительно. Ей снова поплохело из-за гормонов, а радостные покачивания довели до того, что кого-то обдало жидкой солониной.

— Прошу прощения, — сказала олива. — Это на удачу.

Волшебник Стакафлин, вытащивший нас из горящего парка, беспрестанно совал мне в руки бутылку и грезил о лучшем будущем. Оказалось, он почувствовал, что Люпан умер. Точнее, что случилось нечто из ряда вон. Энергетика цитадели сильно пошатнулась.

— Как будто пердежный пар вышел, — хохотал Стакафлин. — Пш-ш-шить! И так мне, брат, полегчало! Как будто голова сто лет болела и вдруг прошла. Ну, сейчас, заживем! Сперва — найти всех уебков, которые насылали кошмары. Лично каждого расслою как луковицу, и каждый слой — закину в новое место!

— Неплохая идея, — одобрил я, а руки мои трясли и трясли технологические изгои. Это были счастливейшие люди, что я видел. Господи, вроде бы я всю жизнь живу среди реплик, и даже технические идола видал... Но такой радости при виде работающего телевизора никогда не испытывал. Может я просто зажрался.

— Хин и Хо!

— Хин и Хо!

— Хин и Хо!

Скандировали люди, светя нам в глаза телефонными фонариками. Динамики хрипло транслировали героическую музыку.

— Ура!

— Дракон мертв!

— Дракон Люпан повержен!

— Так ему скотине! Нет ретроградству!

— Руки прочь от технологий!

Хо обессиленно оперлась на меня.

— Хин, что мы натворили? Ты хоть представляешь?

— Не-а.

— Я тоже. Но, по-моему, что-то пиздец неблагоприятное.

— Потом это обсудим, хорошо?

— Как же мне дурно.

Женщины плакали от счастья, обнимая микроволновки. Их дети, тем временем, столпились у автомата со сладостями и беспрестанно совали в него монетки. Механизм сплевывал полусъедобные конфеты и батончики. Все выглядели так, словно Шторм полностью рассосался и теперь можно будет вдоволь поесть рыбки.

Дверь жилого трака распахнулась. Из тени ступила нога в новых, ослепительно белых кроссовках на высокой платформе. Людвиг, одетый с иголки в новый брендовый шмот, сошел со ступеней. Сзади его поддерживали ручной маньяк и безмерно счастливый Жермен. Он так улыбнулся нам невидимыми зубами, что я не удержался, и поднял губы в ответ. Жермен сделал вид, что стреляет из револьвера, но в этот раз я решил не подыгрывать. Что-

то мне было погано. Руки тряслись. Никогда не тряслись, даже после «доступной», а тут — надо же.

У маньяка, выражение лица, было скучающе-снисходительным. Несомненно, он бы убил Лефрана чище и эффективнее, если б ему дали возможность.

Людвиг говорил по телефону. Помолодел старик лет на двадцать. Даже морщины приобрели задор. Это были крутые морщины опытного «Иди-сюда-щегол» дедушки. Толпа приветствовала его как рок-звезду. Этот шум раскалывал мне череп.

Герцог поднял руку, призывая людей к тишине. Те мгновенно затихли. Тогда Людвиг включил громкую связь, и все услышали:

— Остатки мятежников сдались. Разумеется, их будут судить, но, я думаю, вы не останетесь без людей, Лефран. Вам нужно перехватить и генерализировать власть немедленно, пока оставшийся в стенах гарнизон дезориентирован. К вам на помощь отправляется десять бортов с оперативными группами. Встретьте их и укажите цели для ликвидации. Вы поняли?

— Да, ваше Величество.

— На кону ваша жизнь, Лефран. Действуйте.

Людвиг опустил телефон.

Притихшие люди заверещали снова, и на этот раз мы с Хо чуть не свалились замертво. Видимо голос в трубке был голосом самого Императора. Настоящего Императора. Охренеть. Либо сигнал ретранслировали с самой Лонги, либо импи устроил себе каникулы где-то на Немосе. Что ж, в любом случае, ситуация была из ряда вон.

— Не время! — крикнул Людвиг, перебивая толпу. — Не время радоваться, мои верные подданные! Борьба еще не закончена! Мы сломали спину дракону! Люпан мертв, а его одурманенные, доведенные до безумия рабы — остановлены. Помните, что это наши с вами братья. Отцы кого-то из вас, кого-то из вас — сыновья. Они оказались не способны противостоять злу, проистекающему из снов, но мы — самые рассудочные, самые стойкие, — крепились и ждали, когда час наш придет. Час, потому что наша победа всегда была лишь вопросом времени! Нельзя возвращаться в прошлое, какими бы благородными на слух не были твои идеи. Теперь. У нас еще много работы. Нужно взять цитадель под полный контроль и показать нашим соседям, что франки больше не угрожают Побережью. Нас мало, но я открою двери в арсенал и каждый получит винтовку. Вооружимся до зубов — и убьем каждого, кто посмеет не согласиться с поражением мракобесия! Виват!

— Виват! — прогремела толпа.

Вскоре мы с Хо остались в окружении нескольких женщин, оставшихся присматривать за детьми. Маньяк неторопливо прошел мимо нас, плотоядно глянув на оливку. Однако от нас двоих исходила такая исступленная злоба, что не почувствовать ее было невозможно. Думаю, мы не просто убили бы этого палача, а еще долго, с наслаждением, пинали труп. Seriously, нас просто довели до ручки.

— Невероятно, — пробормотала Хо. — И герцог тоже изволил удалиться? Откуда у него столько сил?

— Думаю он всадил в себя сластей как в последний раз, — предположил я. — О. Вон Жермен. Жермен остался.

Тот уже всюю ковылял к нам.

— Ура, друзья мои, ура! — восклицал он сорвавшимся голосом. — Тысячу раз ура! Вы... У меня нет слов. Наконец-то нам не нужно экономить электричество.

Он остановился перед нами, и переместил вес на здоровую ногу.

— Вы наши спасители. Герои. Могу я обнять вас?

Бедняга Хо не могла сопротивляться, но я решительно отстранил битого рыцаря.

— А-ха. Как там насчет награды для героев, Жиль?

— Его светлость так скоро нас оставил, даже спасибо не сказал, — поддержала Хо.

Жиль замялся.

— Я же говорил вам... Смерть сына, каким бы он ни был, и сколько бы бед не навлек...

М-м-м...

— Я понял. Лучше бы нам больше не попадаться на глаза Людвигу, так?

— Сожалею, но именно так вам и следует поступать сейчас и впредь. Один раз он проигнорировал ваше присутствие, но вам нужно уйти. Как можно быстрее.

— С удовольствием! — ответили мы с Хо одновременно.

— Отдайте деньги и мы растворимся в воздухе, — мрачно пообещала олива.

Жермен снова замялся.

— Понимаете денег у нас пока нет. У Людвигу не было доступа в казну очень долгое время. Он истратил все свои заначки.

— Что?! — воскликнула Хо. — Ты охренел, Жиль?! У нас же был уговор!

— И он в силе, просто нужно подождать, пока распоряжение казной вернется к господину Лефрану.

— У нас нет времени, платить нужно завтра!

— Вы же понимаете, что...

Олива прыгнула на несчастного мужика и тот со стоном повалился на спину.

— Хо! — крикнул я. — Хо, отцепись от него!

— Но ты умрешь!

— Я не умру, мы что-нибудь придумаем! Слезь с него, это единственный наш друг здесь!

— Не единственный.

Мы обернулись. Аделина, как всегда, появилась бесшумно и теперь улыбалась нам ровными белыми зубками.

— Он думал, что запер меня. Люпан всегда был глупцом. Ограниченным глупцом и трусом. Какой загнанный нужен ум, чтобы бояться того, что не произойдет при твоей жизни. Пусть его мелкую душу разорвет Шторм. Вы ведь действительно убили его?

— Да, — буркнул я.

— Спасибо! — Аделина подбежала ко мне и обхватила ручками. — Спасибо вам!

Мне хотелось заорать.

— Спасибо на хлеб не намажешь, — отдельно проговорил я.

— Мне очень жаль, что так получилось. Но у нас нет ни гроша. Буквально. Люпан продал все ценности, чтобы натренировать гвардию и закупить современное оружие.

— Вы же не хотите сказать, что во всей цитадели не найдется каких-нибудь ценностей, чтобы выручить за них жалкие три-четыре тысячи номов! — рявкнула Хо.

— А вы хотите поискать? — резонно заметила Аделина. — Сейчас? Не советую.

— Хватит, малышка, — я взял Хо за руку. — Будем качать права, они и аванс отберут.

— Какой еще аванс?

— Наши жизни. Забыла?

Хо с ненавистью взглянула на Жермена. Потом на Аделину.

— Верните хотя бы шмотки. И вызовите такси.

— На побережье введено военное положение, — прохрипел Жермен. — Просто так цитадель сейчас не оставить, но...

Он взглянул на Аделину. Та кивнула.

— Мы можем попросить о помощи Мерелин.

— Снова быки? — спросил я. — Ладно, что угодно, лишь бы наконец выбраться отсюда.

— Пойдемте, — заторопила нас девушка. — Я правда не хочу, чтобы с вами что-то случилось. Скоро тут будет ССТ, бродит множество сочувствующих моему брату, да мало ли... Тот же Пьеро. Отец может и сказал ему не трогать вас, но это психопат всегда себе на уме.

— Удачи! — крикнул Жермен.

— Да пошел ты, — вежливо откликнулся я. — Полина была права. Франки действительно пидарасы.

И я, видимо, тоже. Как минимум наполовину.

По пути в башню Мерелин, Аделина забежала в свои покои и вынесла пакет с нашей одеждой.

— Я сберегла ее.

— И на том спасибо.

Мы молча продолжили путь. Когда настал черед знакомой лестницы, я ощутил мощнейшую ностальгию: настолько знаком был вид внизу. Трупы, кровища, оглушенные и одновременно перенапряженные схваткой люди. Неуклюжая трагичная суета. Вопли. Синие табарды неаккуратно устлали улицы. Несчастные дураки. Все до одного.

Роща догорала. Туча над ней старалась как могла, однако волка, который ее поддерживал, наверняка уже посетила мысль, что пора делать ноги. Хотя бы попытаться спрятаться. Дождевая капля шлепнулась мне на щеку.

Интересно, как хорошо прожарился Григорий? Думаю, до последней кровинки.

Мерелин не ждала нас. Да и с чего бы ей. Однако один из быков при нашем появлении поднялся и пошел навстречу, настороженно поглядывая механическими глазами.

Он явно не хотел, чтобы мы беспокоили хозяйку.

— Не начинай, дружище, — поспросил я, закрываясь пакетом с одеждой. — Мы просто хотим поговорить с водяной тетенькой.

Бык наклонил голову, а потом резко уселся на задницу.

— Он нас запомнил, — облегченно произнесла Хо. — Давай, усаживайся, думаю Мерелин и так все поняла. Ей приснились два плешивых фуга с пустыми карманами.

Когда мы забрались на медную спину, Аделина поймала мой взгляд.

— Вы не представляете, что сделали, — сказала она, поднимая руку на прощание. — Просто не представляете. Всю цитадель рано или поздно взяли бы в осаду и уничтожили.

— Какие мы молодцы, — согласился я. — Надеюсь вертушки ССТ примут во внимание наши заслуги и не станут пускать ракеты воздух-воздух. Давай дружок. Но!

Бык поднялся и врубил двигатели.

И-и-и-и...

Он сбросил нас в нескольких километрах от предместий посреди гребанного НИЧЕГО. Мы с оливой даже не удивились. Справа и слева от дороги расстилалась прерия. Выл ветер.

Я осмотрел себя. Я взбесился. Моча ударила в голову, и Самара де Хин принялся сдирать с себя серые обноски, ругаясь на чем свет стоит.

Хо уселась на крупный песок и наблюдала за мной со странным кошачьим выражением.

Ни души, ни единой тачки. Бипер разрядился.

— Мудак рогатый! Мудацкая Мерелин! Ебаные Лефраны! Сучье Побережье! Где мои бабки?!

Я проорался и, стоя нагишом, показал Побережью два средних пальца. Весь имевшийся у меня запас.

Хо неожиданно напала на меня сзади и повалила на землю. Мы занимались любовью так, словно хотели лишиться всех несгоревших еще эмоций. Вытрясти из себя остатки разума. Олива скакала на мне, и я понимал, что быть оседланным зверем вроде нашего рогатого приятеля бывает не так уж плохо. Вот если б еще мелкие кактусы не впивались мне в спину!

Сделав трех гипотетических детишек, мы распластались на земле. Можно было вволю насмотреться вверх, смакуя остаточный кайф. Небо здесь было синим, не загаженным, а потому словно бы чужим.

— Отличная работа, — сказал я негромко.

Мной, наконец, овладело блаженное опустошение.

— А?

— Я говорю, если б ты не догадалась обмотать...

На этом силы мои закончились. Я вдруг подумал, что произошло нечто совершенно безумное и говорить об этом — значит потакать нашей чокнутой судьбе.

— Да, — Хо потянулась. — Вот он, наверное, удивился.

— Это точно.

Олива помолчала.

— Ты слышал... Голос?

— Перед тем как мертвец назвал меня предателем? А-ха.

— Думаешь в этих словах есть какой-то смысл? Я имею ввиду: разве можно быть верным тому, чего не знаешь и никогда не видел?

— Сомневаюсь. Откровенно говоря, для меня это все это не имеет значения. Мы с Люпаном находились в разных плоскостях. Такие люди как он видят, или думают, что видят, какую-то непреложную истину. С ними невозможно разговаривать на равных. Всегда будешь гвоздем, который нужно забить или выкорчевать. Ну так вот: иногда этот гвоздь может выскочить из доски и пробить плотнику башку.

— О, так мы злой рок Лефрана!

— Возможно. А возможно, ему просто нужно было сразу дать нам деньги за доспех и отправить домой. Или замочить. Но, видишь ли, мы были слишком незначительны и не до конца ему понятны. Поэтому нас можно было бросить в сундук, чтобы потом пафосно предложить пойти пехотинцами в светоносную армию. Он совершил типичную ошибку мессии. Перестал ценить чужое время.

— Господи, ты говоришь как Холи.

— Он многому меня научил за то время, пока мы общались. Полезно учиться у тех, кто сильнее.

— Люпану это навредило.

— Он слышал только то, что подкрепляло его бунтарское «Я». Действовал бы тоньше,

может и не пришлось бы его убивать, и те парни в городе не полегли на улицах ради безумия одного человека. На Лонге тысячи людей умирают ради безумия палочников. Но там хотя бы платят бабки, и никого не загоняют в кубрик силой. Короче... Если живешь в мире страшных фантазий, то не удивляйся что в одной из них из-под земли может выскочить пара нищих ребят, которые внезапно опустят занавес. Хаос — пожирает всех. Даже лучших своих адептов.

Хо повернула ко мне голову.

— Где мы возьмем бабки?

— Серьезно? — спросил я. — С такого охрененно философского разговора ты резко перескочила на деньги?

— Пофилосовствовали и хватит. Нам нужно быть приземленными донельзя.

— А-ха. Согласен с вами на сто процентов, леди Хо. В первую очередь нам нужно как-то добраться до города. Но сначала, может быть, еще раз потрахаемся? Тут такая... Как это говорится? Атмосфера дикой природы? Прямо тянет размн...

Хо без лишних разговоров пригласила меня побыть сверху.

Сэт Хoleyгула выжимал из Заразы последние соки. После того как высокая Жанна озвучила ему стоимость полного ремонта, он озверел настолько, что решил вырвать Побережье из земли и как следует его потрясти, чтобы оттуда вывалились, наконец, его рабы с его же, блин, хрустящими номами.

Надо ли говорить, что водительское место, в отличии от эспертуа, не совсем предназначалось для его роста? Когда колени хлопают тебе по ушам, раздражение только усиливается. Таким странным способом владелец Общества Должников настегивал себя как спортивного рысака.

У него болела поясница.

У него болела голова.

Но больше всего, у него ныли, как дырявые зубы, пустые карманы!

И он вовсе не волновался за Хо! Вот ни капельки!

Зараза хрипела и фыркала. Ребята Жанны подлатали ходовую, но за остальную работу эта лонгатская деревенщина требовала полный и немедленный расчет. «Я поставила ее на ноги в долг, по-нашему, по-тенебрийски, но даже между нами, тенебрийцами, есть деловые границы». Сказала Жанна. «И подумай насчет того, чтобы кем-то заменить Хина. Он угробит твой бизнес».

— Лично удавлю, — произнес Хoleyгула и хлестнул себя по ушам.

Водил он скверно, но по прямой мог ехать почти не виляя. Неплохой результат для человека ни разу не пытавшегося сдать на права.

Дыра в полу показывала серый асфальт.

Когда мы с оливой услышали звук приближающейся машины, то даже не пошевелились. Продолжали хладнокровно валяться, оттягивая минуту общего подъема. В конце концов она ехала не в ту сторону, которая нам требовалась. Даже когда тачка остановилась неподалеку, мы не пошевелились.

Послышался злобный хлопок. Потом еще один. И еще. Ясно, дверь не закрывалась как следует. За тачкой нужно следить, приятель.

— Я так и знал!

Мы с хо вскочили и принялись судорожно натягивать штотки.

— Я так и знал, что вы, кишечные черви, всюю брызгаете своей половой слизью вместо того, чтобы работать!

— Откуда он тут взялся? Куда ты зашвырнул мои трусы?! Самара!

— Сам-а-ара!

— Ты сама их зашвырнула! Блять, штаны слишком чистые, я не могу найти передние пятна. Шторм бы побрал этих миленьких прачек! Им не нужны никакие стиралки!

— Лучше бы тебе быть при деньгах, де Хин! Триста номов за тачку, она новая столько не стоит!

Произошла долгожданная встреча начальника с подчиненными. Сэт дернулся было к Хо, но удержался. Он критически осмотрел нас, жмущихся друг к другу, как вытасенных из-под мамки котят, а потом фыркнул.

— Я напугался до чертиков. Когда увидел, как вы тут лежите. Подумал, что вас шлепнули и бросили кормить падальщиков... Ладно. Бегом в машину. Расскажите мне все по дороге.

Якоб Фитцвиль смотрел на развалины «Вечного рабочего».

Вокруг толклась куча зевак и взмыленных касок. Местность оцепили намертво. Не было никакой возможности попасть не то что внутрь, но даже просто оставаться поблизости долгое время. На него и так начали посматривать. Именно сейчас рубашка (желтая в зеленый ромб) была совершенно некстати.

Фитцвиль сплюнул и пошел к оставленному неподалеку грузовичку. Он сделал все что мог. О, да. Хотя бы посмотрел издали. Если Гарольд не погиб в заварушке, то безопасно выволить его удастся не раньше, чем через месяц.

У грузовика его ждал сюрприз. Котик, эта жуткая улыбчивая псина, как раз заканчивал опрыскивать последнее колесо грузовика. Из-под машины раздался знакомый голос:

— Чел! Чел, это ты?

— Это я, а вы-то откуда взялись?

— Меня вышвырнули из вентиляции, когда ты... Уж не знаю, что ты там учинил, но было громко. Я упал на землю, а вокруг камни: бэм-бэм-бэм! Ну, думаю, вот и пришла мне крышка. И тут меня хватают за ноги и начинают волочь.

— За хвост Гарольд, за хвост.

— Ой, да ладно. Будем считать это одной здоровенной ножкой. Смотри какая мускулистая. Короче Котик меня спас.

— Странно, — Фитцвиль выволок Гарольда на свет, и вопросительно взглянул на рыжешкурого. — Мы лишили тебя дома... Вроде как.

— В-уф, — со сдержанной благодарностью ответил пес. — Ф-уф? Вуф-р-ау!

Он зевнул багровой пастью.

Фитцвиль поежился. Он мог поклясться, что Котик объяснил ему, что был ранней системой оповещения, прикованной к тысячнику. Но после гибели Верховного существа, обрел свободу.

— Да не за что, — осторожно произнес детектив. — Ну... Пока, что ли. Мы пошли Пока. До свидания. Всего тебе, — он запихнул Гарольда в кабину, — хорошего.

Пес снова пугающе осклабился. Как будто намекая, что речь идет именно о «до свиданья». Не зря же он так тщательно пометил колеса.

«Хорошо, что тачка не моя», — подумал Фитцвиль, и дал по газам.

— Ну так что? — он взглянул на Гарольда. — Куда тебе?

— Могучая девяносто, это недалеко, — тут же ответил пассажир. — Шторм. Поверить не могу, что мы выбрались из всего этого живыми, чел. Так что ты там устроил? Все получилось?

— Я бы не сказал. Но ты прав, остаться в живых — удачное решение.

— А девчуля? Как с ней?

— Думаю она выиграла больше нас с тобой.

— Отлично. Включи радио, у нас же праздник! Давай, чел! Гарзонского Воина!

Через минуту они уже орали во всю мочь: «Да! Я скала! Да! Немеряно бабла! Да Раздену догола! Твою подружку! Твою подружку!»

Надо сказать это здорово стравливало напряжение. Фитцвиль хотел дать Гарольду пятеру, но вовремя сообразил, что проще шлепнуть его по сморщенному боку.

— Как вообще вышло, что твоя семья не живет в Вечном? Разве в такие места принимаю людей со стороны?

— Видимо местные не горят желанием превращаться в гребанную сардельку, — Гарольд погрустнел. — Я проработал всего три месяца, и успел поднять немного номов для жены и детишек. Но не думаю, что их теперь надолго хватит. Да еще с таким папашей... Шторм. Знаешь что? Стой. Стой! Останови тачку!

Фитцаиль послушно въехал на тротуар, получив массу отрицательных отзывов от пешеходов. Что сказать, любое транспортное средство он водил как сволочь, потому что это соответствовало стратега детектива «на виду».

— Что не так?

— Я передумал, чел. Я не хочу возвращаться. Пусть лучше они думают, что я погиб под завалами.

Ретро издал мрачное «пу-пу-пу».

— И куда ты хочешь пойти вместо этого? Только не проси тебя пристрелить. У меня и ствола-то нет.

— Не, чел, — Гарольд принужденно хихикнул. — Просто оставь меня в подворотне. В любой.

— Тебя моментально сожрут бездомные фуги.

— Да и хер с ним! Хоть пользу принесу.

Они замолчали. Фитцвиль задумчиво скреб подмышкой. Потом снаружи кто-то походя жажнул кулаком по капоту, и детектив сказал:

— Придумал.

Он достал телефон. Он внимательно его осмотрел. Потом тщательно протер салфеткой из бардачка. Все-таки брючина и трусы не одно и то же.

— Справочная линия инфоманьяка Верту. Я вас слушаю.

— Слава Господу, ты ответил сам.

— Фитцвиль. Я же предупр...

— Стой-стой-стой! Я с хорошими новостями.

— От Хoleyгулы ничего не поступало. Ни цента.

— Ну так я сам подгоню тебе кое-что полезное. Точнее кое-кого.

— Ты меня пугаешь, Фитц. Взятся за киднеппинг?

— Нет, тут один чел прямо рвется у тебя поработать. Можно на полставки первое время.

Ведь рвешься, гарольд?

Бывший гарзонец утвердительно пискнул. Он не верил своему счастью.

— Погоди, погоди. А что этот «чел», собственно, умеет.

— Может услышать, как за пятью стенами муха на фикус насрала.

— И даже почувствовать! — крикнул Гарольд.

— Вот. Слышал? Я думаю, в твоём деле это будет архиполезно.

Верту молчал секунд двадцать. Ретро терпеливо ждал.

— Я знаю, что ты слегка рехнулся, Фитцвиль, но у меня как раз небольшой кадровый голод после того случая с... А впрочем неважно. Ладно, вези своего «чела». Я устрою ему пару тестов. Если он волчишка шарлатан, я занесу тебя в чёрный список.

— Да ты что! Нормальный мутант. Его можно закинуть в угол, и все будут думать, что это мешок картошки. Говорю тебе, идеальный выбор для прослушки. У него куча предложений, просто с руками рвут, но я порекомендовал тебя. По старой дружбе, разумеется.

— А ты что его агент?

— Мы очень давно знакомы. Он в курсе, что я знаю лучших людей города.

Теперь верту замолчал на все двадцать три секунды.

— Хорошо, слушай адрес...

Ретро несколько раз агакнул, а потом сбросил вызов, и удовлетворенно хлопнул по рулю. Тут же кто-то еще раз врезал по машине, и детектив вывел грузовик на дорогу.

— Дважды! — крикнул Гарольд. — Ты спас меня дважды, чел!

— Да ладно.

— Нет, не да ладно! Клянусь, если все срастётся, с первой же полочки проставлюсь так, что под стол упадешь.

— Подумай лучше о семье. Ты и так здорово помог нам.

— Нет я наставиваю! Я найду способ, как тебя отблагодарить... А все-таки она красotka, да? Твоя подружка.

— Для ожившего трупа очень даже ничего.

— Что?

— Что?

Гарольд покряхтел, елозя на сиденье. С ремнем безопасности он выглядел как пристегнутая говяжья печень.

— Ты странный, но я уже это говорил. Давай так. В случае чего ты тоже можешь рассчитывать на мою помощь. Совершенно бесплатно. Ты же детектив, я тебе пригожусь.

— По рукам... Извини. Надеюсь, что ты теперь заживешь на широкую ногу. Ха!

— Чел, ты ужасен. Я сам в возрасте, но никогда не буду так шутить. Это юмор отчаявшихся мужиков с пузом. Заканчивай.

— Твоя правда. Отпускать такие глупые шутки нам не с руки.

— Просто отвези меня на место.

Ретро был вполне доволен собой. Он передал Гарольда изумленным ребятам Верту и объяснил, как им пользоваться. Впрочем, сам гарзонец быстро нашел с ними общий язык.

— Я позвоню тебе, как только дела пойдут, — пообещал Гарольд. — Удачи тебе, чел.

— Спасибо. Тебе понравится у Верту. Он хорошо относится к своим работягам.

Ретро сел в машину и подумал о доме. Настроение его сразу поползло вниз. Он понятия не имел, что делать. История с Уникой, который ехал крышей вместе со своими

подопечными произвела на него определенное впечатление.

Постоянная опека не решает проблемы.

Для Фитцвиля это была очень сложная мысль. Он буквально чувствовал сопротивление в черепашке. К тому же вмешательство близнецов оказалась очень кстати. Стоит ли отказываться от нее? Они в безопасности, они не торчат, они, впервые в жизни, помогают папочке. Якоб понятия не имел, что способен видеть их души. Пусть исключительно во время помешательств.

Якоб схватился за голову. Что он такое думает?! Держать ребят в состоянии овощей, чтобы они прикрывали ему жопу? Это вовсе не то же самое, что искать знаки в надписях на футболках. Очень похоже на типичного злого волка.

Наверное Бритти поэтому так испугался его «шутки». Даже ему такая жестокость показалась невыносимой. Но как тогда поступить? Просто отпустить близнецов? Отпустить навсегда? На верную смерть?

Проклятье!

Фитцвиль навалился на спинку.

Зазвонил телефон.

— Шеф? Да? И как они? Я так и думал. Бездарные нахлебники. Хо — красotka, и этого хватит, но у Хина нет никаких оправданий... Я? А что я? А, вы имеете ввиду деньги. Нет, их у меня нет. Но дело раскрыто, если вам от этого полегчает. Я так и знал. Жаль. Да. Сейчас буду, только забегу домой. Очень нужно.

Он понимал, что не примет решение прямо сейчас, но был уверен, что сделает это в ближайшее время. Больше тянуть нельзя. Пока он не набрал достаточно денег, ему снова придётся вытаскивать детей из притонов и прокапывать вены. Или оставить все как есть? Якоб взглянул перед собой и увидел парня с надписью «Сердце подскажет». Сам орган был изображён с анатомической достоверностью, но с маленькими торчащими ручонками, одна из которых показывала большой палец.

— Я не знаю.

Ретро смотрел на спящих детей.

— Не знаю, как поступить. Я люблю вас, это правда. Это чистая правда. Может любовь стать злым чувством? Наверное может, раз мы все так мучаемся. Давайте так... Вы продержитесь месяц без наркоты. Всего месяц. Но взамен дадите мне год. Я клянусь, что добуду деньги.

А если не справлюсь, отпущу вас навсегда.

Головы близнецов одновременно дернулись. Согласие было получено.

Сэт впервые не лег на диван. Он сидел, напряженно выпрямившись и смотрел в пустоту.

— Холи, — позвала олива. — Не переживай. Все нормально. Никто не будет нас преследовать. Для них мы герои.

Я помалкивал, очень осторожно мешая чай деревянной палочкой.

— Если б я не знал, что у вас обоих мозгов вскладчину как у одного фуга, то подумал бы, что вы все это выдумали, — заговорил Холи без интонации. — Я не переживаю. После такого бедлама они лет десять с Побережья носа не покажут.

Он помолчал.

— Нужно было выкинуть эти нечистые железки. Эх, знал бы прикуп, жил бы в Зеленом. Просто изумительно насколько вы бесполезно удачливы. Пережить такое и не унести с

собой хотя бы золотую ложку из чьей-нибудь задницы. Они же все там с такими ходят. Ох, Самара...

— Он не виноват, — сразу ставила Хо.

— Помолчи, — шикнул Холейгула. — Помолчи, ради белых елей. Ты меня доведешь зеленка! Какого черта ты побежала с этим гопником? И не надо мне говорить, что, если б не ты, он был бы уже мертв. Это и так понятно.

Он глотнул из фляжки.

— Говно какое. Видишь, как руки трясутся? Дура.

— Ты так меня любишь, Холи-и-и-и, — Хо улыбнулась во все сорок. — Я тоже тебя люблю.

— Замолчи, или я выброшу тебя в окно как Лодью. Все замолчите!

— Я и так молчал.

— Тихо! Так. Нужно подбить итоги.

Он все-таки лег, а у меня *отлегло* от сердца. За то время пока мы ехали в машине, я несколько раз оказывался на волосок от смерти. Во всяком случае мне так казалось.

— Итак, — начал Сэт. — Вы — проебались. Ретро — проебался. Денег — нет. Подведение итогов — окончено.

— У нас абсолютный ноль? — спросила Хо. — Вообще ничего?

— У нас всегда минус, — мрачно напомнил Сэт. — Чтобы выйти в ноль вам нужно было поработать, а вы вместо этого устроили гражданку на Побережье и сидите теперь бесите меня своими глупыми мордами. Хорошо хоть я кое-что заработал.

— Так деньги есть? — обрадовалась олива.

— Они нужны мне, — отрезал Сэт. — Если я пропущу еще месяц, отец точно пошлет за мной арк-коллекторов. Да, я знаю Хин, что у тебя ситуация хуже, но свои настоящие руки я люблю больше, чем метафорические. Одну такую маленькую, кривую, неуклюжую, лонгатскую ручонку.

— Все в порядке, майор. Правда. Месяц и правда был паршивый. Придется грабануть что-нибудь. Рано или поздно я бы все равно к этому пришел.

— Не стоит включать фаталиста, мой принц. У тебя целая ночь в запасе. У всех нас. Что-то может подвернуться. Деньги любят появляться внезапно.

Это была неправда. Так они делать точно не любят. Они любят исчезать, вот их главная страсть. Я совершенно не злился на майора. Мог он пожертвовать Самарой де Хином или нет, значения не имело. Общество Должников было местом для отчаявшихся людей, и не передать как много значит для такого бедолаги шанс. И Сэт Холейгула постоянно дает нам такие — один за другим. За это я благодарен ему сверх всякой меры. А удача... Да, она и впрямь очень странная штука. Как говорить: «иногда так повезет, что лучше пешком пройти».

— Я пойду с Хином на ограбление.

— Никуда ты не пойдешь! И хватит шуршать! Что там у тебя?

Я взглянул на оливку. Она сидела за столом и нервно трещала пачкой обесцвеченных купюр. Тр-р-рыть — пальцем. Тр-р-рыть.

— Ты взяла их с собой? — удивился я.

— Ну да, — Хо вздохнула и бросила пачку на столешницу. — Как сувенир. Положила их под свое сиденье и забыла. Сейчас вот нашла по дороге.

— Что это? — Сэт приподнялся на локте.

— Обесцвеченные деньги, — объяснил я.

— Подробнее.

Я объяснил подробнее. Лицо Сэта застыло.

— И сколько, говоришь, там было этих «обесцвеченных» денег?

— Восемь поддонов.

— А сколько бы влезло в Заразу?

Я удивился.

— Да хрен его знает.

— Если посчитать, — мгновенно нашлась Хо, открывая свою книгу. — Один куб был примерно... Площадь салона городской... М-м-м... Два с половиной поддона мы бы, наверное, загрузили. Но только если очень аккуратно и при условии, что эспертуа тоже пошло бы в дело.

— Ага, — ответил Сэт, и снова лег. — Два с половиной. Милая моя девочка, а пощупай-ка, есть ли там в центре бумажки квадратное утолщение. Сантиметр на сантиметр.

Хо вытасила одну «купюру» и сосредоточенно потыкала ее указательным.

— Вроде да.

— Два с половиной поддона, — прошептал Сэт.

— Да в чем дело? — не выдержал я.

— Дело в том, мой дорогой свинопас, что с недавних пор в деньги, идущие с материка на материк, стали вшивать защиту от выгорания. Этой технологии года полтора. Хо, будь душка, разомни купюру как следует.

Олива сделала как просил Сэт. Она согнула ее пополам потом свернула в трубочку, потерла пальцами, как вдруг:

— Пленка. Тут пленка.

— И эта пленка отходит, — продолжил Холейгула меланхолично. — И под этой пленкой... что?

— Это двухсотые!

— Надо же. Я был уверен, что будут пятерки, или даже палки.

Я сидел с открытым ртом. А потом заорал:

— Я же не знал! Откуда я мог знать?! Откуда мне знать такие вещи?!

— Правильно, неоткуда, — согласился Сэт. — Не ори, Хин. Все нормально. Это действительно очень специальная информация, которую отсталым знать не положено... да и незачем вообще-то. Номы с тенебрийскими номерами? Начинаются с трех восьмерок?

— Да, — рот у Хо был до ушей. Потом она скуксилась. — Подожди. Так мы что... Мы проебали целое состояние?

— Все нормально, — еще раз сказал Сэт. — Это действительно не ваша вина. Если б я не бил вас по шее за каждую минуту трафика, вы бы скорее всего позвонили мне и задали наводящие вопросы. У Хина и вовсе телефона до сих пор нет. Только бипер. Отпустите ситуацию... Это были не наши деньги.

Мы с Хо обмякли.

Потом переглянулись. Она хихикнула. Я тоже заржал.

Вошел Ретро.

— А чего это вы ржете? Что смешного? Вы же обосрались, как и я.

Мы не унимались.

— Ясно. Спятели от стресса. Мне вышвырнуть этих дебилов, начальник?

— И сам тоже с ними... Да заткнитесь вы! И сам тоже с ними вышвырнись. Отвезите тачку к Жанне, потом каждый берет себе по косарю. Кроме Хо. Тебе как обычно, ты знаешь почему. Мне — два! Остатки в сейф. И купите пива. Много пива, что б каждый аж согнулся. И поест. Бухнем.

— А за чей счет... — начал Фитцвиль, но мы его вытолкали.

После всех первоочередных дел, я заглянул в круглосуточный филиал Крашелл и внес в окошечко гроши. Чистить купюры было муторно, но мы были так воодушевлены, что справились за десять минут.

Я пересчитал сдачу. Осталось сорок три нома на шикарную жизнь. Что ж, лучше, чем ничего. Может быть, даже удастся прикупить поддержанную электрическую плитку.

Хо и Якоб, тем временем, обносили полки мимомаркета. Нести покупки предстояло на своих двоих, ведь Зараза досталась Жанне. Она была рада как истинный тенебриец, получивший оплаченную возможность помочь другому истинному тенебрицу. А я, в свою очередь, радовался за тачку. Она заслужила лучший возможный ремонт.

Мы встретились в условленном месте.

— Ну что ты смотришь? — прохрипел Ретро.

Олива навьючила его как ишака, а сама шла налегке и лизала соевое мороженное. В руке у нее был только пакет со всякими сладостями.

— Не взяла Доступной? — спросил я, принимая половину пакетов у Якоба.

— Завтра мне нужно будет сходить к разводчице узнать насчет нового мужа, — сказала олива, погладив меня по руке. — Не хочу вонять перегаром. Там все всё понимают, но бездетные алкоголички один хрен не приветствуются. Это... неприлично.

— Не удивительно, — сказал Якоб. — Вы же так вымрете. Вот это точно было бы неприлично с вашей стороны. Все любят зеленые попки.

— Цыханки нарожают достаточно, — возразила Хо. — Впрочем, может и я заделаю дочку. Годам к тридцати, когда скоплю достаточно денег.

— А если раньше залетишь от Хина? Такое редко, но бывает.

— Брошусь с моста. Так обычно делают, когда беременеют от лонгатов. Даже сами лонгатки.

— Смешно, — признал я. — Так что там у тебя случилось с дедулей, дедуля?

— Нет уж, вы сначала расскажите, что там с доспехами.

Так за разговорами мы добрались до Перспектив, и ввалились в офис. Сэт курил в окно, а за столом сидела наисочнейшая малышка полу-фуг, которую я только видел в своей жизни.

— Еще раз спасибо! — крикнула она. — До встречи моя сладкая хлебная палочка! Привет ребята!

Она прыгнула со стула и прошла мимо нас, качая бедрами словно психологическое оружие настроенное валить мужиков пачками.

— Вот это задница, — сказала Хо, когда захлопнулась дверь.

— Да, — признал Якоб. — Потрясающая девица. Правда, хлебная палочка?

Сэт вдавил окурок в ладонь. Ангельское личико ангельски сморщилось.

— Что-то случилось? — спросил я, начиная разбирать пакеты.

Часть снеди Хо утащила в холодильник, остальное Фитцвиль расставлял на столе.

— Стичигерн-Ра подало на меня жалобу в Компанию, — сказал Сэт беззаботно. — Завтра к двум часам отвезешь меня к ратуши. Хо — у тебя выходной. Господин Фитцвиль,

для вас есть работа, подробности расскажу, как протрезвеем. Напомни мне!

— Отлично! — радостно отозвался Ретро.

Затем мы подтащили кресла к рабочему столу, и принялись куролесить.

— А потом, — мелодично бормотал захмелевший Сэт, — я кинул в Коини пакетом с охлаждающим комбинезоном. Но тот не взорвался. А как зрелищно было... б-ыа... бы.

— Да с чего ты решил, что комбинезон взорвется? — смеялась Хо. — Это что тебе, динамит?

— Потому что я взял паленую реплику у Вричи. У него все взрывается.

— Криомасса не может взорваться, — олива от смеха сползла под стол, но мы ее вытащили.

— Зато может подтекать, — вздохнул Сэт. — В колене что-то перетерлось, я думал нога отвалиться.

— И где он сейчас? — спросил я, наливая себе еще кружечку.

— В кладовке. Я завернул в него пиво. На... х-ик!.. завтра.

— Отличное решение, — одобрил Ретро. — Слава вождю, самому предусмотрительному палочнику в мире!

— Подожди, — Сэт подлил в пиво из фляжки. — Давайте выпьем за Должников. За нас. Я очень рад, что вы не подошли, мои паразитики.

— За Должников! — хором согласились мы.

И, разумеется, выпили.

В какой-то момент нас ожидаемо понесло на улицу, потому что в офисе от дыма уже не светили лампы. Ретро и Хо обнимались, пели и вскидывали ноги. Сэт добивал пачку, сидя прямо на бетоне.

Я отошел к углу здания пытаюсь оживить зажигалку, но бесполезная коробочка только плевалась искрами. В темноте я увидел машину. В ней маняще сверкал красный огонек. Вот кто даст мне прикурить.

Машина была обыкновенной труповозкой. Сигарета слабо освещало лонгатское лицо. Больше в салоне ничего было не разглядеть.

— Здорово земляк, — сказал я приближаясь. — Дай прикурить.

— Арова. Земляк.

Что-то сверкнуло у меня в мозгу, и я понял, что — все. Сейчас меня пристрелят. Лонгат затянулся, и я окончательно узнал рыжего длинномордого ССТ-шника с которым Хо дралась в грузовике.

— Компания ередает ривет, — он осклабился. — Я должен был ыловить бя на неделе, но ты рям ищешь роблемы, а, Хин?

— Ходить будет?

Я смотрел в дуло пистолета. Мой остался в офисе.

— А?

— Говорю, та чернокожая красотка которой я прострелил ногу, уже на пенсии по ранению?

— А! А-ха-ха! Нет, Джилл еще послужит. Ты првал ей мякотку. По кости только легка чиркнуло. Ну че мотришь? Кури.

Клик. Из ствола вырвался голубоватый конус. Я сунул в него сигарету и затянулся. Ну и дела.

— Григорий Клим гврит псибо. И надеется на дальнейшее... Это. Сотрудничество. И я

тож. Ты вообще ебанутый, Хин. В курсе? Ладно, болтать пока не время. Вот, возьми это и вали. Свидимся.

Я поймал что-то округлое, и, совершенно протрезвевший, пошел прочь от уезжающей тачки. Дошел до веселящихся ребят и только тогда взглянул на ладонь.

Фамильный круг Хинов. Потертый, порезанный, но настоящий. Именно тот, который я сдал в ломбард десять лет назад.

Вот бабуля бы обрадовалась.

Больше книг на сайте - Knigoed.net